

Глас Бертрам Джеймс История розги (Том 1)

Бертрам Джеймс Глас

История розги. Том 1

Перевод с английского А. Б. Головин

Книга рассчитана на врачей, юристов, историков

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ РЕДАКЦИИ

ВВЕДЕНИЕ

СПОРНЫЙ ВОПРОС НАУЧНОГО ХАРАКТЕРА

КРАТКИЙ ОБЗОР ДРУГОГО ИЗУМИТЕЛЬНОГО СПОРНОГО ВОПРОСА

ФЛАГЕЛЛЯЦИЯ У ЕВРЕЕВ

ФЛАГЕЛЛЯЦИЯ У РИМЛЯН

ФЛАГЕЛЛЯЦИЯ В ХРАМАХ

ФЛАГЕЛЛЯЦИЯ У КАРМЕЛИТОВ

ФЛАГЕЛЛЯЦИЯ У ТРАППИСТОВ И ДРУГИХ МОНАШЕСКИХ ОРДЕНОВ
(МОНАХОВ И МОНАШЕНОК)

ФЛАГЕЛЛЯЦИЯ У ФРАНЦИСКАНЦЕВ И У ПОДОБНЫХ ИМ ОРДЕНОВ

ФЛАГЕЛЛЯЦИЯ У КАРТЕЗИАНСКИХ МОНАХОВ

ФЛАГЕЛЛЯЦИЯ У ДОМИНИКАНЦЕВ В СВЯЗИ С ИНКВИЗИЦИЕЙ

ФЛАГЕЛЛЯЦИЯ У ИЕЗУИТОВ

СЕКТА ФЛАГЕЛЛЯНТОВ

ФЛАГЕЛЛЯНТЫ

КОРНЕЛИЙ АДРИАН И ТЕЛЕСНЫЕ НАКАЗАНИЯ

ЗНАМЕНИТОЕ ДЕЛО МОНАХА ЖИРАРА И МИСС КАДИР

НАКАЗАНИЕ РОЗГАМИ.

НАКАЗАНИЯ РОЗГАМИ УГОЛОВНЫХ И ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРЕСТУПНИКОВ

НАКАЗАНИЕ РОЗГАМИ ВОРИШЕК И КАРМАННИКОВ

СУДЕБНЫЕ И ЦЕРКОВНЫЕ НАКАЗАНИЯ В ШОТЛАНДИИ

ФЛАГЕЛЛЯНТИЗМ В ШОТЛАНДИИ

НАКАЗАНИЯ РОЗГАМИ В ТЮРЬМАХ

ПРЕСЛОВУТЫЕ ЦЕЛЕБНЫЕ И МЕДИЦИНСКИЕ СВОЙСТВА РОЗГИ

ТЕЛЕСНЫЕ НАКАЗАНИЯ В НЕБЕСНОЙ ИМПЕРИИ

НАКАЗАНИЕ РОЗГАМИ НА ВОСТОКЕ

РОЗГА В ОДНОМ ИЗ ВОСТОЧНЫХ ГОСУДАРСТВ

КНУТ

РОЗГА В РОССИИ

ГРУСТНАЯ ИСТОРИЯ МОНАШЕНОК В М.

ФЛАГЕЛЛЯЦИЯ В АФРИКЕ

ФЛАГЕЛЛЯЦИЯ В АМЕРИКЕ

ЭКЗЕКУЦИЯ РАБОВ

ФЛАГЕЛЛЯЦИЯ ВО ФРАНЦИИ

ФЛАГЕЛЛЯЦИЯ ВО ФРАНЦИИ (ПРОДОЛЖЕНИЕ)

РОЗГА В ГЕРМАНИИ И ГОЛЛАНДИИ

НАКАЗАНИЯ В ВОЙСКАХ

ВОЕННЫЕ НАКАЗАНИЯ. ЭКЗЕКУЦИЯ ЗОМЕРВИЛЛЯ

ТЕЛЕСНЫЕ НАКАЗАНИЯ ВО ФЛОТЕ

О ДОМАШНЕМ СЕЧЕНИИ ЗА ГРАНИЦЕЙ

ВЫДЕРЖКИ ИЗ ДНЕВНИКА АРИСТОКРАТКИ

ВОСПИТАНИЕ В АНГЛИЙСКОЙ ШКОЛЕ ДЛЯ БЕДНЫХ СТО ЛЕТ ТОМУ НАЗАД

ШКОЛЬНЫЕ НАКАЗАНИЯ
ЕЩЕ АНЕКДОТЫ О ТЕЛЕСНЫХ НАКАЗАНИЯХ
О ТЕЛЕСНЫХ НАКАЗАНИЯХ МОЛОДЫХ ДЕВУШЕК
КОРРЕСПОНДЕНЦИИ О НАКАЗАНИИ РОЗГАМИ В ЖУРНАЛЕ "FAMILY HERALD"
РОЗГА В БУДУАРЕ
ИНСТРУМЕНТЫ И ПРИСПОСОБЛЕНИЯ ДЛЯ СЕЧЕНИЯ
ЭКСЦЕНТРИЧНЫЙ И ДРУГОЙ ФЛАГЕЛЛЯНТИЗМ
РАЗНОЕ
ОТ РЕДАКЦИИ

Настоящее издание "Истории розги" является литературно и библиографически обработанным вариантом одноименной книги, дважды возникавшей уже на горизонте русского библиофила. Причем оба предыдущих раза были самым непосредственным образом обусловлены состоянием отечественной внутриполитической жизни. Так, свобода печати, провозглашенная в ходе первой русской революции, позволила в 1906 г. петербургскому издателю Н. С. Аскаржанову на свой страх и риск познакомить читателей с "Историей розги", уже весьма известной в Европе. Никаким преследованиям издательство, по-видимому, не подверглось, а потому осуществило позднее повторный выпуск этой неординарной книги. Но тут Главное управление по делам печати наконец спохватилось; резкое охлаждение образованного общества к радикальным преобразованиям позволило цензуре взять реванш. В годы реакции, как отмечал тогда же составитель "Библиографического ежегодника" И. Владимиров, происходит "усиленная конфискация изданий, выдвинутых революционным подъемом 1905-1907 годов". Судя по "Указателю конфискованных изданий", среди общего числа изъятых из обращения книг более 50% оказалось выпущенных именно за три революционных года. Не избежала подобной печальной участи и "История розги": ее третий том был конфискован в 1912 г. и, возможно, уничтожен.

Революция 1917 г. открыла шлюзы для всякого рода запретных тем в литературе, но ни в годы гражданской войны, ни, тем более, позже, когда в дело вступила большевистская цензура (в отношении книг это случилось в 1922 г.), сочинение "доктора Купера" не издавалось ни разу и постепенно превратилось в большую редкость. Немногие ценители знали и любили эту книгу; к началу 1980-х годов цена за экземпляр хорошей сохранности доходила до 350 рублей, но уже тогда аскархановское издание вообще практически не встречалось.

В 1991 г., в условиях, когда большевистская цензура приказала долго жить, "История розги" вновь пришла к читателям. Издательство "Интербук", в деятельности которого принимают большое участие такие флагманы издательского дела, как "Прогресс" и "Книга", с их штатом высококвалифицированных редакторов, выпустило книгу в свет. Тираж 50 тысяч экземпляров мгновенно разошелся, не дойдя до прилавков. Однако выпущенная книга оказалась ... заново набранной по старой, дореволюционной орфографии. Изготовить этот "каприз", этот странный муляж репринтного издания удалось в Харькове, где, видимо, сохранились как традиции русской текстологии, так и опыт обращения с необходимыми литерами. Несомненно, экземпляры данного издания в ближайшее время станут большой библиографической редкостью из-за столь необычного способа печати.

Заслуга "Интербука" перед читателями могла бы быть еще больше, если бы выпущенная им книга была снабжена пояснениями, приоткрывающими завесу тайны над именем автора этой незаурядной работы. Кроме того, являясь, по сути, перепечаткой аскархановского издания, книга 1991 года слепо копирует все погрешности перевода, сделанного наспех, небрежно. Мы постарались по мере сил восполнить эти недостатки, литературно обработав текст и проведя библиографическое исследование.

Итак, Джеймс Глас Бертрам (Тиллмут, 1824-1892, Глазго), укрывшийся под псевдонимом "доктор Купер", - довольно известный у себя на родине историк и литератор. О жизни его удалось узнать не слишком много, зато тщательно описанные английскими и американскими библиографами работы Бертрама дают хорошее представление о личности

автора. Этого вполне достаточно для нашей краткой справки.

В ранней молодости Джеймс пешком пришел в столицу родной Шотландии Эдинбург, где поступил на службу к некоему В. Тэйту, собственнику "Журнала Тэйта", у которого вскоре сделался доверенным секретарем. Набравшись опыта, Бертрам в начале 1850-х годов и сам становится издателем. В историю шотландской журналистики он вошел как пионер дешевой прессы для массового читателя: его газета "Северный Брайтон", выходящая в Эдинбурге, стоила ровно один пенс. А следом он основал вечернюю газетку, называвшуюся просто "Полпенни", что соответствовало действительности. Однако попытка издавать "газету-копейку" была преждевременной: доходы не покрывали расходов, и Бертрам был вынужден прекратить это дело. Несколько времени спустя он пытается основать новую газету консервативного направления "Новости Глазго" (1873 г.), однако вскоре и эта затея приходит к концу. Оставив "Новости", он навсегда прощается с собственным издательским бизнесом и становится ведущим сотрудником других газет и журналов, таких, как "Квартальное обозрение", "Журнал Блеквуда", "Журнал Фрезера", "Журнал Чемберса". Главная тема его публикаций - спорт, особенно рыбная ловля, и сельское хозяйство.

Журналистика далеко не исчерпывала всех возможностей, способностей и склонностей Бертрама. Так, какое-то время он играл в театре; однако его рефлектирующая натура наблюдателя помешала полностью отдаться карьере артиста. Но главное призвание нашего автора - история быта и нравов человеческих.

Судите сами. Он дебютировал в 1858 г. в Эдинбурге в качестве автора театроведческого сочинения, вышедшего отдельной книжкой: "За кулисами; исповедь бродячего актера. Сочинение Питера Патерсона, последнего комедианта Королевских и Деревенских театров". И почти одновременно, там же и тогда же - "Прибрежный рыболов; Путеводитель по Твиду и его притокам, а также другим рекам, находящимся в пределах Северной железной дороги, с точной картой всего района". В том же году, но в Лондоне, выходит "Повесть о похищенном наследнике" в трех томах. Такой разносторонний дебют позволяет заключить, что автор, во-первых, сочетал в себе пристрастие к фактической достоверности с художественным воображением, во-вторых, не прочь был слегка мистифицировать публику, выступив под псевдонимом или анонимно, а в-третьих, был достаточно талантлив, чтобы заделаться профессиональным литератором. И в дальнейшем, до самого конца своей жизни, Бертрам продолжал оправдывать эту характеристику. Его сочинения, какой бы темы они ни касались, отличаются документальностью, профессионализмом и живой художественностью изложения. А также пристальным вниманием к бытовой стороне жизни людей в самых разных ее проявлениях: пища, спорт, развлечения, нравы, преступления и... наказания. Вот хронологический перечень других его работ. "Взгляд на истинную жизнь, каковой она предстает в мире театра и богемы; исповедь Питера Патерсона, странствующего комедианта" (Эдинбург, 1864 г.); "Морская жатва: дань естественной и экономической истории съедобных рыб Британии" (Лондон, 1865 г.; с иллюстрациями, выдержала четыре издания); "Общественная язва" (Эдинбург, 1867 г., в 1869 г. переиздана там же под названием "Общественная язва; новый взгляд на занятие проституцией в Эдинбурге"); "Вся правда и ничего, кроме правды, об общественном зле в Эдинбурге; наиболее полное и глубокое исследование" (Эдинбург, 1868 г.); "Флагелляция и флагеллянты: история розги во всех странах с древнейших времен и до наших дней" (псевдоним: член Британской академии Вильям М. Купер; Лондон, издатель Ю. Хоттен, 1870 г.; выдержала еще два издания в Лондоне, а также в Дрездене, Гарварде и других местах); "Недооцененный Народ рыбаков: круг их жизни и трудов" (Лондон, 1883 г.); "Спорт на открытом воздухе в Шотландии: структура и отношения. Охота на оленя, стрельба по куропаткам, ужение лосося, гольф, келинг и т. д." (псевдоним: Эллангован; Лондон, 1889 г.); "Спортивные анекдоты, или забавные хроники, описания, небывальщина и истинные случаи, относящиеся до скачек, пари, карточных игр, кулачного боя, азартных игр, петушиных боев, пеших прогулок, охоты на лис, рыбалки, стрельбы и другого спорта" (псевдоним: Эллангован; Лондон, 1889 г.); "Главный приз скачек: хроника Дерби от победы Диомеда до

таковой же Донавана" (псевдоним: Луи Генри Керзон; Лондон, 1890 г.); "Зеркало скачек или разоблаченная механика конных состязаний, показывающая спорт королей каков он есть сегодня" (тот же псевдоним, Лондон, 1892 г.). Последняя работа, видимо, задела интересы весьма многих влиятельных лиц: журнал "Атенеум" в июльском номере того же года поместил злопыхательскую рецензию на книгу, но Бертраму это было уже все равно: 3 марта он умер.

Как без труда обнаружит внимательный взгляд, труды Бертрама отличает еще одно важное качество: пристрастие к разоблачениям несколько скандального свойства, идет ли речь о театре, спорте или общественных нравах. Наиболее полно писатель смог потешить себя в этом отношении., работая над "Историей розги", в чем легко сумеет убедиться читатель. Впрочем...

Не имея возможности осуществить новый полный перевод, мы были вынуждены пользоваться русским оригиналом, изданным "Интербуком" и восходящим к книге, выпущенной в начале века Аскархановым. Поэтому мы не ручаемся за полную аутентичность нашей книги и оригинала. В этой связи хотелось бы сказать несколько слов об особенностях текста, легшего в основу настоящего издания.

На титульном листе первого тома аскархановского трехтомника стоит: "С последнего английского издания перевел д-р медицины А. Б. Головин". Сколько можно судить, сравнивая этот том с английским и немецким текстом, перевод вполне им соответствует. Что же касается двух других томов, то, хотя трудно утверждать с уверенностью, но некоторые соображения позволяют предполагать издательскую мистификацию. Несмотря на уверения переводчика, некоего "доктора медицины А. 3-го" (кто скрылся за этим криптонимом, неизвестно), что перед нами "полный авторизованный (то есть подтвержденный самим автором. - Ред.) перевод", мы скоро наталкиваемся на ряд несообразностей. Так, к третьему тому приложено обращение "от автора" с просьбой присылать любые сведения, относящиеся к телесным наказаниям, а примечание переводчика содержит обещание перевести и передать эти сведения автору. Обещание и просьба довольно странны, если учесть, что автор уже лет пятнадцать как покоился на эдинбургском кладбище. Далее, хотя текст перед нами явно переводной, местами даже напоминающий не лучшего качества подстрочник, в него включены фрагменты, также выдающие анахронизм. Приходится с вниманием отнестись к предупреждению, украшающему титульный лист второго тома: "Полный перевод с английского... со многими дополнениями". Нельзя исключить, что в основе двух последних томов действительно лежит английский текст, возможно даже относящийся в какой-то степени к Бертраму. Однако определить долю участия в нем издателя И переводчика мы не беремся, равно как и отделить все "дополнения" от основы. Впрочем, в одном месте Н. Аскарханов честно признает интерполяцию: составителем раздела "Розга в России" прямо назван А. 3-й. Достоверность различных сведений, вошедших в этот раздел, далеко не равноценна: так, автор, по-видимому, совершенно не знал, что телесные наказания были отменены для дворянства - при Екатерине Второй, а для духовенства - при Павле Первом, а также многого другого. Однако резкая и доказательная критика современного переводчику положения вещей - безусловно убедительна и составляет сильную сторону "дополнений". Не это ли обстоятельство и послужило некогда , причиной запрещения книги? Подробный анализ текста - проблемы его аутентичности выходит за рамки данной статьи. И мы, оставляя все эти вопросы на совести первых отечественных издателей "Истории розги", предлагаем ее читателю не только как интересное историческое исследование, но и как памятник нашей бесцензурной литературы, порожденной первой русской революцией и перестройкой.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Д-р В. Купер

ИСТОРИЯ РОЗГИ во всех странах с древнейших времен

(флагелляция и флагеллянты)

С последнего английского издания перевел доктор медицины А. Б. Головин

Том первый

ВВЕДЕНИЕ

Некий школьный учитель рассказывал, что в течение своей пятидесятилетней деятельности он нанес около полумиллиона палочных ударов и сто двадцать четыре тысячи ударов плетью! Если бы этот педагог жил во времена мудрого царя Соломона, то, конечно, он был бы мил и дорог сердцу последнего. Вот уж поистине образец учителя того "доброго старого времени", когда все преклонялись перед дисциплиной, не жалели розог и не потакали детям. Счастливые школьники наших дней имеют самое смутное представление о том времени и о той строгости, в которых жили и учились наши отцы и деды. Теперь наказание розгами почти вышло из моды; вообще, нынешняя розга это тень той, что существовала лет сто тому назад; ее можно сравнить с игрушкой, если представить себе ужасное орудие наказания давно прошедших, слава Богу, времен.

В те "давно прошедшие" времена розгу применяли далеко не к одним лишь мальчикам. Постепенно она возводилась до степени символа авторитетности, перед ней дрожали даже бородатые мужчины, в тиранических руках своих держали ее и короли, и завоеватели, и владетельные особы седой старины. В этом может убедиться каждый, обратившись к историческим источникам.

Телесные наказания известны чуть ли не со дня сотворения мира: об этом повествуют нам самые древние авторы. И нет никакого сомнения в том, что розга оказала огромное влияние на судьбы человечества, причем в эволюции общего прогресса разновидности телесного наказания играют довольно видную и интересную роль. Из истории язычества мы черпаем массу сведений о тех многообразных родах телесного наказания, где розга занимала первое место. Так, например, спины колодников, рабов и пленных подвергались безжалостной и как бы на роду написанной им экзекуции розгами. Плеть или, как ее принято называть в общежитии, плетка явилась на сцену гораздо позже, уже во времена христианства. Особенно хорошо известна была розга древним персам, и даже знатнейшие в государстве не были избавлены от наказания ею, причем существовал обычай- еще и теперь практикующийся кое-где на Востоке - после экзекуции приносить всеподданнейшую благодарность за "милостивое наказание". Такой "этикет", к сожалению, еще недавно был в моде среди особенно жестокосердых педагогичек.

В позднейшие времена знатные персы были изъяты от личного наказания. Мы говорим "личного" потому, что, вместо тела, экзекуции подвергалось платье провинившегося, по которому палач усердно прогуливался плетью. Таким образом, жестокая порка заменялась чисто символическим наказанием, и правы, пожалуй, те, которые утверждают, что именно в это время возникла у персов поговорка "о правах для богатых и о правах для бедных".

До основания Рима плетка ежедневно усердно прогуливалась по телу рабов, причем древние римляне считались великими маэстро и художниками по части применения этого милого "инструмента". Как в сатирах Ювенала, так и в трудах различных писателей того времени встречается обильное количество примеров, прекрасно иллюстрирующих всю тяжесть современного телесного наказания. Судьи того времени, находясь при исполнении служебных обязанностей, были буквально окружены целой массой кнутов, плетей и розог. Есть основание предположить, что подобным декорумом имелось в виду нагнать страх и ужас на всех, обращающихся к услугам юстиции. Все эти орудия пытки носили различные имена. Для слабо провинившихся, подлежавших легкому наказанию, предназначалась так называемая *ferula*, для более тяжких преступников предназначались и более сложные наказания, среди которых наиболее ужасным было страшное *flagellum*. Судьи древнего Рима имели неограниченную власть над подведомственными им подсудимыми, т. е. над теми несчастными, которые по воле рока должны были предстать перед их грозными очами. При этом нужно добавить, что жизнь рабов ценилась их господами и господами прямо ни во что, и поэтому нередко несчастные засекались буквально до смерти. В то же время обычаи древнего Рима требовали содержания огромного штата домашних слуг, и неудивительно, что многие из последних чрезвычайно легко впадали в немилость своих повелителей.

Так, в рассказах о римской жизни очень часто упоминается о том, что тот или иной из подвергшихся гневу рабов со слезами на глазах умолял наиболее симпатичного из пировавших гостей быть посредником между ним и его господином и спасти его от грозившей ему порки. В весьма обстоятельном описании пиршества у Тримальхиона мы находим подтверждающий только что сказанное пример.

Экзекуция рабов практиковалась иногда как средство для увеселения собравшихся на банкет гостей или же для услаждения взоров сытно попирававших римлян. Особенной жестокостью отличались в то время дамы, превосходившие в своей строгости самых суровых мужчин; они буквально изощрялись в выдумывании наказаний, вследствие чего горничные этих прелестных деспотов в юбке влачили далеко не завидное существование. Туалетная комната знатной римлянки представляла собой не менее обширный арсенал плетей и розог, нежели камера судьи. Римлянки имели обыкновение содержать огромный штат женской прислуги, причем на каждую из них возлагалась особая обязанность либо по дому, либо по гардеробу своей госпожи. Особенно жалки были последние; они обязаны были услуживать своей госпоже в полуобнаженном виде, чтобы при малейшем проступке могло последовать немедленное и надлежащее увещевание с рукоприкладством.

По отношению к мужчинам-рабам практиковался особенно излюбленный способ, заключающийся в подвешивании их за руки на толстом брус с привязыванием к ногам солидных тяжестей, чем устранялась возможность сопротивления своим мучителям во время экзекуции. Порка женщин и девушек господами производилась несколько иначе; правда, несчастные тоже подвешивались к палкам, но здесь проявлялась некоторого рода снисходительность! Жертвы иступленной женственности подвешивались не за руки, а... за волосы. Подобная жестокость, чтобы не сказать более, к счастью, в позднейшие времена никогда более не имела места, хотя многие прислужницы, вследствие самых ничтожных причин, и продолжали подвергаться со стороны своих повелительниц телесному наказанию. Еще не так давно в Шотландии одна дама была присуждена к месячному тюремному заключению за то, что "отпустила" пощечину своему лакею. Другая строптивая шотландка была присуждена к денежному взысканию и к возмещению убытков за бесчестье своей горничной, подвергшейся наказанию розгами!

В отчете одного из судебных заседаний мы читаем, что некий владелец фабрики плетеных изделий в Лутоне был приговорен к шестимесячному тюремному заключению за то, что подвергал телесному наказанию служивших у него на фабрике работниц.

Насколько нам известно, школьные учителя стали применять к своим воспитанникам розгу уже очень много лет тому назад. Масса анекдотов из этой области перешла со времен самой седой старины, хотя нельзя умолчать также и о том, что наряду с этим известны случаи, когда учителя подвергались наказанию со стороны своих питомцев... Наиболее любопытным из этой области фактом является добровольное сечение, вошедшее в обычай у спартанского юношества. Очевидцем подобных экзекуций был сам Плутарх, повествующий о них в своих бессмертных сочинениях. На ежегодных ристалищах-конкурсах флагеллянтов особенно счастливыми считали себя те мальчики, которые могли в течение целого дня выдержать жестокую порку перед алтарем Дианы, причем победителем являлся, разумеется, тот из добровольцев, которому удавалось снести наибольшее количество ударов. Тут же присутствовали и родители секомых, которые, ничтоже сумняшеся, подбадривали своих "арестантов" и требовали от них, чтобы боль переносилась ими безропотно и "красиво". Особые жрецы должны были разводить на месте представления священный огонь и, исследуя раны, предсказывать молодым героям их будущее.

По примеру спартанских юношей, формировались другие секты флагеллянтов или, иначе говоря, хлыстунов. Философы, с таким усердием прибегавшие к розге и плети, могли бы разумнее и полезнее, во всяком случае, распорядиться своими силами. Несмотря на то, что секты флагеллянтов, или хлыстунов, постоянно самым безжалостным образом высмеивались, количество их не только не уменьшалось, но, наоборот, они распространялись по всему свету, причем до нас дошло много рассказов о том, какими именно обрядами и

обычаями сопровождалось у них это пресловутое умерщвление плоти. Все эти секты необходимо причислить, в сущности, к разряду воздержанных, и мы хотим только упомянуть здесь о последствиях публичного сечения, практиковавшегося у спартанцев, выразившихся в виде отвратительных празднеств, так называемых *Lupercalia*, являющих собою изумительный пример флагеллянтства, столь часто наблюдавшегося в древности.

Очень много споров возбуждал вопрос о том, как именно следует рассматривать бичевание: как наказание или же как покаяние, раскаяние в грехах? Как бы то ни было, а суть дела здесь чрезвычайно проста, ибо телесные наказания имеют за своими плечами столько же лет, сколько и сам грех - оба одинаково стары. Флагеллянтство, или хлыстовщина, возник, без сомнения, в качестве подражания наказанию, вернее, существовали такие субъекты, которые обладали столь повышенной силой воли, что сами наказывали себя за содеянные проступки и грехи, а уж в позднейшие времена среди особенно благочестивых фанатиков самобичевание было введено в ежедневный обиход, став своего рода правилом. Фамиан, кардинал Остии, является первым историком, повествующим об этом роде флагеллянтства; в своих сочинениях он упоминает о той колоссальной энергии, с которой некоторые чрезмерно религиозные натуры прибегали к самобичеванию.

Первое упоминание о флагеллянтстве вообще встречается уже в трудах авторов[^] относящихся к пятому веку после Рождества Христова. Сначала он у христиан вовсе успеха не имел, но через небольшой промежуток времени настолько увеличился, что обратил на себя огромное внимание всего христианства, взволновав последнее до бесконечности. Образовалось большое сообщество, принявшее усердно и со всей строгостью культивировать искусство самобичевания. "Флагеллянты", как их принято было называть, начали свою деятельность в Италии, перенесли ее затем в Германию и последовательно добрались до Англии. Повсюду они проповедовали самобичевание, точно оно представляло собою особый вид удовольствия и неопишуемого блаженства. Подобные союзы флагеллянтов возникали под влиянием того или иного предрассудка, например, из страха перед чумой, которая в те времена с неимоверной силой неистовствовала повсюду; при этом последователи флагеллянтства питали огромную надежду на то, что путем тяжелого покаяния в грехах им удастся умилостивить ту сверхъестественную силу, которая послала на них столь ужасное наказание.

С течением времени в системе самобичевания возникли некоторые изменения; для примера возьмем Испанию, где флагеллянты из свойственной испанцам галантерейности приводили в исполнение наложенное на себя наказание под окнами своей возлюбленной и непременно в ее присутствии. Отдельные случаи перешли в моду, и дело дошло в конце концов до того, что существовали учителя, преподававшие искусство "придворного самобичевания" - точь-в-точь как профессора каллиграфии!.. Некоторые из них доходили до того, что обещали преподавать полный курс в течение только шести часов! Само собой разумеется, что испанки приходили в восторг от подобного рыцарства своих кавалеров и щедро награждали молодых мучеников-добровольцев нежными и довольно прозрачными взглядами. Известный певец Гудибры говорит:

Почему не считать сечение приятным,
Когда оно производится так грациозно?
Почему бы изредка и умело
Не раздражать чувства милых дам?

Быстро стало развиваться сечение частное и семейное. Оно приобрело значение всепокоряющей моды как в родовитых домах, так и во дворцах владетельных и коронованных особ. По историческим источникам мы знаем о королевах - первый пример подобного рода показала, кажется, Екатерина Медичи {Дочь ее - Маргарита де Валуа, королева Наваррская, также жестоко наказывала своих придворных розгами. Подробности об этом читатели найдут в сочинении доктора А. Дебе "Физиология брака". (Полный перевод с многочисленными дополнениями доктора медицины А. 3-го). См. гл. 20 "Странная страсть. Сечение. Маргарита де Валуа и розги". В этой же главе много подробностей о сечении как

страсти, а также и в главе 23 того же сечения в отделе "Мазохизм и садизм".}, - которые укладывали к себе на колени своих придворных дам и фрейлин и наказывали их розгами, словно маленьких детей. И ни одна из них, какое бы высокое положение она ни занимала, не была гарантирована от подобного наказания. Никого не спасали ни род службы, ни происхождение. Придворное звание, наоборот, как бы обуславливало преемлемость к розгам... Пажи так часто имели общение с позорной скамейкой, предназначенной для сечения, что порка их считалась делом обыденным и ни у кого не вызывала сочувствия. Эка важность: пажа секут! Самого незначительного повода достаточно было для того, чтобы решение об экзекуции было не только подтверждено, но и приведено в исполнение. Но не только дамы и пажи представляли собою объекты для розги, нет! Все решительно, соприкосновенные с королевским двором, постоянно рисковали своей шкурой, вследствие чего церемониал порки буквально входил в расписание обихода ежедневной жизни.

В большинстве случаев в дворцах повелителей и в замках князей, графов и прочих представителей белой кости предпочиталось производить наказание на кухне. Правда, здесь не поролли высокопоставленных особ, но зато великолепно обрабатывали провинившихся священников, замеченных в слишком усердном поклонении Бахусу, дерзких слуг, невоздержанных горничных, зарвавшихся пажей и прочих членов дама, с которыми можно было не особенно церемониться.

По всем вероятностям, экзекуция занимавших высокое положение и почетные должности дам и мужчин производилась в каком-либо другом помещении, таком, которое настолько было отдалено от помещений челяди, что исключалась всякая возможность насмешек со стороны последней. Кроме того, в нашем распоряжении имеется достаточное количество вполне достоверных сведений о том, что и некоторые царицы не избегли общей участи: их также секли. Что касается фавориток султана, то по отношению к ним применяются телесные наказания сплошь и рядом даже и теперь, причем среди рабынь великого Серая розга имеет довольно частое применение. В романах и рассказах, в основание которых заложена история культуры, можно встретить массу анекдотов, относящихся к придворной жизни былых времен; упомянем для примера историю поэта Клопинеля, к которой мы возвратимся в последующем нашем изложении. Среди высокопоставленных особ, подвергавшихся телесному наказанию, встречаются и несколько имен коронованных особ мужского пола.

Далее приходится считаться еще с другим родом флагеллянтства, не менее древним по происхождению и уж ни в коем случае не менее удивительным: мы говорим о так называемых "занятиях дисциплиной" в монастырях. Некоторые из монашеских орденов проявляли в этом отношении особенное усердие, причем исторические документы свидетельствуют об удивительнейших примерах применения в монашеской среде телесного наказания. Еще во времена весталок, как говорит история, накладывались самые суровые наказания на тех девушек, которые не оставались верны данному ими обету. И несмотря на то, что девицы эти занимали чуть ли не самое почетное положение, - многие из них неоднократно подвергались сечению розгами, плетью и другими не менее внушительными орудиями. Обыкновенно экзекуция весталок совершалась таким образом, что обнаженную девушку окутывали тонким покрывалом и помещали в темную комнату, где назначенный жрец приводил собственноручно в исполнение наложенное на провинившуюся наказание.

В женских монастырях существовало правило (кое-где оно сохранилось и до сих пор), в силу которого все телесные наказания, наложенные на монахинь, совершались наиболее строгой и в то же время наиболее пожилой сестрой-монахиней. Что касается монахов, то обязанность сечь их возлагалась обыкновенно на такого монаха, которому впору было прозвище истинного человеконенавистника, причем существовали особые предписания (строжайшие при этом), относившиеся к тем границам, в которых в каждом отдельном случае должна была быть произведена экзекуция впавшего в немилость начальства монаха. В позднейшие времена эти предписания принимались все слабее и слабее во внимание, и,

наконец, дело доходило в иных монастырях до того, что чувство стыдливости совершенно в расчет не принималось, и монаха-преступника раздевали догола и секли в присутствии не только всей братии, но и падкой до подобных зрелищ толпы любопытных. Так, например, известный монастырь & К. получил декрет от своего непосредственного начальства, в силу которого монахи, подлежавшие за установленные проступки наказанию, должны были раздеваться догола, привязывались к позорному столбу, водруженному на оживленном месте, на улице или площади, и наказывались розгами на глазах всего народа, которому вменялось чуть ли не в обязанность следить за всей процедурой экзекуции! Само собой разумеется, что подвергаться добровольным истязаниям каждый мог там, тогда и как где, когда и как ему заблагорассудится. В зависимости от количества и качества ударов нанесенных собственноручно и по своей личной инициативе, долгое время превозносились и прославлялись имена героев-монахов и героинь-монахинь. В те времена нередко устраивались особые празднества в честь священников белого и черного духовенства, которые отличались чрезмерной ревностью к самобичеванию. Наибольшей славой пользовался Корнелиус Адриазен, в виде высокой чести придуманная им метода самобичевания унаследовала его имя; таким образом "корнелианское бичевание" означает бичевание по обнаженной спине. Еще одно имя священника долгое время пользовалось большим почетом, благодаря его способу умерщвления плоти. Мы говорим об патере Жираре, против которого было возбуждено даже судебное преследование по двум пунктам: за бичевание и соблазнение девицы Кардые. Об этом факте, равно как и о других непотребствах этого святого отца, которого называли волшебником, много говорится в посвященной процессу книге.

В течение очень длинного промежутка времени, о котором мы говорили выше, широко практиковалось как публичное официальное, так и частное бичевание. Телесные наказания ценились в то время так высоко, особенно в монастырях, что для звания старшей сестры и даже для получения права участия в выборах на более высокий пост от всех монашек требовалась наличность подвига самобичевания. Инструменты, применявшиеся для этой цели, были различны. Отец Доминик употреблял метлу, т. е. пучок березовых розог. Другие святые были в этом отношении эксцентричнее и брали все, что попадалось под руку: угольные щипцы, посохи, палки! Третьи прибегали к услугам пучка крапивы, четвертые срывали солидную ветвь репейника, а одна благочестивая дама наносила себе удары пружинами! Святая Бригета истязала себя связкой ключей, другие женщины, обладавшие менее пылкой фантазией, били себя своими собственными руками.

Флагелляция имеет свои романтические и комические стороны, хотя, казалось бы, от школьников и невозможно было бы требовать, чтобы в "березовой каше" они в состоянии были усмотреть элемент чего-либо комического. Нынешние ученики в большинстве случаев имеют самое смутное представление о том юморе, который в прежние времена находился нередко в связи с розгой. Чтобы не оставаться в данном случае голословными, мы поместим в последующем изложении несколько фактов из истории школы Св. Лазаря, которую прежде принято было называть в Париже "семинарией хороших мальчиков", и в которой святые отцы прославились огромной изобретательностью по части наказания розгами.

Не менее доброй славой пользовалось бичевание в течение долгого времени и среди врачей; его рекомендовали в качестве, скажем, "шпанских мушек", а также и в виде великолепного лечебного средства при различных заболеваниях. В древности телесное наказание рассматривалось как моральное лекарство, и, по всем вероятностям, нынешнее сечение душевных больных является тяжелым наследием прежних воззрений. Врачи седой старины были убеждены в том, что хорошая порция розог возбуждает деятельность кожи и повышает функциональную способность мышечной системы, вследствие чего наши прадеды-эскулапы и прописывали своим пациентам обильные порции всевозможного вида и рода ударов. Хотя наряду с этим нередко наблюдались и такие случаи, когда знатные дамы приказывали своим слугам угостить домашнего врача "хорошей дозой" березовой каши только вследствие того, что этот ученый муж подозревался жми в болтливости и

распространении некоторых секретов своих пациенток.

В последующем изложении нами будет приведено достаточно примеров в доказательство того, какую могущественную роль играла розга во все времена и во всех странах. Не перестающая прогрессировать цивилизация, к счастью, уменьшила количество подобных примеров, хотя нет еще полных шестидесяти лет с тех пор, как розга была в домах наших полновластной госпожой, да и не только в домах, но также в правительственных и частных учебных заведениях. Господа сплошь и рядом наказывали своих слуг, родители - детей, и все это производилось либо розгой, либо при благосклонном участии плетки. Учеников пороли очень часто. Госпожа Брунриг, содержательница училища, запарывала вверенных ее попечению девочек до смерти и кончила свою жизнь сама на виселице. Еще не прошло и ста лет с тех пор, как от телесного наказания не избавлял ни возраст, ни пол. Даже вполне зрелые женщины подвергались наказанию розгами, а доктор Джонсон приводит рассказ о том, как некая дама в Лейчестере систематически угощала розгами своих дочерей-невест.

В России случаи телесного наказания наблюдаются еще и теперь {Оригинал относится к 1903 году. - Прим, переводчика.}, хотя гораздо реже, нежели прежде, но тем не менее необходимо констатировать тот факт, что кнут и палка все-таки составляют здесь атрибуты уголовного кодекса, т. е. уложения о наказаниях. Нередко розга применялась в России к непослушным балеринам и к знатым дамам, которых время от времени с целью нравственного лечения подвергают телесному наказанию розгами в полицейских участках {Очевидно, автор в данном случае ошибается: кнут и палки в "Уставе о наказаниях" уже давно не существуют, а были плети и розги. В самое последнее время отменено телесное наказание розгами женщин, даже каторжанок. Затем отменено наказание плетью. Отменено также наказание розгами крестьян, по приговору волостных судов, и нижних чинов, состоящих в разряде штрафованных. Теперь наказание розгами, по закону, может быть производимо над мужчинами, находящимися на каторге, в дисциплинарных батальонах и военной тюрьме. Затем оно еще применяется, но уже вопреки закону, в административном порядке экзекуционными отрядами при усмирении и т. п. случаях. - Прим, переводчика.}. Ежедневно можно слышать в различных кругах истории, в которых фигурирует наказание кнутом.

В Англии много лет тому назад существовало обыкновение наказывать преступников на улицах. В Брайдвеле принято подвергать телесному наказанию женщин легкого поведения, причем при экзекуции присутствуют обыкновенно так называемые "сливки общества", являющиеся на подобные зрелища целыми компаниями. Известны случаи, когда к хорошей порции розог приговаривались знатнейшие англичанки, попавшиеся - о, ужас! - в воровстве. Мало того, приведение наказания в исполнение поручалось в таких случаях обязательно личному куаферу провинившейся. Так, например, две придворные дамы наелись вдоволь "березовой каши" за то, что стащили во дворце короля две суповые вазы. Заслуживает далее внимания история с неким священником, который наказал свою прислугу, словно школьницу, и затем в трактате с пеной у рта оправдывал себя, когда ему предъявлено было обвинение в истязании несчастной. В сельских школах Англии существовал обычай во время порки полураздевать провинившихся мальчиков и привязывать их к парте, причем каждый из уходящих после уроков товарищей или каждая из соучениц приговоренного к наказанию должны были нанести трепетавшей жертве по одному удару. За исключением некоторых казенных низших учебных заведений, розга в Англии вообще больше не применяется, причем сократилось сильно употребление ее даже в Итоне и Гаррове. В прежние времена в женских учебных заведениях наблюдалось злоупотребление розгами, причем девочки и девушки всех возрастов не смели протестовать против "элегантного наказания розгами". Необходимо прибавить при этом, что экзекуция была связана с различными церемониями, занесенными в Англию из-за границы, и именно из монастырей. В одной из популярнейших английских газет лет двенадцать тому назад утверждалось, что и теперь еще существуют в Англии такие школы для девочек, где

применяются телесные наказания. Но так как ни о чем подобном никто в настоящее время и представления не имеет, то остается предположить, что автор указанной выше статьи либо был введен в заблуждение, либо попросту инсинуировал. Далее, недавно еще в одной народной газете был поднят спорный вопрос о том, разрешается ли законами подвергать девочек телесному наказанию? Детали, сопровождающие различного рода телесные наказания, возбуждают общество, причем здесь не обходится без страстного утрирования, говорящего о той "ужасающей жестокости, которая существует в наш прогрессирующий век". Говорить нечего о том, что доля правды в этом имеется, что подобного рода наказания снова получили права гражданства в семейных кругах и что не одна современная представительница прекрасного пола время от времени прописывает кому может хорошую порку! Недавно еще одна семнадцатилетняя барышня поместила в распространенной газете анонс, которым запрашивает сведущих лиц, может ли быть предъявлено ею требование об убытках за бесчестие, которое нанесено ей гувернанткой. Последняя высекла вверенную ее заботам барышню, словно она была маленьким ребенком!

До сих пор еще в различных государствах и странах розга является символом могущества. В Австрии солдат гоняют сквозь строй. В Китае продолжает торжествовать бамбуковая палка, в Турции свищут батоги. В Сиаме по ночам можно слышать душераздирающие вопли наказываемых березовыми прутьями, в Африке в полном ходу пресловутое *tumbo-jumbo*. В начальных школах Америки ученицы периодически "угощаются" розгами, от какового наказания, впрочем, не избавлены и взрослые девушки различных учебных заведений вообще; необходимо отметить при этом, что американцы поистине вправе гордиться: ведь они вынесли на рынок телесное наказание розгами, придумав во времена рабства для негров даже особую "колотильную машину"!

Не обойдена розга также и поэтами. Нам известны имена многих серьезных, полных чувства поэтов и сатириков, которые в своих произведениях воспевали и плетку, и розгу. Правда, поэты эти не пользуются особенной любовью и популярностью среди взрослых, но хорошо известны зато детям. Наиболее почетная роль отведена розге в книгах для чтения, предназначенных для мальчиков и написанных в 40-50-х годах. В одном из подобных произведений приводится рассказ о двух непослушных мальчиках, которые "ничего не делали", и поэтому мама часто наказывала их. Она

Спустила с них штанишки,
И била, пока не поднялся страшный рев.
"Мамочка, что ты делаешь?"
Мать ответила: "Я ничего не делала"!

Если порыться, можно отыскать не одно поэтическое произведение, в котором наказание розгой является главной темой; много подобных стихотворений наши бабушки и дедушки заучивали наизусть, не находя в них ничего для себя неподходящего или грубого. В настоящее же время, несмотря на одухотворенное и сатирически-юмористическое содержание таких стихов, подрастающему поколению их отнюдь рекомендовать не следует.

СПОРНЫЙ ВОПРОС НАУЧНОГО ХАРАКТЕРА

Вопрос о прохождении телесных наказаний покрыт мраком неизвестности; трудно также установить что-либо по поводу первого наказания розгами, и уж совсем невозможно назвать имя той или того, кто впервые прибегнул к подобного рода экзекуциям. С уверенностью только можно сказать, что применение порки известно было уже тогда, когда земля далеко не была населена густо. Мы не берем на себя смелость входить здесь в рассмотрение тех способов наказания, которые имели место еще в допотопные времена; наша задача - осветить, хотя бы несколько, в этой главе сущность избранной нами темы, придерживаясь при этом сравнительно позднейших времен.

В течение долгого времени весь ученый мир был чрезвычайно взволнован вопросом огромной важности о том, было ли сечение впервые применено в качестве умерщвляющего плоть средства или же в роли наказания. По поводу обоих этих положений велись самые ожесточенные споры. Факты, приводимые обеими противными сторонами, представляют

собою не более, как массу нагроможденных друг на друга слов, латинских цитат и комментариев, и таким образом было далеко не легким дело рассортировать всю эту грудку и отделить солому от зерен. Во всяком случае бичевание, как способ покаяния, имеет полное право гражданства. Различные способы подобного раскаяния в грехах и умерщвления плоти были известны сначала под одним общим именем *disciplina*; тем не менее бичевание, т. е. применение плети *disciplina flagelli*, ставилось при этом обязательно на первый план и к тому же так усердно, что позднее под словом *disciplina* (дисциплина) непременно понимали именно этот род или способ покаяния или эпитимии. Французы прибегают к слову *disciplina* для того, чтобы выразить им понятие об инструменте, который применялся при религиозном умерщвлении плоти. Так, например, Мольер устами своего Тартюфа говорит камердинеру:

"Laurent, serrez ma haine, avec ma discipline

Et priez que toujours le ciel vous illumine".

Таким образом, под словом "дисциплина" следует понижать точно то же, что под добровольным бичеванием, т. е. таким, которое совершается собственноручно кающимся с помощью бича, кнута или розги. Собственно говоря, мы не должны входить в дальнейшее рассмотрение поставленного выше спорного вопроса, потому что различные предположения говорят за то, что прежде всего розга была применена не в качестве религиозного атрибута, а как материал для наказания.

Два других обстоятельства, тесно связанные с телесным наказанием, заслуживают того, чтобы обратить на них здесь внимание, ибо и они также являлись пунктами препирательства ученых разных времен. Мы говорим о том участке тела, которое избиралось для наказания. В этой области взгляды сильно разнятся один от другого. Часть писателей указывают на спину и плечи и называют такую экзекуцию "верхним наказанием" - *disciplina sursum*; другие же говорят о *disciplina deorsum*, т. е. "нижнем наказании", и утверждают, что седалищные части представляют собою именно настоящее место экзекуции.

Большинство ученых отзывалось о *disciplina sursum* крайне невыгодным для нее образом, ибо она связана с опасностью для глаз и груди наказуемых. Чтобы защитить эти чувствительные места от неминуемых повреждений, в Швеции, например, где еще и теперь за известные проступки даже женщин подвергают порке, - наказуемый укладывается на медную доску, которая, закрывая всю переднюю часть, оставляет свободной спину подвергающегося экзекуции для восприятия положенного количества ударов. Недавно, после порки целой шайки сводников, один из известных медицинских журналов опубликовал статью, в которой трактует о том, что в один прием не следует наносить более десяти-двенадцати ударов и что в качестве устрашающего метода или, вернее, меры пресечения *disciplina deorsum* является самой подходящей и действенной.

Патер Гретцер, один из известных в старину маэстро по части телесных наказаний, заинтересовался вопросом о том, какая именно часть человеческого тела является наиболее соответствующей для порки, и получил от одного из ученых врачей своего времени следующий совет: "Распространенное мнение о том, что будто бы удары по спине отражаются вредно на органе зрения, ни на чем не основано. Нет спору: большая потеря крови невыгодным образом сказывается на мозге и отсюда в глазах, ибо в данном случае происходит уменьшение животной теплоты. Но при наказаниях же розгами никогда особенно значительной кровопотери не соблюдается, и мозг здесь в рефлекторное страдание не вовлекается. Напротив! Ведь очень часто при глазных заболеваниях прибегают к приставлению кровососных банок на спинную область! Каким же образом могут пострадать глаза при нанесении нескольких ударов розгами? Правда, на слабосильных это, пожалуй, и отразится, но упитанные субъекты со здоровым организмом вряд ли могут реагировать на розги, а если вдобавок наказание производится так милостиво, что никакого кровотечения не наступает, только слегка окрашивается румянцем кожа, то тут уже и разговора о вредных последствиях быть не может".

Вот как высказался авторитетный врач, и под этим мнением вполне убежденно подписался патер Гретцер!

Другой писатель на ту же тему выразился следующим образом:

"Врачи и анатомы утверждают, что все части человеческого организма стоят в такой неразрывной связи друг с другом, что невозможно вообразить, будто, нанося повреждение одной части, мы тем самым не вовлекаем в страдание другую, и при том самым существенным образом. Рефлекс может наблюдаться сразу или впоследствии, но наступит он наверняка - об этом двух мнений быть не должно. Таким путем все те, которые с большим усердием занимаются умерщвлением своей плоти, в конце концов обязательно серьезно заболевают и, волей-неволей, прекращают добровольно наложенное на себя наказание, которым имеется в виду поднятие морали".

Впрочем, не все врачи сходятся с мнениями приведенных выше авторитетов. Иные считают телесное наказание безусловно для органа зрения опасным, и к ним присоединяются монахи-капуцины, прибегавшие к *disciplina deorsum*. Таким образом они ограждают себя от случайностей, могущих иметь место при слишком усердной экзекуции. Большинство монахинь придерживается той же системы, имея при этом в виду осторожнее относиться к своим глазам и щадить их поскольку возможно. "По совету умудренных опытом врачей и известных своей святостью людей, монахини не допускали сечения плечей, обрекая на экзекуцию бедра и применяя для этой цели скрученные веревки и солидные пучки розог".

В данном случае принималось во внимание еще одно весьма важное обстоятельство. Старейшими монашескими статуями всему духовенству строго-настроено запрещалось показывать кому-либо обнаженный участок своего тела; этим имелось в виду не возбуждать никаких животных инстинктов. Эти предписания, между прочим, гласили: "Если подобное умерщвление плоти, совершаемое втайне, может повлечь за собой опасность, то разве благоразумно произ????

Что и у древних римлян господствовал подобный взгляд, об этом повествуют нам Плавт и Иероним. У греков о том же пишет философ Перегринус, и в позднейшие времена, когда оба народа - греки и римляне - были соединены под власть одного императора, они все-таки остались верны тому же взгляду. Доказательством этому служат те оскорбления, которые были нанесены статуе царя Константина во время восстания в городе Эдессе. Мало того, что жители Эдессы свергли статую с ее пьедестала, - они принялись еще сечь ее и именно по интересующему нас в этой главе месту! У французов образовался даже глагол из того существительного, которое обозначает седалище, и не нужно прибавлять никаких слов, чтобы по одному этому глаголу получить понятие об ударах или толчках. У Вольтера принцесса Кунигунда говорит Кандиду "Tandis qu'on vous fessait, mon cher Candide". От глагола *fesser* производится существительное *fessade*, которое, как и слово *claque*, обозначавшее прежде только удар, толчок вообще, применяется в настоящее время исключительно для ударов по тому месту, откуда обыкновенно у людей ноги растут. Подобное применение мы встречаем во всех государствах Европы.

В конце семнадцатого столетия лорд Моулсворт в своей книге "Датские Известия" рассказывает, что подобное выражение получило полные права гражданства даже при дворе датского короля. "Для того, чтобы большие охоты при дворе так же весело заканчивали свое времяпровождение, как и начинали его, существовал обычай, в силу которого тот из членов императорской охоты, который поймает другого в неисполнении тех или иных правил и уличит его в этом, должен встать из-за стола и рассказать всем о замеченном нарушении законов охоты. Когда факт преступления будет достаточно освещен и установлен, провинившийся становится на колени между рогами убитого оленя, двое из присутствующих держат его за ноги, король берет в руки длинный, тонкий прут и награждает обвиняемого по седалищной части брюк таким количеством ударов, которое соответствует размеру и качеству совершенного преступления. В это время охотники, с помощью своих рожков, и собаки лаем оповещают о состоявшемся решении короля и о совершившемся наказании королеву и весь двор, приводя их этим в неопишуемый восторг".

В Турции удары по брюкам (шароварам) считались наиболее тяжелым наказанием для янычар и спайев. В Польше именно таким образом наказывались преступления

прелюбодеяния, причем еще до экзекуции виновных соединяли брачными узами. Случалось так, что наказание совершалось спустя долгий промежуток времени после свадебного обряда. В Англии в прежние времена к подобного рода экзекуции прибегали в самых знатных и уважаемых домах. У испанцев настолько было принято пренебрежительно относиться к разбираемой нами части тела, что повсюду любой монах, перенимавший на себя за известную мзду, конечно - грехи целой общины, принимался за умерщвление плоти бичеванием седалищной области (или, во всяком случае, заявлял своим клиентам, что экзекуция им произведена). Отсюда происходит популярная испанская поговорка: "Дела так плохи, как у монаха". Употребляется она тогда, когда кто-либо хочет выразиться, что вынужден страдать, не имея от этого для себя никакой прибыли.

В голландских владениях на мысе Доброй Надежды, по словам Кольбека, во избежание пожаров курение табаку на улице воспрещается законом под страхом серьезного наказания плетью. То же наказание существует и у персов. Так, Эхердин рассказывает, что некий капитан, начальник караула шахского сераля, подвергся экзекуции за то, что допустил иностранца остановиться у ворот дворца его величества и заглядывать внутрь двора. Китайцы употребляют для порки особый деревянный инструмент, по наружному очертанию похожий на большую круглую ложку. В арабских рассказах из "Тысячи и одной ночи", которые, как-никак, являются верным изображением того времени, в сказке о сапожнике Бакбаре, мы находим подтверждение того, что у арабов существовал аналогичный обычай. Сапожник этот настолько сильно влюбился в одну особу, отличавшуюся необычайной красотой, что целыми днями стоял и не спускал глаз с ее окон. Дама эта, от всей души насмеявшаяся над несчастным сапожником, через свою рабыню позволила ему войти к ней в дом и заявила ему, что сделает его своим возлюбленным только тогда, когда он, гонимаясь с ней наперегонки в большом доме, нагонит и схватит ее. Но для того, чтобы иметь возможность быстро бегать, плутовка приказала ему раздеться до нижней рубашки включительно. Сапожник, разумеется, согласился. После того, как он пробежал за красавицей несколько комнат, увлекаемый ею, он очутился в длинном и мрачном коридоре, в конце которого виднелась открытая дверь. Развив возможную быстроту, сапожник помчался туда и, к необычайному своему изумлению, очутился, пробежав двери, на одной из улиц Багдада, которая была заселена, главным образом, кожевниками. Неожиданное появление Бакбара в его необычайном костюме произвело такое впечатление, что кожевники схватили беднягу и хорошенько обработали ремнями наиболее мягкие и пухлые части его тела. В довершение всего на место происшествия явилась стража и приговорила неудачного ухаживателя к ста ударам по пяткам и к изгнанию из города. В последующем изложении мы докажем благосклонным читателям нашим, что сечение в течение довольно продолжительного времени являлось на всем свете просто обычаем и что в тех странах, где этот обычай еще и по сие время удержался в школах и тюрьмах, он применялся к тем именно частям тела, на которых люди имеют обыкновение сидеть.

ФЛАГЕЛЛЯЦИЯ У ЕВРЕЕВ

Происхождение телесного наказания, без сомнения, относится к давно прошедшим временам. Первое упоминание о нем мы встречаем во второй книге Моисея (глава пятая), где говорится о том, что Фараон отдал приказ избить израильтян. Он требовал от них, чтобы они ежедневно доставляли известное количество кирпичей, и если обнаруживалась недостача в доставке этой натуральной повинности, то выборные, наблюдавшие за правильным ходом дела, подвергались обычно солидной порке. В Ветхом Завете за определенные грехи полагается телесное наказание, а в иудейских законах имеются даже указания на то, сколько именно разрешается в каждом отдельном случае отпускать ударов. "И если безбожник заслужил наказание палками, то пусть судья прикажет ему тут же пасть ниц, и тут, в присутствии судьи, виновный получит столько ударов, сколько ему полагается, в зависимости от содеянного им преступления. Если наказуемому дано уже сорок ударов, то больше бить его не следует". И в Новом Завете мы сталкиваемся очень часто с телесными наказаниями. Все евангелисты рассказывают, что Иисус Христос до распятия был наказан

плетью. Евангелист Иоанн говорит, что Иисус свил плетью из веревок и изгонял ею менял из храма. В апостольских посланиях говорится, что апостолов наказывали розгами, и сам апостол Павел, повествуя о своих страданиях и преследованиях, перенесенных им во имя Евангелия, говорит: "От иудеев мне досталось менее на один сорока ударов" и "три раза меня секли розгами, один раз меня забросали камнями, три раза я претерпел кораблекрушение, целый день и целую ночь провел я в пучине морской". И затем далее: "Других искушали жестокими насмешками и пытками, тюрьмой и оковами". Приведенные нами из Священного Писания места говорят о порке только как о наказании, и ни под каким видом не относятся к добровольному бичеванию, и еще менее того к чрезмерному применению плети, вошедшей в обиход монашеской жизни.

Законы Моисеевы определенно ограничивают количество ударов числом сорок, в действительности же у евреев принято было давать только тридцать девять ударов. Объясняется это правило так: быть может, при счете произошла ошибка, и потому пусть наказуемый не подвергается случайности получить больше, нежели полагается. Существовало, правда, еще одно основание, почему евреи ограничивались тридцатью девятью ударами. Плетью, с помощью которой производилась экзекуция, изготовлялась из кожи и состояла из трех ремешков, один из которых выделялся своей длиной настолько, что при каждом ударе захватывал по всей поверхности тела; два другие ремня были покороче. Поэтому били тринадцать раз, что составляет тридцать девять ударов, а ведь следующий удар привел бы уже к числу сорок два и т. д.

Защитники флагеллянтства всеми мерами старались обосновать свои взгляды на Священном Писании и повсюду ссылались на него; в конце концов они перелистали всю Библию, но тщетно. Помимо приведенных выше мест, имеются еще два, которые указывают на бичевание, и на них-то ссылались во всех тех случаях, когда желательно было указать, что телесные наказания и связанное с ними умерщвление плоти с точки зрения Библии являются рекомендуемыми способами. В псалме 73 Давид поет: "И я мучился ежедневно и каждое утро получал наказание". В словах первоначального текста говорится "fui flagellatus", т. е. был сечен" и, если их понимать буквально, они могут означать, что псалмопевец имел привычку или обыкновение ежедневно по утрам путем бичевания умерщвлять плоть свою. Большинство специалистов придерживается того мнения, что слова эти нужно понимать не буквально, а фигурально, т. е. что удары обозначают горести и преследования, которые суждены на этом свете хорошим людям. Последнее место подобного же характера находится в письмах Павла к Кориннам и подлежит большому сомнению. Павел говорит: "Я заглушаю мое тело и укрощаю его". Многие известные писатели и знатоки этого вопроса утверждали, что в этих словах апостол говорил о своем обыкновении к умерщвлению плоти путем бичевания, чтобы таким образом искоренять зарождавшиеся в нем грешные помыслы. Иезуит, патер Яков Гретцер, уверяет, что в первоначальном тексте греческие слова буквально гласили следующее: "Я покрываю свое тело рубцами и ранами, и оно изуродовано силой ударов", причем этот перевод признается действительным некоторыми теологами. Но если исключить мнение этих авторитетов, то греческие слова ни под каким видом не могли обозначать собою добровольное бичевание. Кроме этого места, то же самое встречается еще раз в притче о "назойливой вдове" (Лука, 18, 5). "На это она не согласилась и оглушила меня". Слово "оглушила" обозначает, собственно говоря, удар кулаком или палкой в подглазничную область, которая обезобразилась или, как принято выражаться, которая покрылась синяками. Это слово происходит от греческих игр, о которых именно и говорил апостол. На втором плане может существовать еще и такое объяснение ему: обходиться с кем-либо строго, холодно или жестоко, либо взять себя, как говорится, в ежовые рукавицы, чтобы заглушить в себе те или иные греховные побуждения. К этому нужно еще добавить, что Павел, говоря о действительных, настоящих ударах, никогда приведенного выше выражения не употреблял. Большинство греческих и римских отцов церкви придерживается того взгляда, что Павел вовсе не прибегал к самобичеванию и что в упомянутом случае он хотел только выразиться эмблематически и символически.

Судя по Талмуду (написанные за 500 лет до Рождества Христова законы и названные так в отличие от Моисеевых или писанных законов), содержащему в себе некоторые предания, можно полагать, что у евреев также существовал род добровольного бичевания. В одной из глав ("Малкос") говорится, что евреи, прочитав издавна установленную молитву и покаявшись друг другу в своих грехах, приступали к бичеванию один другого. Буксторф, считающийся лучшим в данных вопросах авторитетом, в своем труде "Еврейская Синагога", относящемся к 1661 году, пишет об этом обряде следующее: "В каждой еврейской синагоге находятся два человека, помещающиеся в особом углу комнаты; один из них распростирается на полу, головой к северу, ногами к югу - или иногда наоборот - а другой, оставаясь в стоячем положении, наносит первому тридцать девять ударов по спине с помощью ремня, сделанного из коровьей кожи. Секомый повторяет при этом троекратно тридцать восьмой стих 78 псалма; по-еврейски стих этот заключает в себе как раз тридцать слов, причем, при произнесении каждого слова, наносится новый удар, и, когда наступает третий раз, завершается положенное по правилу количество ударов. По окончании этой операции "хирург" превращается в свою очередь, в пациента. Он ложится на пол точно так же, как и его жертва, причем последняя разделяет по-братски добровольца так же, как он сам прежде проделал это. Именно таким образом происходит обоюдное наказание за грехи, и - как выражается ученый - "оба трут друг друга, словно ослы". Подобный обычай еврейской "дисциплины" описан в книге, носящей заглавие "Граф Телеки. История новейших еврейских обрядов и обычаев".

ФЛАГЕЛЛЯЦИЯ У РИМЛЯН

Телесные наказания у древних римлян имели чуть ли не самое широкое распространение; об этом свидетельствуют исследования многих авторитетных писателей-историков. В каждом доме обязательно можно было встретить картины, на которых изображались применявшиеся в то время для наказания инструменты и вспомогательные средства. В судебных камерах судьи были окружены огромным выбором всевозможных плетей, кнутов, розог и кожаных ремней, и все это имело в виду устрашение обвиняемого. Помимо того существовал еще целый арсенал пособий, специально предназначенных для наказания рабов, из числа таких инструментов назовем особого рода бечевки, изготовлявшиеся исключительно в Испании. Орудия наказания носили различные имена. Так, например, известна Гегша, представлявшая собою плоский кожаный ремень, слывший в то время одним из самых милосердных и нежных инструментов. Далее следует Scutica, сплетенная из витого пергамента, затем - flagella и, наконец, самый ужасный инструмент - flagellum. Эта штука наводила сильнейший трепет и приготавливалась из скрученных полосок коровьей кожи. В третьей сатире своей первой книги Гораций описывает различные градации этих "устрашающих средств". Он рассказывает, между прочим, о том, как некий судья держал своих служащих в ежовых рукавицах, затем обращается в ироническом тоне к последователям стоицизма, проповедовавшим меры устрашения и утверждавшим, что все преступники равны и, следовательно, все наказания должны быть одинаковы. "Сделайте себе за правило, - говорит Гораций, - чтобы накладываемое вами наказание постоянно находилось в соответствии с совершенным преступлением. Если преступник заслуживает быть высеченным только плеткой из скрученных полосок пергамента, то не подвергайте его наказанию с помощью ужасных кожаных нагаек. А того, что вы накажете кого-либо ударами плоского ремня в то время, когда он заслужил более тяжелое наказание, - я нисколько не боюсь!"

Существовали еще более ужасные инструменты, нежели упомянутый выше flagellum, а именно: длинные бичи или кнуты, в окончание которых вплетались металлические шарики, усеянные маленькими острыми иголками. Сечение рабов в древнем Риме производилось настолько часто, что остряки того времени наделяли несчастных прозвищем по роду полученного ими наказания; так, например, существовали bestiones, bucoedoe, verberonnes, flagriones и т. д.

Наказания, налагавшиеся на рабов, и тот ужас, который они внушали несчастным,

служили очень часто темой, на которой охотно останавливался в своих комедиях Платон. Так, например, в его "Эгедике" один из рабов, являющийся в пьесе главным действующим лицом, увидел, что повелитель его в одно прекрасное утро обзавелся новой плетью, и из этого заключил, что господин открыл все его замыслы! Всевозможные телесные наказания служили для Платона неисчерпаемым источником для острот и шуток. В одной комедии раб в шутку обращается к другому невольнику и спрашивает его: сколь в нем весу, когда он висит нагишом привязанный к балке, а к ногам его прикреплены стофунтовые тяжести? Необходимо заметить, что подобный груз привешивался к рабам постоянно во время наказания, чем имелось в виду, как мы уже упоминали выше, препятствовать им наносить своими ногами толчки экзекутору. В другом месте Платон делает намеки на ремни из коровьей кожи, из которых готовились батоги, и советует рабам топтать их ногами; при этом Платон погружен в глубокое раздумье по поводу удивительного факта, заключающегося в том, что "мертвая скотина может наносить вред живому человеку".

Мы могли бы привести массу обычаев и привычек старого Рима, характеризовавших то могущественное положение, которое занимала в то время плеть или розга. Так, например, сечение и бичевание рабов получило такие права гражданства, что плеть или палка могли быть символом жизненного положения этих несчастных. Камерарнус повествует об особенном обычае, существовавшем в течение довольно продолжительного промежутка времени и заключавшемся в том, что позади триумфатора, в его колеснице, стоял человек с плетью в руке. Это должно было означать, что судьба человека вообще крайне изменчива и что с величия славы можно опуститься до положения простого работника-невольника.

Для того чтобы высечь рабыню, вполне достаточным основанием у римлянки - по словам Ювенала - служил нос невольницы, который почему-либо не нравился капризной госпоже; иными словами, говорит этот автор, стоило римлянке быть недовольной своей собственной внешностью, как за это расплачивалась ни в чем не повинная рабыня. У некоторых матрон существовало даже правило, в силу которого рабыни, занимаясь прической своей госпожи, должны были оставаться полуобнаженными, чтобы в случае малейшей погрешности, происшедшей вследствие незначительной неловкости, быть готовой к восприятию того количества ударов, которое заблагорассудится назначить пришедшей в негодование барыне. Эти прелестные фурии дошли в конце концов в своей жестокости до того, что в первом периоде империи их власть была до некоторой степени сокращена. Во время владычества императора Адриана некая дама была приговорена к пятилетней ссылке за то, что жестоко обращалась со своей рабыней. Если случалось так, что прислужницы разбивали стакан или во время варки портили какое-либо кушанье, то заранее могли рассчитывать на самую ужасную порку, которая нередко производилась в присутствии гостей, дабы их поразвлечь. И действительно, гости были крайне благодарны за доставленное им бесплатное зрелище. Ювенал, описывая настроение одной римлянки, недовольной своим мужем и поэтому обрушивающейся на рабов, выражается буквально следующим образом: "О, горе ее прислужницам! Горничные должны снять верхние платья свои, прислужник получает упреки за долгое отсутствие свое. Полосы кожаных ремней разрываются о спины некоторых рабынь, у некоторых потоками струится кровь под ударами плетей, у других - вследствие ударов батогами из пергамента".

С течением времени жестокость знатных римлянок по отношению к своим прислужницам достигла таких колоссальных размеров, что один из консулов выпустил даже особое по этому поводу постановление. Пятый канон этого любопытного документа гласит: "Если какая-либо дама, рассердившись на свою рабыню, бьет ее сама или заставляет наказывать других, и если наказанная умрет до истечения трех дней после экзекуции под влиянием перенесенных истязаний, то здесь сомнительно утверждать, что смерть наступила случайно или преднамеренно. Но если при следствии окажется наличие преднамеренности, то виновная госпожа должна подвергнуться ссылке на семилетний срок; в случае же недоказанности преднамеренности, срок ссылки сокращается до пяти лет".

Матроны, содержавшие большой штат прислуги, никогда не унижались до того, чтобы

лично наказывать провинившихся рабынь. Но одна из знатных римлянок не побрезговала этим занятием, и за это Овидий насмехается над ней в следующих выражениях:

"Я ненавижу ведьму, которая мучает свою прислугу,
Колет иголками и причиняет боль острыми гвоздями,
Вызывает кровь и слезы на глазах несчастной..."

И тот в душе проклинает ее, который отдал ей свою руку и сердце."

Для приведения экзекуции в исполнение содержались особые рабы, носившие название *lorarii*. Доставалась работа и официальным палачам, известным под именем *carnifices*. Особым благоволением для рабынь считалось быть наказанной рукой своей госпожи и повелительницы. Наиболее жестокой считалась порка тогда, когда она поручалась специально для этой цели назначенной женщине. Немедленно же после распоряжения матроны несчастная "преступница" схватывалась, привязывалась за собственные косы к косяку двери, столбу или колонне, и начиналась экзекуция, производившаяся по обнаженной спине либо скрученными веревками, либо плетью из воловьего хвоста, пока госпожа не произносила: "Довольно!" или "Ида!"

Но не только рабов и рабынь секли римляне и римлянки: они применяли это средство по временам и к тем любвеобильным юношам, которые имели дерзость заводить в доме их амурные интрижки. Наиболее излюбленным и подходящим нарядом для подобных приключений считалась верхняя одежда рабов, так называемый китель; в таком костюме каждый мужчина мог проникнуть в любой дом и незамеченным остаться там столько, сколько возможно. Но если случалось так, что хозяин дома примечал непрошенного гостя, или же если верная мужу жена сама рассказывала ему о дерзком посетителе, тогда последний рассматривался как бежавший от своего господина раб, проникший в чужой дом с преступными намерениями, и тут уж с ним обращались, как с настоящим рабом. Обстоятельства для отомщения были во всяком случае благоприятны, а если принять во внимание суровый темперамент древних римлян и их ревнивый нрав, то нетрудно, разумеется, предположить, что они не упускали столь подходящего случая. Кончалось дело тем, что какой-нибудь юный Дон-Жуан, возымевший намерение совратить с пути истинного жену ближнего своего, жестоко в этом раскаивался... Подобные экзекуции, как нетрудно догадаться, были для настоящих рабов огромным развлечением и составляли для них целое празднество.

Но зачастую случалось так, что, вследствие обширного штата рабов в римских домах, искателей любовных приключений открывать не удавалось. Известный историограф Саллюстий вознамерился ухаживать за Фаустиной, женою Мило и дочерью Туллии, но был пойман и не только жестоко избит, но и вынужден был уплатить значительную сумму денег в виде штрафа за непозволительное поведение.

Помимо своей роли как инструмента для наказаний, плеть была в большом ходу у древних римлян во время религиозных празднеств, а именно во время праздника Луперкалий, основанного в честь божества Пана. Название этих торжественных церемоний происходит от Луперкала, обозначавшего место на подошве Палатина, где производилось жертвоприношение. Празднество Луперкалий справлялось пятнадцатого календа марта месяца, т. е. 15 февраля или, как говорит Овидий, на третий день после ид. Учредил Луперкалий Эвандер. Виргилий говорит о танцующих *Solu* и нагих *Luperci*, причем комментатор объясняет нам, что эти *luperci* представляли собою особых любителей, догола раздевавшихся во время какого-либо торжества, расхаживавших в таком виде по улицам Рима с плетью из козьей кожи и избивавших всех встречавшихся им по дороге женщин. При этом женщины не убегали, а наоборот, протягивали свои руки ладонями вверх и подставляли их под удары, ибо существовало поверье, что экзекуция ладоней или других частей тела влияет на то, что пострадавшая становится "плодородной" и приобретает способность с наименьшими страданиями разрешиться от бремени. В самые древние времена Рима существовало два подразделения этих луперков, которые носили имя двух самых знатных римских фамилий: квинтилианы и фабианы, к которым позднее была присоединена еще

третья фамилия - юлианы, названные в честь Юлия Цезаря. Сам Марк Антоний не стеснялся фигурировать в роли *luperci* и, бегая нагишом по улицам, обращался даже к народу с речами. Празднество это было введено во времена Августа, затем было несколько видоизменено и обновлено и держалось до периода царствования Анастасия, т. е. до 496 года, уже гораздо позднее после возникновения христианства. В роли луперков бегали по улицам члены самых родовитых домов, причем с течением времени в самой церемонии было сделано большое улучшение (!). Женщины уже не довольствовались ударами, наносимыми по руке, а в свою очередь также раздевались и таким образом доставляли луперку возможность еще рельефнее доказать силу и ловкость своих мышц. Шутники утверждали, что дамы приходили в такой восторг от подобного "удовольствия", празднество представлялось настолько восхитительным и так нравилось всем, принимавшим в нем участие, что сохранилось даже позднее того, как многие другие языческие обряды и обычаи перешли в область воспоминаний. Конец этим луперкалиям был положен папой Гелазиусом, но его запрещение встретило столько неудовольствия и возражений, что он вынужден был даже написать и обнаружить особую извинительную записку.

Бичевание во время празднеств вошло у многих народов древнего мира просто в род обряда; свое происхождение оно берет из Египта. Отец истории Геродот рассказывает, что во время ежегодного праздника в Бузурисе в честь богини Изиды "в то время, когда совершалось жертвоприношение, все поклонявшиеся в количестве нескольких тысяч человек, мужчины и женщины, занимались избиванием друг друга". По убеждению сирийцев, таким поведением можно было умиловить божества; при этом жрецы пользовались особым инструментом, приготовленным из сплетенных из шерсти веревок с заделанными в них небольшими узлами.

В Лакедемонии ежегодно устраивался праздник, называвшийся "день бичевания"; он состоял, главным образом, в том, что перед алтарем Дианы усердно секли мальчиков. Аналогичные описания встречаются у различных авторов, причем все историографы сходятся в том, что родители и друзья наказываемых мальчиков при этой торжественной экзекуции не присутствовали. Таких мальчиков избирали преимущественно из самых знатных домов, и только позднее допускалось вербовать жертв из менее почтенных слоев населения и из служащего класса. Церемония производилась особым служащим, от которого требовалась полнейшая строгость и отсутствие жалости; для того же, чтобы исключить возможность более сострадательного отношения, у алтаря во время экзекуции находился жрец с небольшой статуэткой богини в руке, которая при малейшем ослаблении ударов плети внезапно становилась невыносимо тяжелой. Родители требовали от своих сыновей полнейшего воздержания от криков во время порки, ибо самое незначительное, но громкое выражение боли считалось для лакедемонянина позорным. Очень часто из ран мальчиков струилась кровь, и, несмотря на это, редко раздавался стон или вообще какое-нибудь выражение страха или боли, хотя многие из секомых так и умирали под плетью. Подобная смерть считалась в высшей степени почетной, похороны несчастной жертве устраивались самые торжественные, и голова покойника украшалась венком из прекрасных цветов. Происхождение этого празднества остается до сих пор неисследованным. По мнению некоторых, учреждение его относится к Ликургу, который таким путем имел в виду приучить спартанское юношество к лишениям, болям и терпеливому отношению к ранам. Это называлось "закалить мальчика". Другие же утверждали, что такие экзекуции были предписаны, но смягчены впоследствии оракулом, который требовал, чтобы на алтарь Дианы приносилась в качестве жертвы человеческая кровь; учредил их, будто бы, по словам этих историографов, Орест после того, как привез изображение Дианы из Тавриды в Грецию. По другим преданиям, Павзаний, совершая жертвоприношение богам, перед началом войны против Александра Македонского, подвергся нападению огромного количества лидийцев, помешавших обряду и обратившихся в бегство после того, как на них посыпался град палок и камней, служивших в руках спартанцев единственным оружием самозащиты. В воспоминание этого события и было введено избивание мальчиков, которое почиталось всеми

так глубоко, что пережило многие политические течения, существовавшие в спартанской республике. О фракийцах также рассказывается, что в определенных случаях народ этот прибегал к порке юношей из лучших семейств, причем экзекуция производилась самым жестоким образом.

ФЛАГЕЛЛЯЦИЯ В ХРАМАХ

К сожалению, не сохранилось никаких указаний на то, существовало ли бичевание в первых монашеских орденах, а статуны, установленные основателями их, не упоминают о добровольном употреблении плети или розог. Предания, дошедшие до нас об этом периоде, говорят, главным образом, о тех наказаниях, которые применял "отец лжи" по отношению к святым; основанием для этого служило, по всем вероятностям, то обстоятельство, что чрезмерная святость казалась ему невыносимой.

Святой Антоний, основатель монашеской жизни, был особенно в данном случае почтен. Дьявол часто навещал его, испытывал его добродетели, всеми способами старался искоренить в нем все хорошее и очень часто прибегал при этом к применению плети и розог. Такой же участи подвергались и другие святые. Хотя самобичевание и не требовалось древними монашескими статунами, тем не менее оно считалось превосходным исправительным методом, причем власть начальника ордена всегда простиралась до того, что наказание им телесного наказания считалось безапелляционным. И еще до возникновения монастырей вообще епископы первых христиан пользовались преимуществом наказывать телесно членов как своей, так и другой общины.

В подобных экзекуциях настоятели монашеских орденов пользовались неограниченными полномочиями. И если кто-либо из монахов попадался в краже или в членовредительстве, либо изобличался во лжи и, несмотря на предостережение братии, все-таки не исправлялся, то, провинившись в третий раз, должен был в присутствии всех братьев подвергнуться процедуре увещания. Но если и это оставалось без результата, то порочный брат должен был понести самое строгое наказание розгами. В другом монашеском правиле говорится о воровстве: "Если монах уличается в воровстве - если он заслуживает еще, чтобы его называли монахом! - то должен подвергнуться телесному наказанию, как за повторный случай распутства, и даже еще с большей строгостью, ибо только развратное поведение могло побудить его совершить кражу". В числе преступлений или проступков, подлежащих наказанию поркой, значился также каждый вид непристойных действий, совершенных над мальчиками или братьями-монахами, причем в подобных случаях наказание приводилось в исполнение публично. Жесточайшие порки назначались всем тем, которые упорно отказывались раскаиваться в своих грехах, проявляя при этом чрезмерную гордость и не желая явиться к своему непосредственному начальству с полной повинной. Попытки убежать из монастыря также наказывались розгами, а за распутное поведение полагалось публичное наказание. Само собой разумеется, что общение с представительницами другого пола было строжайше запрещено монахам, и за малейшее отступление от предписанных на сей предмет правил полагался жестокий штраф. Среди правил этого рода находим следующее: "Тот монах, который остается наедине с женщиной и ведет с ней интимные разговоры, переводится на два дня на хлеб и на воду либо подвергается двумстам ударам". Такое назначение наказания, т. е. приравнение основателем монашеского ордена лишения пищи к телесному наказанию, является лучшим доказательством того, какое высокое значение придавалось монашествующей братией еде и питью. Следующий рассказ служит также великолепной иллюстрацией того, какую чувствительность проявляли эти "друзья хорошего стола". "Один монах-бенедиктинец разжился где-то хорошим винцом и несколькими вкусно приготовленными блюдами; желая в то же время насладиться всем этим с возможно большим комфортом, гурман в рясе пригласил нескольких товарищей и отправился с ними в монастырский погреб, где духовная компания расположилась в большой бочке так, чтобы быть скрытой от посторонних взоров. Настоятель, заметив отсутствие нескольких монахов, пустился на поиски их и, к огромному изумлению пировавшей братии, влез головой в бочку, служившую временной столовой.

Само собой разумеется, что монахи сильно испугались, но настоятель успокоил их тем, что сам забрался в бочку и разделил с ними трапезу. Спустя несколько чрезвычайно приятных часов, настоятель покинул бочку, причем некоторые монахи были в восторге от его снисходительности и общительности, в то время как другие не могли отрешиться от самых мрачных предчувствий. Насколько последние были основательны, оказалось на следующий день, когда настоятель попросил игумена (приора) занять его место, а сам предстал пред всей братией и покаялся в том преступлении, которое совершил накануне. Вместе с тем он ходатайствовал о назначении соответствующего наказания. Провинившиеся монахи должны были последовать примеру своего непосредственного начальника. В конце концов, благодаря умелому выбору экзекутора, настоятелю удалось угостить каждого из своих вчерашних собутельников изрядной порцией солидных ударов".

Поспешность и аккуратность, с которой монахи торопились "вкусить" трапезу, дала повод к известной поговорке: "Поджидают его, словно монахи настоятеля". Иначе говоря - вовсе не ожидают, а усаживаются за стол после звонка, явился ли настоятель или еще не пришел.

Преступное общение с женщинами влекло за собой повторное покаяние при помощи плети, причем существовало правило, в силу которого каждый, взвизгивая плотоядным взором на женщину и не исправляющийся под влиянием телесных наказаний, исключался вовсе из состава братии, дабы не заражать своим поведением собратьев-монахов.

Основатели монашеского ордена питали такое большое доверие к внушительности розги, что за всякий проступок непременно назначали "березовую кашу", причем духовному начальству предоставлялось право по своему усмотрению и желанию увеличивать количество установленных ударов. Нет ничего, разумеется, удивительного в том, что подобными полномочиями начальствующие лица пользовались зачастую очень широко, вследствие чего верховная власть нередко должна была напоминать своим подчиненным, чтобы они не особенно-то увлекались и не засекали преступивших монастырский устав положительно до смерти. Законы не щадили также послушников и вообще кандидатов на духовное звание и предписывали телесное наказание во всех тех случаях, когда, по мнению старших, требовалось улучшить нравственность будущих монахов и священников.

В женских монастырях настоятельницы в смысле назначения телесных наказаний пользовались теми же правами, что и настоятели. Чаще всего экзекуции подвергались те монашенки, которые погрешали против правил приличия или не совсем строго относились к своим религиозным обязанностям. Наказание, по уставу, должно было производиться в присутствии всех сестер, причем в данном случае руководством служили слова апостола: "Наказывай грешащих во всеобщем присутствии".

О самом способе выполнения экзекуции существовали в то время различные взгляды и мнения. На состоявшемся в 817 году съезде духовенства в Аахене постановлено было запрещение наказывать обнаженных монахов в присутствии орденой братии. Некоторые монастыри строго придерживались этого постановления, хотя в других настоятели предпочитали сечь по обнаженным участкам тела, оставаясь при глубоком убеждении, что достоинство покаяния от этого только повысится. Что касается самой наготы, то некоторые зашли в этом направлении очень далеко, и существовало даже мнение, что нагота представляла собой особую заслугу и должна была играть роль чего-то священного. Греческие философы, носившие название циников, очень часто появлялись в публичных местах в таком виде, как их мать родила, не прибегая ни к лоскутам материи, ни к фиговому листу, причем их примеру следовали также и индийские "гимнософисты", каковое слово означает почти то же, что "нагое состояние". Святой Августин рассказывает об адамитах, населявших Европу. Адамиты придерживались того мнения, что- скорее всего будут походить на прародителей наших по грехопадению тогда, когда будут пользоваться тем же костюмом, что и они. Поэтому на всех празднествах своих они игнорировали платья, а по временам в таком виде появлялись даже на улицах. Приблизительно в 1300 году во Франции возникла подобная же секта, которой народ присвоил кличку скоморохов (Turlupins);

последователи ее проповедовали учение о наготе. Аналогичная секта образовалась в следующем веке в Германии под именем пикардов. Они упорно проповедовали свое учение и постоянно появлялись повсюду нагишом. В 1535 году секта анабаптистов сделала попытку устроить в Амстердаме процессию в костюмах Адама, но была встречена враждебно городскими властями и разогнана по домам. В "De Conformitatibus" францисканских монахов помещена заметка о брате Юпитере, который в упомянутом выше виде самолично устроил подобную процессию, не обращая при этом никакого внимания на насмешки и презрение народа, равно как и своих собратьев по ордену.

Такие процессии и появление совершенно обнаженных людей в публичных местах, какое бы участники процессии название и прозвище ни носили, тем не менее возбуждали в массе большой интерес и вербовали каждый раз все новых и новых последователей и подражателей. Экзекуции без обнажения так же мало нравились народу, как обнажение без порки. Оба момента должны были быть соединены вместе, причем кающиеся в грехах должны были совершать умерщвление своей плоти сознательно, с чувством заслуженности и с проявлением полной терпеливости. Только при этих условиях был обеспечен успех, а праздники и всякие торжественности казались благословенными!

Кардинал Дамиан, считавшийся большим авторитетом в деле всевозможных экзекуций, решительным образом высказывался за обнажение во время приведения в исполнение телесного наказания, причем защищал свой взгляд довольно смелым доказательством: никто, говорил он, не должен стесняться показываться в таком виде, в каком не конфузился сам Спаситель!

Еще задолго до того, как умерщвление плоти было санкционировано церковью целым рядом возведенных в систему правил и предписаний, оно было в обращении среди единичных фанатиков и святых. Пустынный Петр вырвал из рук некоего офицера молодую девушку, которую тот хотел соблазнить, но тут у него самого проснулась настолько сильная страсть, что он вынужден был запереться и заняться самым жестоким самобичеванием. Таким образом на глазах сыгравшей столь неожиданную роль девушки Петр восторжествовал над своей похотью!

Святой Бардульф, живший в 737 году, во время поста приказывал своему прислужнику бичевать себя; к тем же мерам покаяния прибегал герцог Аквитанский святой Вильгельм. Святой Рудольф был одним из самых строгих по отношению к себе, ибо он накладывал на себя часто так называемое столетнее покаяние и выдерживал его кряду в течение двадцати дней. Он запирался в своей келий, брал в каждую руку по пучку розог и усердно стегал себя, прочитывая в то же время весь псалтырь. За триста ударов и произнесение нараспев тридцати псалмов покаяния прощались грехи, совершенные в течение целого года; при этом считаем не лишним добавить, что, в силу упомянутого выше столетнего покаяния, полагалось во время нанесения себе ударов пропеть весь псалтырь двадцать раз! Эта метода была излюбленной у святого Доминика Лорикатуса. Он обыкновенно раздевался донага и в часы отдохновения, вооружившись двумя пучками розог, умерщвлял свою плоть. Продолжительность подобного раскаяния в грехах регулировалась в описываемые времена временем, потребным для прочтения или пения псалмов. В настоящее время покаяния значительно видоизменились, ибо продолжают теперь только ровно столько, сколько требуется для произнесения в медленном темпе 51-го и 130-го псалмов. Далее, рассказывают о святом Доминике, будто он носил постоянно плеть при себе и наносил ею себе удары регулярно каждый день перед сном, независимо от того, где именно приходилось ему ночевать. Более всего способствовал введению бичевания в церковном обиходе конечно кардинал Дамиан, епископ Остии, деятельность которого относится к 1056 году. Особыми предписаниями и личным примером он способствовал сильному распространению подобного способа умерщвления плоти, причем в его время сечение вошло положительно во всеобщее употребление и сделалось необычайно модным. Повсюду можно было видеть людей святой жизни различного ранга и положения с плетями, розгами, ремнями и венками (метлы из прутьев) в руках, которые усердно стегали себя этими инструментами, мечтая

таким образом достигнуть благоволения божественной силы. Светская власть не в состоянии была спасти от подобных покаяний даже самых могущественных королей, а знатные мира сего всех стран подчинялись духовной власти добровольно и увеличивали собою ряды самобичующихся.

В действительности, может показаться крайне удивительным, что духовенство ввело столь болезненное обыкновение к применению розги и могло выносить столько ударов при экзекуциях. Но мы не должны забывать, что могущество духовных отцов по отношению к накладываемым на паству покаяниям было неограниченно. Само покаяние представляло собою церковное таинство, причем духовник не успокаивался до тех пор, пока его пасомый не выполнит всех обетов, наказаний и параграфов, относящихся к умерщвлению плоти путем самобичевания. Из истории мы видим, что короли, по простому и ничем не мотивированному приказанию своих духовников, объявляли войны и предпринимали крестовые походы в Святую Землю, что королевы паломничали по опасным дорогам в священные города. После всего этого нечего уж удивляться тому, что церковь с успехом могла ввести в обычай и обряд болезненное и тяжелое по жестокости применение телесных наказаний.

Со времени введения последних многие одухотворенные и талантливые писатели рекомендовали розгу и прочие атрибуты экзекуции в качестве самого действенного средства для подавления плотских вожделений. Да и на картинах с религиозными сюжетами очень часто фигурировал этот метод умерщвления плоти. В своей "Ars poetica" Гораций поет: "Художники и поэты постоянно пользовались радостным для них преимуществом иметь право решительно на все". И на самом деле, в картинах религиозного содержания художники пользовались своим правом широкой рукою. Они никогда не изображали портретов пустынножителей и святых без того, чтобы в каком-нибудь углу полотна не фигурировали розги, плети или подобные им инструменты для телесных наказаний, и если лики, как выразился папа Григорий Великий, представляют собой "библиотеку невежественных христиан", то, по мнению художников седой старины, розга самым строжайшим образом должна была быть связана со святым образом жизни.

Начав с самобичевания, святые отцы Церкви, а за ними и духовенство стали применять то же наказание по отношению к своей пастве, а с течением времени приняли сами на себя роль исполнителей экзекуции. Само собой разумеется, что подобное положение вещей породило различные злоупотребления, и особенно во время исповеди кающихся грешниц. Неудивительно, что некоторые духовники старались использовать каждый подходящий случай и с неудержимым усердием потворствовали собственным своим страстям.

Всякий духовник, уже по своему амплу, подвержен различным в упомянутом смысле опасностям. Сплошь и рядом ему приходится выслушивать длинные исповеди из уст женщин всякого возраста; при этом святому отцу передаются и совершенные уже грехи, и те, которые вот-вот собирается совершить данная исповедница. Поэтому нечего удивляться, что в голове духовника порою роятся такие мысли, которые идут вразрез с данным им обетом. Зачастую случается и так, что под видом серьезного покаяния молодые грешницы имеют в виду исключительно соблазн своего исповедника. Одна из таких плутовок сама призналась, например, что, прельстившись проповедническим талантом патера Жирара и невзирая на то, что ему было уже за пятьдесят лет, она возымела желание во что бы то ни стало обладать им. В руководствах, специально написанных для духовников, последние предостерегались от интимных разговоров с прекрасным полом, который в деле соблазнения гораздо более искусен, нежели мужчины. Исповедникам рекомендовалось во время посещения их женщинами оставлять все двери исповедальни открытыми и, кроме того, на видных местах повесить те выдержки из псалмов, которые наиболее соответствуют данному положению и могут служить средством к укрощению животных инстинктов и злых мыслей. Вот подходящее выражение из "Retro Satanes": "Изыди, сатана!" Таким образом имелось в виду устранить возможность соблазна.

Впрочем, в нашем распоряжении имеется достаточное количество примеров того, что

духовные лица не препятствовали своим духовным дочерям злоупотреблять подобными предписаниями; мало того, они сами очень часто употребляли все усилия для того, чтобы злые помыслы кающихся грешниц не явились общественным достоянием. В своем рассказе "Горы Каталонии" Лафонтен рассказывает о подобных случаях. Некий испанский монах, например, уговаривал молодых женщин жить с ним в "святом общении". Другие для достижения тех же целей прибегали к розгам, возражая на естественное чувство стыда, появлявшееся при экзекуции у духовных дочерей, ссылкой на Адама и Еву, которые пребывали в раю также оголенными, и на обряд крещения и воскресения Господня.

Сечение рассматривалось как необходимый симптом подчинения церкви, равно как и род удовлетворения за совершенные грехи; при этом отлучение от церкви никогда не обходилось без того, чтобы кающийся не подвергся предварительно публичному наказанию. Генрих II Английский безрассудными и наглыми речами старался убедить многих, что требуется смерть Фомы, епископа кентерберийского. Вскоре епископ действительно был убит, и, несмотря на то, что король выражал по этому поводу великое свое сожаление, церковь до тех пор не хотела дать ему отпущение, пока он не подставит обнаженную спину свою под удары розог. Покаяние в грехах было совершено в Кентерберийском кафедральном соборе. Король преклонил колена пред могилой убитого Фомы, обнажился до половины, спустил власяницу, покрывавшую его плечи, и от руки каждого присутствовавшего в соборе епископа получил по пяти ударов, а монаха - по три (их было восемнадцать). Экзекуцию начал Фалиот, стоявший рядом с королем с особой "монашеской розгой" (balai) в руке.

Генрих IV также должен был подвергнуться подобному церковному покаянию, прежде чем за еретичество отправиться в ссылку, но он был очень хитер и всеми способами постарался избавиться от этого наказания путем подставных лиц. Его заместителями были монсиньор Д'Осса и монсиньор Дю Серрон, сейчас же вслед за сим получившие сан епископа. Наказание было произведено самим папой, причем во время экзекуции распевалось Miserere; судя по дошедшим до нас сведениям, розга, как бы из уважения к личностям наказуемых, была особенно к последним милостива.

Еретики не были изъяты из сферы действия плети; наоборот, она очень часто гуляла по их спинам; при этом духовные отцы имели в виду возвратить ослепленных к церкви. И если только верить биографам святых, то прекрасная половина человеческого рода, в свою очередь, имела также долю в этих убедительных увещаниях. Очень часто легкомысленные и лукавые женщины беспокоили преданных отцов церкви, причем последние крайне редко отпускали их без того, чтобы не прописать грешницам основательной порки. О Бернардине из Сиены рассказывают, как в ответ на любовное признание молодой жинщины он ответил энергичным языком розги, причем рассказчик прибавляет: "Отведавшая березовой каши женщина еще сильнее возлюбила святого отца, теми же чувствами проникся к нему и муж красавицы, узнавший о ее похождениях".

Последователи самобичевания не ограничивались исключительно предписаниями и примерами бичевания самих себя и других при каждом удобном случае и, наконец, длинными и учеными трактатами. Нет! Для проповедования основ своего учения они изобретали всевозможные изумительные истории. Возможно, что в своем воодушевлении они сами верили в них, либо предполагали, что всем этим небылицам прежде всего поверит простой народ. Один из святых утверждает даже, что путем бичевания можно спасти грешные души из ада, что неоднократно подтверждалось примерами. Монах по имени Винцент (Викентий) рассказывает, что в монастыре Святого Сильвестра в Италии умер монах и, когда вся братия пела у гроба его заукойные молитвы, он вдруг воскрес, стал ужасно браниться, проклинал Бога и Деву Марию за то, что в аду его сильно мучили, причем пение псалмов нисколько ему не помогло. Несмотря на усердные увещания, монах не переставал богохульствовать до тех пор, пока монахи, присутствовавшие при этом, не разделись догола и не стали истязать себя плетьюми... И вдруг свершилось чудо: грешник стал благоразумен, начал просить прощения и раскаиваться. Он и до сих пор восхваляет Господа Бога и молится ему и вообще обнаруживает полную покорность.

Помимо рассказов, трактующих о пользе бичевания, имеется еще целая серия таких, которые созданы для вселения страха в неверующих. Кардинал Стефан, ревностный противник флагеллянтства, в наказание за свои "ложные воззрения" скоропостижно, говорят, скончался. Де Шантре рассказывает об одном парижском канонике Викторе и говорит, что последний всю жизнь свою боролся с желанием подвергнуться бичеванию или самобичеванию. Незадолго до своей смерти он в разговоре с одним из своих братьев по монастырю выразился, что желает посетить последнего с того света. В один прекрасный день каноник умер и действительно явился к монаху с визитом. "Ну-с, - спросил монах, как поживаешь, милый друг?" "О, прекрасно, - ответил умерший каноник, - но вследствие того, что при жизни я не хотел наказывать свое тело, ни одна душа, находящаяся в аду, во время моего странствования по чистилищу не посмела нанести мне ни одного приличного удара".

Случается и так, что сечение происходит по предписанию дьявола. Святой Виргилий рассказывает, что сам сатана отдал распоряжение - высечь вора четырьмя розгами, так как он украл из алтаря одного святого четыре восковые свечи. В свою очередь, и черту приходится временами получать порку, и даже по назначению святых женщин, как повествуют нам о том преподобные отцы. В своей книге "Причина происхождения празднества тела Христова" отец Физен говорит об одной монашенке по имени Корнелия Юлиана; в комнате этой монашки другие сестры слышали очень часто страшный шум. Этот шум объяснялся ее борьбой со злым духом, которого она, крепко придерживая, награждала ударами плети, топтала ногами и вообще жестоко издевалась над ним.

Святые, оказывается, часто покидали рай, и даже сама Дева Мария, случилось, являлась на землю, чтобы защитить ревностных последователей веры от притеснений и несправедливости. Некий епископ лишил сана одного каноника за то, что считал его невежественным и неподходящим к духовному званию. Но так как каноник этот являлся большим почитателем Божией Матери, то последняя предстала как-то ночью в сопровождении некоего мужа пред епископом, приказала выпороть его и велела назначить каноника на прежнее место.

ФЛАГЕЛЛЯЦИЯ У КАРМЕЛИТОВ

Первоначальные правила, введенные в кармелитском ордене, отличались своею мягкостью и содержали мало предписаний, касавшихся умерщвления плоти и покаяния, равно как и других религиозных пыток. Святая Тереза, основательница ордена босых мужчин и женщин кармелитов и кармелиток, первая подала пример сурового бичевания. Она была не в меру преисполнена религиозным фанатизмом, причем повышенная сила воображения ее, необыкновенный полет фантазии и склонности к приключениям авантюристического характера настолько доминировали в ней, что из первоначального нервного подъема духа впоследствии образовалось форменное психическое расстройство. Уже семилетней девочкой она мечтала быть причисленной к лику святых, бредила бичеванием и пытками, говоря обо всем так, как мы привыкли слышать из детских уст о Робинзоне Крузо. В ней зародилось желание вместе со старшими братьями удрать из родительского дома к арабам, чтобы погибнуть среди этого народа во славу Иисуса Христа. Но планы их стали известны отцу, который пребольно наказал дочь и сына розгами.

В имени отца Тереза вела отшельническую жизнь, наподобие анахоретов в Сирии и Египте. Затем она стала увлекаться историями и рассказами, в которых действующими лицами являлись рыцари, где говорилось о любви и войнах и где описывались сцены пыток. Она до того увлеклась всем этим, так сильно подобные книги воодушевляли ее, что отец не нашел иного исхода, как запереть ее в монастыре. Здесь она совершенно отрешилась от мира, лучшими друзьями ее сделались розга, плеть и виселица. Наиболее всего восхищала ее процесс бичевания, доводивший ее буквально до энтузиазма. Она с удовольствием отдала бы свою жизнь за то, чтобы быть в состоянии высечь весь мир и претерпеть самой удары от всего мира - эти два обстоятельства целиком захватили собою все мысли молодой монашенки. Поданный ею пример произвел колоссальное впечатление, монахи и монашенки старались превзойти ее, и орденские правила изо дня в день становились все строже и

строже.

Обычное умерщвление плоти, или покаянное наказание, совершалось монахами по понедельникам, средам и пятницам, а монашенками - во все праздничные дни. Бичевание продолжалось столько же времени, сколько молитва "Miserere", которую распевали после богослужения. Производилось при этом оно так энергично, что кровь с обнаженных спин струилась ручьями. Насчет особенных экзекуций необходимо было испрашивать особое разрешение настоятеля. Этого рода бичевания производились ночью, иногда два раза в день, иногда же три-четыре раза за великопостный период. В определенные дни настоятель собственноручно порол всех живущих в монастыре, встречая со стороны последних полное смирение и благодарность. Одна из келий была запружена розгами, причем каждый послушник и каждая послушница должны были лично выбрать для себя "инструмент", наиболее отвечающий их вкусам. Самое тяжелое покаянное наказание носило название "Ессе homo". При выполнении этой экзекуции кающийся должен был раздеться до пояса, покрыть свое лицо пеплом, надеть на голову терновый венец, взять под левую руку крест, в правую руку плеть или розгу и затем, расхаживая по помещению, где происходили ежедневные трапезы, и вознося к престолу Всевышнего обычные молитвы, - наносить себе беспощадные удары. Особенно строго обращались с послушниками и послушницами ордена: их наказывали за самые ничтожные и малозначащие проступки. Бывало так, что на обнаженных спинах их сжигали бумагу, затем секли их и угрожали исключением из братии до тех пор, пока несчастные не ходатайствовали о назначении им еще более суровых наказаний. Согласно существующему предписанию, кающиеся должны были пасть на колени, обнажить свою спину и после совершения экзекуции поблагодарить исполнителя наказания словесно и, кроме того, поцеловать полу его платья.

У монашенок-кармелиток существовало три степени покаяния, в зависимости от совершенного ими преступления или нарушения орденских статуты. Одних наказывали в особых помещениях, других в присутствии всех обитателей монастыря с настоятелем или замещающим его. Первый род наказания применялся к тем монашенкам, которые бегали на кухню или посвящали слишком много времени процедуре одевания. В комнату для посетителей монашенка не смела являться одна: ее постоянно сопровождала другая кармелитка, которая все время наблюдала за ней. И если монашенка говорила со своим гостем или гостьей о светских делах, то приговаривалась к содержанию в течение девяти дней в карцере и - для освежения - к порке через два дня в третий. Тому же наказанию подвергалась монашенка-наблюдательница, присутствовавшая при совершении преступления и не донесшая об этом. Те, которые являлись в комнату, предназначенную для приема гостей, сами наказывались три раза розгами в присутствии всех сестер-монашенок и, помимо этого, переводились в одиночное заключение на три дня на хлеб и воду. Если же провинившаяся, не пригласив сестры, кроме того, разговаривала еще с посторонними, то наказание в значительной степени усиливалось. Преступница должна была лечь на пол и в таком положении просить прощения, затем должна была обнажить свои плечи и получить от настоятеля столько ударов, сколько ему заблагорассудится. Получив разрешение встать, она отправлялась в свою келью и, не пользуясь обычными правами и преимуществами, оставалась там до тех пор, пока ей не давали знать, что получилось от настоятеля прощение. Во время трапезы, одетая в рубище, провинившаяся должна была лежать в столовой на полу, и здесь получала она отпущенное ей количество хлеба и воды. При богослужении она должна была лежать расprostертой у входа на хоры, причем сестры либо переступали через нее, либо ходили по ее спине.

Чрезмерная работа, любопытство и дружественная улыбка немедля также наказывались. Ученые монахи, которым разрешалось носить обувь, влачили менее тяжелую жизнь, но и среди них применение розги практиковалось сплошь и рядом. Капуцинские верхние одежды их, равно как и рубашки, отличались большим выкатом, благодаря чему плечи легко обнажались, и наказание приводилось в исполнение. Чтение запретных книг, невнимание во время богослужения и прочие проступки подобного рода безотлагательно

наказывались розгами. Существовало пять степеней наказания. За незначительные промахи преступник должен был стать пред настоятелем на колени, целовать его платье и ноги (несмотря на то, что последние были очень грязны!). При второй степени применялось простое сечение. Третья степень влекла за собой несколько дней строгого поста и публичную экзекуцию. Четвертая степень знаменовалась жесточайшей поркой розгами. Приговоренный к наказанию раздевался в столовой и, насытившись вдоволь "березовой кашей", запивал и заедал ее хлебом и водою, принесенными ему на деревянной тарелке. За особенно значительные грехи назначалась тюрьма и пытка, и преступники, после варварской экзекуции розгами, голодные, холодные и нагие, отправлялись в деревянные колодки в сырую темницу.

В столь строгом ордене, каким является орден кармелитов, находились, само собой разумеется, и другие блестящие примеры умерщвления плоти путем телесных истязаний, помимо святой Терезы. Так, одна из монахинь имела обыкновение наносить себе удары с помощью кочерги, другая, а именно Екатерина из Кордоны, носила так ревностно власяницу и железные цепи, что последние врезались ей в тело и причиняли, по всем вероятностям, хотя и добровольные, но невыразимые мучения. Зачастую Екатерина эта истязала себя цепями, крючьями, плетью, густо снабженными металлическими шипами и иглами; жила она уединенно в пещере, подушкой служил камень, покрывалась она круглый год тем единственным платьем, которое постоянно было на ней. В конце концов она форменным образом сошла с ума и, как царь Навуходоносор, ползала по полям, щипала траву и ела ее вместе с корнями деревьев.

Отец Александр, кармелитский монах, наказывал себя плетью до тех пор, пока буквально не выбивался из сил; затем он приглашал для продолжения экзекуций кого-либо из послушников на помощь, а если случайно на его зов никто не являлся, то он усаживался в покойное положение и духовно, мысленно воспринимал удары, все время представляя своим духовным взором процедуру истязания. Телесные наказания были, если можно так выразиться, насущным хлебом для него, и он частенько отправлялся по своей инициативе в ризницу и тем вымаливал себе разрешение на получение "освежающего".

Одним из самых изумительных членов ордена сестер-кармелиток была Мария Магдалина Паппи, родившаяся во Франции в 1566 году. Уже в семнадцатилетнем возрасте она была причислена к этому сообществу и своей любовью к телесным истязаниям, т. е. к упражнениям в покаянии, достигла высшей степени святости. Перед тем, как ложиться спать, она надевала на себя колючий пояс и на голову - терновый венец и так проводила всю ночь. В виде же особого наслаждения, которое она называла подкреплением и освежением, все сестры-монашенки, по собственному желанию Марии Магдалины Паппи, секли ее плотно привязав предварительно к алтарю.

Здесь необходимо упомянуть также об ордене Fontevault, учрежденном Робертом Аубрисским. Он толковал по-своему главу 20 евангелиста Иоанна и утверждал, что Иисус Христос проповедовал совместное сожитие обоих полов, причем женщины должны властвовать над мужчинами. Таким образом монахи и монашки, последователи этого ордена, вели под начальством настоятельницы совместную жизнь, последствия которой не трудно, конечно, представить себе. Явилась настоятельная необходимость изменить правила этого ордена, который в 1100 году и в следующие насчитывал целых пятьдесят монастырей.

Чаще всего монашенки секли послушников, и, если последние во время экзекуции не проявляли достаточно смиренномудрия, им назначалось новое наказание, причем задавался вопрос: не лучше ли быть высеченным нежной рукой женщины, нежели грубой мужской рукой?

ФЛАГЕЛЛЯЦИЯ У ТРАППИСТОВ И ДРУГИХ МОНАШЕСКИХ ОРДЕНОВ

Орден цистерцианцев, основанный Робертом Альберихом и Стефаном, в незначительной только степени требовал от своих последователей поклонения флагеллянтизму. Другой орден, известный под именем Fenillant, члены которого - мужчины и женщины - вели совместную жизнь, был орденом повседневной порки; здесь монахи и монашенки

попеременно секли друг друга. Орден Порт-Рояль не оправдал возложенных на него надежд и упований и в 1709 году был раскассирован иезуитами. Наиболее важные реформы в ордене цистерцианцев были проведены Ла-Траппом и Септфонсом. Риенсе Ла-Трапп жил в середине семнадцатого столетия и в юности своей пользовался особенной благосклонностью женского пола. После смерти герцогини Монтблан, в которую он был безумно влюблен, Ла-Трапп изменил коренным образом свой образ жизни и занялся преобразованием уставов того монастыря, в котором он занимал должность настоятеля. Он ввел сечение, работы в виде наказания и обет молчания. В то же самое время были введены законы Септ-фонса и Бофорта, но они не отличались той суровостью, как ла-трапповские, который от своих современников получил прозвище палача ордена. В акте покаяния в грехах главную роль, по требованию Ла-Траппа, играла розга. При вступлении в орден дамы ей подносился красивый, новый "инструмент", причем твердо напоминалось, что его нужно применять с усердием и строгостью.

В школах траппистов царил неимоверная и безграничная суровость: не вовремя произнесенное слово, не в надлежащее место устремленный взор, необычное наклонение головы или улыбка наказывались жесточайшим образом розгами по обнаженным участкам тела. Ни в чем не провинившиеся должны были нести наказание вместе с "преступниками" своей среды; таким путем прививалось послушание. Подобные штрафы налагались на девятнадцатилетних и двадцатилетних послушников.

Такой же режим царил и в женских монашеских школах. Монахини в Падерборне должны были видеть удовольствие и развлечение в том, чтобы наказывать розгами своих воспитанниц. Такое положение вещей закончилось закрытием школ этого рода, причем Дон Августин, приобретший, благодаря своей жестокости, печальную репутацию, вынужден был скрыться в Швейцарию, где не встретил своему образу мыслей никакого препятствия.

Во время революции орден траппистов вынужден был бежать из Франции и вернуться только с восстановлением в государстве порядка. Некоторые из статутах и обычаев этого ордена были поистине ужасны. Трапписты носили власяницу, железный пояс, сделанный из проволоки и снабженный колючими шипами, внедряющимися в тело, и бичевали себя особыми инструментами из толстой узловатой веревки. Время от времени голова кающегося трапписта во время экзекуции просовывалась в особую дырку, носившую специальное название "le trou patri". Таким образом траппист не мог знать, кому именно обязан он своими страданиями.

Благополучие ордена было обеспечено и процветало под императорской защитой, и мало-помалу количество приверженцев его росло, причем в период времени с 1814 по 1827 год в нем насчитывалось одних только монахинь приблизительно 600, расселенных в различных монастырях. Госпожа Аделаида Бурбонская и мадам де Жанлис также находились в списке трапписток, причем последняя под старость преклонялась перед могуществом розги еще усерднее, нежели во времена своей цветущей юности. Аделаида Бурбонская совершала умерщвление плоти положительно фанатично и относилась к болезненной процедуре покаяния с изумительным смиренным усердием.

В Испании были основаны известные монастыри: королевское аббатство Лас-Хуельгас и госпиталь в Бургосе. Оба эти монастыря отличались колоссальным богатством. Они определяли некоторых из своих членов в университеты, и, если студенты во время прохождения курса вели слишком светский образ жизни, их приглашали в монастырь данного университетского города и там в присутствии обительниц женского пола беспощадно пороли.

Самой известной флагеллянткой среди цистерцианцев была мать Базидеа из Сиены. В дни своей молодости она прибегала для самоэкзекуции к железным прутьям и истязала себя до тех пор, пока не плавала в луже собственной крови. В зимние месяцы она проводила целые ночи напролет в снегу, летом укладывалась спать на крапиву или шиповник. После экзекуции эта фанатичка заставляла поливать свои раны уксусом или обсыпала их солью. Особенное наслаждение испытывала она от порки, произведенной с помощью колючих

веток шиповника. Всякие колючки имели в ее глазах большую прелесть, нежели цветы, и вместо кровати, усыпанной розами, она устраивала себе постель из гороха или свинцовых пуль. Кульминационным пунктом блаженства Аделаиды Бурбонской являлась возможность вертеться на острых, колючих предметах. Как-то раз она приказала повесить себя за ноги к камину, в котором была зажжена мокрая солома: таким образом она устроила себе копчение. В монастыре она удваивала все эти пытки раскаивания в грехах и доходила в своих выдумках до того, что духовник ее получил соответствующий запрос. Зато сама Аделаида Бурбонская достигла таких высоких ступеней святости, что удостоивалась личных явлений Иисуса Христа в виде особых видений...

Ее подражательницей и единомышленницей была Елизавета Жентонская; эта отличалась еще большим мистицизмом и постоянно была окружена всевозможными видениями. Благодаря неимоверным экзекуциям самого инквизиторски утонченного свойства, она, по ее мнению, видела особые вещи сны. Наивысшим блаженством для нее было сечение в совершенно обнаженном виде.

ФЛАГЕЛЛЯЦИЯ У ФРАНЦИСКАНЦЕВ И У ПОДОБНЫХ ИМ ОРДЕНОВ

Орден францисканцев был основан в тринадцатом столетии Франциском Ассизским, который славился среди современников как высокоодаренный и в высшей степени одухотворенно-религиозный человек. После бурно проведенной молодости Франциск Ассизский резко изменил свое поведение и энергично занялся стремлениями духовного порядка, проявляя в данном случае столько же силы воли и характера, сколько в своей прежней распутной жизни. Он добивался всевозможными способами смирения и понимал его в духовном и телесном смысле слова. Он бегал нагишом по улицам, ел сено и чертополох, как лошади и ослы, подвергался побоям со стороны уличных мальчишек, несмотря на то, что в дни детства и юности отец его тщетно пытался воспитывать своего сына при помощи розог - тогда они имели совершенно противоположное действие.

Когда все заговорили о святости Франциска Ассизского, он основал свой собственный орден, последователям которого в честь основателя присвоено было название францисканцев. В первое время женщины к этому ордену не причислялись, но затем, когда Франциск Ассизский познакомился с Кларой Сейфо, которая была одухотворена так же, как и он сам, произошло изменение, и, по настоянию этой женщины, появились и францисканские монашенки. Воспитание Клары стоило отцу ее столько же трудов, сколько и родителям Франциска Ассизского; розга была ей знакома с самого раннего детства. В результате экзекуции усиливали только мистическое настроение Клары, и таким образом более подходящей единомышленницы Франциску невозможно было придумать. Сошлись они на почве, главным образом, совместных молитв, обоюдного сечения и тому подобных духовных упражнений.

Так как Франциску невозможно было держать свою духовную невесту при себе в монастыре, то он поручил ее бенедиктинцам, но и там преследования со стороны родных продолжались. Когда же отец и дядя вздумали примерно наказать экзальтированную Клару, случилось чудо: руки обоих мужчин неожиданно утратили свои функции, стали бессильны, и таким образом девушка была избавлена от экзекуции. Она убежала вместе со своей младшей сестрой от бенедиктинцев, основала монастырь, который немедленно прославился и был принят под опеку несколькими кардиналами. Кардинал Гугоминиус одобрил ее систему покаяния и умерщвления плоти, хотя святой Франциск и рекомендовал изменение предписаний ее ордена в смысле смягчения их.

После смерти Франциска и Клары ордена их распались на отдельные партии, которые не всегда относились одна к другой доброжелательно. Изабелла, дочь Людовика XIII, основала ветвь францисканцев, так называемых урбанских монашенок. Несмотря на энергичные увещания, она решила уйти в монастырь, мотивируя свой поступок тем, что порядок покаяния там более ей по сердцу, нежели вне монастырских стен, и более приятен, чем радости придворной жизни. Необходимо прибавить при этом, что дворцовая Обстановка Изабеллы мало чем отличалась от сурового монастырского режима: так усердно занимались

там умерщвлением плоти. Она приобрела госпиталь и обратила его в монастырь, названный ею "Смирение наших милых женщин". Причисленные к этому монастырю монашески, происходившие преимущественно из знатных фамилий, с течением времени подняли против сурового режима единогласный ропот, и дело кончилось тем, что сам папа взял на себя труд пересмотра и смягчения статута.

Основательница ордена капуцинов, Мария Лаврентия Ломпа, представляла, в свою очередь, блестящий пример фанатичности, святости и ханжества. После смерти своего супруга, бывшего министром в Неаполе, она устроила госпиталь для неизлечимо больных, сама же несла в нем обязанности простой служанки. Стоило ей проявить в чем-либо нерадение по службе, как она сама настаивала пред непосредственным начальством о назначении ей самого строгого наказания. Чаще всего она раздевалась до гола, ложилась на пол и настоятельно требовала наиболее энергичного применения стального прута, служившего излюбленным ее инструментом для выполнения экзекуции. Несмотря на проявляемое усердие, ни один из палачей не мог угодить ей; всех она упрекала в том, что удары наносятся ей недостаточно сильные. Позднее она была назначена настоятельницей одного из капуцинских монастырей, в котором скончалась от последствий необузданного умерщвления плоти. Учрежденный ею монастырь распался, на его месте кардинал Барониус устроил сиротский дом, но призреваемые в нем бедные девочки, вследствие тяжелого режима и частых экзекуций, чувствовали себя довольно плачевно и влачили далеко не завидное существование.

Вторым ответвлением францисканцев явился орден кающихся, главной персоной в котором и самой яркой звездой была итальянская графиня Анжелина Корбен. В 12 лет она поклялась блюсти самым строжайшим образом свою невинность, но, несмотря на данный обет, была через несколько лет вынуждена под влиянием тяжелых репрессий со стороны отца выйти замуж. Брачную ночь свою она провела в непрерывной молитве. Молодому супругу не оставалось ничего иного, как лицезреть процедуру самобичевания. Само собой разумеется, подобное положение вещей не могло оставаться долго неизменным, и молодой человек начал настаивать на расторжении брака. Покинув мужа, графиня Анжелина вместе с несколькими молодыми женщинами отправилась в Фолинья и основала там монастырь. С течением времени возникли с аналогичными статутами другие монастыри, из числа которых назовем мадридский в Испании, где значительное количество молодых девушек воспитывалось францисканскими монахами. Розга пользовалась здесь большим уважением, причем молодые воспитанницы, дочери преимущественно знатных родителей, подвергались телесному наказанию со стороны монахов так часто, как это только нравилось святым отцам.

Ромуальд, основатель ордена камальдоленских и селестинских монахов, слыл одним из усерднейших флагеллянтов и учредил монастырь, в котором самую главную роль играла розга. К этому ордену принадлежал кардинал Дамиан, имя которого мы уже несколько раз упоминали выше.

Селестинский орден был учрежден папой Селестином пятым; последователи этого ордена давали обет молчания и воздержания. Наказания здесь существовали самые строгие; во время процедуры покаяния в келью монахов через специальные решеточки заглядывали настоятели и таким образом убеждались, происходит ли экзекуция усердно. Временами экзекуции производились в присутствии всей братии, иногда кто-либо из монахов наказывался плетью "просто так", хотя он и ни в чем предосудительном замечен не был. В данном случае святые отцы придерживались очевидно взглядов известного школьного учителя, который говаривал: "Хорошая порция розог никогда лишней не бывает! И хотя ученик, быть может, порки вовсе не заслужил, но если он получил ее уже, то, следовательно, заслужил бы все равно".

ФЛАГЕЛЛЯЦИЯ У КАРТЕЗИАНСКИХ МОНАХОВ

Орден картезианцев, основанный в одиннадцатом веке, благодаря своей суровости по отношению к процедуре раскаяния в грехах, был в свое время повсюду притчей во языцех. Все предписания и правила, касавшиеся умерщвления плоти, были выработаны там самым

тщательным образом. Преступники должны были совершенно обнаженными являться пред грозные очи настоятеля, который тут же налагал и выполнял соответствующее наказание. С послушниками обходились относительно не так строго, но за склонность к еретичеству и за прочие противные статутам ордена преступления назначалось обыкновенно четырнадцать дней строгого поста, четырнадцать же других дней посвящались ревностному бичеванию в присутствии всей монастырской братии.

Никаких отступлений от этих правил не полагалось, и даже во время путешествия необходимо было заниматься методическим умерщвлением плоти. Правом наказания послушников розгами настоятели пользовались с усердием, достойным лучшей участи. Прихожане получали двойную порцию розог и жестоко избивались в постные дни; розгой или плетью захватывалось место, простирающееся от плеч по спине до самых голеней! Когда, по усмотрению настоятеля, обыкновенной березовой розги было недостаточно, прибегали к более внушительным инструментам.

Главные три правила этого ордена следующие: наказание, исполнение статут и добровольное покаяние, иначе говоря - самобичевание по своей собственной инициативе.

Не менее строгими в сравнении с картезианцами были монахи и монашенки ордена Тринитария; они также усматривали в розге единственное средство к достижению высшего блаженства.

Орден святого Бенедикта, самый богатый и значительный из всех орденов, прибегал к умерщвлению плоти в умеренных размерах; послушники и воспитанницы монастырей в большинстве случаев были вовсе изъяты от наказания розгами и плетью.

Отцы смерти, ценобиты и эремиты, как говорится, горой стояли за телесное наказание. В этих орденах существовало обыкновение, в силу которого настоятели сначала накладывали покаяние на других, а затем сами выполняли его. Отсутствие кого-либо из монахов на богослужении наказывалось публичной поркой.

Премонстратенский орден, представляющий собою ответвление бенедиктинцев, был основан также в одиннадцатом веке Робертом Кельнским и пользовался крайне определенными и в то же время строгими параграфами уложения о наказаниях. Ежедневно существовала особая церемония, во время которой должны были присутствовать обязательно все причисленные к монастырю, причем те, которые чувствовали за собой какую-либо вину, должны были принести публичное раскаяние. С этой целью они бросались ниц на голый пол и по очереди получали положенное количество ударов от руки самого аббата. В отношении наказания подчиненных ему монахов он пользовался неограниченными правами и, следовательно, назначал количество и качество ударов, характер которых находился в прямой зависимости от темперамента экзекутора. Назначенный надзирать за послушниками монах отвечал за совершенные последними проступки; при монастыре существовало нечто вроде зала судебных установлений, члены которого собирались через определенные промежутки времени, выслушивали обвинение, предоставляли подсудимому оправдываться, допрашивали свидетелей, назначали и приводили в исполнение наказание. Последнее совершалось непосредственно после произнесения приговора.

Преступления подразделялись на четыре класса или разряда. К первому классу принадлежали: медлительность при выполнении тех или иных работ, неаккуратность во времени по отношению к еде, несоблюдение правил относительно регулярного бритья физиономии, забывчивость и невнимание, нерадивость, небрежность, беспечность и проч. Виновный в одном из этих проступков должен был повторить определенное количество раз "Отче наш" и поцеловать ногу у некоторых из братьев-монахов. Ко второму разряду относилось: 1) если кто-либо из братьев ордена являлся слишком поздно в церковь в день Рождества Христова; 2) если он относился невнимательно к пению в хоре; 3) если он, находясь в хоре, смеялся или смешил других; 4) если без позволения отсутствовал за столом, в церкви или в хоре; 5) если он опаздывал к ежедневной мессе; 6) если начинал есть или пить, но молитвы предварительно не произнес; 7) если входил или выходил, предварительно не перекрестившись; 8) если убеждал кого-либо из братьев по ордену называть посторонних,

не причастных к монастырю лиц отцом или братом. За все подобные преступления виновный подвергался следующим наказаниям: он обязан был целовать всем братьям-монахам ноги, произнести много раз кряду "Отче наш", находясь в это время со скрещенными и вытянутыми руками, и принимать пищу не за столом, а с земли или полу. В третий разряд включены следующие проступки: произнесение неблагоприятных слов или совершение несовместимых с саном поступков; ложь; потворствование или прощение вины ближним своим и разговоры с родственниками без предварительного на то разрешения настоятеля монастыря. Если совершивший то или другое преступление сам сознается в содеянном грехе, то наказывается двумя постами или тремя публичными порками. Если же обвинение предъявляется и подтверждается не им самим, то назначается три раза пост и четыре порки. К четвертому разряду преступлений относятся все тяжкие грехи, как-то: божба, клятвы, драки, воровство, азартные игры, неповиновение и противоречие настоятелю и предъявление к последнему судебного обвинения. Виновный должен был явиться к начальству, признаться в своем преступлении и просить назначения наказания.

Затем его секли и приговаривали к строгому посту на срок от шести дней до целого месяца. За этот период он лишался присущего ему сана и звания и считался изъятым из орденовой среды. В пищу ему давали исключительно хлеб, пил он только воду.

Далее существовали и другие преступления, наказывавшиеся постом и голоданием. Кто выдавал тайны ордена или же переходил в члены другого ордена, тот наказывался тюремным заключением, срок которого определялся не менее трех лет, чаще всего - еще более продолжительный. Кто нарушал обет целомудрия или совершал аналогичные грехи, наказывался также тюремным заключением, нередко пожизненным. Самым ужасным преступлением считалось отпадение от ордена или вероотступничество. Если виновный в течение сорока четырех дней приносил полное раскаяние, то должен был с розгами в руках предстать перед всей братией, пасть на колени и каяться в содеянном. Затем его секли розгами и в остальном относили совершенное им преступление к четвертому разряду. Крайнее неповиновение и противоречие начальству наказывались постом и тюремным заключением. По отношению к рецидивистам применялось позорное изгнание.

Заключение в тюрьме варьировалось, сообразно с преступлением. При каждом монастыре существовали две тюрьмы: одна полусветлая, другая темная и более тесная. В последнюю попадали пойманные беглецы, причем цепи снимались с них один лишь раз: когда они принимали святое таинство. Получали они только хлеб и воду. Небрежность при разделении таинства наказывалась публичным покаянием, двух- или трехдневным постом и стольким же количеством самобичеваний.

Обычаи и правила покаяния у августинских и урсулинских монахов были подобны тем, какие мы описали выше.

У монахов святого Антония телесные наказания хотя и существовали, но не были так жестоки, как у других орденов. За исключением очень тяжких преступлений, до крови людей никогда не секли; в виде смирения и покаяния накладывались другие наказания, без содействия розги и плети. В монастыре святой Женевиевы, где царствовал, собственно говоря, не особенно тяжелый режим, молодые монашенки наказывались розгами только в тех случаях, когда в вину им ставилась лень или нерадение в отправлении монастырских обязанностей. Но по пятницам практиковалось всеобщее сечение, от которого не были изъяты и сами настоятельницы, аббатисы и игуменьи. Отпадение от ордена или отступление от целомудрия карались четырнадцатидневным тюремным заключением и жестокой поркой.

У августинских монахов покаяние в грехах подразделялось на четыре степени. Замеченные в чем-либо прихожане силой забирались в монастырь и самым жестоким образом наказывались розгами. Если кто-либо из них проявлял сопротивление и не хотел раздеваться, применялась грубая сила, и наказание в значительной мере усиливалось. За ложь, борьбу и общение с женским полом полагалась экзекуция по обнаженному телу; за пьянство и безбожие наказание производилось с таким ожесточением, что временами становилось невыносимым.

Монахи-босьяки представляли собою ответвление августинских монахов; они вели свое начало из Испании и затем с течением времени широко распространили свое учение во Франции и Италии. Послушников секли три раза в неделю; такое обращение с ними продолжалось в течение первых трех лет пребывания их в монастыре, после чего розга гуляла по их спинам регулярно только по пятницам. Кающиеся должны были надевать особые рубашки с вырезом сзади, благодаря которому розга свободно разгулиwała по обнаженной спине. В тюрьмах этого ордена арестантам устраивались ежедневные экзекуции. Брат Казариус умер именно от последствий подобных наказаний, назначенных ему за преступление по нарушению орденских статутів.

Особенной жестокостью наказаний отличалось испанское отделение этого ордена.

В женских монастырях этого ордена монашенки наказывались исключительно по предписанию епископа, причем при экзекуциях соблюдалась известная снисходительность.

Мария Виктория Формари, основательница аннунциатского ордена, представляла собою тип удивительной женщины. По ее словам, ее вечно навещал дьявол, и она с таким шумом бегала по дому, нанося себе в то же время удары, что все обитатели не могли не вскакивать с постелей. Чтобы противодействовать злой воле нечистого, Мария Виктория истязала себя до тех пор пока не впадала в обморочное состояние. Она имела привычку в костюме нищенки расхаживать по улицам и в компании с профессиональными попрошайками попадала в полицию, по предписанию которой отбывала соответствующие наказания. Ее духовник, иезуитский патер, возложил на нее упомянутый только что обет смирения, а чтобы заставить ее еще больше умерщвлять свою плоть, он отдал ее в учение к пастуху в роли пастушки, где с ней обращались, как с девчонкой, и за малейший проступок, хотя бы он был совершен ею, например, во время произнесения "Отче наш", награждали пощечинами. Получив такое образцовое воспитание при помощи побоев и розги, она в сообществе с иезуитами учредила большой аннунциатский монастырь, члены которого носили имя "небесных" и подразделялись на синих и небесно-синих.

Физитантыйский орден, основанный молодой вдовой Франциской де Эанталь и находившийся под опекой Франца Салейского, предпочитал особую систему наказаний: кающиеся подвергались осмеянию и всеобщему глумлению. Уличенные в ленности монашенки должны были носить во время трапезы на голове подушку или другой неподходящий предмет; либо их пеленали и укачивали словно новорожденных младенцев. Но эта система не пользовалась симпатиями, и некоторые монашенки говорили, что охотнее согласились бы на власяницу и плеть святого Франциска Ассизского и предпочли бы им мед и сахар Франца Салейского.

Урсулинский орден был распространен преимущественно в Германии и в отношении телесных наказаний представлял собою редкий и приятный контраст с другими женскими орденами. Последовательницы этого ордена посвящали себя воспитанию детей и подготовке простых женщин и девушек в домашние прислуги. Розга применялась здесь чрезвычайно редко, и под наказание ею подходили исключительно случаи отпадения от ордена и бегство из монастыря.

Орден госпиталистов и театинерианцев практиковал ту же самую систему наказаний, что и упомянутые выше братства; тюрьмы их были снабжены достаточным количеством цепей, плетей, розог и колодок.

Винцент де'Паула основал орден лазаристов и ввел среди последователей своих тяжелые телесные наказания.

Жанна Валуа основала орден испытания Марии, находившийся под покровительством и наблюдением францисканских монахов. Десять молодых женщин вели совершенно уединенный образ жизни, молились и постились вместе с Жанной Валуа и каждый день вечером должны были каяться, после чего наказывались своей начальницей. Этот орден раскаивающихся имел своей целью спасение падших женщин, причем статуты его отличались такой жестокостью, что сечение признавалось столь же необходимым, как насущный хлеб.

Несколько мягче и добросердечнее относился к своим собратьям госпиталитский орден, но и здесь розга и плеть занимали довольно почетное место.

Если благосклонный читатель, познакомившийся теперь с нравами и обычаями прежних монахов и монашенок, вообразит, что в наше время подобные жестокости более места не имеют, то он введет сам себя в большое заблуждение. Еще недавно появились разоблачения монастырских нравов, причем один из рассказов, посвященный известному польскому современному монастырю, настолько красноречив, что оставляет в тени историю "Марии Монк". Случай с Варварой Убрюк был самым подробным и правдивым образом рассказан многими газетами, и поэтому нам остается лишь вкратце напомнить о нем. В один прекрасный день уголовный суд в Кракове получил анонимное письмо, в котором доводилось до сведения властей, что в монастыре кармелиток содержится уже в продолжение двадцати одного года монахиня Варвара. Заточена она в темную келью и претерпевает невероятные жестокости. Один из судебных чинов вместе с представителем полицейской власти отправился к епископу Галеке, чтобы испросить у него разрешение на доступ в монастырь. Преодолев массу препятствий, чиновникам удалось обнаружить место заключения несчастной Варвары. Келья, или камера, находилась в конце коридора, вплотную к отхожему месту, представлявшему собою невообразимую клоаку. Окно кельи было замуровано, в двойной деревянной двери была проделана решетка, сквозь которую, по всем вероятностям, подавалась заключенной еда и питье. Через небольшое отверстие в помещение проникали слабые лучи света. Келья имела семь шагов в длину и шесть в ширину; в одном из углов этой темной, мрачной и грязной норы на кучке соломы сидела на корточках голая, совершенно опустившаяся полоумная женщина.

При появлении незнакомых людей, вместе с которыми проник давно забытый ею свет, несчастная простерла руки и раздирающим душу голосом произнесла: "Я голодна! Дайте мне поесть, и я буду вам повиноваться, я буду послушна!" Эта нора - комнатой ее ни в коем случае назвать нельзя было - не имела ни печи, ни кровати, ни стола, ни стула; не было в ней также необходимой посуды. Нечего удивляться царившим в ней грязи и вони от гниющих выделений. И в этой тюрьме бесчеловечные кармелитки, имевшие дерзость называться женщинами и именовать себя небесными невестами, заточили свою сестру и безжалостно мучили ее в продолжение двадцати одного года! Целых двадцать один год монахини-сестры проходили ежедневно мимо кельи Варвары, и ни одной из них не пришло на ум принять участие в судьбе несчастной пленницы! С опущенными долу глазами простаивала несчастная жертва с утра до вечера на коленях. Наполовину человек, наполовину животное, с отвратительным и до омерзения грязным и испачканным экскрементами телом, с выдающимся наружу скелетом, с впавшими донельзя щеками, коротко остриженной грязной головой, не мытая в течение многих лет - вот кто предстал пред вошедшими к ней чиновниками. Это было поистине ужасное существо, и даже фантазия Данте не могла представить себе ничего подобного.

Судебный следователь приказал немедленно одеть несчастную и лично привез в ее келью епископа, который был поражен и до глубины души тронут представившимся ему зрелищем. Когда Варвару вывели из места ее столь продолжительного заключения, она дрожащим и испуганным голосом спросила, придется ли ей вернуться в ее могилу! А когда ее спросили о причинах столь тяжкого наказания, несчастная ответила: "Я нарушила обет целомудрия, но, прибавила она робко и взволнованно, указывая на сестер-монахинь, - и они ведь далеко не ангелы!"

Немедленно был произведен тщательный обыск монастыря, приведший в результате к обнаружению различных атрибутов истязаний: нашли ужасную плеть, нагайку, похожую на страшный кнут, и другие орудия пытки.

ФЛАГЕЛЛЯЦИЯ У ДОМИНИКАНЦЕВ В СВЯЗИ С ИНКВИЗИЦИЕЙ

Орден доминиканцев, по созданным им статутам и предписаниям, отличался относительно телесных наказаний чрезвычайной суровостью. Основатель доминиканских монахов, испанец родом, по имени Доминик де-Гуцман, слыл известным флагеллянтом. Еще

до появления этого фанатика на свет Божий, матери его как-то приснилось, что она родила львенка, во рту у которого торчал зажженный факел; звереныш этот так рычал, что на всем свете произошло страшное смятение, а она, мать, должна была пройти через пламя, образовавшееся от факела во рту новорожденного. Последователи Доминика, толкуя столь странный сон, говорили, что факел изображал собою "тот свет", который должен был наступить на земле под влиянием учения Доминика де-Гуцмана. Другие же придерживались того мнения, что факел являлся предзнаменованием огня и разрушения, которым подвергается бесчисленное количество людей, осужденных на превращение в груды пепла.

Когда Доминик подрос, он стал очень часто истязать себя плетью, доходя при этом до бесчувственного состояния; нередко его с трудом только возвращали к жизни его святая мать и три красавицы-сестры. Его покаяние обладало, говорили, такой силой, что тысячи злых духов своими воплями и рыданиями наполняли окружающий его воздух, так как, совершая умерщвление своей плоти, он этим самым вырывал из когтей их бесчисленное количество загубленных душ. По отношению к другим он был так же строг, как и к самому себе, и под маской милости и прощения прибегал к неопишным жестокостям. Изгнание в те времена считалось самым большим несчастьем, и, под видом обещания отменить ссылку и вернуть раскаивающихся церкви, он накладывал буквально невыносимые наказания, маскируя их нежным названием покаяния.

Чтобы дать образец сострадательности этого прославившегося святого, мы помещаем текстуальный перевод одного из сделанных им по своему ордену распоряжений.

"Брат Доминик, ничтожный священник, шлет во имя Господне всем верующим свой привет! По приказанию цистерцианского аббата, который возвел нас в настоящий наш сан, простили мы подателя сего, Понтия Рочериуса, и Божьей милостью вырвали его из когтей еретицтва и снова обратили в лоно нашей церкви. Мы взяли с него присягу в исполнении возложенной на него эпитимии, обязав его в течение трех воскресений или трех же постных дней в сопровождении духовника, обнаженным от плеч до пояса, пройти от городских ворот до входа в монастырь и подвергаться на протяжении всего пути ударам розог. Кроме того, приказываем ему навсегда отказаться от употребления в пищу мяса, яиц, сыру и всех тех кушаний и продуктов вообще, которые имеют какую бы то ни было связь с мясом" и т. д.

Не меньшей популярностью пользовался в этом ордене Джон Таулер, заслуживший репутацию ревностнейшего флагелланта. Его фанатичность в этом отношении доходила до того, что он истязая себя лично, ибо, говорил он, окружающие относятся к нему слишком снисходительно и по непонятной ему причине щадят его. Приняв во внимание оба эти типа, нетрудно представить себе, что орденские статуты, правила и предписания были переполнены этой пресловутой *disciplina flagell*; говорить нечего о том, что малейшие проступки, самые незначительные отклонения от установленного режима наказывались плетями и розгами, причем виновный нередко плавал во время экзекуции в лужах собственной крови. Чтобы восторжествовать над справедливостью и не давать повода к возбуждению неудовольствия и справедливых нареканий, у женской половины ордена была введена обоюдная порка, иначе говоря - монашенки секли друг друга. Таким образом, любая сестра-монашенка, не испытавшая сострадания и снисходительности других по отношению к себе, сама ничего подобного не выражала тогда, когда наступала ее очередь производить над кем-либо из сестер по ордену эксперименты с розгой.

С соизволения папы, доминиканцы ввели инквизицию, причем особенная строгость и суровость, бывшие вообще отличительным признаком этого ордена, применялись по отношению к лицам обоего пола, впавшим в еретицтво. Одним из первых навлек на себя неудовольствие и немилость святого трибунала Раймонд, граф Тулузский. Он стал покровительствовать еретикам и потому был подвергнут властью самого папы изгнанию, причем все его подданные были освобождены от принесенной на верность графу Раймонду Тулузскому присяги. Испуганный таким наказанием, граф поклялся исправиться и умолял о прощении. В виде залога в будущем исправлении его обязали уступить в собственность папы семь замков и, кроме того, подвергнуться церковному покаянию. Само собой разумеется, что

последнее было выполнено с чрезвычайной строгостью. Все его тело под влиянием истязаний было настолько повреждено ранами и опухолями, что несчастный граф не мог надеть на себя что-либо и вынужден был в течение долгого периода заживления ран оставаться дома и пребывать в обнаженном виде.

Каждая тюрьма инквизиции имела специального надсмотрщика, который проявлял по отношению к заключенным слишком много тяжелого для них внимания; каждое упущение, проявленное как тюремными служащими, так и самими жертвами инквизиции и святого трибунала, наказывалось самым жестоким образом. Одна из старух-служанок, жившая в доме такого надсмотрщика, известного своей свирепостью и зверскими наклонностями, вздумала сострадательно относиться к тем пыткам и мучениям, которые доставались на долю заключенных; всеми силами своей нежной души она пыталась утешать их и изыскивала различные способы для доставления им контрабандным путем пищи. Благодаря несчастному стечению обстоятельств, ее поймали с поличным, приговорили к тюремному заключению на один год, затем провели по улицам города в торжественной церемонии, нарядив при этом в позорное желтое платье и наградив в довершение всего двумястами ударами розог.

Среди преступлений, подпадавших ведению инквизиции и наказуемых ею, находилась также и полигамия. Неисправившиеся, несмотря на данное обещание, полигамисты, подвергались различным исцеляющим покаяниям, как пост, молитвы и т. д. и затем ссылались на галеры на срок от шести до семи лет. Если преступник принадлежал к низшему слою населения или даже к среднему классу, то подвергался жесточайшей порке, конфискации половины принадлежащего ему имущества и возложению на голову во время экзекуции позорной епископской камилавки.

В 1612 году папа Павел V обнародовал буллу, направленную против тех духовников, которые во время исповеди позволяли себе неблагопристойность в отношении своих прихожанок или вовлекали их в непотребство. Подобные обвинения должны были поступать на рассмотрение святой инквизиции и рассматриваться ею самым добросовестным и тщательным образом. Эта энциклика папы поставила духовенство в ужасное положение. Когда эдикт был обнародован в церквях Севильи и все прихожане получили угрожающее предостережение, с обязательством в тридцатидневный срок назвать имена тех святых отцов, которые осквернили исповедальное кресло, случилось неожиданное явление: ко дворцу инквизиции с жалобами на своих духовников устремилась такая масса женщин, что двадцать секретарей и столько же инквизиторов не имели возможности справиться с привалившей работой, заключавшейся в составлении со слов просительниц письменного доклада. Срок принесения жалоб был продлен еще три раза на тридцать дней, и, когда инквизиция убедилась в том, что нет никакой возможности наказать огромное количество прелюбодеев, она уничтожила обнародованный эдикт и замяла весь начатый ею же самую процесс. В обычных случаях уличенный в прелюбодеянии духовник, если обвинительница его не оставляет желать ничего лучшего в смысле ее безупречности и правдивости, приговаривался к обыкновенному покаянию постом и молитвой и затем либо отправлялся на галеры, либо заточался навеки в тюремную келию.

Наказания за еретичество, в зависимости от важности совершенного преступления, назначались различные. Если виновный принадлежал к простонародию, то его заставляли носить позорную шапку на голове, язык его фиксировался во рту при помощи железного или деревянного кляпа, его влекли по улицам города, жестоко избивали плетьюми и затем сжигали на костре. Если же совершивший такое преступление происходил из знатного рода, то его заточали на известное время в монастырь и обкладывали особым, так называемым "покайным штрафом", доходившим иногда до значительных сумм. Если проступок, например клятвопреступление, признавался не очень тяжелым, то кающийся должен был во время богослужения оставаться в церкви без шляпы, плаща и сапог, туловище его обвивала веревка, в руку ему давали зажженную свечку.

Гадальщики на картах, предсказыватели судеб и астрологи наказывались изгнанием,

лишением звания и прав состояния, поркой или, наконец, тюремным заключением, в зависимости от тяжести содеянного преступления.

Евреи были особенно ненавистны инквизиции, к ним придирались безжалостно, их обкладывали денежными штрафами, секли розгами и сажали в тюрьмы.

Лжесвидетели приговаривались к вечному одиночному заключению; в тех же случаях, где ложные показания не имели дурных последствий, виновных подвергали бастонаде, порке плетью и изгнанию или ссылке.

Когда инквизиция приговаривала какого-либо монаха к наказанию розгами или плетью, то экзекуция производилась в том самом монастыре, к которому был причислен монах, в присутствии нотариуса святого трибунала. Сначала преступника водили вокруг монастыря со связанными руками, а затем во время шествия начиналось сечение по обнаженным плечам и спине, производившееся самими братьями-монахами. Монотонность вечного тюремного заключения впоследствии разнообразилась тем, что преступников время от времени назначали привратниками у церковных дверей.

Одним из изданных декретов повелевалось, чтобы кающиеся присутствовали на богослужении по воскресным и праздничным дням; затем было сделано следующее добавление: "Во все воскресные и праздничные дни, во время чтения мессы, между апостолом и евангелием, в церковь должны быть введены еретики, без верхнего платья, капюшона и шляпы, с розгами в руках, в это время их следует сечь. И пусть священник, совершающий мессу, разъяснит всем присутствующим на богослужении мирянам, что наказание возложено на преступников за то, что, по еретическим наклонностям своим, они совершили великие грехи"

Приговоры инквизиции производились обычно путем аутодафе (сожжение на костре) en masse, т. е. гуртом. Что в других государствах считалось обыкновенной казнью преступников, то у испанцев и других католических народов почиталось религиозным огнем и доказательством ревностного верования. Аутодафе эти производились чаще всего при восшествии на престол или во время других грандиозных народных празднеств. После того как самые опасные еретики и другие подобные им грешники сжигались, приговоренные за мелкие преступления к порке усаживались на следующий после казни товарищей день на осла, провозились по площадям и наиболее оживленным улицам города и во время шествия жестоко наказывались плетью, батогами или розгами. Ни один орден не обладал таким неограниченным могуществом, как орден доминиканцев, но в то же время фанатики эти имели несметное количество врагов, и, когда обаяние доминиканцев начало уменьшаться, они стали крайне неразборчивы в средствах для достижения прежнего престижа. Они не останавливались буквально ни перед чем и пускали в ход все способы до лжи, облыбности и оговоров включительно. О подтасовывании фактов и говорить нечего. Мы помещаем для иллюстрации следующий пример и находим его подходящим потому, что розга играла в нем тоже свою роль. В 1509 году разгорелся оживленный спор между францисканцами и доминиканцами. Поводом к раздору послужило непорочное зачатие Святой Девы Марии. По мнению доминиканцев, рождение Святой Девы не обошлось без первородного греха; такой взгляд был нежелателен, и для исправления взглядов ордена было решено "поощрить" его соответствующими видениями и снами. В Берне проживал субъект, по фамилии Иетцер, и этот Иетцер, благодаря своей задержке в развитии походивший на ребенка, вследствие склонности к телесным покаяниям как нельзя более годился на роль орудия для выполнения задуманной мистификации. Чтобы привести выработанный план к успешным результатам, были избраны четыре доминиканца. Один из них спрятался в келий Иетцера и в полночь предстал пред ним, предварительно вырядившись самым страшным образом. Он выдувал огонь из своего носа, рядом с ним находились воюющие собаки. Доминиканец этот сообщил безгранично перепуганному брату Иетцеру, что он не более и не менее, как дух умершего доминиканца, находившегося в чистилище за то, что как-то раз из монашеского переоделся в мирское платье. Один только Иетцер, прибавил он, может спасти его от переживаемых мучений. Вне себя от ужаса и страха, Иетцер обещал сделать все, что только в

его силах. После этого дух сказал ему, что существует один только способ спасения, заключающийся в следующем: Иетцер должен в течение восьми дней кряду каждый вечер во время мессы ложиться в капелле на землю, принимать положение распятого и подвергаться бичеванию всей монастырской братии. Прощаясь с Иетцером, дух заявил ему, что скоро снова явится и приведет с собой других духов.

Об этом видении Иетцер, само собой разумеется, поведал всему монастырю, причем получил от монахов настойчивый совет немедленно же подчиниться предложению посетившего его духа. Они горели нетерпением принять на себя возложенную на них духом роль, т. е. угостить Иетцера доброй порцией березовой каши! Бедняга, долго не раздумывая, повиновался и... в монастырском дворе тут же произошла экзекуция, от которой, как говорится, "небу стало жарко".

Привидение явилось Иетцеру еще несколько раз и во время своих визитов всеми силами старалось вдолбить в голову фанатика, что Дева Мария родилась в первородном грехе. В один прекрасный вечер заговорщики дали ему соответствующую долю опиума и, когда несчастный уснул, выжгли на его теле пять знаков Иисуса Христа от распятия. В конце концов они зашли в своих мистификациях слишком далеко, так что Иетцеру, несмотря на его наивность, граничившую с идиотизмом, стало многое ясно. Он чуть было не убил одного из доминиканцев, представшего пред ним ночью в виде Девы Марии с венцом на голове.

Доминиканцев обуял ужас: они стали опасаться, чтобы Иетцер не выдал их, и начали принимать меры для обезвреживания прозревшего дурака. Но сильная натура Иетцера, помогавшая ему при жестоких экзекуциях и тому подобных приемах покаяния, спасла его и на этот раз. Пять раз ему давали незаметным образом яд, и он оставался невредим. Как к последнему средству, они прибегли к отравленной просфоре, но и ее он изверг из себя. Счастливым образом удалось ему уйти из монастыря и донести обо всем магистрату Комплотта. Виновных доминиканцев казнили, предав их живыми сожжению на костре. Разумеется, предварительно они были позорным образом исключены из членов ордена. Вскоре после этого Иетцер скончался и был похоронен в Констанции.

По всем вероятностям, этот заговор был бы передан потомству как божественное знамение, если бы только Иетцер не прозрел и ему не посчастливилось уличить доминиканцев.

ФЛАГЕЛЛЯЦИЯ У ИЕЗУИТОВ

В течение продолжительного времени орден иезуитов был широко распространен по всей Европе; он имел свои колонии в Испании, Португалии, Италии, Франции, короче - во всем цивилизованном мире. Иезуитский орден считался главной опорой флагеллянтства, и хотя масса возникших против иезуитов обвинений была ими опровергнута, все же почти с полным основанием можно утверждать, что своею симпатией к розге и плети они пользовались для достижения безусловно неблагоприятных целей и поступков. Основатель иезуитского ордена Игнатий Лойола начал получать надлежащее воспитание только в тридцатилетнем возрасте; при этом из его биографии известно, что учителя приравнивали его к школьникам и так же точно хотели наказывать, как и последних. Намереваясь как-то отхлестать его розгой, они вдруг прониклись небесным вдохновением, которое указало им на высшее назначение Игнатия Лойолы. Под влиянием этого обстоятельства учителя не только не высекли своего ученика, но попросили у него даже прощения за свои дерзкие помыслы. Нам неизвестно, до каких границ дошел Игнатий в статутах своего ордена по поводу телесных наказаний; верно только то, что последователи его буквально преклонялись перед розгой и особенно охотно прибегали к ней в отношении молодых девушек, вверенных их надзору и воспитанию.

Уже в самый первый период существования иезуитского ордена выплывали наружу возмутительные истории о процедуре и выполнении иезуитского покаяния; волосы становятся дыбом на голове от тех злоупотреблений, какие приходилось выносить на себе "подданным" этого ордена. В Нидерландах иезуиты основали братство из знатных дам, на обязанности которых было подвергать себя еженедельно покаянию в грехах. В области

самих экзекуций возникло новшество, состоявшее в том, что кающиеся секли себя сами по обнаженной спине, а "начальство" угадало их ударами спереди. Необходимо заметить при этом, что последнее нововведение сильно пришлось по вкусу голландским и бельгийским дамам и, воссылая глубокие благодарности за новый испанский метод, они невзирая на последовавшее запрещение высших духовных властей ходатайствовали перед своими духовниками о продолжении отеческих поучений под сурдинку.

Иезуиты Иоанн Аккербом и Петр Герзон продолжали сечь прекрасную половину своей паствы, причем Герзон относился к этому делу с таким рвением и проявлял себя столь усердным флагеллянт, что внезапно появлялся среди занятых полевыми работами крестьянских девушек и на месте применял к ним розгу. Мальчиков - школьников наказывали также по испанскому методу.

Прежде чем ввести испанское сечение в Португалии, стремившиеся к подобному покаянию в грехах должны были прибегнуть ко всеуниженным просьбам об этом. Ходатайство не оставалось без уважения, и экзекуции нашли себе место даже в покоях королевы Луизы. Во время царствования ее тронпреемницы, королевы Марии, телесные наказания распространились также и на придворных фрейлин. В прихожих дворца и в его коридорах можно было частенько видеть коленопреклоненных красавиц-грешниц, которые, по произнесении известного количества установленных молитв, сбрасывали с себя одежды с тех мест, которые должны были оставаться обнаженными, и подвергались наказанию розгами или плетью. По всем вероятностям, на долю королевы тоже кое-что при этом перепадало... Кающимся грешницам подобные упражнения над умерщвлением плоти, очевидно, приносили такое удовольствие, что очень часто они доходили до необходимости требовать исполнения над собой экзекуции. Иноземные принцессы нередко получали приглашение не только присутствовать при покаяниях в качестве высокопоставленных зрительниц, но и принимать в них самое деятельное участие.

В Испании, где существовало обыкновение принимать телесное наказание до исповеди и после получения отпущения грехов, инквизицией была сделана попытка положить подобному бесчинству предел под страхом значительных штрафов. Но за самой собой инквизиция оставила право наказывать проявлявших упорство еретиков и еретичек и секла несчастных, подпавших под ее немилость, без различия возраста и пола. Сколько здесь было проявлено усердия, зверства, лицепрятия и пристрастия - нетрудно себе представить. С ловкостью, проворством и искусством, присущим блаженной памяти духовникам описываемого времени, иезуиты сочетали пронырливость и умение становиться в дружеские отношения с представителями и представительницами самых знатных фамилий, и дело кончалось обыкновенно тем, что им удавалось склонять женскую половину на покаяние в грехах путем умерщвления плоти. Молодые девушки, определявшиеся в монастыри за неповиновение родительской власти, за проявление чрезмерной склонности к светской жизни или за любовные похождения подпадали под особенное их влияние и бдительный надзор, причем духовники лично наказывали тех из них, которые отличались соблазнительной красотой. Говорить нечего о том, что наказания состояли из применения розги на обнаженные участки молодого тела... Всевозможными льстивыми приемами и ни пред чем не останавливавшимися маневрами святые отцы вступали в дамские общества, в пансионы и училища для девочек и при всяком удобном и неудобном случае рекомендовали применение телесных наказаний розгами или другими подходящими инструментами.

Замеченных в упорном неповиновении девиц иезуиты советовали родителям их отдавать для "душевного излечения" к ним в орден, причем крайне охотно принимали на себя надзор за молодыми девушками и воспитанием их. Благочестивые отцы и матери со слезами радости на глазах благодарили Господа Бога за то, что Он ниспослал им на помощь святых отцов, которые не щадили трудов на исправление и смягчение упорного характера. К сожалению, приходится констатировать только, что так называемая "Скандалная хроника" совершенно в ином свете представляла результаты бескорыстных трудов, которые обнаруживали святые отцы-иезуиты по отношению ко вверенным их попечению молодым

девушкам, особенно к красивым и привлекательным!

Применение флагеллянтства иезуитами не ограничилось одной Европой: для "исправления" язычников они ввели экзекуции и в языческих странах. В Парагвае и Мексике розга хлестала направо и налево; правда, здесь они поступали не так бесчеловечно, как их предшественники, на долю которых выпала честь открывать Новый свет. В 1634 году, по желанию королевы Митамба, папа римский и король португальский снарядили в Африку особую иезуитскую миссию. В один прекрасный день некий миссионер встретил королеву с ее бесчисленным штатом придворных как раз в то время, когда она вела на прогулку своего идола. Сейчас же иезуит стал говорить проповедь об идолопоклонстве, довольно чувствительно иллюстрируя ее применением плети по отношению к ее черному величеству. "Остается только удивляться, - говорит он, - как много сказало королеве такое наказание о справедливости моего учения!" Король не осмелился ничего предпринять, но дамская половина решила отомстить за свой пол. У самого дома, где помещалась миссия, протекала река; в этом месте задумавшие месть чернокожие устроили купальню и вволю стали резвиться в воде, конечно в костюмах своей прародительницы Евы, принимая при этом самые рискованные положения. Святые отцы-миссионеры были бесконечно смущены этим поступком и в качестве единственного надежного средства от соблазна вынуждены были окружить свой дом и сад высокой каменной стеной.

Еще и по сию пору розга у иезуитов играет довольно заметную роль, хотя, конечно, не такую первостепенную, как в давно прошедшие времена. Штейметц, проводивший свое время искуса в Стонейхурсте, рассказывает о теперешнем умерщвлении плоти следующее. Розгой, по его словам, нынче больше не злоупотребляют, причем за самые тяжкие преступления исключение из школы является одним из обычных наказаний. Дортуары устроены в виде особенных отделений, величиной приблизительно с парходную каюту, в каждом из них помещается небольшой налож (разумеется, без ключа!) и стул. Над налож висит распятие, неподалеку помещается сосуд со святой водою. В налож помещаются книги, бумаги, плет, розги, цепи и т. д. Плетка и цепи должны служить средством для сохранения целомудрия. Первая сделана из веревок с узловатым окончанием, цепь же сделана из проволоки, толщиной в обыкновенный канат; концы ее выдаются вперед.

Как плет, так и цепи "помогают святому образу жизни"; они не всегда применяются послушниками, а только в определенное время, главным образом во время поста. Два раза в неделю привратник обходит всех и передает приказание заняться умерщвлением плоти. Послушники усаживаются на постели, обнажают плечи и вооружаются плеткой. Затем привратник звонит в колокол, и двадцать плетей опускаются на голые спины и плечи. Полагается нанести самому себе по двенадцать ударов, чем скорее, тем лучше, причем Штейнметц прибавляет, что при этой экзекуции получалось впечатление точно от принятия холодного душа; большим наслаждением было - уверяет он - забраться после этого под теплое одеяло. К ношению цепи прибегалось на следующий день; накладывали ее прямо на тело и так сильно стягивали, что опуститься она никак не могла. Носить ее полагалось шесть часов кряду; в результате за все это время получалось более неудобств, нежели болевых ощущений.

СЕКТА ФЛАГЕЛЛЯНТОВ

Мы уже видели, как флагеллянтство в связи с религией возник сначала среди язычников, а затем был перенят христианами и образовал среди них часть покаяния во славу служения Господу Богу. Сначала применяемый единичными отшельниками проводившими свое жалкое существование в уединении и умерщвлении плоти, он постепенно все больше и больше распространялся по всему христианскому миру, пока не достиг в середине тринадцатого столетия кульминационного пункта, причем создались особые братства для выполнения регулярных и публичных экзекуций. Впервые подобная секта возникла в 1210 году в Италии. В "Chronicon Uralitius Bardihensis" монах, святой Иустиниан из Падуи, приводит следующее описание.

"Когда Италия была охвачена различного рода преступлениями, прежде всего

появилось до тех пор не известное чувство страха у жителей Перузы, охватившее затем римлян, а с течением времени - и всех итальянцев. Страх этот ближе всего подходил под понятие о суеверии. Люди были преисполнены невероятного ужаса, ожидали чего-то страшного от Бога, и положительно все без исключения, молодые и старые, вельможи и простолюдины, расхаживали в обнаженном виде по улицам, не испытывая никакого стыда. Знакомые и незнакомые выстраивались в два ряда и представляли собою нечто вроде процессии. У каждого в руке находилась плеть из кожаного ремня, которой "демонстранты" с особым рвением угощали друг друга. При этом отовсюду раздавались душераздирающие стоны и вопли, все молили Бога и Деву Марию простить их, принять раскаяние и не отказать в покаянии.

Так проводили итальянцы время не только днем, но и ночью; тысячи, десятки тысяч этих кающихся грешников шныряли в зимнюю стужу по улицам и потрясали воплями своими церковные стены. У каждого в руке была зажженная свеча, процессию вел священник, за ним несли крест и хоругви... Вошедши в церковь, все смиренно бросались пред алтарем. Та же комедия наблюдалась в маленьких городах и даже в деревнях. Горы и поля сотрясались от воя человечества, взывавшего к Созидателю. Музыка замолкла, миннезингеры перестали ласкать ухо своими мотивами. Единственная музыка, которая раздавалась повсюду, заключалась в ужасных воплях кающихся, и эти голоса могли тронуть самое зачерствелое, каменное сердце бездушного человека. На глазах даже закоренелого и отъявленного грешника при подобных звуках должны были появиться слезы на глазах...

При этом всеобщем смятении в женщинах тоже недостатка не было, причем среди них находились не только представительницы низших слоев населения, но и знатные дамы и девицы. Разница заключалась только в том, что последние занимались умерщвлением плоти не на глазах у всех, а в собственных своих домах и замках.

Тут происходили удивительные явления: лютые враги становились задушевными друзьями; ростовщики и грабители возвращали нечестным трудом нажитые деньги прежним жертвам своим, многие приносили повинную в совершенных преступлениях и отказывались от светских удовольствий. Двери тюрем открывались, заключенные выпускались на свободу, изгнанным разрешалось вернуться из ссылки. Было проявлено столько христианской сострадательности, что казалось будто все человечество охвачено неопишущим ужасом и безграничным страхом и всемогущество Божие не в состоянии рассеять эти чувства. Самые мудрейшие из мудрых поражались возникшему внезапно и охватившему поголовно всех движению; они никак не могли отдать себе отчет в том, откуда именно могло обнаружиться подобное лихорадочное благочестие. До этих пор публичные раскаяния в грехах вовсе не практиковались, ни сам папа, ни другой кто-либо из влиятельных духовных особ ни словом не обмолвились о них и не рекомендовали применения их. Происхождение их необходимо было отнести к обыкновенным смертным, к ним прибегала темная масса, равно как и ученый люд".

Впервые подобные процессии флагеллянтов были введены Святым Антонием. Напомнил о них в 1260 году эремит Райнер в Италии, где в скором времени секта флагеллянтов насчитывала в своих рядах около десяти тысяч человек. Отсюда уже она распространилась за Альпы, обнаружилась в Эльзасе, Баварии и в Польше, причем течению ее не могли воспрепятствовать никакие вмешательства и запреты со стороны правительственных властей.

Когда в 1349 году в Германии с ужасающей силой свирепствовала чума, в Спиру из Швабии явились двести флагеллянтов и ознакомили путем описаний все население со своей методой самым подробным и добросовестным образом. Покаяние в грехах производилось два раза в течение дня. Утром и вечером расхаживали флагеллянты по улицам парами, распевали псалмы под звон церковных колоколов и, по достижении назначенного для "покаянных упражнений" места, обнажали верхнюю часть туловища - они носили обыкновенно только коротенькую полотняную куртку - и снимали обувь. Затем все укладывались крестообразно на землю, принимая различные положения, в зависимости от

рода тех проступков, преступлений и прегрешений, в которых они приносили публичное покаяние. Согрешившие в супружеской жизни лежали лицом вниз, клятвопреступники укладывались на бок и лежали с приподнятыми кверху тремя пальцами и т. д. После этого экзекутор начинал свое дело и угощал каждого по заслугам его, затем заставлял отбывшего наказание подняться с земли, для чего произносил следующие слова:

"Встань, прошедший чрез пытки чести,
И остерегайся от дальнейших грехов".

Затем при пении псалмов раскаивающиеся начинали наказывать плетью друг друга, и только после этого громко зывали о прекращении смертоносной эпидемии чумы. Совершалось еще много церемоний, но все они уже описаны современными авторами, и мы их касаться не будем.

В рядах флагеллянтов можно было встретить, наряду с высокообразованными по тому времени, совершенно безграмотных, все профессии - от пастуха до священника - имели здесь своих представителей. В своих молениях они говорили о письме, которое ангел должен принести в церковь святого Петра в Иерусалиме, и в котором Иисус Христос выражает свои сожаления о главных грехах того времени, особенно об осквернении субботы, о богохульстве, ростовщичестве, распутстве и о несоблюдении установленных постов.

После того, как чрез посредство Девы Марии и всех ангелов они испрашивали прощение у Иисуса Христа, им предписывалось уходить на тридцать четыре дня со своей родины и подвергать себя в течение всего этого времени телесным наказаниям.

Жители Спиры относились к сектам чрезвычайно радушно и гостеприимно, хотя необходимо сказать о последних, что они категорически отказывались от различных даров и приношений и брали деньги исключительно для приобретения свечей и хоругвей. Хоругви эти были изготовлены из пурпурно-красного шелка и постоянно предшествовали процессиям сектантов. Вскорости явились новые приверженцы - из Спиры сто и из Страсбурга около тысячи человек, пожелавшие подчиниться всем статутам и предписаниям секты. Каждый должен был располагать, по крайней мере, четырьмя пфенигами на ежедневные расходы, иметь разрешение на вступление в ряды фанатиков от своей жены и, кроме того, должен был быть предварительно исповеданным и причащенным.

Эти "братья креста" не смели без приглашения переступить порог чьего-либо дома, они не должны были вступать в разговоры с женщинами. Неподчинявшиеся этим правилам подвергались строжайшему телесному покаянию при помощи плетки, возлагаемому в каждом отдельном случае непосредственным начальником, носившим звание супериора.

Интерес и воодушевление, проявленные по отношению этой секты, были настолько велики, что церковь пришла даже в некоторое смущение: сектанты относились друг к другу очень строго и в своей резкости доходили до того, что один другого изгоняли из своей среды, лишая при этом всех гражданских прав состояния. Флагеллянты распространили постепенно свое чарующее влияние на все церкви, а их новые псалмы и песни, преисполненные глубокой святости, как нельзя более подходили для того, чтобы в сильной степени возбуждать и без того повышенный фанатизм. Временами сектанты делали попытки влиять на массу совершением чудес. Такой случай имел место, например, в Страсбурге, где попытка заключалась в воскрешении умершего ребенка, произведенном в кругу своих же собратьев. Но, вследствие неопытности, неловкости и "нечистой работы", сектанты подобными поступками только вредили себе, ибо ограничивали круг действия лишь изгнанием злых духов с помощью божественного вдохновения.

Либеральная партия церкви относилась к флагеллянтству с презрением. Папа Климент VI (занимавший этот пост с 1332 по 1352 г.) обнародовал против секты флагеллянтов особую буллу. Немецкие епископы обнародовали апостольский указ и запрещали сектантам селиться в их епархиях.

Приблизительно в это время доминиканский монах из Бергамо - Вентурин предпринял новое паломничество, имея в своем отряде около девяти тысяч человек. Они устраивали в церквях экзекуции и столовались на базарных площадях и рынках на общественный счет. В

Риме Вентурина подвергли жестокому осмеянию и властью папы сослали в изгнание в горы Рикондона. С течением времени вся секта его вымерла, но в 1414 году стараниями одного немца по имени Конрад снова была возвращена к жизни. Конрад этот всеми силами старался уверить толпу, что на него возложена божественная миссия, причем он и пророк Енох - это одно и то же лицо. Бог, мол, возвеличил флагеллянтов и оттолкнул от себя папу; другого спасения души не существует, как только путем нового крещения крови, и именно одним средством: сечением и бичеванием. На сей раз вмешалась уже сама инквизиция и наложила на предприятие Конрада свое вето. После громкого судебного разбирательства девяносто один человек из конрадовских единомышленников подвергались сожжению на костре только в одном Сангерсгаузене; в других городах сожгли также значительное количество этих фанатиков.

Насколько глубоко пустило корни учение флагеллянтов, видно из того, что в Нордгаузене, например, некая женщина была уверена в том, что, истязуя плетью свое дитя, совершает поистине богоугодное дело. Никакие преследования не могли окончательно рассеять секту флагеллянтов, и на протяжении еще долгого времени мы встречаем ее следы в Испании, Франции и Португалии.

В шестнадцатом столетии во Франции образовалась целая масса сообществ, состоявших из кающихся и флагеллянтов.

Члены этих братств подразделялись на белых, черных и серых кающихся. Особенно много их было на юге Франции, хотя и столица государства - Париж не была избавлена от присутствия и влияния этих фанатиков. В 1574 году во главе верных кающихся стала в Авиньоне королева-мать; она не пропускала ни одной торжественной церемонии, совершавшейся сектантами в Лионе и Тулузе.

В смысле употребления розги Париж также не отставал. Король Генрих III принял секту под свое покровительство и не только считался почетным ее членом, но во время торжественных уличных шествий принимал в них самое живое участие, фигурируя в различных ролях. Первое собрание этих фанатиков состоялось во время грандиозных празднеств 1575 года. На празднества эти были приглашены все придворные, за исключением дам, которым, по приказанию короля, запрещено было являться на сектантские заседания, собрания и процессии. Вследствие этого Екатерина Медичи совершала экзекуцию над своими статс-дамами, фрейлинами и прочими придворными женского пола при закрытых дверях. Парижане посмеивались над всей этой историей и в насмешку прозвали своего короля "Pere conserit des Blancs battus".

В 1585 году Генрих III учредил новое братство под именем "белые кающиеся провозвестники"; к этому братству примкнули в огромном количестве знатные граждане и придворные. Открытие нового сообщества ознаменовалось великолепной и чрезвычайно торжественной процессией, папа собственноручно соизволил дать согласие на утверждение правил и статуты, которые, кстати сказать, ничем не отличались от введенных у флагеллянтов. Процессия направилась от августинского монастыря к Собору Парижской Богоматери, король все время сопровождал ее, не имея на себе никаких знаков и регалий, присущих его высокому званию, за ним следовали именитые особы, крест находился в руках самого кардинала Гиза. Погода сильно неблагоприятствовала торжественному шествию, дождь лил, буквально, как из ведра. Подобная процессия была повторяема несколько раз, однажды даже с зажженными факелами, причем особые любители до такой степени избивали себя плетями, что один из них отправился вследствие осложнений от нанесенных себе ран к праотцам... Парижане не переставали сыпать по адресу сектантов насмешками и остротами, а наиболее благоразумные и строгие из духовенства говорили с кафедры проповеди, направленные против отрицания сектантами всего благородного и святого, и довольно прозрачно намекали на то, что кающиеся братья заслужили избиений другого рода!

Тем не менее иезуиты зорко следили за неприкосновенностью секты, вырабатывали свои статуты и влияли на женщин в том смысле, чтобы они собственным примером воодушевляли своих мужей ко вступлению в секту; благодаря этому, в провинции возникло

много отделений секты. Для того же, чтобы во время процессии не возбуждалось чувство стыда, участницам шествий было разрешено носить маски.

После одного из торжественных вечеров и последующего ужина прекрасный пол также занялся умерщвлением плоти, производя эту операцию особенно торжественным образом. Женщины превзошли мужчин и ходили по улицам даже босиком, несмотря на то, что процессии нередко продолжались шесть и более часов кряду. Те дамы, которые в силу известных обстоятельств не могли принимать участия в процессии, под влиянием уговоров со стороны иезуитов, производили самоэкзекуции дома. Позднее вошло во всеобщую привычку, что женщины и девушки расхаживали официально по улицам с плетью в руках, и даже дамы высших сословий не стеснялись показываться в публичных местах полуобнаженными и занимались при всем честном народе умерщвлением своей плоти. Считалось, что таким путем они дают всем очень хороший пример. Один период времени был настолько чреват подобными эксцессами, что духовенство стало произносить в церквях соответствующие проповеди, а известный теолог Герзон, ректор парижского университета (канцлер), написал в порицание столь грустного явления крайне желчную статью. Он утверждал, что сделавшийся модным обычай нельзя иначе назвать, как безбожным, ибо он идет вразрез не только со здравым смыслом, но и с благопристойностью. "Если кто-либо так легкомысленно проливает свою собственную кровь, то он поступает так же дурно, как если бы он сознательно себя кастрировал или как-нибудь иначе изувечил. С таким же успехом он мог наносить себе ожоги при помощи раскаленного железа, чего, между прочим, до сих пор не наблюдалось, и чего никто не находил разумным и желательным, за исключением разве лжехристиан и индийских идолопоклонников, которые считают священной обязанностью крестить себя посредством огня".

В 1601 году парламент Парижа издал особый декрет против всяких братств флагеллянтов в Бурже, носивших имя синих кающихся. Немного погодя приказание, изложенное в упомянутом только что декрете, было распространено на все союзы флагеллянтов, причем пояснялось, что члены этих сообществ будут почитаться не только еретиками, предателями и цареубийцами, но, помимо всего этого, еще и распутниками или распутницами. После этого секта начала распадаться, а затем и вовсе исчезла из Франции.

В семнадцатом столетии наблюдались еще изредка единичные процессии в Италии, Испании и Португалии Патер Мабиллион рассказывает, что в 1689 году ему пришлось встретиться в Турине с процессией флагеллянтов, дефилировавшей по улицам в Страстную Пятницу. Далее известно, что еще в 1710 году подобные торжественные шествия наблюдались в Италии. В своем сочинении "Испанские и португальские хроники" Кольменар упоминает об аналогичных процессиях, которые, впрочем, - прибавляет он - являли собою смесь галантерейности со святостью и набожностью. "В этих процессиях, - говорит Кольменар, принимали участие все кающиеся и Хлыстуны города. На головах их были надеты высокие, в три фута, конические шапки, напоминавшие собою головку сахару; шапки эти были изготовлены из белого полотна, причем с передней части их опускалось нечто вроде вуали, покрывавшей лицо сектанта. Некоторые примыкали к процессиям из побуждений чисто религиозного характера, другие же становились участниками шествия только в угоду своим возлюбленным, а также и потому, что подобный род галантерейности считался совершенно новым и даже неслыханным. Такие сектанты носили перчатки и белые сапоги, имея на манишке, на шапке или на пучке розог ленточные банты того именно цвета, который предпочитался обыкновенно дамами сердца их. Они истязали себя по установленным в братстве правилам, применяя для этой цели чаще всего плетль из веревок, в конце которой были скрыты туго скатанные восковые шары, унизанные осколками стекла. Кто истязает себя наиболее сильно, тот почитается самым мужественным".

В Лиссабоне еще в 1820 году существовали процессии флагеллянтов. Доктор Мадден рассказывает, что в 1847 году ему приходилось встречаться с подобными процессиями, но без публичных истязаний во время торжественного шествия.

ФЛАГЕЛЛЯНТЫ

Флагеллянтизм с его обычаями, нравами и церемониями, историческое происхождение и развитие которых мы рассмотрели в предыдущей главе, представляет собою в высшей степени изумительное явление. Некоторые историографы пытались доказать, что флагеллянтизм явился следствием той громадной и сильной эпидемии чумы, которая свирепствовала и похищала огромное количество жертв в Германии. Мы лично более склонны полагать, что он представляет собою результат массы тех нововведений и реформ, которые были предприняты по отношению к существующим прежде формам почитания Бога различными людьми, в различные времена и в самых отдаленных странах света. В человеке скрывается, очевидно, врожденная склонность к строгому виду богослужения. У всех народов древности, молились ли они одному богу или поклонялись нескольким богам, существовал обычай в целях благочестия наносить себе физическую боль и довольно мучительные страдания. И это прежде всего свелось к самобичеванию, которое с самых ранних времен применялось в той или иной форме решительно повсюду. Самобичевания считались особенно священными у христиан, и это объясняется тем обстоятельством, что факт нанесения себе физической боли представляет собою как бы часть из истории земных страданий Иисуса Христа.

Впрочем, в самой процедуре умерщвления плоти и телесных покаяний существовала огромная разница между христианами Востока и Запада. На Востоке христиане как по количеству, так и по влиянию своему были постоянно организованы и ни в теории, ни на практике не позволяли себе таких излишеств и увлечений, как западные братья их. Так, например, сознание грехов и безграничное покаяние они считали уже достаточной искупительной жертвой, причем лучшим и самым необходимым спутником покаяния служили у них слезы. Во время богослужебных обрядов и церемонии слезы на Востоке играли поэтому главную роль, а так как самобичевание является великолепным и самым действенным средством для того, чтобы заставить человека плакать, - то вот к этому именно способу восточные народы зачастую и обращались.

Западные же христиане пошли в этом направлении гораздо дальше: по их верованию, акт самобичевания обезвреживал каждый совершенный грех, отнимал от него, так сказать, бывшее его значение. Вот почему они прибегали как к непосредственной, прямой и немедленной искупительной жертве именно к самоистязаниям. Габриель, архиепископ Филадельфии, в своем сочинении "Собрание деяний святых", приводит несколько исторических фактов в доказательство того, что христиане Востока имели действительно упомянутое представление о самобичевании и добровольном умерщвлении плоти. Вот что говорит, например, этот автор.

"Некий святой решил удалиться от света и поселился на горе Митриа, расположенной в Тебене. В келье, находившейся по соседству с кельей этого отшельника, проживал монах, который очень часто навзрыд плакал, упоминая при этом о совершенных в жизни своей грехах. Так как святой не в состоянии был плакать, но в то же время сильно завидовал своему монаху-собрату по отшельнической жизни, то последний как-то обратился к первому со следующими словами: "Отчего ты плачешь, несчастный? Почему ты не оплакиваешь горькими слезами своих грехов? Я доведу тебя до слез, я хочу, чтобы ты непременно плакал, и если ты, по своему внутреннему побуждению, не можешь вызвать на глазах твоих слезы, то я употреблю все усилия и добьюсь того, что ты будешь плакать, несчастный!".

С этими словами монах взял в руку большую плеть и стал усердно хлестать себя до тех пор, пока не впал в блаженное состояние, граничившее с ощущением полного счастья. Таким образом он снова вызвал у своего соседа чувство бесконечной зависти и, разумеется, подражание.

Другой писатель о восточных христианах говорит: "Некоторые из монахов орошали землю своими слезами, в то время как другие, не умевшие без причины плакать, обращались к истязанию себя плетью или розгами".

Христиане запада, бывшие более свободными и менее ограниченными, заходили в своих мыслях и мнениях о полезности флагеллянтизма гораздо дальше. Хотя они и

прибегали к аналогичному способу умерщвления плоти на том же основании, на котором истязали себя восточные собратья их, но тем не менее главным и доминирующим побуждением в данном случае служила у них любовь к Иисусу Христу вместе с желанием путем известных страданий приблизиться к нему и стать ему более родственными.

Это основание проглядывает в статутах различных духовных орденов, а во многих из них проходит даже красной нитью. Так, например, в некоторых предписаниях говорится: "Тот, кто занимается умерщвлением своей плоти путем самобичевания, должен во время экзекуции мысленно представлять себе Иисуса Христа, следить своим духовным оком за Его страданиями, испытанными Им на кресте. Каждый кающийся должен постараться испытать те же боли, которые достались на долю Сына Божия".

При этом необходимо добавить все-таки, что неотступной мыслью у флагеллянтов служило желание путем болезненного умерщвления плоти покаяться в содеянных Грехах. Нет, разумеется, ничего удивительного в том, что обряд этот вошел в привычку и во всеобщее употребление среди тех, которые в самобичевании, а также в продолжительности и интенсивности истязаний, видели способ успокоения своей совести и прощения совершенных проступков и, кроме того, привлекали на себя внимание и уважение как образованных так и необразованных людей. Последнее обстоятельство заставляло флагеллянтов идти еще дальше, ибо в их глазах жестокие телесные наказания имели гораздо больше цены, нежели другие какие бы то ни было испытания христианских добродетелей. Не говоря уже об их утверждениях, что флагелляции ниспосланы на землю небом, что ввели их Илья и Енох, приводились еще и следующие еретические основания: проливаемая флагеллянтами при истязаниях кровь должна будет соединиться с кровью Иисуса Христа; далее, самобичевание исключает необходимость покаяния и исповеди; затем, оно имеет несравненно более за собою заслуг, нежели мученичество, ибо самобичевание является актом добровольным; крещение водою не представляет при флагеллянтизме более необходимости, ибо каждый христианин должен принять святое крещение от собственной крови; самобичевание, наконец, обезвреживает не только совершенные, но и имеющие быть сделанными в будущем грехи, делая таким образом излишним наличием каких бы то ни было богоугодных дел. Навстречу подобным еретическим символам веры церковь послала свое проклятие, предав такие воззрения анафеме, и многие из флагеллянтов вынуждены были искупить свои взгляды ...на костре.

Ордены флагеллянтов новейшей формации, - о некоторых из них мы уже имели случай упомянуть выше, - не разделяли только что приведенных взглядов; они подчинялись во всем ортодоксальной церкви и ограничивались тем, что производили автоэкзекуции по праздничным дням, например в воскресенье, в Рождество, в дни Великого поста и в некоторые дни масленицы. Установленные в их сообществах правила напоминали собою таковые у масонов; имелись у них также флаги, распятия и другие украшения алтаря. Для покрытия издержек, необходимых на приобретение означенных предметов, каждый сектант уплачивал ежегодно незначительную сумму денег.

В большие праздники флагеллянты для торжественных шествий по улицам наряжались в особые одеяния, надевали на лицо маски и в таком виде, дефилируя перед любопытно глазевшей на них публикой, направлялись в церкви. В церкви, откуда начиналось шествие, равно как и в той, куда они заходили, им приходилось выслушивать краткую проповедь на тему о страстях, обуревающих флагеллянтов; при словах: "Мы хотим обратиться на путь истинный и исправиться", начиналась экзекуция, во время которой слышалось пение *Miserere*. С продолжением песнопений прекращалось и применение плети или розги. Братство стояло под наблюдением епископа, который должен был утверждать все создаваемые сектантами правила и предписания.

Когда общественное мнение восстало против появления флагеллянтов на улицах и в церквях, мания тем не менее не прекратилась; разница была только в том, что обряды секты исполнялись в тесном кругу сообщества, все члены которого при закрытых дверях монастырских келий или частных квартир вволю обрабатывали свое грешное тело.

Прежде всего подобные братства возникли в Баварии, которую можно назвать поистине классической страной розги. Из всех имевших место в Баварии случаев, являющихся в разбираемом нами отношении в высшей степени интересными, упомянем об одной истории, закончившейся в свое время шумным процессом.

Некий капуцинский монах из дюарского прихода, по имени Ахациус, своими проповедями и убеждениями в исповедальной комнате взбудоражил всех своих духовных сынов и дочерей. Одаренный суровыми чертами лица, но обладавший изумительным даром слова, этот капуцин имел особое обаяние и власть над слабой половиной рода человеческого; пожилые женщины и вдовы совершенно подпадали под его неудержимое влияние - они буквально становились его рабынями. Символ его веры заключился в следующем: "Человек, как таковой, не в состоянии обуздывать свои сердечные желания и побуждения, но дух его может остаться добродетельным и непорочным в то время, когда тело погрязнет в грехах. Дух принадлежит Господу Богу, тело является достоянием мира. То, что представляется нашей собственностью, должно в действительности принадлежать нам; таким образом, чтобы дух был чист, тело должно грешить".

Нетрудно себе представить, куда именно клонилось его учение! Он учредил адамитский клуб истязаний, просуществовавший несколько лет кряду и затем закрытый вследствие доноса одной из молодых монашенок, которая бежала из монастыря, чтобы затем выйти замуж за любимого ею офицера. Следствие длилось очень долго, чему способствовали те члены клуба, которые принадлежали к знатым фамилиям; судебный процесс хотя и был начат, но под влиянием давления сильных мира сего его в конце концов замяли.

В Испании в процедуре умерщвления плоти волокитство играло далеко не последнюю роль, причем один из писателей говорит о флагеллянтах следующее: "Влюбленные очень часто сопровождают процессию флагеллянтов, находясь обыкновенно во главе ее; во время бичевания они удваивают свою энергию, лишь только поравняются с окнами своей возлюбленной. Если случается, что мимо процессии проходят молодые, красивые девушки, то процедура умерщвления плоти усиливается всеми флагеллянтами, которые стараются при этом забрызгать соблазнительных красавиц своею кровью. В знак благодарности и признательности девушки считали своей обязанностью подбрасывать в воздух головные уборы. Трудно чем-либо объяснить, что такие выходки могли нравиться испанкам; нужно допустить, что желание понравиться им, в свою очередь, радовало и их, либо же они ценили то терпение и ту выносливость, с которой флагеллянты разгуливали по своему телу розгами. В некоторых городах искусство самоистязания преподавалось особыми специалистами, игравшими такую же роль, как и профессора изящных искусств. К секте флагеллянтов, заканчивает автор, - принадлежали люди всех степеней и положений".

КОРНЕЛИЙ АДРИАН И ТЕЛЕСНЫЕ НАКАЗАНИЯ

Рассказ о Адриане и его институте бичевания является замечательным эпизодом в истории сечения и проливает свет на ее тайны, открывая злоупотребления этим оригинальным способом покаяния. Самые значительные факты из истории этой ереси, которыми изобилуют летописи Нидерландской церкви, достаточно достоверны, и мы, приводя их, по большей части согласуемся с оригиналом.

Корнелий Адриан родился в Дортрехте, на юге Голландии, около 1520 года, и после обычного искуса был принят в орден францисканцев. Он был назначен профессором богословия в монастырь того же ордена в Брюгге около 1548 года.

Он обладал большим красноречием и скоро приобрел большую известность, в особенности среди прекрасных и благочестивых дам этого города. Корнелий не был равнодушным к красоте и с удовольствием останавливал свои взоры на многих набожных исповедницах. Один из современных ему писателей выражается по этому поводу: "Чтобы доставить удовольствие как себе, так и им, он решил учредить совсем особый благочестивый орден среди них". Цель и характер этого особенного учреждения мы объясним ниже.

В своих проповедях брат Корнелий свободно говорил о греховности земных наслаждений и их последствий и своими инсинуациями пробуждал страх и совесть в душах

своих прелестных слушательниц, пока они не шли в его исповедальню за советом и наставлениями. Немолодым и некрасивым он предписывал прилежно исповедоваться в своих грехах их прежним духовникам, пока те не разрешат их, но тем, которых он желал принять в свой орден, он говорил: "По причине того, что вы не в силах противиться таким внутренним греховным побуждениям, их нужно карать внешним наказанием и покаянием". Они давали ему обет делать все, что он от них потребует. Взяв с них клятву хранить в тайне положенное наказание, потому что ни один человек в свете не только не может понять и оценить это дело, а непременно постарается нанести оскорбление ордену и ввести его в соблазн, брат Корнелий снабжал их правилом, сообразно которому они должны каждый месяц являться в его исповедальню. Здесь они подробно каялись ему во всех своих нечистых помышлениях, словах и поступках... По его объяснению, все это можно было искупить только особым курсом умерщвления плоти и секретным покаянием, назначенным им и производимым под его личным надзором.

Адриан ловко распорядился, чтобы это умерщвление плоти происходило в смежном с монастырем доме, который содержала одна швея, пользовавшаяся его доверием. Когда исповедальницы являлись туда в первый раз, хозяйка давала им по розге с наказом спрятать ее в комнате, где происходили наказания, и не забыть принести одну из этих розог, когда понадобится. Когда все его духовные чада были в сборе, Корнелий являлся и с самым серьезным видом объявлял, что для получения наказания надлежащим образом они должны снять с себя часть одежды. Сделав это, грешницы смиренно подавали ему розгу, которая должна была очистить их греховные тела. Брат Корнелий принимался за дело очень нежно и сначала потихоньку, но потом все усиливал удары, увеличивая происходящее от них благодеяние столь первобытного свойства. В этом ордене состояли девушки, замужние женщины, вдовы, и эта тайная "гинопигическая" секта, как называли ее голландские писатели, держалась десять лет, не возбуждая ни в одной из ханжей ни малейшего недоверия к ее неприличию. Они были счастливы и спокойны, твердо веря в благочестие Корнелия до тех пор, пока одно обстоятельство не сделало известным его необыкновенный способ умерщвления плоти и не привело к распадению этого ордена.

В 1553 году в числе многих слушательниц брата Корнелия была одна добродетельная и всеми уважаемая вдова, которая иногда брала с собой свою красивую и очень милую дочку, Каленкен Петере, шестнадцати лет. Каленкен скоро близко сошлась с несколькими молодыми особами, последовательницами брата Корнелия, и конечно много наслышалась от них о послушании, смирении и тайном умерщвлении плоти. Из любопытства она спросила у своих подруг, что значит все это. Они ответили, что только один брат Корнелий может дать ей необходимые объяснения и конечно он охотно расскажет ей обо всем, если она когда-нибудь пойдет к нему на исповедь. В надлежащее время она пришла к нему исповедоваться, и в это первое свидание брат Корнелий внушал, что нужно быть покорной ему во всем и понятливой, если она хочет сохранить свою девическую чистоту, и изъявил желание, чтобы она, с согласия матери, посещала его каждую неделю для получения наставлений, необходимых для священного послушания. Мать ее с радостью согласилась, и в следующее свидание Каленкен обещала по его просьбе с полной верой покаяться ему в своих самых тайных мыслях и желаниях. После шести- или семинедельных наставлений брат Корнелий сказал ей, что она должна дать клятву не исповедоваться у другого священника и что тогда она может войти в комнату наставлений и претерпеть наказание, как и все другие девушки.

Первый визит в это "святилище" был очень неудовлетворителен для брата Корнелия. Она или не могла, или не хотела быть вполне откровенной, как этого желал духовник, и он отпустил ее с увещанием быть лучше подготовленной в следующий раз.

В следующее свидание, убеждая ее брать пример с других кающихся, он спросил ее, вполне ли серьезно она доверила ему исцеление своей страждущей души. Она подтвердила это.

"Хорошо, тогда, - продолжал он, - если вы вверяете мне свою душу, вы можете

безбоязненно доверить мне свое земное тленное тело; если я в состоянии освятить вашу душу, то я должен прежде всего очистить ваше тело и сделать его способным к добродетели, благочестию и раскаянию. Не так ли, дитя мое?"

"Так, святой отец, - ответила она. "Хорошо, - продолжал он, - теперь нужно, чтобы вы были мне покорны в святом послушании таким образом, как я вам скажу".

Тогда он велел ей, чтобы победить скромность, служащую только препятствием священному поучению и покаянию, совершенно раздеться, и объяснил ей, что невозможно сделаться вполне благочестивой, если она не подвергнется этому самоуничижению, которое является первым условием приобщения к тайному священному умерщвлению плоти. Каленкен пошла исполнять это приказание, но, не успев еще окончить своего урока, упала в обморок. Почтенный отец ожидал этой "помехи" и скоро привел девицу в чувство при помощи нюхательной соли. Тогда он отпустил ее, заметив, что на этот раз довольно, и обещал, что к ее следующему визиту у него будут еще другие молодые особы, которые послужат ей хорошим примером. Действительно, когда Каленкен пришла снова, там были две молодые женщины, которые без малейшего колебания по требованию отца Корнелия разделись и, став на колени на подушку, получили свое наказание.

Так шли дела несколько месяцев, в продолжение которых посвященные члены ордена прилежно добивались дружбы Каленкен и убеждали ее быть во всем покорной Корнелию. Это постепенно развратило ее мысли, у нее уже нашлось, в чем покаяться, и духовный отец, обрадованный такой переменой, сказал ей, что теперь она уже достаточно подготовлена принять тайное поучение, и велел ей принести с собой розгу в следующий раз, которой она и была высечена тем же манером, как и другие молодые женщины,

Но как бы то ни было, секрет этот открылся в 1563 году при помощи другой жертвы, и Каленкен предстала пред судом как свидетельница в ее пользу.

В обществе брата Корнелия состояла одна женщина, по имени Беткен Масс, которая посвятила себя уходу за больными и славилась своей добродетельностью и благочестием. Она познакомилась с монахом августинцем, который предостерегал ее против Корнелия, что дошло до ушей последнего; он немедленно объявил Беткен последовательницей Поля и Эразма и убеждал своих духовных чад не входить с ней ни в какие сношения. Беткен сносила все это молча. Ей пришлось вскоре ходить за одной дамой, которая была при смерти, и эта дама велела Беткен принести ей монашескую шапочку, спрятанную у нее, чтобы она могла в этой шапочке испустить свой последний вздох.

Беткен, расспросив о причине этой странной просьбы, узнала, что шапочка - драгоценный подарок брата Корнелия, который сказал этой женщине, что, надев ее перед смертью, она получит отпущение всех грехов и избавит себя от мук чистилища. Беткен пыталась разубедить ее в этой глупости, но напрасно; это только раздражало больную, которая вместо того, чтобы умереть, выздоровела и при первой возможности отправилась в монастырь францисканцев к Корнелию. Почтенный отец был разгневан вмешательством Беткен и объявил ее везде еретичкой. В монастыре кармелиток, где у Корнелия была племянница, к которой он приходил, как и к другим монахиням, - он также оклеветал Беткен; ее друзья отказывались видеться с ней и не желали больше принимать ее услуг как сиделки. Доведенная до крайности, она отправилась к начальнику ордена августинцев и открыла ему настоящую причину ненависти к ней Корнелия, а также и секрет тайной дисциплины. Августинец послал за Корнелием и указал ему опасность, какой он подвергнется, если не примирится с Беткен. Он потребовал, чтобы Корнелий формально отрекся от всего, что говорил о ней с кафедры, в монастыре и частных домах. С кафедры Корнелий упомянул об этом, но так темно и запутанно, что никто ничего не понял, а в частных домах все осталось по-прежнему. После этого он продолжал свои нападки на Беткен, которая прибегла к последнему средству: она рассказала во многих домах о злоупотреблениях и обманах монаха, а также о его особенном курсе покаяния.

Это скоро распространилось, и дело дошло до суда, который пригласил Беткен Масс дать полное показание относительно всех этих тайн. Общество очень заинтересовалось

тайной дисциплиной, но в то же время Корнелий вполне мог бы оправдаться, если бы взялся за дело, как следует: следствие можно было легко остановить, так как здесь было замешано очень много знатных фамилий. Но, несмотря на все это, Корнелии продолжал громить своих обвинителей, а расследование шло своим порядком. Все женщины, на которых было указано, как на членов этого дисциплинарного общества, должны были лично предстать пред судом, и оказалось, что в числе членов состояло много знатных дам, как молодых, так и старых.

Велик был стыд многих семейств, когда открылось это многолетнее бесчестие. Все свидетельствовали свою невинность и обман их монахом, но это не могло остановить позорных насмешек над его последователями, и "священная дисциплина" была предметом множества пасквилей и острот. Брат Корнелий удалился в другой монастырь в Эйперн, где провел несколько лет, а потом опять возвратился в Брюгге. Он объяснил простоватым фламандцам, что история с этой дисциплиной была клеветой на него врагов; он ревностно проповедовал против реформаторства и наконец 1581 году скончался в полной святости.

ЗНАМЕНИТОЕ ДЕЛО МОНАХА ЖИРАРА И МИСС КАДИР

Этот случай, один из самых знаменитых в летописях сечения, в то же время дает яркий пример изумительно распушенной нравственности и лукавства, бывших тогда отличительной чертой ордена иезуитов. Подробности этого обстоятельства постоянно печатались на многих европейских языках, но все тонкости поучений и других духовных воздействий, происходивших между отцом Жираром и его ученицей, оказались слишком обширными для их опубликования; поэтому мы позволяем себе предложить нашим читателям только один или два главных факта из этой знаменательной истории.

Биография девицы Кадар в ранних ее годах не представляет ничего особенного и может быть описана в немногих словах. Екатерина Кадир, дочь Жозефа Кадир и Елизаветы Поме, родилась в Тулоне 12 ноября 1702 года. Отец ее умер, когда она была еще ребенком, оставив, кроме нее, трех сыновей. Вдова осталась в благоприятных условиях и воспитала своих детей в страхе Божиим. Старший сын женился, второй вступил в орден доминиканцев, а третий сделался священником. О воспитании дочери особенно заботились, и когда она выросла, то вполне вознаградила мать за все эти труды.

Екатерина прославилась среди подруг своим добрым характером, чистотой и невинностью души и своей красотой. Ей делали много предложений, но она всем отказывалась, так как ее мысли были слишком заняты небесным. Ей было 25 лет, когда в апреле 1728 года иезуитский патер Жан Батист Жирар получил назначение в Тулон. Сперва он поселился в Аахене, откуда и разнеслась слава о его красноречивой проповеди и строго нравственной жизни.

Жирар сразу сделался популярным в Тулоне, и целые толпы приходили слушать его проповеди и исповедовать ему свои грехи. Дамы всех возрастов единодушно избрали его своим духовником и советчиком, и это доверие было в высшей степени приятно святому отцу; молодые же девицы Тулона образовали между собой род ордена для упражнений в благочестии, начальником которого был Жирар, придерживавшийся по отношению к своим ученицам системы Молини, и при том с такой хитростью и наглостью, что это возбуждало доверие к его приемам. Он приступил к делу с большой осторожностью и долгое время ограничивался только двусмысленными и мистическими разговорами, но постепенно и незаметно, хотя уверенно, доводил своих прелестных исповедниц до обычного покаяния, которое он привык налагать в виде умерщвления плоти по издавна установленной форме. Перед его убедительным красноречием не могли устоять никакие сомнения в пристойности и полезности такой дисциплины.

Множество молодых девиц вполне усвоили себе идею Жирара относительно умерщвления плоти; но главным лицом в этой секте явилась девица Гюйоль, умная и ловкая от природы, с самого начала показавшая, что может как нельзя лучше служить намерениям святого отца. Отец Жирар нашел себе в ней единомышленника; очень скоро между ними установилось полное доверие, и она усердно помогала ему заманивать в западню самых неопытных и молодых женщин. Жирар собственноручно давал розги отдельно каждой из

своих учениц, устраивая род "вечеринки бичевания", на которой многие из них присутствовали. Вначале наказания производились самым скромным и приличным образом, но мало-помалу вождения отца Жирара заставили его налагать и наибольшее очищение за более легкомысленные поступки, а его прекрасные грешницы были им до того ослеплены, что процесс исправления только увеличивал их благоговение перед пастырем и любовь к нему.

Девушка Кадир находилась в числе его воспитанниц, и так - как она была красива и помышляла только о небесном, то очень скоро привлекла внимание святого отца. Он был совершенно очарован ее душевными и телесными качествами и решил, если возможно, обратить ее в свою веру. Сообщив свое намерение Пойоль и приведя ей все доводы, он получил от нее обещание помочь ему в этом деле. План его действий состоял в том, чтобы проявить необыкновенное участие к своей послушнице. Расспросив самым заботливым образом о ее родителях, о ее здоровье и состоянии ее духа, Жирар стал распространяться об удивительных свойствах ее характера и о том, что Бог предназначил ее быть орудием Его великих замыслов, а чтобы исполнить это высокое назначение, она должна совершенно передать себя в руки своего духовного отца.

Эта система "вежливого обольщения", как она была после названа, велась в течение целого года, пока однажды отец Жирар не упрекнул свою воспитанницу за то, что она не послала за ним, когда была больна. Нежный поцелуй святого отца закончил этот милый выговор, и во время последовавшей за этим исповеди он расспросил ее обо всех ее желаниях, наклонностях и мыслях. Он посоветовал ей посещать различные церкви в городе, каждый день причащаться, причем предупредил ее, что скоро у нее начнутся видения, о которых она должна ему подробно рассказывать. Это имело желанные последствия: Екатерина впала в истерическое и мистическое состояние, и образ отца Жирара не выходил у нее из ума. Она открылась в этой страсти к нему, горько плача над своей слабостью. Отец Жирар утешал ее такими словами: "Молитва есть только средство воспитать себя в Боге. Раз эта цель достигнута и человек соединился с Ним, он больше не нуждается в молитве. Любовь, привлекающая вас ко мне, не должна вас печалить. Бог желает, чтобы эта любовь соединила нас с вами. Я ношу вас в своем сердце и душе. Отныне вы будете моей душой - да, душой моей души. Следовательно, эта любовь отдаст нас друг другу в святом сердце Иисуса".

С этого времени все письма Жирара к Кадир оканчивались словами: "Я соединен с вами в святом сердце Иисуса". Наконец, девушка Кадир приняла формулу послушания, предложенную святым отцом: "Я отрекаюсь от себя, я предалась вам, я готова говорить, делать и терпеть все, что вы от меня потребуете".

Отец Жирар не только помогал своим чадам в их духовных потребностях, но заботился также и о телесных желаниях их. Он держал хорошую прислугу, имел всегда отличный стол, кроме того, выдумывал развлечения и другие затеи для удовольствия своих питомцев. Он и его верная сообщница Гюйоль забавлялись тем эффектом, какой производили их действия над девушкой Кадир, которая в короткое время совершенно истомилась душой. Ее смущали странные сны, где главным героем являлся отец Жирар, она по временам казалась одержимой злым духом и проклинала религию Христа и святых. К концу 1730 года эти приступы еще более усилились. Ее братья были свидетелями их, и, когда они молились о ее исцелении, она все время проклинала их. Казалось, эти сны служили ей внушением, устанавливая между нею и отцом Жираром особое духовное единение.

Друзья Кадир, опасаясь за ее здоровье, посоветовались с Жираром, и тут осуществилось его давнишнее желание: приглашенный в дом Кадир, он часто мог оставаться наедине с девушкой, чтобы устранить всякое могущее возникнуть подозрение, его сопровождал туда и оттуда младший брат ее, который в то время был учеником Коллегии Иезуитов. При этих свиданиях отец Жирар пользовался приемами дисциплины Корнелия, проделывая это над обнаженной пациенткой, как только с ней начинались ее припадки.

Девушка пожаловалась Гюйоль и другим сестрам на вольности отца Жирара, но они только засмеялись и рассказали, что и с ними он вел себя так же. Он очень часто преподавал

дисциплину своей ученице Кадир имела одно из своих замечательных видений в пост 1729 года, за ним последовала серьезная болезнь, уложившая ее в постель. Жирар участил свои визиты и с особенным вниманием разглядывал кровавые пятна, появившиеся после припадков на ее левом боку, на руках и ногах. Один биограф замечает, что ему никогда не надоедало разглядывать эти пятна, в особенности на левом боку. Видения ее продолжались, и все муки ее считались посланными ей самим небом.

Однажды Жирар предсказал своей питомице, что ей представится еще новое замечательное видение и она будет поднята на воздух. Он один был свидетелем этого действия духов. К назначенному времени Кадир вдруг сделалась непокорной и, несмотря на просьбы и приказания Жирара, отказалась перестать держаться за стул, на котором она сидела, и позволить поднять себя на воздух. Священник пригрозил ей ужасными последствиями, которые повлечет за собой такое сопротивление духовной власти, и наконец в гневе ушел из комнаты. Тогда была послана Гюйоль сделать выговор грешнице, и после ее угроз та пришла в кроткое настроение, попросила прощения и обещала в будущем полную покорность.

Этот своевольный поступок мог быть заглажен только глубоким раскаянием. На следующее утро отец Жирар вошел к ней в комнату и, начиная свое поучение, сказал: "Правосудие Божие требует за то, что вы не позволили облечься в его дары, чтобы вы разделись и получили очищение; без сомнения, вы заслуживаете, чтобы весь свет был свидетелем этого, но милосердный Господь разрешил видеть это только мне и этой стене, которая не может говорить. Как бы то ни было, дайте мне клятву в вашей верности, что вы не выдадите тайны, потому что открытие ее грозит гибелью нам обоим". Девица Кадир, как упоминается у нескольких писателей, подчинилась дисциплине, как он этого желал, а что последовало дальше - читатель может дополнить собственным воображением. Все это время у матери Кадир не явилось ни малейшего недоверия к святости отца Жирара, и она даже рассердилась на своего сына, когда он намекнул ей, что здесь происходит что-то странное. Невозможно описать подробно всего, что произошло между отцом Жираром и Кадир; продолжительный осмотр ее ран, постоянные его поцелуи и повторение дисциплины иногда без всякой провинности с ее стороны - все это представляло только часть

системы Жирара, а были еще другие поступки, гораздо более грубые и возмутительные.

Чтобы избежать последствий этого духовного единения, Жирар под разными предлогами заставлял девушку пить напиток его собственного изготовления, и несмотря на то, что она была очень слаба, отсоветовал ей дать осмотреть себя доктору. Он решил, что необходима перемена условий, и для безопасности и удобства с необыкновенной ловкостью устроил так, что девица Кадир поступила в монастырь в Оллиуле, где ее приняла сама настоятельница, причем ее родственники дали свое полное согласие на то, чтобы Кадир сделалась монахиней. Благодаря этим обстоятельствам, она была благосклонно принята в монастыре, и две недели после этого отец Жирар еще не посещал ее. По истечении этого времени он имел свидание с настоятельницей, у которой попросил разрешения видиться и переписываться со своей ученицей. Большая часть его писем была уничтожена, но те, которые сохранились, раскрывают целую систему самого утонченного молинизма, к которому прибегал этот иезуит для обольщения несчастной девушки.

В то же время он писал письма совершенно другого рода, которые попадали в руки настоятельнице и, как это и имелось в виду, убеждали ее в чистоте намерений почтенного отца. Однако один его поступок возбудил подозрения. Он имел смелость в присутствии других монахинь осведомиться о физическом состоянии девицы Кадир, спросив ее, много ли она потеряла крови недавно.

Одно из его писем, где он угрожал ей розгой, которой накажет ее он сам, "ее дорогой батюшка", попало в руки другому, и его визиты на время были запрещены, но при вмешательстве одного из капуцинов привилегия Жирара посещать Кадир была восстановлена.

Страсть его к ней все возрастала. Он исследовал ее раны, применял дисциплину

прежним способом и по целым часам оставался у своей исповедницы. Она сама иногда хвалилась перед другими монахинями, что испытывает величайшие духовные наслаждения. Одно время она была заключена в келью, и патер мог разговаривать с ней только через отверстие в стене; но изобретательность иезуита преодолела и это затруднение: он убедил свое духовное чадо выставить известную часть тела в отверстие и таким образом получить розги! Он велел приносить туда его обед, и послушницы часто удивлялись этой паре, нежно разделявшей трапезу.

Со временем отцу надоела его духовная дочь, и он решил поместить ее в Картезианский монастырь в Премоле. Епископ тулонский не мог дальше терпеть и, запретив дальнейшие их сношения друг с другом, заставил перевезти девицу Кадир на дачу Бока, близ Тулона. Увидя, что приближается развязка, Жирар при помощи сестры Гравье, своей бывшей ученицы, вернул все письма, писанные им Кадир, за исключением одного, которого не было в ее ящике. Епископ назначил нового настоятеля в Тулонский монастырь кармелиток, чтобы тот отныне был духовником Кадир, и посредством исповеди постепенно открылся обман и нечестные поступки отца Жирара, о чем настоятель немедленно известил епископа, и этот последний поклялся избавить страну от обжорливого волка, когда услышал о великом множестве его гнусных деяний. Девица Кадир умоляла его на коленях, обливаясь слезами, не разглашать всей этой гадости, и епископ наконец обещал ей скрыть скандальную историю. Так как он заметил, что Кадир по временам бывает "одержима", то он начал заклинать злого духа, и девушка постепенно поправилась.

Епископ вскоре раскаялся в том, что замолчал этот скандал, и по совету иезуита, отца Сабатье, лишил Жирара его сана и назначил церковную комиссию, чтобы расследовать все его проделки. Эта комиссия была уже с самого начала предубеждена против девицы Кадир и имела намерение оправдать Жирара. Девушка, уверенная в своей невинности, призналась во всем, но, что вполне естественно, показания ее были слишком сбивчивы, и ее противник воспользовался неточностью указанных ею чисел и другими мелочами. Духовный суд усердно доказывал против Кадир. Даже письма - три к настоятельнице в Оллиуле и два к Кадир - никаким образом не обличали Жирара.

Восемь иезуитов были допрошены и дали самые благоприятные отзывы о своем брате; монахини также доказали свое благоговение перед преследуемым отцом. Несчастливая Кадир была выставлена лгуньей, изменницей и клеветницей и даже обвинена в том, что ее подкупили нанести оскорбление ордену иезуитов. Дело дошло до Верховного Судилища в Эксе, и иезуиты не жалели ни денег, ни трудов, чтобы выиграть процесс. Больше миллиона франков стоила им эта защита. Жирар отобрал письма, захваченные кармелитским настоятелем и братом Кадир, обвинив их в заговоре. Девица Кадир в это время содержалась, как осужденная преступница, в скверной, вредной для здоровья комнате, где перед этим помещалась одна сумасшедшая. Ее мучили, угрожали и досаждали ей, как только могли, пока она наконец не отреклась от всего, в чем она обвиняла Жирара.

В ее комнату поставили солдат, которые день и ночь стерегли ее. Суд приговорил отдать ее на поруки в городской монастырь. Апеллируя к высшему суду, она показала, что ее первое признание на исповеди было правдивым и что она под страхом угроз отреклась от своих слов. Суд никак не мог прийти к соглашению. Двенадцать голосов было подано за то, что отец Жирар отличался большой слабостью духа, и это делало его предметом насмешек всего ордена, так что вина его не так уже велика. Другие двенадцать говорили, что он должен быть осужден на смерть за кровосмешение и за то, что обесчестил свой духовный сан позорными страстями и преступлениями. Суд склонился к тому, чтобы вынести обвинительный приговор, решив, что обе партии неправы. Один из членов убеждал, что Кадир подлежит только легкому наказанию, а другой кричал: "Но тогда нами будет оправдана величайшая преступница, разве возможно ограничиться только легким наказанием этой девушки? Скорее ее следует бросить в огонь".

Этот судебный процесс наделал много шума, и общественное мнение было всецело на стороне Кадир. Тех, кто голосовал против Жирара, толпа благословляла и встречала

рукоплесканиями, а сам Жирар был побит камнями, и его с большим трудом удалось спасти от ярости черни. Он умер через год после этого, и многие сочли его преждевременную смерть наказанием за грехи. Иезуиты предполагали его канонизировать, но мы не можем сказать наверняка, было ли это приведено в исполнение. Девицу Кадир ее многочисленные друзья окружили нежным попечением. Но она вскоре после своих страданий исчезла со сцены, и осталось неизвестным, сослали ли ее куда-нибудь, или она окончила свои дни в монастыре. Общее мнение было таково, что ее мирно и незаметно удалили с дороги. Красота ее была воспета ее современниками, и, несомненно, она обладала необыкновенной привлекательностью. Вольтер, с присущим ему цинизмом, выразился так: "Эта красавица видела самого Бога; Жирар видел ее и он был еще более счастлив".

Другой трагический случай подобного же рода произошел незадолго пред падением иезуитов во Франции. Одна девица из высшего общества была отдана на попечение иезуита, который считался другом ее семьи, и она была бессовестно оболгана им по способу отца Жирара. В этом случае начальство святого отца подкупило одного лекаря дорогими подарками, и тот так иезуита изувечил, что его невозможно было обвинить в тех поступках, в которых его обличали. Но, как бы то ни было, огласка этой истории привела к распадению ордена.

Третья проделка такого же рода, как и случай с Кадир, полная позорных подробностей, записана в "Passepartout" Гавина, так как она имела место в Саламанке.

НАКАЗАНИЕ РОЗГАМИ

Как мы уже видели из предыдущего изложения, телесные наказания в древности применялись очень охотно и существовали под различными названиями, как-то: сечение розгами, избиение плетью и экзекуция кнутом. В дальнейшем существование телесных наказаний можно по хронике событий проследить от средних веков и до настоящего времени,

В наши дни общественное мнение, безусловно, против применения розги, причем многие, рассматривая розгу как средство наказания, глубоко убеждены в том, что она только позорит преступников и делает их еще более закоренелыми, ожесточая и действуя пагубным образом на и без того испорченный характер. Не говоря уже о вредном моральном влиянии телесных наказаний, последние особенно пагубным образом отзываются на здоровье женщины, так как мышечный аппарат последней, безусловно, богаче кровеносными сосудами, нежели мужской, и потому гораздо чувствительнее к розге или плети и более восприимчив в смысле вредных последствий.

Телесное наказание, производимое без понятия и разницы, само собой разумеется, представляется для школы и тюрьмы крайне невыгодным, но в то же время опыт показывает и история учит, что разумное применение розги постоянно вызывало повышение нравственного уровня. Во многих наших общественных учреждениях розга, например, могла бы считаться весьма подходящим пособием, причем незаурядные преступления могли бы в рабочих домах наказываться ею, под влиянием чего процент их значительно сократился бы. Точно так же судебные приговоры убийцам-грабителям и тому подобным преступникам с пользой могли бы усиливаться телесными наказаниями в виде добавочного штрафа к тюремному заключению и принудительным работам. Но в настоящее время всеобщее мнение склоняется все больше и больше в пользу уменьшения и смягчения наказаний вообще, и таким образом возможно, по нашему мнению, ожидать, что подобный порядок вещей, т. е. слишком большая заботливость о преступниках, сможет неблагоприятным образом отразиться на общем благосостоянии. Впрочем, не будем рассматривать больше этот спорный вопрос принципиально, а займемся историческим обзором его.

Древние египтяне не увековечили своих обычаев на гробницах и иероглифах. Как видно из нескольких мест Ветхого Завета, евреи имели установленное количество ударов, наделяемых добровольной рукою. Не вдаваясь в дальнейшие рассмотрения телесных наказаний Востока, заметим теперь же, что экзекуции розгами или плетью в виде наказания, налагаемого правосудием, были введены у еврейских народов римским правом. И если

особенная любовь к телесным наказаниям с течением времени до известной степени ослабла, то все-таки в римском уголовном кодексе она занимала постоянно самое выдающееся место, причем позднейшие народности выказали свою солидарность с римлянами в отношении телесных наказаний тем, что позаимствовали у последних уложение о наказаниях.

Читатели наши уже видели, как пышно процветал флагеллянтизм в монастырях, причем одновременно с ним шпицрутены в войсках и плеть, розга или веревка дома составляли обыденное явление. Привилегированные классы обыкновенно избавлялись от подобных наказаний, хотя в приказах Генриха IV и Людовика XIV встречаются имена знатнейших современников, приговоренных своими королями к публичному телесному наказанию. В середине одиннадцатого столетия Бонифаций, маркиз Тосканский, один из знатнейших принцев Италии, подвергся наказанию розгами у алтаря, вследствие приговора епископа, рассердившегося на то, что принц устраивал различные привилегии за деньги. При этом Галлам упоминает, что подобные преступления имели место гораздо чаще, нежели наказания, что во всяком случае является для упомянутого времени чрезвычайно характерным.

В Италии одно время каждый округ, каждая провинция, каждый город прибегали к своим особенным телесным наказаниям. Тосканский уголовный кодекс, опубликованный в 1786 году герцогом Тосканским, говорит о том, что уже тогда телесные наказания были в ходу и рассматривались как средство, способствующее поддерживать в порядке и равновесии законность. В предисловии этого законоположения говорится, что законодатель основывается на богатом опыте и что "после того, как он царствовал более двадцати лет и за это время смягчил много наказаний, он убедился в том, что преступления не только не увеличивались, но, наоборот, уменьшались, тяжкие преступления вообще не наблюдались, а менее сложные обнаруживались значительно реже". Эдиктом этим уничтожались далее такие наказания, как клеймение с помощью раскаленного железа, различные пытки и все вообще наказания, сопряженные с уродованием, равно как ограничение в правах на собственность, все равно-движимую или недвижимую. Помимо этого, законоположение тосканского герцога сравнивало государственную измену с преступлением против личности. Наказания за те или иные проступки налагались следующие: незначительные денежные штрафы, не превышающие трехсот крон; наказание плетью, но не публичное; тюремное заключение до одного года; ссылка на более или менее продолжительные сроки и расстояния; публичное наказание плетью; публичное наказание плетью на осле. Женщины приговаривались к заключению в исправительные тюрьмы на срок начиная с одного года. Если заключение назначалось пожизненное, представлявшее собою замену смертной казни, то преступницы должны были носить особое платье, на котором были вытканы слова: "Ultimi supplicio". Мужчин за тяжкие преступления посылали на остров Эльбу, где они работали в шахтах, или же на галеры в Ливорно, и т. д. Срок такой ссылки назначался от трех лет, хотя приговаривали и на пожизненные работы. В последнем случае каторжане тоже должны были носить особое платье, на ноге - кольцо, цепи и прочие атрибуты. Работы исполнялись такими преступниками самые тяжелые. Из старых немецких уложений о наказаниях, а также и из юридических архивов видно, что при исполнении телесных наказаний применялись то плети, то палки, то розги. В тюрьмах и исправительных домах в смысле наказания арестованных творились ужасные безобразия, злоупотребления были вопиющие. В Германии и Швейцарии судьи и члены магистрата пользовались почти неограниченной властью и даже при самых незначительных проступках назначали виновным ужасные экзекуции с помощью палочных ударов. В некоторых городах женщин-преступниц помещали в особого устройства машину, в которой они не в состоянии были пошевелиться; благодаря подобным тискам, каждый удар наверняка достигал своего назначения. В Гааге, например, в здании старых тюрем до сих пор сохранились такие машины. По временам арестанток заставляли надевать особые платья и подвергали экзекуции, которая производилась также женщинами, хотя в огромном большинстве случаев соблюдение приличия, т. е. отсутствие в роли палача мужчины, игнорировалось.

В полицейских дворах Голландии женщин секли сразу целыми дюжинами, причем подобное зрелище считалось настолько интересным, что посторонняя публика очень часто подкупала служащих и за известную мзду получала право присутствовать при подобной массовой экзекуции.

В Англии телесные наказания процветали в высшей степени. Среди англосаксов в то время, когда штат прислуги состоял еще из рабов и крепостных, удары считались самым обычным наказанием за любой проступок, и далеко не редко случалось так, что подчиненные по приказанию своего господина или госпожи засекались до смерти.

В старых иллюстрированных журналах и книгах мы встречаем изображения процедуры наказания розгами в Саксонии. На одной из таких иллюстраций изображено наказание преступника двумя помощниками палача. Жертва совершенно нагая, ноги ее плотно привязаны к скамье, экзекуторы награждают ее ударами маленьких розог, состоящих из трех прутьев. Саксонки также не брезгали собственноручно наказывать своих служанок розгами. Виллиам Мальмесбери рассказывает, что король Этельред, будучи еще маленьким мальчиком, так сильно разгневал как-то раз свою мать, что она за недостатком розги схватила попавшиеся ей под руку свечи и нанесла ими наследнику престола так много ударов, что несчастное дитя вскоре лишилось сознания. В славные времена великой Елизаветы в каждом городе и в каждой деревне находилось особое "позорное место". Тейлор говорит:

"В Лондоне и на целую милю вокруг него

Имеется, по крайней мере, восемнадцать тюрем, и даже больше!

Кроме того, шестьдесят лобных мест, кутузок и палка!"

Государственные отчеты того времени указывают нам, что за экзекуцию палач получал две копейки с персоны. В общественном отчете Гунтигтона имеется такая статья: "восемь шиллингов и шесть пенсов за поимку умалишенной, за мытье ее и порку на следующий день, и затем еще два шиллинга за приставленную к ней сиделку". Заправилы этого города считали плеть или розгу каким-то универсальным средством, ибо они заплатили восемь пенсов "Томасу Хью-кинсу за порку двух человек, заболевших оспой". В одной из деревень было уплачено некой женщине четыре пенса за выполнение телесного наказания над Еленой Шав и потом еще три пенса - во избежание скверных последствий - "за пиво, поднесенное экзекуторше по окончании ее работы".

В 39 статуте Елизаветы, глава 4, определено, что "каждый бродяга и праздношатающийся подвергается публичному наказанию розгами и затем посылается из общины в общину до тех пор, пока не дойдет до места своей приписки на родине. Если же последнее остается невыясненным, то бродягу, будь он мужчина или женщина, водворяют в то место, где он или она проживал или проживала, не подвергаясь никаким наказаниям в течение одного года. По совершении телесного наказания виновный или виновная получает удостоверение, подписанное рукою и скрепленное печатью судьи, в том, что означенное лицо было подвергнуто наказанию согласно статуту". Яков I еще более расширил право этого закона, но в царствование королевы Анны всякие излишества были из него изъяты.

В царствование Карла I преступления и проступки наказывались в большинстве случаев розгами, причем приговор конфирмировался звездной палатой. Полны интереса некоторые выдержки из сочинения Русворта под заглавием "Исторический сброник".

В 1628 году, в царствование Карла I, две молодые девушки подали жалобу на мирового судью, который за легкомысленное поведение приговорил их к заключению в исправительный дом с тем, чтобы там их подвергли телесным наказаниям. Вследствие этого они серьезно заболели, причем одна из них находится в смертном одре. В том, насколько жестоки были наказания, девушки ссылаются на свидетелей. Один из судей дал такое объяснение: "Девушки очень далеки от того, чтобы пострадать от перенесенных экзекуций, ибо они даже пили за здоровье его, судьи, они просили дать им колокольчик, в который звонили в виде насмешки над судьей и продолжали вести прежний образ жизни".

Доротей Блекберн, желая отомстить Монку, посадившему на скамью подсудимых ее

мужа из-за денежных расчетов, перехватила два письма Монка у его адвоката и вставила в них несколько в высшей степени предательских слов. За это Монка посадили в Тауэр и подвергли там пытке. Через некоторое время правда всплыла наружу, и Доротею Блекберн подвергли тюремному заключению до тех пор, пока король не помилует ее. Она была лишена затем всех прав состояния и на возвышенном месте подверглась в вестминстерском дворе наказанию плетьюми, имея на голове бумагу с надписью о совершенном преступлении. Затем ее подвергли клеймению и выжгли две буквы: Л. Д., т. е. ложная доносица; в конце концов ее высекли еще раз публично в Лечестере.

Ричард Бек и Элеонора Бек были уличены в ложном доносе против Дальтона; их посадили на три месяца в тюрьму, назначили принудительные работы, жесточайшим образом высекли и вдобавок приговорили к 40 фунтам стерлингов штрафа каждого.

Мы могли бы привести еще много примеров, но все они похожи друг на друга и поэтому не могут интересовать наших читателей.

НАКАЗАНИЕ РОЗГАМИ УГОЛОВНЫХ И ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРЕСТУПНИКОВ

Телесные наказания применялись не только по отношению к бродягам и праздношатающим; во время преследования за еретичество пробовали применять плети и розги также и к не поддававшимся исправлению фанатикам, имея таким путем в виду либо возратить их на путь истинный, либо - в худшем случае просто наказать за отступление от веры. Овен Хойтон, офицер из Тауэра, приказал самым жестоким образом высечь одну из своих пленниц, молодую девушку, за то, что она уклонялась от присутствия на богослужениях. Поэтому администратор счел ее еретичкой.

Когда впервые появились квакеры {Квакерами назывались члены основанного Джорджем Фоксом в 1646 году в Англии религиозного общества, называемого своими членами "христианским обществом друзей" и признающего главные догматы протестантской церкви. Лозунг основания: "Не буква, но дух; не Христос для нас, но Христос в нас самих". Главным основанием их учения является то убеждение, что единственным источником познания христианской веры есть не Библия, а непосредственное внутреннее откровение в каждом человеке Святого Духа. Таинство, присяга, духовенство, иконы и богослужение отрицаются ими. В молитвенных собраниях, по учению их, говорит и поучает тот или та, кто чувствует вдохновение, в противном случае все молча расходится.

Квакеры строго нравственны, избегают роскоши, в знак братской любви говорят всем "ты", ни перед кем не снимают шляп и отрицают военную службу. В Северной Америке секта эта существует и до сего времени, где насчитывается до 2000 квакеров. - Прим, переводчика.}, их вероучение было церкви особенно не по нутру, вследствие чего "друзьям" пришлось испытать много горестей Севелль, делая исторический обзор квакерству, в нескольких местах упоминает о том, что старшины квакеров подвергались ужасным экзекуциям. В 1654 году Варвара Блангдон говорила в "сообществе друзей" речи и проповеди. Кончилось тем, что ее посадили в тюрьму, а затем суд приговорил ее к наказанию плетьюми. Приговор в присутствии шерифа был тут же приведен в исполнение с такой строгостью, что кровь так и лилась по спине несчастной женщины. Тем не менее она перенесла страдание с большой силой воли и затем сказала, что нисколько не испугалась бы, если бы ее приказали засечь до смерти.

В том же самом году тяжелую муку должны были претерпеть и два проповедника из мужчин-квакеров. Странствуя с места на место, они появились как-то в Медстоне, но здесь были арестованы и подвергнуты тюремному заключению, причем все имущество их, библии, чернильницы и прочее были у* них отняты. Затем несчастных раздели догола, привязали к столбу и безжалостно высекли. Описывая этот случай, автор прибавляет: "Это было крайне тяжелым наказанием, особенно для младшего квакера, но какая-то невидимая рука поддерживала их".

В конце семнадцатого столетия телесные наказания стали очень усердно применять по отношению к политическим преступникам. В то время славился большой властью судья Джефрейс, пользовавшийся за свои жестокие приговоры крайне плачевной репутацией.

Как-то раз король Карл II выразился о нем следующими словами: "Этот человек ничему не учился, не обладает здравым разумом, не имеет приличных манер и более беззастенчив, нежели десять высеченных мазуриков, взятых вместе".

Джефрейс, будучи еще школьником, за леность и бесшабашность неоднократно подвергался наказанию розгами, причем пресловутый Бусбей основательно обновил в нем сведения по этой части, когда Джефрейс находился в вестминстерской гимназии. Особенное удовольствие доставляло этому жестокому человеку издеваться над теми подсудимыми, которые имели несчастье предстать перед судейским столом его камеры; он буквально наслаждался теми страданиями, которыми награждались обвиненные. Если, например, женщина приговаривалась к телесному наказанию, то он имел обыкновение говорить так: "Палач, обратите на эту даму особенное свое внимание! Я прошу вас об этом. Секите ее добросовестно! Жарьте ее до тех пор, пока кровь не польется из ее ран! Теперь Рождество, и нашей даме немного холодно оставаться нагишом! Смотрите, нагрейте ей плечики хорошенько!"

В 1685 году, когда Джефрейс сделался лордом и верховным судьей, к Титу Вату было применено ужасно тяжелое телесное наказание; такой строгости прежде никто не видывал. Тит Ват был сыном анабаптиста-учителя и после того, как он сделался священником, ему предоставлено было в одном из военных кораблей место капеллана. Затем его уволили, ибо заподозрили в совершении ужасных противоестественных преступлений; последующая жизнь его была цепью самых отвратительных гнусностей. Неоспоримо было доказано, что он путем лжесвидетельства довел многих невинных до смертной казни. Возмездие не заставило себя долго ждать, и бывший капеллан попал под суд по обвинению в даче ложного показания. Снятые с него портреты представляют нам косоглазого и кривоносого человека, снабженного "низким лбом преступника" и сине-красным цветом лица.

Во время допроса он остался возмутительно дерзким и отрицал свою вину, несмотря на то, что в самых достоверных показаниях недостатка не было. Судьи признали его виновным по обоим вменяемым ему преступлениям; приговор гласил: "за каждое из двух преступлений наложить денежный штраф в размере тысячи марок; лишить его обычного канонического одеяния; подвергнуть пожизненному тюремному заключению; в ближайший понедельник выставить на позорном плацу с привязанной ко лбу бумагой, на которой пояснить род совершенных преступлений; на следующий день в таком же виде выдержать на позорном плацу у королевской биржи; в среду повести от Старой до Новой тюрьмы и подвергнуть по дороге наказанию плетью; в пятницу повести от Новой тюрьмы в Тайберн и там подвергнуть наказанию плетью. Каждый год до самой его смерти в день 24 апреля ставить в Тайберне на позорном плацу против виселицы. 10 августа ежегодно выставлять на позорном плацу Черинг-Кросс, на следующий день - в Темпл-Баре, 2 сентября на королевской бирже", и затем судьи выразили глубокое свое сожаление в том, что больше сделать они ничего не могут, ибо "с удовольствием вынесли бы ему смертный приговор".

Не было никаких оснований надеяться на то, что из этого ужасного приговора кое-что преступнику будет прощено. Король Яков сказал: "Пусть испытает все это, пока в нем сохранится искра жизни!" Королева также не нашла возможным замолвить за капеллана доброе слово. Когда Ват стоял в Вестминстере на позорном плацу, его безжалостно забрасывали камнями и чуть не разорвали на куски. В то утро, когда его должны были впервые высечь, огромная толпа народу буквально запрудила путь от Новой тюрьмы до Старой; палач же, получивший, по всем вероятностям, особые инструкции, так неистовствовал плетью, что кровь преступника лилась ручьем. Сначала несчастный переносил боли терпеливо и молча, но затем болевые ощущения взяли верх над силой воли, и вопли его невозможно было хладнокровно слушать.

Несколько раз впадал он в обморочное состояние и полумертвым достиг цели своего путешествия. Спустя сорок восемь часов, его снова вызвали для новой экзекуции, но он находился почти без сознания, вследствие чего в Тайберн его пришлось отвезти на дровнях. В альманахе "Партридж" за 1692 год говорится, что Вата секли плетью, состоявшей из шести

ремней; всего получил он 2 256 ударов, итого, следовательно, $2\ 256 \times 6 = 13\ 536$ полос, если можно так выразиться! Сверх всяких ожиданий, бывший капеллан пережил столь тяжелое наказание, и когда в царствование очередного короля был выпущен на свободу, то жил, что называется, в свое удовольствие.

Во времена достопамятной "кровавой судебной расправы" Джефрейса в восточной части Англии экзекуции применялись широкой рукою. Если ему не удавалось изобличить арестованных квакеров в государственной измене, то он приговаривал их к жестокой порке за вовлечение ближнего в соблазн и за произнесение возбуждающих толпу речей. Одну женщину этот человек-зверь приговорил к порке во всех местечках в округе Дорсетшир, причем часть приговора действительно была приведена в исполнение. После того, как Джефрейс возвратился в Лондон, магистрат распорядился освободить несчастную женщину от оставшейся части наказания.

Некий молодой человек, почти еще мальчик, обвинялся в произнесении возбуждающих речей, за что Джефрейсом был приговорен к семилетнему тюремному заключению. Один раз в год, гласил приговор, обвиняемый должен был подвергнуться наказанию плетью во всех поселках дорсетширского округа. Когда несчастный юноша узнал о столь суровом приговоре, он обратился с ходатайством о замене последнего виселицей. Джефрейс и слушать не хотел о смягчении своего решения, но, по счастью, приговоренный заразился оспой, и, подкупленный огромной суммой денег, Джефрейс выпустил юношу на свободу.

Кергер рассказывает об одном довольно смешном случае, который ему пришлось лицезреть. Однажды он увидел следующую картину: привязанный плотно к позорной тачке вор тащился по улицам города, подвергаясь жестокой экзекуции со стороны палача. Красные полосы на обнаженной спине вызвали у всех очевидцев сострадание к наказуемому, причем публика не могла не поражаться тому долготерпению и стойкости, с которыми этот человек переносил свою участь. Но все это оказалось блефом. Исполнявший экзекуцию палач умел великолепно обращаться с плетью и при каждом новом ударе проводил ею сначала по своей левой руке; последняя была снабжена достаточным количеством охры. Разумеется, при каждом ударе на коже грешника оставался рельефный красный след, производивший впечатление кровавого. Один из констеблей заметил эту грубую "подделку" и со всего размаху ударил своей палкой палача, напоминая ему таким путем о необходимости добросовестного отношения к исполнению возложенных и принятых на себя обязанностей. Присутствовавшая среди зрителей молодая деревенская девушка отнеслась сочувственно к сострадательному палачу и набросилась на бессердечного констебля. "Оказалось, - говорит Кергер, что палач бил вора, констебль дубасил палача, девушка угощала ударами констебля, а вор среди них был единственным человеком, который не испытывал ни малейшей боли".

Последний раз прибегли к телесному наказанию 8 мая 1822 года в Глазго. В полдень большой отряд драгунов выстроился перед зданием тюрьмы; затем прибыла значительная команда чинов полиции. Преступник обвинялся в мятежных действиях, был признан действительно виновным и приговорен к телесному наказанию плетью при содействии палача. Его вывели из камеры и привязали к задку позорной тачки. Палач раздел его до пояса и, пока шествие направлялось по улицам, отсчитал ему первые двадцать ударов. Орудием исполнения приговора служила плеть, составленная из двадцати девяти "кошек". После незначительного антракта преступник получил еще двадцать ударов, а всего на его долю досталось их восемьдесят штук. Во все время приведения приговора в исполнение мятежник оплакивал горькими слезами свою жалкую судьбу.

"Пример этот, - говорит один автор, - произвел крайне благоприятное по своей целительности впечатление. Простой народ воочию убедился в том, что над ним имеется сильная рука, и мятежными действиям был таким образом положен предел!"

НАКАЗАНИЕ РОЗГАМИ ВОРИШЕК И КАРМАННИКОВ

В течение долгого времени розги служили обычным наказанием как за воровство, так и за бродяжничество и склонение других к мятежным действиям и бунту.

Заемствуем из тюремного календаря издания 1688 года следующие строки. "Мария

Ламб обвиняется в краже серебряной чайной ложечки и признается виновной в краже на сумму 10 пенсов. Прислуга Жана Пель обвиняется в краже 40 фунтов стерлингов и вещей на 30 фунтов стерлингов, признается виновной в воровстве на сумму до 10 пенсов. Анна Бастель обвиняется в краже носильного платья стоимостью 4 фунта стерлингов и признается виновной в краже, не превышающей десяти пенсов". Всех преступниц приговорили к телесному наказанию: одну выпороть по дороге от Новой тюрьмы до Польшборна, других - от Новой тюрьмы до Старой. Ограничение стоимости украденных вещей до десяти пенсов спасло воровок от обвинения в посягательстве на присвоение крупного капитала.

Закон о телесном наказании женщин удержался до последнего столетия. Публичные экзекуции были отменены, в 1817 году королем Георгом III. Порки в тюрьмах оставлены в царствование Георга IV. Телесные наказания оставлены а силе только по отношению к грабителям, разбойникам и преступникам юного возраста.

Под современной экзекуцией не следует понимать практиковавшегося прежде способа: фиксирования преступника у позорной тачки и дефилирования с ним с одной улицы города на другую. В настоящее время телесное наказание приводится в исполнение в стенах тюремного здания и в присутствии незначительного количества зрителей.

Первыми разбойниками, к которым было применено телесное наказание, были сорокасемилетний Фома Бомонт и сорокашестилетний Михаил Гинтей. Прежде, чем начать отбывать пяти- и десятилетнее тюремное заключение, каждый из них должен был получить двадцать пять ударов плетью, состоявшей из десяти "кошек". Инструмент приготавливался из длинной палки, к которой были прикреплены десять веревок, длиной приблизительно с локоть. Вертвики эти были закреплены узлами и так плотно скручены на концах своих, что напоминали заборную проволоку. Руки и ноги Бомонта были плотно привязаны к какому-то орудию, похожему на треугольник, голова его была защищена от ударов с помощью кожаного ремня, зато вся спина была до поясницы обнажена. Каждый из тюремных сторожей отсчитывал ему по двенадцати ударов. Преступник страшно кричал, после первых же ударов впал в полуобморочное состояние, а под конец был почти вовсе без признаков жизни. Вся спина его была исполосована, хотя после первой дюжины ударов кровь еще не выступала. Товарищ его также сильно кричал и вырывался, и сторожа принуждены были из всех сил удерживать его на месте. Первая экзекуция продолжалась полторы минуты, вторая-две.

Относительно телесных наказаний, произведенных над разбойниками и грабителями, в соответствующей литературе встречается масса аналогичных описаний, хотя все они страдают одним и тем же недостатком-неполнотою, ибо "господа из прессы" не всегда допускались присутствовать при экзекуциях.

Законоположением 1862 года, относящимся к наказанию малолетних преступников, члены магистратуры уполномочивались подвергать телесным наказаниям, и притом основательным, тех провинившихся мальчиков, которые не достигли еще четырнадцатилетнего возраста. Какое влияние оказал этот новый закон вообще, еще не доказано, что же касается частных случаев, то нам лично известен случай, где подобная мера исправления оказалась в применении ее на практике слишком суровой. Мальчишка лет шести присвоил себе перочинный нож и за это преступление получил двенадцать ударов "березовой кашей" и, кроме того, еще шесть дней принудительных тяжелых работ. Закон, правда, точен: он дает указания, как именно следует применять орудие наказания и сколько ударов должно быть нанесено. Если экзекуция производится над не достигшим четырнадцатилетнего возраста, то бьюки спускаться не должны, количество ударов определяется не свыше двенадцати, инструмент - березовая розга. При наказании лиц, перешедших четырнадцатилетний возраст, применяется плеть из кожаного ремня или то же из березовых прутьев. Количество ударов не должно в данном случае превышать три дюжины; экзекуция производится на обнаженном теле. На обязанности шерифа лежит испытание инструмента, он должен также знать лично самого экзекутора и быть уверенным в его достоинствах. При порке должны присутствовать начальник тюрьмы и

врач; само наказание должно быть произведено настолько строго, чтобы исключить возможность рецидива со стороны преступника. Прежде всего тюремный врач должен выслушать и исследовать преступника, и если, по его мнению, положенное количество ударов может нежелательным образом сказаться на здоровье приговоренного, то, по своему усмотрению, он сокращает его наполовину либо вовсе отменяет. Точно так же во время самой экзекуции врач имеет право приостановить ее.

Если преступник приговорен только к телесному наказанию, без заключения в тюрьме, то экзекуция должна быть произведена на следующий день после объявления судебного решения, если только со стороны врача к этому не встретится препятствий. Если наказание не приведено в исполнение через десять дней после его назначения, то преступник пользуется правом ходатайствовать об освобождении его от экзекуции. В тех случаях, когда обвиненный признается неспособным перенести телесное наказание, рекомендуется заменять последнее другими наказаниями.

СУДЕБНЫЕ И ЦЕРКОВНЫЕ НАКАЗАНИЯ В ШОТЛАНДИИ

Хотя Шотландия не может гордиться такими отвратительными преступниками, как Тит Ват, которому мы посвятили несколько строк выше, все-таки применение здесь телесных наказаний в семнадцатом и восемнадцатом столетиях не стояло ниже, чем в Англии. Плеть применялась не только как средство наказания, но и как способ для получения свидетельских показаний против обвиняемых.

Следующий случай из судебной практики покажет нам, каким именно путем добывались эти показания.

В 1596 году владетельный герцог Оркнейский, Джон, был обвинен в том, что пытался лишить жизни брата своего, графа Оркнейского, для чего прибегал сначала к колдовству, а затем обратился к настоящим способам убийства. Виновность в колдовстве доказывалась свидетельством одной женщины, Элисон Бальфур, которая в 1594 году за подобное же преступление была подвергнута смертной казни. Адвокат герцога Оркнейского следующими словами описывает практиковавшуюся в то время методу, благодаря которой развязывались языки свидетелей.

"Когда бедная женщина дала впервые свое показание, она просидела уже сорок восемь часов в *cushielaws*, что представляет собою особый инструмент пытки, состоящий из железного ящика для нижних конечностей, стенки которого постепенно нагреваются до того, что под конец температура становится невыносимой. Муж этой женщины, имевший от роду уже девяносто один год, старший сын и дочь ее подверглись в то же время пытке в присутствии матери. Делалось это для того, чтобы таким образом сделать страдания ее еще более тяжелыми". У Фомы Палейла было добыто показание так: "После того, как свидетель этот пробыл в *cushielaws* одиннадцать дней и столько же ночей, ему два раза в день в продолжение двух недель надевали на ноги испанские ботинки; при этом он все время оставался голым и был так сильно избит веревочной плетью, что на его костях не оставалось больше ни кожи, ни мяса". После того несчастный сделал оговор в том смысле, что при участии герцога Оркнейского пытался лично отравить брата его.

В анналах позднейших времен также встречаются примеры подобного же рода, причем во всех этих случаях имелось в виду "освежить память" свидетеля. В 1785 году Арчибальд Стюарте и Чарльз Гордон были обвинены в Эдинбурге в краже со взломом, причем несколько членов суда были согласны с приводимыми обвиняемыми алиби. Тогда один из них предложил подвергнуть Стюартса "небольшому увещанию", чтобы добиться от него правдивых показаний. При ближайших расспросах, в чем именно заключается подобное "увещание", оказалось, что "если у этого судьи судится кто-либо, за исключением обвиняемых в посягательстве на чужой капитал, и не хочет признаться в своей вине, то его вводят в отдельную комнату, где, в присутствии судебного служителя, палач до тех пор сечет свою жертву, пока она не скажет правды". И что "Фрэзер, тоже соучастник Стюартса, подвергся в присутствии последнего такой жестокой порке, что тут же сознался в своей вине; вследствие чего, если Стюарте узнает, что в конце концов и его ожидает подобное

"увещевание", то освободит палача от труда и расскажет всю истину".

В уголовных очерках Шотландии, относящихся к семнадцатому и восемнадцатому столетиям, встречаются изумительные примеры телесных наказаний. Так, например, в 1630 году магистрат города Эдинбурга "под страхом телесных наказаний" запретил женщинам носить на улицах пледы. Шотландский плед закрывает лицо, и магистрат заподозрил поэтому, что эдинбургские дамы и девушки могут таким образом скрытно вести себя неблагопристойно, т. е. улыбаться встречным мужчинам, "стрелять" глазами и т. д. Оказалось, что подобный запрет ожидаемых от него результатов не дал, ибо в 1636 году употребление пледов не только не сократилось, но значительно увеличилось. Решено было поэтому подвергать ослушавшихся тяжкому наказанию. В описываемое время влияние духовенства было очень велико. Настоятель какого-нибудь прихода и священники этой церкви являли собою род законодательного учреждения. Они выносили приговоры общественной нравственности и издавали декреты, которые безропотно принимались народом. Священники могли приговаривать к тюремному заключению, к денежным штрафам, к наказанию розгами или плетью, к клеймению, к церковному покаянию. Последнее заключалось в том, что кающийся обязан был присутствовать на богослужениях босиком, и с наполовину выбритой головой. Рядом с ним помещался духовник, который произносил по окончании моления проповедь на тему о совершенном кающимся преступлении, причем нельзя сказать, чтобы он хотя бы сколько-нибудь щадил свою жертву.

Лица, возбуждавшие общественный соблазн, приговаривались к так называвшемуся покаянному стулу; обвиненный должен был восседать на нем перед всей общиной во время богослужения три воскресенья кряду. Просидеть на покаянном стуле было делом далеко не легким, и только в крайне редких случаях такое наказание смягчалось. Во время царствования Якова VI был издан указ против нарушителей общественного спокойствия во время церковного богослужения, а также против тех элементов, которые поднимают шум в церковных и монастырских дворах. Виновные в сказанных преступлениях подвергались конфискации имущества. Дети же и подростки, согрешившие против этого указа, карались "только" наказанием плетью или розгой. Попытка ввести в Шотландии епископскую церковь явилась поводом к обнаружению многих жестокостей и злоупотреблений. В своем сочинении "История шотландской церкви" Крукшанкс упоминает об анкрунской общине следующее.

Когда талантливый проповедник их, Ливингстон, был от них переведен, то на его место прислали Джемса Скота, который незадолго до этого избрания был исключен из общества. В тот день, когда должно было совершиться вступление его в должность, некоторые граждане этой общины решили переговорить с ним, причем одна из деревенских женщин, вздумавшая отсоветовать Скоту принять пост проповедника вместо Ливингстона, потянула его за фалды сюртука и попросила выслушать ее. Тогда Джемс Скот обернулся в сторону неучливой мужички и ударил ее своей палкой. Такой поступок побудил нескольких мальчишек забросать Скота камнями; необходимо заметить при этом, что ни один из брошенных камней цели своей не достиг и не задел даже платья нового проповедника. Всю эту историю подвели под мятежнические действия с возбуждением толпы; шериф, разбиравший дело вместе с мировым судьей, засадил нескольких в тюрьму и наложил на них, кроме того, солидные денежные штрафы. Казалось бы, что виновные в столь "тяжком" преступлении этим приговором получили должное возмездие. Ничуть не бывало! Высшая комиссия осталась решением шерифа и судьи недовольна, и преступники были снова приведены в суд. Четыре мальчика, женщина, потянувшая Скота за фалду, и два ее брата были арестованы и этапным порядком доставлены в Эдинбург. Мальчики признались, что каждый из них бросил по направлению к Скоту по одному только камню, и то вследствие того, что увидели, как Скот бил палкой невинную женщину. Председатель сказал по адресу несчастных мальчишек: "повесить их мало". Безжалостный суд приговорил мальчиков к наказанию розгами во время шествия по всему городу Эдинбургу; кроме того, приказал заклеить их раскаленным железом и в качестве рабов продать в Барбадос. Мальчики перенесли наказание, как

мужчины и христиане, чему все несказанно удивлялись. Обоих братьев женщины сослали в Виргинию, а ее саму присудили к наказанию плетью во время шествия по городу Иедбургу.

Очень строго наказывались также преступления, совершенные вследствие безумной любви. Макензи говорит, что наказания за нарушение супружеской верности были различны. Назначались: либо высылка, либо телесное наказание, либо денежные штрафы, либо тюремное заключение; он полагает даже, что магистрат в подобных случаях пользовался правом приговаривать вероломных супругов к смертной казни.

В 1642 году котельщик Роджет был подвергнут наказанию плетью за то, что изменял своей жене. В 1666 году другой неверный муж поплатился денежным штрафом, в 1668 году одного англичанина за то же самое преступление изгнали из пределов отечества. Считаем необходимым добавить еще, что котельщик Роджет, помимо экзекуции, подвергся клеймению на щеке и изгнанию, что объясняется особой сложностью совершенного им проступка. Все котельщики по своей профессии вели в большинстве случаев бродячий и разгульный образ жизни и потому редко связывали себя женитьбой; если же и женились, то смотрели на своих жен, как на "общественное достояние". Несколько позднее один портной в Эуррии был присужден к смертной казни через обезглавление за то, что женился на дочери сводного брата своей первой жены.

И другие преступления наказывались шотландскими законами чрезвычайно строго. За богохульство виновные приговаривались нередко к смертной казни. За клятвопреступничество полагалась ссылка и телесное наказание. Бродяги и бежавшие крепостные в первый раз клеймились на ухе и подвергались экзекуции, во второй раз приговаривались к смертной казни. Воров, разумеется, вешали. Если вор уличался на месте преступления в том, что стянул хлеб стоимостью от одного до четырех пенсов, то его секли розгами; если украденный хлеб стоил от четырех до восьми пенсов, то отрезалось одно ухо, если же у вора находили при этом хотя бы восемь пенсов наличными, то его вздергивали на веревку. Наказания за поджоги были различны, в зависимости от степени учиненного злодеяния. Поджигатели в городах живьем сжигались на костре. Тех, которые поджигали амбары с зерном и дома, связывали, били и сжигали, но "на медленном огне"!

ФЛАГЕЛЛЯНТИЗМ В ШОТЛАНДИИ

Еще несколько фактов приведут нас к тому периоду, когда телесное наказание у позорных тачек было уничтожено; кроме того, из этих фактов мы увидим, за какие именно преступления телесные наказания почитались наиболее подходящим покаянием.

В 1692 году был объявлен большой призыв рекрутов, чтобы отправить последних во Фландрию; оказалось, что найти подходящие транспортные судна было делом настолько трудным, что предварительные приготовления заняли массу времени. За этот период из отряда дезертировало так много солдат, что в 1694 году был обнародован особый эдикт, в силу которого накладывались наказания как на самих дезертиров, так и на лиц, способствовавших побегу или укрывательству их. При этом был обвинен некий школьный учитель города Глазго; ему ставилось в вину, будто он подстрекал рекрутов к оставлению команды. По рассмотрении дела и допроса обвиняемого последний признан был виновным в приписываемом ему преступлении и приговорен к телесному наказанию плетью во время прохождения по Эдинбургу, с последующей высылкой на американские плантации. Наказанием за самовольное возвращение из места ссылки назначалась также жестокая порка.

В 1747 году Виллиам Стефенсон, фальшивомонетчик, был приговорен к позорному столбу с пожизненным изгнанием в Америку. Через несколько лет Стефенсон осмелился, вопреки существовавшему запрету, возвратиться на родину. Он был пойман и приговорен к годичному тюремному заключению. Кроме того, каждую первую среду месяца его выводили на свежий воздух и, во время прогулок по улицам Эдинбурга, безжалостно наказывали плетью. Отбыв наказание, Стефенсон снова был водворен в Америке.

Летом 1746 года в Стирлинге произведено было, во всяком случае, далеко не закономерное телесное наказание. Один из лейтенантов этого гарнизона заказал для себя у местного парикмахера парик. Когда последний был доставлен офицеру, то принят им не был.

Заказчик ссылаясь на то, что вещь сделана не по мерке; раздосадованный парикмахер направился к выходу из занимаемого лейтенантом помещения и по дороге пробурчал себе под нос несколько, очевидно, нелестных для заказчика слов. Лейтенант погнался за парикмахером, догнал его неподалеку от парикмахерской и учинил над ним порядочную экзекуцию. Несколько других офицеров, случайно проходивших тут же, помогли своему товарищу. Затем вся компания поволокла беднягу с собой и донесла о случившемся полковнику, который, не входя в дальнейшие рассуждения, приказал разделать дерзкого парикмахера, связать его и хорошенько наказать розгами. Приговор был приведен в исполнение полковым барабанщиком. Когда обо всей этой истории узнал магистрат, последовало распоряжение о приводе несчастного в суд для выслушивания нового приговора. Но командир полка, не отпуская своей жертвы, ответил гражданским властям, что сам справится с нахалом. Через некоторое время злосчастного парикмахера отпустили, но вид его был чрезвычайно жалкий: все тело его было покрыто кровоподтеками и синяками.

По отношению к одному школьному учителю, наказавшему ученика с такой жестокостью, что последний испустил дух, был постановлен следующий приговор: "Пусть палач под усиленной охраной полицейских возьмет в тюрьме преступника и доставит его на базарную площадь. Здесь наградит виновного семью сильными ударами. На следующей ближайшей площади всыпать ему шесть ударов. На третьей площади - четыре удара. Затем пусть палач доставит его снова в тольбутскую тюрьму, откуда должна произойти высылка преступника из пределов отечества, без возвращения на родину под страхом тяжкой ответственности".

Последнее телесное наказание, произведенное на улицах города Эдинбурга, произошло при крайне печальных обстоятельствах.

В течение продолжительного времени в Эдинбурге оперировала организованная шайка грабителей, смелость которой дошла до того, что однажды ночью она вломилась в дом одного из членов городского муниципалитета. Хозяин и хозяйка квартиры, заслышав шум, проснулись, но были связаны разбойниками; во избежание же криков, в рот несчастным вставлены были кляпы. Между тем грабители, нагрузившись драгоценностями на значительную сумму, оставили разоренный ими дом. Хотя дело происходило ночью, но в одном из грабителей жена члена управы узнала жениха своей дочери и с первыми проблесками утра, освободившись от стягивавших ее веревок, донесла о происшествии властям, которые на основании ее показания задержали упомянутого выше жениха. Под присягой ограбленная дама снова подтвердила свое показание, которое, кроме того, было подкреплено свидетельницей, старушкой-прислугой, рассказавшей суду, что, находясь на службе у матери молодого человека, у которой проживал и он, она неоднократно впускала его в квартиру поздней ночью.

На основании приговора злосчастный жених был приговорен к жестокой экзекуции палачом-специалистом; наказание должно было быть произведено в тот именно день, на который назначалась свадьба молодого человека. Экзекуция должна была состояться в 12 часов дня, но еще задолго до этого времени весь путь, по которому должно было проходить шествие, был усеян целыми толпами любопытных, и, как говорится, яблоку упасть негде было. Джон Гейх, исправлявший обязанности палача, достал специально для этого случая новую плеть и, в ожидании своей жертвы на дворе тольбутской тюрьмы, посвистывал ею по воздуху, выражая при этом безграничную и дикую радость. Этот Джон Гейх словно создан был для роли палача; он исполнял свои обязанности как у эшафота виселицы, так и у позорного столба с известной гордостью, сопровождая каждый новый мастерский удар свой положительно дьявольской улыбкой.

Сегодняшний преступник был еще совершенно молодой человек, приблизительно лет двадцати; безбородый юноша этот выдавался столь нежной, белой кожей, что при виде его обнаженной палачом спины в публике инстинктивно пронесся гул сострадания.

Наконец, преступника привязали к задней части позорной тачки, члены магистратуры заняли определенные для них места, отряд констеблей (городовых) с их длинными

алебардами построился в обычном порядке. Чтобы заглушить вопли истязуемого, трубачам дана была команда начинать. Плеть Джона Гейха стала свистать по воздуху, причем первый же нанесенный им удар вызвал брызнувшую фонтаном кровь. Преступник вскрикнул нечеловеческим голосом и посмотрел вдоль расстилавшейся перед его глазами улицы, только в конце которой он должен был получить последний удар... В то же время присутствовавшие в числе зрителей женщины и дети подняли ужасный вой.

Магистрат подумал о возможности возмущения толпы, принимая при этом во внимание, что большинство жителей были крайне недовольны приговором; и действительно: по настроению публики видно было, что опасность не только существует, но представляется вдобавок довольно серьезной.

При приближении процессии к одной из пересекающихся улиц из окна ближайшего дома была брошена зажженная ракета; последняя попала прямо под ноги лошадям, которые при этом в сильном испуге взвились на дыбы и понесли. Позорная тачка опрокинулась, и несчастная жертва палача со своим окровавленным туловищем очутилась в воздухе, хотя продолжала оставаться связанной веревками.

В это время из толпы выделился мужчина, игравший, очевидно, роль зачинщика или предводителя; зычным голосом он обратился к Джону Гейху с требованием освободить преступника; когда же палач не повиновался ему, он сам разрезал веревки, освободив таким образом обезумевшего от страха и боли "жениха". Этот поступок одного из публики был встречен толпою возгласами одобрения.

Но прежде, чем преступник мог быть отведен в безопасное для него место, палачам удалось снова забрать его в свои руки и опять привязать к тачке. В результате несчастный испил свою чашу до последней капли.

Особенно трагичным является этот случай вследствие того, что, когда шествие должно было пройти мимо дома, где проживала мать преступника, друзья ее, слышав душераздирающие крики наказуемого и свист плети, сделали попытку увести несчастную женщину подальше, пока процессия не скроется с глаз и звук голоса сына не сможет доноситься до ушей истерзанной матери. Но еще прежде, нежели можно было предпринять что-либо, любвеобильная мать лишилась сознания и затем тут же сошла с ума и так и умерла сумасшедшей.

В биографии полковника Жака Дефо помещено в высшей степени оригинальное описание одного телесного наказания, произведенного в Эдинбурге. Полковник Жак прибыл в Эдинбург специально для того, чтобы в компании со своими приятелями составить особую "благородную" воровскую шайку. Полковник говорит: "Мы отправились погулять и были очень удивлены, когда увидели, что все улицы города запружены народом. Публика прохаживалась взад и вперед, словно на бульваре или на бирже; здесь можно было увидеть представителей всех сословий и состояний. Когда мы стояли на месте и с удивлением продолжали смотреть на происходящее вокруг нас, весь народ неожиданно подался на одну сторону улицы с такой поспешностью и жадностью, точно там происходило что-либо удивительное. И впрямь, зрелище представляло собою картину экстраординарную!

Мы увидели, как вдоль мостовой бежали двое полуголых мужчин; они мчались со скоростью курьерского поезда, если не ветра, и нам с приятелями показалось даже, что в данном случае мы имеем дело с состязанием в беге взапуски. Как вдруг две длинные тонкие бечевки, окружавшие их туловище, сильно натянулись, и бежавшие принуждены были остановиться. Мы никак не могли дать себе отчет в том, что именно происходит, и блуждали в сомнениях до тех пор, пока не явился какой-то человек, в одной руке которого находился конец упомянутой выше бечевки, а в другой - проволочная плеть. Этой последней он нанес каждому из бежавших по два удара, но таких сильных, что у нас по коже мурашки пробежали. После этого две голые жертвы получили приказание бежать дальше, пока позволит им та веревка, которая обвивала их туловище. Затем они снова останавливались, палач приближался и наносил снова два ужасных удара своим варварским инструментом. Так продолжалось до конца улицы, которая простиралась в длину на полмили.

Само собой разумеется, нам было крайне любопытно узнать, что именно свершили эти преступники, приговоренные к столь бесчеловечной экзекуции? С этим вопросом мы обратились к стоявшему по соседству с нами молодому человеку, оказавшемуся крайне угрюмым и недружелюбно настроенным к нам, англичанам, шотландцем. А так как о том, что мы англичане, он узнал по нашему акценту, то не без особого злорадства сказал: "Это - два англичанина; их секут за то, что они попались в карманной краже; через некоторое время их с позором выведут за границу Шотландии и прогонят на их родину, в Англию!"

Все это оказалось неправдой и было сказано только для того, чтобы поиздеваться над нами. Позднее мы узнали, что наказанные были именно шотландцами, а не англичанами, попавшимися в руки палача за такое преступление, которое и по законам Англии карается телесным наказанием. Как бы то ни было, но для нашего главаря открывались далеко не утешительные горизонты, и он невольно содрогнулся при одной только мысли о том, что в избранной им профессии ему может случайно не повезти..."

Последняя публичная экзекуция была произведена в 1817 году в Инвернесе, т. е. именно в том году, когда телесные наказания были отменены вовсе. Здесь дело касалось одной женщины, подвергавшейся порке по улицам города в третий раз за пьянство и распутное поведение.

Нет сомнения в том, что пресекающие преступления примеры должны существовать, но наказания, подобно описанным выше, представляются чудовищными по теперешним нашим понятиям, и мы сильно сомневаемся в том, что они могут действовать на мораль облагораживающим образом. Возьмем красивую и молодую женщину; на это несчастное создание, перенесшее позор и муки, экзекуция ни под каким видом хорошего влияния оказать не сможет. И действительно, мы видели, как такие жертвы суровости представителей закона оскорбляли их и насмехались над ними на глазах присутствовавших при позорной экзекуции зрителей.

НАКАЗАНИЯ РОЗГАМИ В ТЮРЬМАХ

Тейлор говорит:

Я думал, что тюрьма была школой добродетели,
Домом для занятий и для размышлений,
Местом для духовного воспитания и исправления!

Тем не менее Смоллет не разделяет подобного взгляда в своем труде, где он описывает бридевельскую тюрьму. Выведенная автором в очерке женщина говорит, что из всех учреждений и мест мира эту тюрьму ближе всего можно сравнить с адом. Окруженные происшествиями, в которых злоба и неистовство, чувство страха, безбожие, вздохи, проклятия и божба играли самую главную роль, содержащиеся в этой тюрьме получали для разрешения невозможные по трудности задачи, при неправильном решении которых неминуемо награждались розгой или плетью. Экзекуции далеко не редко заканчивались обморочным состоянием, причем лучшим средством для приведения в чувство служила та же плеть. Очевидно, начальство руководствовалось пословицей: "Чем ушибся, тем и лечись". Пока же лишенная сознания жертва находилась в беспомощном состоянии, товарищи ее по заключению занимались тем, что похищали платье и белье обнаженного для порки арестанта. Несчастливая женщина эта, по словам упомянутого выше автора, делала неоднократные попытки выйти из своего отчаянного положения путем самоубийства, но, вовремя останавливаемая, наказывалась за дерзкий помысел тридцатью ударами плетью...

Бридевелль близ Лондона, ставший нарицательным именем для всех английских домов заключения, представляет собою, собственно говоря, дворец. Король Эдуард VI отдал его в наймы правительству для обращения в тюрьму, в которую можно было бы заключать профессиональных нищих, порочных учеников и вообще замеченных в неблагопристойном поведении людей. Периодические телесные наказания практиковались в Бридевелле по отношению к тем преступлениям, которые были совершены вне стен этой тюрьмы, но если арестанты, по мнению приставленных к ним надзирателей, небрежно исполняли возложенные на них обязанности (принудительное теребление конопля, главным образом),

то могли подвергаться властью тех же надсмотрщиков экзекуции палками или - в лучшем случае - плетью. Порочного поведения женщины, шатавшиеся с известной целью по улицам, либо такие, которые находились в компании и близких отношениях с ворами и разбойниками, затем мошенники обоюбого пола заключались по определению магистрата на более или менее продолжительное время в Бридевелль. В дни заседаний заключенные в сопровождении палача являлись в назначенную для разбирательств камеру. После того как обвинение было доказано, произносился приговор, обычное содержание которого состояло в том, что виновный в присутствии всей магистратуры должен был тут же подвергнуться телесному наказанию. Немедленно же палач набрасывался на виновного или виновную и обнажал спину своей жертвы. Приводил в исполнение приговор самый молодой из палачей и занимался истязанием до тех пор, пока председательствующему не заблагорассудилось остановить его, для чего практиковался особый способ: старший в магистратуре, он же председатель, стучал молотком по столу. Если экзекуции подвергалась женщина, то во время порки должен был непрерывно раздаваться громкий возглас: "О, милый сэръ Роберт, постучите! Пожалуйста, дорогой сэръ Роберт, стукните молотком!" Крик этот подхватывался находившейся вблизи тюрьмы публикой из простонародья, чем имелось в виду пристыдить всех содержавшихся в Бридевелле женщин. После окончания порки сторожа уводили арестантов в тюрьму, где заставляли заниматься тереблением конопли.

Дефо в своем труде "Жизнь капитана Жака" приводит подробное и точное описание нравов Бридевелльской тюрьмы. Он говорит об одном человеке, который еще в годы своей юности занимался похищением детей и транспортированием их в Америку. Однажды полиции удалось накрыть всю шайку и заключить арестованных в Ньюгэт. Вот что говорит Дефо устами героя своего повествования.

"Какую кару понесли другие разбойники, - мне неизвестно, но, в виду того, что в то время капитан не вышел еще из юношеского возраста, его приговорили к троекратному телесному наказанию в Бридевелле, причем милорд Майор объяснил ему, что столь незначительный приговор объясняется лишь состраданием к нему, как к несовершеннолетнему; собственно же говоря, ему следует беречься виселицы, и беречься зорко, ибо уж очень у него "висельное лицо"! Когда я узнал, что капитан находится в Бридевелле, я, естественно, отправился навестить его. Я попал в тюрьму как раз в тот день, когда Жак должен был в первый раз подвергнуться телесному наказанию. Должен признаться, что всыпали они ему тогда основательно! До приведения экзекуции в исполнение президент Бридевелля - насколько мне не изменила память, его звали сэром Виллиамом Тернером - обратился к приговоренному с проповедью, в которой, между прочим, выразился, что, мол, такой молодой, а, к сожалению, заслуживает быть повешенным, что ему следует обратить на свое поведение серьезное внимание, что воровать детей дело гнусное и т. д., и т. д. Во все времена "пастырского" послания сэра Виллиама Тернера, особа с голубым орденом, иначе говоря - палач - безжалостно стегал плетью моего несчастного Жака, не смея приостановить порку до тех пор, пока не раздастся стук молоточка господина президента. Бедняга капитан подпрыгивал на месте, исполнял какой-то дикий танец и ревел, словно сумасшедший. Я же до смерти испугался всего этого, хотя и не стоял очень близко к месту экзекуции, чтобы наблюдать все детали ее, но зато позднее видел спину Жака, сплошь исполосованную плетью, а местами даже искривленную. О, Боже! что это была за спина! Хуже же всего для бедняги было то, что предстояло еще два раза пережить подобную пытку. Должен, чтобы быть вполне беспристрастным, добавить, что все три порки были произведены настолько основательно, что надолго отбили охоту у капитана похищать детей и торговать ими".

В исправительных домах заключенных очень часто подвергали наказанию не только розгами, но и палками, причем - странно! - последние применялись при более легких преступлениях, розгами же наказывали тяжких преступников, чаще всего тех, кто обнаруживал попытки к побегам. К сожалению, в нашем распоряжении не имеется никаких статистических данных, и поэтому мы не можем вывести какие бы то ни было заключения

о том, насколько публичные и частные, так сказать, наказания служили мерами пресечения для последующего совершения преступлений? Мы можем констатировать только один факт, относящийся к некоему молодому человеку. Юноша этот как-то подвергся наказанию плетью, а затем добился в жизни до степеней известных. Речь идет в данном случае о Джемсе Макрее, имя которого попало в печать вследствие того, что он подвергся публичному телесному наказанию плетью, произведенному во время позорного шествия по улицам города Аюра. За какое именно преступление понес Джемс Макрей столь тяжелую кару - неизвестно; мы знаем только, что это был живой мальчик в полном смысле слова, попался вечно в каких-нибудь шалостях, и весьма возможно, что попался в руки палача за кражу яблок или за какой-либо другой подобный проступок. Несчастный до того тяготился понесенным им наказанием, что, терзаемый муками стыда, исчез из Шотландии и возвратился на родину только спустя очень продолжительный промежуток времени. И вернулся он в звании губернатора Мадраса! Вне пределов своего отечества он вступил в ряды армии в звании простого солдата, затем, благодаря изумительным подвигам храбрости, был произведен в офицеры и приехал в Шотландию только тогда, когда в упомянутом выше звании обладал довольно внушительным состоянием.

В этот период на континенте Европа повсюду применялись телесные наказания, особенно же страдали мужчины и женщины, заключенные в тюрьмах Германии и Италии. Сравнительно недавно розга выведена из употребления в немецких местах заключения; в прежнее же время каждому прибывающему в тюрьму и покидающему ее стены пришлось испытывать на своей коже всю прелесть разнузданности экзекуторов при выполнении ими своих обязанностей. Во многих тюрьмах существовало, кроме того, правило знакомить всех посетителей тюрьмы, как, например, родственников заключенных и просто любопытных визитеров с розгами, плетями и другими инструментами порки.

Еще в 1807 году в рабочий дом Амстердама были отданы десять молодых девушек, принадлежавших к самым лучшим фамилиям города, за то, что вели далеко не строгий образ жизни. В виде унижения за отклонение от обязанностей приличных барышень их заставляли носить особое платье и время от времени подвергали телесному наказанию. Замеченные в злоупотреблении спиртными напитками женщины заключались в работные дома на срок от одного года со всеми последствиями режима этих учреждений, применявшихся в качестве исправительных мер.

До самого недавнего времени в римских тюрьмах был в употреблении особый инструмент для наказаний, который по своим свойствам и качествам был достоин средневековых. Назывался инструмент этот *cavaletto* {То есть "конек", "кобылка". - Прим. ред.}; он состоял из большого куска мрамора, пред которым приговоренный к наказанию должен был стать на колени и затем лечь на него всей областью своего живота. Затем несчастного привязывали за руки и ноги к вбитым в землю кольцам и таким образом лишали его возможности пошевеливаться. Вслед за сим ему обнажали спину и били по ней кожаным ремнем. Наименьшее количество ударов было двадцать пять, за более тяжкие проступки всыпали гораздо больше.

И в наши дни применение плети является в Венгрии санкционированным законом наказанием. В прежние времена венгерский помещик считал своей обязанностью отсчитывать каждому из своих крестьян по двадцати пяти ударов, причем народ полагал это особым благоволением со стороны своего господина и усердно заботился о том, чтобы во время экзекуции не издать ни одного стога или крика. Ничто в глазах молодой девушки не окружало парня таким ореолом мужества и неотразимости, как геройское поведение во время восприятия двадцати пяти ударов. В настоящее время телесное наказание в Венгрии применяется исключительно по суду, причем в каждой тюрьме обязательно имеется специальная экзекуционная скамейка. Последняя представляет собою простой низкий стол, к которому подвергающийся наказанию плотно привязывается; затем гайдук вооружается длинной розгой из орешника и наносит ею своей жертве определенное количество ударов, соблюдая последовательно известную паузу. При этом опытным палачом считается тот, кто

обладает особой способностью наносить удары так, чтобы жертва чувствовала максимум или минимум болевых ощущений. Прежде чем допустить такого экзекутора к исполнению наказания на людях, его заставляют упражняться в течение продолжительного времени на туго набитом мешке.

Много старых венгерских замков превращены в тюрьмы, ворота которых обыкновенно украшены плетью, розгами и другими орудиями истязаний и пытки.

ПРЕСЛОВУТЫЕ ЦЕЛЕБНЫЕ И МЕДИЦИНСКИЕ СВОЙСТВА РОЗГИ

На протяжении всей истории возникали все более и более удивительные вещи, относящиеся к целебной силе розги. Многие врачи считали пучок розог великолепным средством для оживления пониженной деятельности кожи, для повышения мышечной силы и для ускорения процесса обмена веществ в организме. Но сумасбродные бумагомараки пошли еще дальше и окружают розгу тем же ореолом величия и всемогущества, какими доктора Санграда окружили холодную воду и кровопускание. Для таких писателей розга представляется положительно универсальным средством; она приводит будто бы в движение застоявшиеся органические соки, она растворяет содержащие соли осадки, она очищает тело от сгустившихся выделений, она "проясняет голову", она облегчает желудок, гонит кровь, укрепляет нервы, короче - не существует той области, которую розга не могла бы оживить и облагодетельствовать: важно только умелое и разумное применение ее.

Еще в глубокой древности розга почиталась как целебное средство, и многие врачи того времени назначали применение ее при различных душевных заболеваниях и расстройствах умственных способностей. Целиус говорит о том, что умалишенных полезно бить розгами для того, "чтобы разум снова посетил их, ибо теперь он у них вовсе отсутствует". При душевных болезнях имелось в виду более моральное действие розги: под влиянием страха и боли умалишенный вынужден будто бы вести себя благоразумно. Еще не так давно при лечении душевнобольных применялась именно эта точка зрения. Можно себе представить, скольких трудов стоило образованным и любвеобильным врачам убедить последователей жестокости в нецелесообразности, чтобы не сказать больше, их обращения с несчастными больными.

Известны и такие случаи, когда телесное наказание являлось необходимым для того, чтобы тело почувствовало то, что дух воспринять больше не мог, как, например, факт с ипохондриком, который клялся в том, что его ноги сделаны из соломы. Он убежден в этом был до тех пор, пока прислуга его не принялась бить веником по голням своего хозяина; тогда только он отрешился от столь необоснованной и навязчивой идеи.

Во всех тех случаях, где больные утрируют или симулируют болезнь, розга считалась самым действенным средством; основательно и навсегда, по старинному убеждению, розга излечила многих от повторения эпилептических припадков, т. е. от так называемой "черной болезни". При врожденной лени (в те времена существовала и такая болезнь!) розга отличалась изумительным действием, причем многие из прислуги, одержимые этим страданием и жаловавшиеся на самые невероятные болезненные явления, после применения розги окончательно избавлялись от своего недуга и великолепно исполняли возложенные на них обязанности, в то время как до лечения не в состоянии были справиться и с сотой частью их.

В Исландии некий врач применял телесные наказания к одному ремесленнику в несколько видоизмененной форме; пациент обратился к нему по поводу не покидающей его неспособности к работе. Родные больного получили от этого эскулапа следующие инструкции: "Зашейте больного в мешок, наполненный шерстью, катайте его с горы и на гору, бросайте, бейте, топчите его, затем высвободите из мешка, дайте выпить какого-либо потогонного и уложите затем в постель". Результаты лечения превзошли все ожидания...

Аналогичным способом лечил некий джентльмен тупоумного мужичка, страдавшего, кроме того, непреодолимой склонностью к похищению домашней птицы. Он приказал зашить этого кретина в овсяный мешок, выколотив его вальком самым добросовестным образом, катать с горы на гору и затем снова обработать вальком. И что же? Идиот больше

никогда в жизни не воровал и со дня "лечения" славился остроумием и юмором, поскольку прежде известен был своей непроходимой глупостью.

Ubi stimulus, ibi affluxus - было со времен Гиппократов физиологическим тезисом, и удары розгой в обильном применении являлись также видоизмененной формой раздражающего кожу средства: они отводили циркуляцию крови от внутренностей и заставляли дорогую влагу приливать к поверхности кожи. Розга могла излечить так называемую "холодную лихорадку"; она способствовала также у худых субъектов появлению полноты, как уверял Гален, констатировавший тот факт, что скотопромышленники, имея в виду улучшить корпулентность тощих лошадей, широкой рукой награждали их ударами бича. То же самое средство почиталось одним из действенных у работяг по отношению к вечно полуголодным детям с ввалившимися от хронического недоедания ребрами. Антоний Муза пользовал Октавия Августа от ревматизма в тазобедренном сочленении тем, что наносил ему по болезненной области удары, а Элидорий Падуанский рекомендовал сечение крапивой как великолепное средство, споспешествующее высыпанию кожных заболеваний. "Средство это в течение продолжительного периода времени особенным почетом не пользовалось, говорит Гален, - хотя в случаях паралитического состояния его следует предпочитать втираниям мази и прикладыванию шпанских мушек". Корвизар лечил паралич нижних конечностей повторными экзекуциями крапивой. Во все время процедуры сечения пациент его, молодой человек, смеялся, под конец же погрузился в глубокий сон. Через три недели он совершенно выздоровел.

При "любоэрастных" болезнях в прежние времена точно так же прописывалась розга, причем Целий Аурелиан рассказывает, что даже многие меланхолики, благодаря розге и особенно правильному применению ее, избавлялись навсегда от тяжких своих страданий.

Валескус-де-Таранта говорит: "Если пациент молод, то бейте его розгой, словно малого ребенка, а если это средство не помогает, то посадите его в темный чулан на хлеб и на воду и продолжайте телесные наказания".

Сечением должны излечиваться также судорожное сжатие рта и припадки удушья. Если в горле застряла кость или какое-либо другое инородное тело, то следует бить пострадавшего по спине до тех пор, пока посторонний предмет не выйдет наружу. Если, благодаря смеху или неловкому зевку, произойдет вывих нижней челюсти, то привести последнюю в надлежащее положение можно, ударив пациента по лицу.

Один из путешественников по Востоку, Николай Ворбург, посетил Агру и был приглашен на обед к великому хану. Последний слишком понадеялся на вместительность полости своего рта и наполнил ее рисом до того, что с нижней челюстью приключился вывих. Повелитель остался сидеть на своем троне с посиневшим и побагровевшим лицом, выступившими из орбит глазами и открытым ртом. Опасность была велика, и Николай Ворбург, вопреки существовавшему этикету, взбежал по ступеням трона, приблизился к задыхавшемуся и одним сильным ударом по лицу освободил его от комка риса, а другим - вправил челюсть на место. Все придворные и слуги пришли в ужас; они хотели сейчас же отомстить Ворбургу за его ужасную непочтительность к их повелителю, но последний, к счастью путешественника, пришел в полное сознание и не только не выразил Ворбургу своего неудовольствия, но за быструю помощь и сметливость наградил его подарком в тысячу рупий.

Сенека повествует, что перемежающаяся лихорадка излечивается ударами розог, причем один ученый комментатор полагает, что излечение достигается здесь распределением секретов желчного пузыря.

Некий адвокат в течение многих лет страдал перемежающейся лихорадкой в такой степени, что по временам лишен был возможности правильно заниматься своей специальностью. Защищая как-то порученное ему дело, он в речи своей отозвался неодобрительно об одном господине, который поклялся отомстить ему. Возвратившись в один прекрасный день из деловой поездки домой, он застал письменное приглашение от того

самого господина пожаловать к нему на квартиру. Ничего решительно не предчувствуя, адвокат отправился по приглашению и тотчас же заметил, что попал в ловушку. Обиженный объяснил ему, в чем дело, и предложил на выбор две комбинации: "Либо садитесь совершенно голым на муравейник и просидите на нем, пока не выучите наизусть семи псалмов покаяния, либо точно так же в адамовом костюме я заставлю вас пробежаться через этот двор, причем будет выстроен весь штат моей прислуги, которая угостит вас шпицрутенами". Адвокат пытался апеллировать к милосердию обиженного; он говорил так красноречиво, как не запомнит ни один из его клиентов, но обиженный был неумолим! Несчастный в конце концов согласился пробежать сквозь строй шпицрутенов, ибо муравейник в связи с псалмами показался ему отнюдь не подходящим делом... Говорить нечего о том, что адвоката отпустили со двора избитым до крови и покрытым сплошь синяками и кровоподтеками. Тем не менее экзекуция оказалась чрезвычайно полезной: от перемежающейся лихорадки и следа больше не осталось!

Говоря о применении телесного наказания к уличным грабителям, один из медицинских журналов делает интересные замечания, относящиеся к последствиям экзекуции с точки зрения медицинской. Приведем вкратце главные основания статьи.

На первый план при телесном наказании выступает непосредственное повреждение кожи, давление и разрывы ее тканей. Но все это не должно казаться особенно важным и достойным внимания, так как процесс заживления наступает в данном случае быстро, если только, конечно, при экзекуции не пострадала кожная поверхность всего тела. Затем необходимо считаться с болевым ощущением, которое представляется наиболее сильным в начале наказания, при грандиозных же порках, когда, например, количество ударов превышает сто штук, болевое ощущение это уменьшается, вследствие оглушения и последующего онемения заложенных в коже нервов. Факт этот хорошо известен всем школьникам, причем один из наказанных преступников подвергся сильному потрясению организма от того, что боли увеличивались постепенно. Само собой разумеется, что реакция находится в прямой пропорциональной зависимости от продолжительности процедуры телесного наказания. Затем необходимо принять во внимание судорожное сведение мышц спины, особенно - глуболежащих. Если человек готовится к восприятию удара, то невольно он, так сказать, натягивается, выпрямляется, напрягает до известной степени свои мускулы, плотно опирается на ноги и стискивает зубы; таким образом, вся мышечная система его находится в сконцентрированном состоянии. Прежде, чем началось применение при операциях хлороформа, пациент с судорожной энергией хватался за бока операционного стола, а солдатам, которым приходилось пробегать сквозь строй (наказание шпицрутенами) до начала порки вкладывали в рот свинцовую пулю, чтобы они накусывали ее во время экзекуции. В обоих случаях мышцы приводились искусственно в напряженное состояние и, благодаря эластическим свойствам их, могли вынести без вреда для себя гораздо больше, нежели в обыкновенных случаях.

У человека, которому предстоит вынести порку, мускулы обязательно сокращаются, и чем значительнее количество ударов, тем сильнее концентрация их. Это невольное мышечное сокращение при продолжительном и чрезмерно усердном сечении представляется настолько значительным, что иногда происходит разрыв мышечных волокон. Правда, через некоторое время после экзекуции наступает заживление, но при этом могут также легко возникнуть воспалительные процессы с последующим размягчением и бессилием, т. е. паралитическим состоянием пораженных мышц. Более серьезные повреждения наблюдаются, впрочем, лишь при злоупотреблениях розгой, т. е. в тех случаях, когда экзекуция производится слишком усердно. Здесь важно опасаться крайне тяжелых последствий. Несколько десятков ударов особенно вреда принести не могут, причем работоспособность подвергнувшегося телесному наказанию нарушается только на пару-другую дней. И если приходится - говорится в статье упомянутого выше журнала - подвергнуть какого-либо преступника тяжелому телесному наказанию, то благоразумнее всего распределить назначенное количество ударов на несколько маленьких порций, с

возможно более продолжительными антрактами между отдельными экзекуциями.

Что касается той части тела, которая является более выносливой к телесному наказанию, то новейшая медицина вполне соглашается со взглядами старых монахов, отдавая предпочтение *deorsum disciplina*; в данном случае имеется полная гарантия того, что в этой области нет надобности считаться с какими бы то ни было нежными и хрупкими органами.

По многим основаниям в деле выбора инструментов для телесных наказаний предпочтение должно быть отдано трости с девятью "кошками".

ТЕЛЕСНЫЕ НАКАЗАНИЯ В НЕБЕСНОЙ ИМПЕРИИ

Еще недавно пылливый ум человеческий добивался не дававшего ему покоя ответа каким именно образом, путем каких практических установлений управляет китайское правительство бесконечно разнообразным населением неизмеримой по территории империи? Многие пришли к тому заключению, да и миссионеры-иезуиты придерживались того же взгляда, что этот "ученый и добродетельный" народ, как назвал китайцев Вольтер, познал тайну покорения человечества путем утонченного нравственного закона. Сведения путешественников пролили более яркий свет на это обстоятельство, причем теперь можно считать вполне установленным тот факт, что китайцы управляются... плетью и бамбуковой палкой.

Бамбуковая палка является в Китае универсальным средством, и всякого рода преступления, без различия ранга и состояния совершивших их, наказуются именно бамбуковой палкой. В кодексе уголовного судопроизводства телесные наказания играют самую выдающуюся роль, и никакой офицер из армии Небесной империи, будь он в самых высоких чинах, не гарантирован от порки. Провинившийся генерал трактуется в Китае как мелкий карманный воришка. Существует, по крайней мере, пятьдесят случаев, при которых генерал небесной армии может получить свои пятьдесят ударов за какой-либо проступок и - что всего удивительнее - после экзекуции такой начальник сохраняет обыкновенно прежнюю свою власть над вверенной ему командой! Наиболее изумительным при этом является для нас то обстоятельство, что китайцы, благодаря телесному наказанию, не испытывают ни малейшего чувства унижения. Пожалуй, у них возникает при этом некоторое ощущение неловкости, но ведь по нашим понятиям претерпевший подобное наказание должен неизбежно подвергнуться общему презрению.

Быть может, мы, европейцы, под влиянием создавшихся у нас особых "законов чести" преувеличиваем то чувство стыда и позора, которое является результатом полученного образованным человеком удара, который представляется для него гораздо худшим, нежели сама смерть. У китайцев подобной чувствительности не существует. Для них удар является чем-то неприятным, постольку неприятным, поскольку он порождает чувство боли, но не больше, а среди такого народа, у которого ощущается недостаток в чувстве чести, ввести и проводить телесные наказания, само собой разумеется, чрезвычайно легко и просто.

В некоторых случаях китайские законы разрешают заменять телесные наказания деньгами, считая приблизительно пятнадцать рублей за каждый день, в который должна была быть произведена экзекуция. Другой особенностью китайского уголовного кодекса является то обстоятельство, что наказуются не только те люди, которые совершили то или иное преступление, но также и те, кто несвоевременно констатировал факт нарушения виновным законов. Так, например, в Китае очень часто наказывают солдат и низших полицейских чинов, состоящих в ведении магистратуры, за то, что в короткий промежуток времени им не удастся изловить воров и грабителей, оперирующих в районе вверенного их надзору околотка. При незначительных провинностях, каковыми считаются пьянство, обман и т. п., мандарин пользуется правом своей властью назначить и тут же привести в исполнение наказание; для этой цели в доме каждого мандарина ежедневно происходит особого рода судебное заседание. На таком заседании присутствует несколько низших служащих, вооруженных железными оковами и бамбуковыми палками. С правой стороны от мандарина помещается обвинитель или доносчик, перед мандарином ставится стол,

покрытый шелковой скатертью; на столе - письменные принадлежности, чтобы секретарь имел возможность записать все необходимое в протокол черными чернилами. Мандарин же подписывает его красными чернилами и прикладывает печать своего имени из красного воска. Кроме того, на столе находятся пучки небольших палок с красными концами, и если подсудимый признается виновным в нетяжком преступлении, то наказание выполняется тут же, после чего понесший его немедленно отпускается на все четыре стороны. Бастонада представляется наказанием обычным, причем судья швыряет на пол столько упомянутых выше палочек со стола, сколько ударов должен получить подсудимый, и каждая палочка означает пять ударов.

Стоявший до объявления приговора на коленях подсудимый распростирается с помощью служителей плашмя на полу, один из помощников главного эзекутора усаживается ему на спину, в то время как другой изо всех сил держит его за ноги. После этого главный мастер начинает с помощью бамбуковой палки обрабатывать пятки не имеющей возможности пошевелиться жертвы. После эзекуции преступник по существующему обычаю благодарит мандарина за беспокойство, направленное к воспитанию недостойного червя. Зачастую положение свидетелей такое же критическое, как и самого подсудимого, ибо стоит только, чтобы их показания не понравились судье, как отдается соответствующее приказание, и слуги мандарина сваливают ни в чем, казалось бы, не повинного человека и основательно угощают его бамбуками.

Роль магистрата не ограничивается только присутствием его членов при процедуре бастонады: очень часто место судебных установлений служит тюрьмой, в которой клетки для арестованных помещаются в первом дворе, причем сплошь и рядом можно видеть, как несчастные сидят на корточках под жгучими лучами солнца. Мурашки по коже пробегают при взгляде на эти истощенные, с ввалившимися щеками и бледными лицами фигуры, закованные в цепи и колодки или привязанные к столбу. Используют также большую деревянную колоду с отверстием посередине, через которое продета голова арестованного, вся же доска своей внушительной тяжестью нажимает на плечи несчастного подданного Небесной империи.

Китайский свод законов, переведенный на английский язык сэром Георгом Стаунтоном, называется Та-Дзинг-Лу-ли, т. е. законы и предписания великой династии Дзинг. Вся книга подразделяется на: 1) общее право, 2) гражданское право, 3) фискальное право, 4) церковное право, 5) военное право, 6) уголовное право и 7) право общественных работ, причем заглавие "Уложение о наказаниях", приведенное переводчиком, предъядается не буквальным, а совершенно произвольным или случайным. В том-то и заключается единственная особенность китайского законоположения, что все ошибки, упущения и относящиеся по своему характеру скорее всего к заблуждениям поступки, влекущие за собой в Европе незначительное гражданское наказание, караются в Китае определенным количеством ударов бамбуковыми палками.

Необходимо добавить при этом, что наказания распределяются настолько щедро и определяются так точно, что по одному этому можно уже судить о полной негодности социального строя империи. Не мораль, а сама конечная цель является в данном случае главным основанием, причем наказания вовсе не зиждятся на тяжести совершенного преступления, а на том вреде, на той степени ущерба, какую могло бы оно нанести.

Так, например, наказания за воровской проступок находятся в зависимости и определяются по стоимости украденной вещи; поэтому установлены особые таблицы, которые расценивают различные вещи и всевозможные предметы. Пожалуй, приходится согласиться с тем, что подобная система является наиболее подходящей для того, чтобы сдерживать народ, принимая во внимание нравственный уровень настоящего его состояния. Подобная нация, которой не хватает самых элементарных принципов веры и нравственного воспитания, которая погрязла целиком и исключительно в материальных интересах, не может долго остаться нацией как таковой; нам кажется, что она быстрыми шагами пойдет навстречу неминуемой гибели: стоит только в бразды ее правления вмешаться другому

народу, основным правилом которого является право и справедливость.

У китайцев же, этой нации скептиков, чувство обязанности может вызвать только бамбуковая палка. Кроме того, во всех китайских законоположениях царит полнейший недостаток в ясности и определенности, дающий широкий простор произволу, нечестности и проницательности мандаринов. Возьмем для иллюстрации следующее место: "Если какой-либо купец, которому известен род торговли своего соседа, открывает лавку и назначает на находящиеся в ней товары такие цены, благодаря которым сосед его фактически лишается возможности продавать свой товар, извлекая, само собой разумеется, из этого необычайную пользу, то его нужно подвергнуть сорока ударам бамбуковой палкой". Что может в данном случае спасти того или иного лавочника, если любому мандарину вздумается устроить так, чтобы осуществить приведенный параграф китайского свода законов?!

Особенно удивительным явлением в китайском законоположении представляется система, благодаря которой каждый подданный императора может считаться ответственным за поступки своего соседа, родственника, начальника или подчиненного. Более всего печальна участь служилого люда: ответственность его велика, и законы в данном случае просто неумолимы. Если само судебное установление вынесло неправильное решение, безразлично, слишком ли строгое или чересчур мягкое, либо просто неверно составленное, наказуется секретарь, и наказуется самым строгим образом; все же прочие члены суда хотя и караются, но гораздо слабее, и чем выше ранг чиновника, тем незначительнее наказание, и таким образом председатель несет самую слабую ответственность. Чем ниже служебное положение чиновника, тем выше ответственность его, ибо принято считать, что преступление вовсе не существовало бы, если бы данное лицо в невысоких чинах не оказало своего содействия или не проявило попустительства.

По европейским понятиям, трудно согласиться с тем, что за неправильное решение судья подвергается телесному наказанию, в Китае же это - дело обычное; там секут опростоволосившегося судью и тогда, когда низшая исполнительная власть констатирует неправильность действий высшей, которой она даже подчиняется. Чего только не бывает в Китае! Низший служащий, например, может быть присужден к смертной казни за то, что он небрежно приложил к письму печать! Если государственная печать на каком-либо документе поставлена вверх ногами или оттиснулась не так рельефно как полагается, то все причастные к этому делу лица получают по восьмидесяти ударов. И если получающий письмо, т. е. адресат, вследствие неправильного припечатания конверта, сомневается в подлинности послания и не выполняет тех предписаний, какие изложены в подобном послании, благодаря чему страдает какая-либо военная операция, то секретарь того учреждения, откуда вышла бумага, приговаривается к смертной казни.

В Китае существует много способов для того, чтобы сведения о законах распространить в возможно более широком кругу публики, а также и среди чиновного народа. В конце каждого года все чиновники подвергаются специальному экзамену по законоведению, и если познания их в этой области оказываются недостаточными, то высшие начальники таких неудачников наказуются конфискацией жалованья за один месяц, низшие же - награждаются сорока палочными ударами.

Особенно старательно и точно выработаны брачные законы, причем организация семьи пользуется в Китае как политическим, так и социальным значением. Брак может быть заключен без того, чтобы ближайшие заинтересованные в нем лица, т. е. жених и невеста, знали что-либо друг о друге - с ними в данном случае вовсе не считаются. Впрочем, так обстоит дело только с первым замужеством или женитьбой в первый раз. Отец, принуждавший овдовевшего сына своего к вторичному браку, наказуется восьмьюдесятью палочными ударами. Если родные невесты в период времени между обручением и свадьбой отдают свою дочь другому, то все семейство награждается семьюдесятью ударами палок. Закон запрещает вступать в брак во время траура по отцу, матери или одному из супругов (жене - по мужу, мужу - по жене). Брачный союз в таких случаях считается недействительным, и обе стороны получают по сто ударов бамбуковой палкой. Если траур

относился к дедушке, к бабушке или дальним родственникам, то брак не расторгается, но обе стороны получают по восьмидесяти ударов. Браки между тезками, между музыкантами или преступниками или женитьба на актрисе считаются расторгнутыми, причем виновные подвергаются серьезному телесному наказанию. Неверные мужья и жены караются палочными ударами; что же касается тех женщин, которые до измены мужу вели честный образ жизни и ни в чем предосудительном замечены не были, то у них, помимо наказания палками, отнимают еще чулки и платье. Церковные законы отличались изумительнейшими параграфами. Астрономическая коллегия в Пекине несет на себе обязанность следить самым внимательным образом за всеми небесными явлениями и отклонениями, причем каждая сделанная в этом направлении ошибка наказуется шестьдесятю ударами бамбуковой палкой. Если музыканты, колдуны и предсказатели, под предлогом сообщения надвигающегося несчастья или, наоборот, желая обрадовать предсказанием чего-либо особенно счастливого, являются в дома высших военных или гражданских властей, то их за каждое предсказание карают пятьюстами ударами.

Хотя китайцы с полнейшим равнодушием относятся ко всем существующим в мире религиям, тем не менее под страхом наказания бамбуковыми палками им вменено в строжайшую обязанность выполнение всех религиозных церемоний. В смысле производства процедуры богослужения установлены самые точные предписания, причем при тех или иных отступлениях от последних наказуется не только сам совершивший данное преступление, но и так называемый церемониймейстер, т. е. лицо, на которое законом возложены обязанности наблюдения за исполнением массой всего, относящегося к ритуалу китайского богослужения. И даже святые свиньи, откармливаемые в пагодах в качестве животных, обреченных на жертвоприношение, находятся в Небесной империи под зорким покровительством закона. Так, например, за каждую тощую, плохо вскормленную свинью специальный надзиратель карается пятьдесятю ударами бамбуковой палкой, причем малейший симптом, намекающий на возникновение среди этих священных животных эпидемической болезни, может довести целую пагоду до крайних пределов отчаяния.

Уложение о самих наказаниях изложено у китайцев довольно просто. Обычными наказаниями являются следующие: определенное количество дней ношения упомянутой выше колоды или известное число ударов с помощью бамбукового тростника. Смертные приговоры исполняются путем удавления или обезглавливания. За особенно тяжкие преступления практикуются медленные казни при помощи ножа; палач вытягивает из находящейся при нем корзины, наполненной ножами, один ножик, так сказать, лотерейным путем, причем по надписи на нем узнает, для каких именно сосудов он предназначен. Вслед за сим эти сосуды последовательно вскрываются до тех пор, пока несчастная жертва под влиянием кровоистечения не испускает последний вздох и не переселяется в лучший мир.

Особое наказание существует для лодочников, замеченных в том или ином преступлении. Их заставляют стать на колени, один из судейских служителей держит их за волосы, другой же начинает специально предназначенным для этой цели кожаным ремнем хлестать по щекам преступника.

В Китае нередко встречаются изображения тушью и красками, посвященные способам выполнения телесных наказаний. Такие рисунки имеют чаще всего сатирический характер и посвящаются обычно в виде карикатуры на господствующее в Китае стремление к высшему государственному образованию. Наиболее других заслуживают внимание рисунки, изданные Перси Крукшенком. Принято считать, что лучше всего изучать характер китайцев во время их страданий. Они переносят наказание бамбуковыми палками без единого стоны, заставляя изумляться стоической выносливостью. При экзекуциях нередко практикуется следующее: жертвы связываются, укладываются в корзину, приволакиваются на лобное место и затем бросаются в лужу крови предшествовавших жертв; после этого их расставляют длинной шеренгой на коленях, и... через пять минут пред глазами зрителей сотня обезглавленных трупов... Ни стонов, ни криков, ни воплей!

Говорят, что браки у китайцев чрезвычайно редко бывают счастливыми. Муж бьет

жену, жена тузит мужа - если только она в состоянии справиться с ним! Все-таки в огромном большинстве случаев страдательной стороной является женщина. В некоторых провинциях Китая кулачная расправа над женами настолько вошла в обычай, что мужу, не накладывающему долго рук на свою жену, кажется, будто он позабыл о выполнении возложенных на него обязанностей.

Некий молодой супруг до смерти избил свою жену, и, когда его спросили, в чем именно провинилась она, он ответил: "А ни в чем! Она ни разу не заслужила наказания. Но мы уже два года муж и жена, и мне казалось, что все соседи начали уже смеяться надо мной вследствие того, что я ни одного раза не бил своей жены. И вот сегодня утром я решил проучить ее".

Кончилось тем, что воображаемые насмешки соседей стоили бедной женщине жизни.

НАКАЗАНИЕ РОЗГАМИ НА ВОСТОКЕ

Китай является не исключительной страной, бразды правления в которой поддерживаются бамбуковой палкой. И в других странах обширной Азии со времен самой седой старины население дрожит перед палкой. Хотя Китаю необходимо в данном случае отдать пальму первенства: нигде нет столь обстоятельного уложения о наказаниях, как именно у сынов Небесной империи.

Соседка Китая, Корея, ввела у себя некоторые поистине удивительные узаконения, относящиеся к выполнению наказания. Кое-что из этой интересной области мы сейчас проследим.

Если жена убивает своего мужа, то ее зарывают в землю до плечей вблизи столбовой дороги; вблизи зарытой кладется топор, которым каждый проходящий, если только он не принадлежит к привилегированному сословию, обязан нанести ей удар. Экзекуция продолжается до тех пор, пока преступница не умирает. Каждый муж, уличивший свою жену в измене ему, должен обязательно предать ее смерти; такому же наказанию должны подвергаться от руки своего господина в чем-либо провинившиеся рабы, как ни незначительно было бы совершенное ими преступление. Убивший своего господина раб присуждается обязательно к смертной казни.

Для истребования долгов, будь они частные или казенные, у корейцев практикуется чрезвычайно действенный и внушительный способ. Если должник не уплачивает следуемых с него денег в назначенное время, то от двух до трех раз в месяц, следующий за просрочкой, его наказывают палочными ударами по голеникам. Такое "напоминание" продолжается до тех пор, пока кредитору не будет внесена определенная обязательством сумма. А если должник умирает до уплаты денег, то наказанию продолжает подвергаться ближайший родственник его. Бастонада практикуется по поводу самых легких преступлений и применяется в различных видах и формах. Бьют либо по бедрам, либо по ягодицам, либо по голеникам, либо, наконец, по пяткам. При так называемом "бедряном пластыре" ступни преступника привязываются к одной скамейке, а бедра к другой. Затем начинается экзекуция, которая производится с помощью палки из тесанного дуба, имеющей два дюйма в ширину и один в толщину; одна сторона этого инструмента закруглена, другая же представляется плоской. В огромном большинстве случаев кряду наносят тридцать ударов. Если экзекуция назначается по ступням, то приговоренный усаживается на землю, палач связывает обе ноги его большими пальцами, ущемляет ступни своей жертвы между своими ногами и наносит определенное количество ударов особой палкой, толщиной в среднюю человеческую руку. Есть еще способ, носящий название "бастонады а la mode"; он выполняется с помощью длинной бамбуковой палки, причем преступник укладывается на скамейку ничком и плотно привязывается веревками. Если такому наказанию подвергается женщина, то предварительно на нее надевают мокрые панталоны. Сто ударов бастонады а la mode равняются по значению смертному приговору, ибо крайне редко преступники выдерживают пятьдесят ударов.

Остается только удивляться, что в Японии, имеющей такое большое сходство с Китаем, бамбуковая палка особым почетом не пользуется. Но факт остается фактом, и мы должны констатировать, что телесные наказания вообще среди японцев, в этой Стране восходящего

солнца, никакой популярностью не пользуются. И даже в тесном семейном кругу ни женщины, ни дети не знакомы с "березовой кашей", а если розга среди некоторых слоев населения и применяется, то, во всяком случае, чрезвычайно редко. Более всего при воспитании детей принято пользоваться нежностью, лаской и неослабной бдительностью.. Хотя мы и предпринимали специальные исследования, но нам не удалось узнать, чтобы в школах Японии учителя пользовались телесными наказаниями; да и вообще японская школа сильно разнится во всем от нашей.

Один из путешественников, много лет проживший в Японии, следующими словами рисует характер высшей школы для японских девушек.

"Учителя за право преподавания в этих высших школах не только не получают гонорара, но должны сами платить деньги, и таким образом преподавание из чистого ремесла превращается здесь в любимое, так сказать, занятие, спорт, если можно так выразиться. Девушки сами избирают для себя учителей, и, само собой разумеется, большинство педагогов отличается если не поголовной красотой, то уж наверное миловидностью. Ученицы не сидят, как у нас, на жестких партах, набитые, как сельди в бочку. Нет, занятия производятся в великолепных садах, наполненных ароматом цветущего чая и пахучих цветов. Среди деревьев и кустарников разбросано огромное количество маленьких павильонов... И тут-то вашему глазу представляется дивная панорама краснощеких девиц с лучистыми глазами, своей чарующей походкой передвигающихся от одного павильона к другому. На маленьких лакированных подносиках они разносят чай и фрукты, а в маленьких беседках восседают учителя или профессора, поджидающие разносящих угощение учениц или же читающие лекцию возвратившимся".

Впрочем, японское уложение о наказаниях смело можно назвать кровавым, и смертная казнь применяется в Стране восходящего солнца за самые маловажные преступления и даже за воровство, например. Похититель чужой собственности, хотя последняя и стоит грош, не смеет рассчитывать на милосердие суда. Игры на деньги - и те караются смертью; убийство - точно так же; смерть ждет и тех, кто совершил преступление, наказуемое и в цивилизованных странах таким же образом. Каждый должен за совершенное преступление понести определенную казнь, в случае же государственной измены карается не только совершивший ее, но и все его родственники.

Способов приведения казни в исполнение множество, и все они в Японии отличаются ужасной жестокостью. Здесь практикуется и сожжение живьем, и распятие головой вниз, и топтание разъяренными быками, и варка в кипящей воде или - еще хуже - в kloкочущем на огне масле. Лицам привилегированного сословия, а также и офицерам закон дает право, в случае присуждения их к смертной казни, лично отправить себя на тот свет. В большинстве случаев такие преступники после суда с достойным лучшей участи хладнокровием распарывают себе живот, не забыв предварительно распрощаться с родными и близкими друзьями.

У киргизов и татар экзекуции играют огромную роль в случаях конокрадства. В своем труде "Путешествие по Бухаре" доктор Эверсман в качестве очевидца рассказывает следующее.

"Собственно говоря, преступник был приговорен к смертной казни, но наказание было ему смягчено. Полураздетым, со связанными руками, его прогоняли по лагерю, и, когда он не в состоянии был быстро бегать, его основательнейшим образом обрабатывали кожаными ремнями особые люди, конвоировавшие несчастного верхами. Затем ему вложили в рот один конец веревки, в то время как другой был привязан к хвосту лошади. На последней восседал бухарец, направлявший лошадь между палатками и домишками деревни; другой же всадник следовал за преступником и сек его плетью. В конце концов лошадь преступника понесла первоначальное наказание своего хозяина: ей перерезали горло, причем все присутствовавшие при экзекуции отрезали себе по куску конины, заранее предвкушая аппетитный ужин".

В Индии телесные наказания существуют с незапамятных времен. Богатые люди

наказывают сплошь и рядом своих рабов, родители секут детей, а все правители применяют время от времени розгу на своих подданных. Да и слуги нередко, перессорившись между собой, доходят до драки и пускают в ход за неимением более подходящего инструмента свою обувь. На телесное наказание в Индии смотрят, как на самое заурядное явление, и неизвестно во многих случаях, кого удручает больше экзекуция: самого истязуемого или наблюдающих за поркой зрителей. Вот до чего притупилась здесь чувствительность к телесным наказаниям! Умерший раджа Али наказывал всех "кошкой" о девяти концах, не разбирая ни состава преступления, ни личности преступника; провинившийся мог быть джентльменом, торговцем лошадьми, сборщиком податей и даже собственным сыном раджи-все равно его ожидала та же участь. Особенно доставалось сборщикам податей, и в редкий день не секли двух-трех из них. Мало того, что их секли, - им разрывали тело гвоздями и затем снова секли. Такое обращение с людьми существовало очень давно и под английским протекторатом лишь несколько слабело. В большинстве случаев виновных в Т9М или ином преступлении подвешивали за руки к столбу или дереву и затем били либо полосой коры, либо плетью из веревок или тамариндовых волокон.

Помимо телесного наказания в Индии существуют и другие способы и орудия пытки. Из последних назовем *Kittee* и *annudale*. *Kittee* по своей идее походит на те европейские инструменты, которые служат прессом для большого пальца, с той только разницей, что в Индии их применяют на других частях тела, причем нередко увлекаются пыткой до того, что поврежденный орган лишается на веки присущих ему функций. *Annudale* представляет собою чисто азиатский инквизиционный метод; он заключается в вывихе либо всего туловища, либо отдельных суставов с помощью тугого шнурования веревками, которые не снимаются в течение многих часов. В то же время к известному участку тела беззащитного пытаемого приставляется насекомое или пресмыкающееся, жадно впивающееся в него своим жалом.

Что касается Турции и Персии, то здесь телесные наказания в виде бастонады процветают как нельзя лучше; к ним прибегают положительно ежедневно. Способ выполнения значительно отличается от китайского: два экзекутора держат брус, к середине которого с помощью кольца или петли прикреплена веревка. В эту последнюю продеваются босые ноги преступника таким образом, чтобы пятки были обращены кверху; сам же наказуемый лежит на спине. Третий палач до тех пор бьет толстой палкой по пяткам жертвы, пока не последует знак со стороны распорядяющегося наказанием офицера или чиновника магистратуры. После этого ноги развязываются, преступник отпускается, и ему предоставляется полное право лечить свои ноги как и чем ему заблагорассудится. Собственно, подобное наказание может применяться в Турции к лицам четвертого и последнего класса, как, например, к рабам и данникам (евреи, армяне, греки и т. д.). Три высшие класса: эмиры или потомки пророка, судьи, гражданские и военные чины, равно как и свободные граждане, были от этого наказания освобождены. Сначала разрешалось давать от трех до тридцати девяти ударов, но затем количество последних было увеличено до семидесяти пяти. На практике же и последняя норма переступалась сплошь и рядом, да и привилегированное положение не всегда принималось во внимание.

У древних греков и римлян также существовала бастонада. Последняя известна была под разными именами: *fustigatio*, *fustum amonito*, *fustibus coedi*, и таким образом она отличалась от *flagellatio* и производилась не как последняя, розгами и плетью, а с помощью особой палки. *Fustigatio* считалось более легким наказанием и применялось в большинстве случаев к свободным, *flagellatio* являлось чаще всего достоянием рабов. Первая называлась также барабаном: наказуемого били палками так, как это проделывают барабанщики над своим инструментом.

РОЗГА В ОДНОМ ИЗ ВОСТОЧНЫХ ГОСУДАРСТВ

{Перевод этой и последующих трех глав сделан А. З-им.}

Деспотическое и полуварварское государство это с незапамятных времен управляется плетью и розгой. Телесные наказания в многообразных формах назначаются за

всевозможные преступления, причем различия в общественном положении секомого в расчет здесь не принимаются. Розга в руках полицейских все еще является основным инструментом, хотя и сами полицейские не изъяты от того, чтобы провинившийся или провинившаяся не были избиты, как собака. Нередки случаи, когда какой-либо несчастный крестьянин должен отправиться пешком за тридцать-сорок верст в ближайшее полицейское управление для того, чтобы передать там записку, в которой сообщается приказание подвергнуть такого-то стольким-то ударам. Необходимо заметить, что такие "векселя, на предъявителя" всегда оплачиваются, и даже нередко с высокими процентами.

Впрочем, населяющие это государство подданные не особенно-то сокрушаются, ибо в крови у высокопоставленных и низших классов имеется к розге, очевидно, особая закалка - ее переносят все. Ни одна из дам не считает ниже своего достоинства хлестать по щекам горничных, но если прислуга оказывается иностранно-подданной, то дело иной раз принимает довольно опасный оборот. Так, например, одной из принцесс показалось, что делавшая прическу горничная-француженка оцарапала ей кожу головы. Недолго думая, рассерженная барыня ударила девушку рукой по лицу. Француженка схватила головную щетку и, не выпуская волос госпожи из своих рук, основательно избилла принцессу по щекам и ушам. Само собой разумеется, что никто не должен был узнать, что ее высочество была избита своей горничной, и таким образом аристократка промолчала и - мало того - путем денежных подарков и красноречия убедилла горничную в том, что происшествие должно остаться в глубокой тайне между ними обеими.

В стране этой палка является последним доводом одного человека по отношению к другому. Каждое высокопоставленное лицо или же особа, состоявшая на коронной службе, пользуется правом по своему желанию избить кого угодно, не делая различия между полом, ибо в описываемой стране женщины от избиений не изъяты. Воспитание производится с помощью палки или розги при благосклонном участии родителей или солдата. Если, например, какой-нибудь крестьянин не может постигнуть тайн музыкального искусства или от природы лишен всякого намека на слух, - его награждают побоями. Если солдат недостаточно быстро сделает оборот по команде, если он придурковат или вовсе глуп, он получает удары. За неповиновение работников, за самые незначительные проступки прислуги, за недостаточно вежливое обращение с господами, за все, решительно за все - бьют!

Недели, дня не проходит без того - рассказывает один из современных писателей, - чтобы какого-либо офицера, студента, служащего не подвергли телесному наказанию; за малейшую неосмотрительность приходится обнажать плечи и ложиться под розги. Один из прославившихся и ставший бессмертным поэт подвергся экзекуции в полицейском участке по приказанию самого повелителя страны. Поводом к такой мере, как сообщили поэту, было то обстоятельство, что розгами имелось в виду умерить несколько насмешливый тон поэта. Упомянутый писатель далее повествует, как некий бедный крестьянин, бывший в обучении у одного из столичных парикмахеров, не в состоянии был выносить тяжелое обращение своего господина и решил под влиянием безвыходного положения наложить на себя руки. Покушение не удалось: самоубийца только ранил себя. Через некоторое время его, выписали из госпиталя выздоровевшим и... высекли, чтобы "он научился жить". Раны, образовавшиеся после порки, с таким же трудом поддавались излечению, как и та рана, которую несчастный сделал себе на горле ножом, пытаясь свести счеты с жизнью.

Но, как говорится, палка о двух концах, и утешительно, по крайней мере, что время от времени приходится узнавать об актах мести. Так, например, некий богатый господин приказал заказать для себя специальную машину для порки; наказуемые вставлялись в этот аппарат и прикреплялись к нему, после чего, благодаря особому приспособлению, деревянная палка приводилась особым механизмом в движение, и жестокая экзекуция начиналась... Разумеется, крестьяне этого самодура в конце концов, как говорится, взбесились, и в один прекрасный день господин их очутился сам в машине и вынужден был испытать все прелести ее на своей собственной шкуре.

Изумительный пример особого пристрастия этого народа к розге - то, что замужние женщины считают доказательством любви со стороны своих мужей, если последние телесно наказывают их. И если от времени до времени мужа не бьют своих жен, то это означает, что к ним относятся невнимательно и равнодушно. Все это наблюдается не только среди необразованных женщин, но и в высших слоях населения. Одна из красавиц этой страны вышла замуж за француза и после четырнадцатидневного блаженства новобрачная сделалась вдруг неузнаваемой: настроение ее было в высшей степени подавлено. Путем настойчивых расспросов супруг узнал наконец истинную причину горя своей молодой супруги, "Разве могу я быть уверенной в твоей любви ко мне?" сказала она. - Вот уж четыре недели, как мы поженились, а ты ни разу еще не бил меня!"

Розга в ходу также в банях описываемого государства. Последние здесь носят особый характер. Баня состоит из не очень высокой комнаты, в которой помещаются: печь, различной высоты скамьи, устроенные в виде полок, и большой бак для воды. Когда печь накаляется докрасна, ее поливают водою до тех пор, пока вся комната не наполнится парами. Неизменным и главным атрибутом этих бань служат березовые веники с листьями. Ранней весной огромные количества их срезаются специально для банных заведений. Перед употреблением веники эти погружаются на короткое время в воду, чем имеется в виду сделать их более легкими и гибкими. После этого начинается процедура поколачивания веником всего тела купающегося.

Бани, в общем, производят положительно неопишное впечатление. Представьте себе массу людей всякого возраста и... обоого пола вместе. Мужчины, дети, мальчики, девочки, старики, юноши, молодые женщины, девушки, старухи-все моются одновременно. Все, разумеется, одеты так, как полагается быть одетым в бане, т. е. абсолютно голые. Все это смеется, разговаривает, острит, обливает друг друга почти кипящею водою и угощается взаимными поколачиваниями березовым веником. После купанья все в адамовом костюме выбегают из жарко натопленной бани на улицу, где начинают валяться под открытым небом в снегу.

Вот что рассказывает один из путешественников: "Когда я открыл входную дверь, чтобы взглянуть внутрь бани, - мне, вследствие густоты наполнявших помещение водяных паров, рассмотреть ничего не удалось. Точно так же, кроме общего гула массы голосов, я не разобрал ни одного слова: слушалось только пчелиное жужжание да похлопывание веников по голому телу".

Некоторые из правителей этой страны особенно отличались в области рукоприкладства, причем за несколькими сохранилась репутация в высшей степени изобретательный на придумывание утонченных мук. Один из них, прославившийся преобразованием страны, как это всем известно, наказывал впавших в немилость приближенных из благородного звания тем, что заставлял их разыгрывать роль шутов. С момента отдачи подобного приказанья опальный становился несчастной жертвой и мишенью для насмешек со стороны окружающих. Он пользовался правом говорить все, что ему вздумается, но в то же время должен был быть готовым к тому, чтобы без всякого сопротивления подвергнуться порке со стороны какого-нибудь барина, усмотревшего в остротах шута личную обиду. Все, что бы ни сделал он, осмеивалось окружающими, его жалобы, его стоны и вопли принимались за шутку, чем больше он поносил или оскорблял кого-нибудь, тем одареннее считался он как шут и дурачок. Особенной способностью и ловкостью обходиться со своими шутами отличалась одна из давно уже скончавшихся правительниц; она проявляла при этом столько комизма, что никто не мог удержаться от смеха. Один из малолетних принцев в чем-то как-то провинился и получил приказание превратиться в курицу. Коронованная мать приказала устроить большую корзину и предназначила ее на роль насеста; затем она вложила на дно этого гнезда яйца и приказала поставить его в одной из главных зал дворца и притом на самом видном месте. Под страхом смертной казни наказанный принц должен был усесться в корзину и кудахтать возможно громче курицей.

Наиболее жестокой в смысле экзекуций считалась другая правительница, видевшая в порках любимое развлечение, которое, вернее, должно быть названо страстью; она никогда не церемонилась и не считала зазорным своими собственными руками наказывать провинившихся розгой. Очень часто под влиянием скуки она принималась сечь прислугу, испытывая при этом огромное удовольствие. При экзекуциях девушек мужская прислуга брала последних на плечи. Время от времени и на долю придворных дам доставалось так называвшееся "элегантное наказание", и все это предпринималось исключительно для обоюдного развлечения. Рассказывают при этом, что правительница заставляла фрейлин наряжаться в детские платья и вести себя, как подобает малым ребятам. Сама же она разыгрывала роль матери и как таковая, "любя", наказывала своих "девочек". Иногда она называла себя гувернанткой и задавала своим "ученицам поневоле" настолько сложные и мудреные задачи, что разрешить их ни одна из фрейлин не могла, в результате чего - порка. Фантазия ее доходила до того, что иногда она одевалась римской матроной, окруженной рабами, которых и наказывала розгами то сама, а то поручая избивать наказанных бутафорским рабам.

И в сфере других развлечений у правительницы этой был особенный вкус. В одной из летних резиденций своих она разгуливала в мужском костюме, в таком же виде появлялась на охоте и предпочитала ездить верхом по-мужски. Дамское седло ее было устроено таким образом, что по желанию всегда превращалось в мужское. О нравах того времени вообще можно судить по следующему приказу, разосланному правительницей знатным особам: "Ни под каким предлогом никому из дам не разрешается напиваться пьяной; мужчины до девяти часов вечера обязательно должны быть трезвы. Играющие в фанты или подобные игры дамы должны вести себя при этом прилично. Никто из мужчин не смеет без разрешения целовать даму, никто также не имеет права в обществе бить даму под страхом исключения из придворного звания". Сколь красноречиво говорит за себя это "быть трезвым" до 9 часов!

И даже князь, самый значительный после правительницы человек, забавлялся обычно тем, что в комнате хлестал плетью прислугу, и камердинеры должны были прыгать из одного угла в другой, чтобы избежать довольно чувствительных ударов. Далее, он устраивал в компании с дворней ночные оргии, и когда слуги наливались, то забывали вовсе, с кем сидят за столом, и совершенно игнорировали своего повелителя, не обращая никакого внимания на высокий титул его. Дело доходило до того, что князю приходилось напоминать холопам о своем звании с помощью солидной дубинки...

Об одном из правителей некий биограф его говорит, что история затрудняется подыскать ему подходящее прозвище. Она не знает, называть ли его "коронованным Дон-Кихотом", "испорченным унтер-офицером" или "высеченной розгами бабой".

Народ в этой стране буквально стонал при упомянутом только что правителе от розги. Сам повелитель в высшей степени третировал своих приближенных, последние вымещали злобу на подведомственных им чинах, а эти, в свою очередь, вооружались палкой и подымали ее на слабейших. "Крестьянина здесь бил каждый. Бил его барин, если только снисходил до этого, бил его управляющий, бил надсмотрщик, били служащие и вообще все, кто имел счастье именоваться некрестьянином. На ком мог вымещать злобу несчастный? Конечно, на жене, детях и скотине, которых он колотил немилосердно!"

Вот уголок картины, наброшенный упомянутым выше биографом и историком. А так как он сам принадлежал к верноподданным страны, то, следовательно, не доверять ему нет оснований.

"Наоборот, "благородные" пользуются совершенно другой жизнью. Они живут себе припеваючи в своих имениях вместе "с женами и детьми и бесчисленным количеством крепостной челяди. Они поистине наслаждаются жизнью, им может позавидовать каждый. В своих владениях, господа, вы являетесь ограниченными властелинами, все дрожит, все трепещет при одном только звуке вашего голоса! Если вы прикажете "всыпать" Жаку или Джону двести розог, то ваше приказание исполняется бесприкословно, и спина несчастного через несколько минут становится черной, как смола".

В тюрьмах этой страны заключенных порют безжалостно и часто бьют в полицейских камерах для арестованных, но широкая публика об этом ничего не знает. Последние сведения мы получили отчасти от господина М. Пернэ, француза, проживавшего некоторое время в описываемой стране и попавшего под "покровительство" полиции за показавшиеся начальству несколько невоздержанными речи. Его заключили дотом в тюрьму, но по ходатайству французского посла освободили и, не выслушав никаких объяснений, выслали за границу. Находясь в тюрьме, он был заключен в камеру, отделяющуюся тонкой перегородкой от соседнего помещения, в котором производились экзекуции крепостных по приказанию своих господ. Таким образом, Пернэ имел возможность довольно близко познакомиться с тайнами острога и получил ясное представление о той роли, какую играло в тюрьме телесное наказание.

Между прочим, ему пришлось быть свидетелем экзекуции, совершенной над двумя молодыми девушками, служившими мастерицами у парикмахерши древней столицы. Госпожа их в числе прочих правил, введенных в ее мастерской, запрещала "иметь провожатых", а обе девушки, вопреки этому, впустили к себе двух своих возлюбленных. При порке присутствовала уполномоченная от парикмахерши, которая просила сильнее наказывать провинившихся. Всего каждая жертва получила сто восемьдесят ударов. Нередко в тюрьму управляющие именьями доставляли крепостных, которые тут же и наказывались.

Красивая крестьянская девушка - рассказывает далее Пернэ - была обручена и всячески уклонялась от ухищрений своего господина, который, не обращая внимания на жениха, старался соблазнить ее. Потерпев неоднократные неудачи, обозленный помещик обвинил в чем-то несчастную девушку и послал ее в тюрьму. Здесь ее раздели донага и разложили на скамье; мужчины крепко держали ее, а секший с таким усердием выполнял данное ему поручение, что спустя три месяца девушка никак не могла еще придти в себя.

Писательница-англичанка, посвятившая интересующей нас в этой главе стране особую книгу, рассказывает, как одна дама из великосветского общества, воспользовавшись присутствием на маскарадном балу самого правителя, стала нашептывать ему на ухо о том, о сем и, между прочим, зашла в своей откровенности слишком далеко. По выходе из собрания за ней последовал шпион, открыл инкогнито смелой маски, а на следующий день она была приглашена к могущественному в то время графу N. Там ее усадили на стул, который во время допроса внезапно опустился вместе с восседавшей на нем дамой в расположенную под полом комнату, и здесь несчастную высекли розгами, словно маленькую девочку.

Вскоре после объявления разорительной для описываемой страны войны к состоятельным классам населения было выпущено воззвание, которым все приглашались жертвовать в пользу раненых бывшее в употреблении полотно и корпию. Среди прочих приезжих в день обнародования упомянутого воззвания прибыла в древнюю столицу жена одного губернатора. Узнав о содержании обращения, губернаторша передавала, что ей пришлось слышать разговор, из которого ясно, что враги так дружно сплотились, что вскоре завоюют всю страну, "и тогда, - прибавила в шутку от себя губернаторша, - запасы полотна и корпии более вовсе не понадобятся". Об этом полном иронии замечании любители донесли властям, и болтливую даму пригласили пожаловать в суд. На допросе она не отрицала произнесенных слов, которые в глазах начальства показались в высшей степени предательскими и рассчитанными на то, чтобы лишить известного воинственного подъема отправлявшиеся на поле брани войска.

Суд приговорил губернаторшу к немедленному наказанию плетью, каковое тут же и было приведено в исполнение, несмотря на то, что судейский двор был переполнен посторонней публикой. Распоряжением начальства часть его посередине была очищена от народа, и тут-то разложили обезумевшую от ужаса и неожиданности даму. Экзекутор-специалист задрал юбки своей жертвы, и по обнаженному телу засвистела плетка. Уже после двенадцатого удара заметны были брызги крови. Тем не менее палач нанес положенное судом количество ударов.

Нам известно, что в стране этой неоднократно наказывали телесно дам самого высшего

круга; по поводу подобных экзекуций в литературе приведено множество фактов. В одной из германских газет, например, сообщалось, что три красавицы-дамы прямо с бала правителя страны, в собственных экипажах, разодетые в шелк, кружева и бархат, были отправлены в полицейский участок и там наказаны розгами.

Объяснений при этом никаких дано не было; только на прощанье было рекомендовано держать язычки за зубами. На другом придворном балу майордом вдруг вежливо пригласил нескольких, непринужденно болтавших между собою девиц следовать за собой и привел их в одну из отдаленных комнат дворца. Там их заставили стать на колени, причем одна из служительниц высекла каждую поочередно их же собственными атласными башмачками. После экзекуции смущенных девиц развезли по домам.

Женскую прислугу секут здесь за самые маловажные проступки. Обычно дело наказания поручается управляющему, который собирает нескольких приговоренных к порке и обставляет дело так, что наказываемую "преступницу" держит на своей спине другая "грешница", которую будут сечь вслед за первой.

Опубликованы также случаи массового наказания балерин казенной школы, а нам лично рассказывали, как некий помещик время от времени наказывал розгами своих дочерей, как равно и гувернанток последних. Далее сообщают, как у одной знатной дамы существовал особый штат женской прислуги из шести человек. Одевали всех их в высшей степени нарядно, уход за ними был установлен самый добросовестный. За все это им вменялось в обязанность смиренно и безропотно переносить всяческие наказания, налагаемые на них госпожой и повелительницей. Так, например, их заставляли целовать розгу перед и после экзекуции, самим раздеваться для порки, благодарить госпожу за милостивое наказание и проч. Эта же дама точно таким же образом наказывала своих пажей, несмотря на то, что в большинстве случаев это были мальчики двенадцати-тринадцати лет.

Поистине с розгой здесь шутить не приходится!

КНУТ

В описываемой стране имеется много орудий и инструментов наказания и пытки, еще не упомянутых нами в предыдущем изложении. Один из таких инструментов носит название *plit*; состоит он из куска железа, которое сначала нагревается, затем вкладывается в нагретую в свою очередь железную коробку, причем приговоренный к наказанию должен держать последнюю в своей руке. Далее, существуют тиски для большого пальца, которые сжимаются до тех пор, пока запрессованные части не раздробятся вовсе. Для телесных наказаний здесь в ходу палка, плеть и кнут. Плеть готовится из полос сырой кожи, в окончание которых заложены маленькие свинцовые пульки. Главным же орудием является кнут, перенятый описываемой страной от татар. Это наиболее ужасный инструмент наказания, когда-либо выдуманный человечеством.

Описания кнута разнятся одно от другого. Суммируя все данные, можно сказать, что он состоит по большей части из плотного, тяжелого кожаного ремня, имеющего в длину приблизительно восемь футов; крепится этот ремень к деревянной ручке длиной в два фута. Сам ремень имеет вид довольно широкой ленты, согнутой таким образом, что стороны ее представляют собою два острых края. Попадаются кнуты, обтянутые проволокой, заканчивающейся небольшим крючком. При каждом ударе этим ужасным орудием острые края его до того сильно раздражают спину наказуемого, что получается впечатление удара обоюдоострого ножа; кроме того, палач никогда не поднимает со спины кнута, а медленно протягивает его по коже, вследствие чего маленький крючок в конце ремня обрывает каждый раз тонкие куски мяса.

Мотрайн описывает кнут, рисуя его в виде плети, сделанной из кожи старого осла; ширина его приблизительно в один дюйм. До употребления кожа вываривается в уксусе и обрабатывается кобыльим молоком.

Граф де Ланьи говорит: "Кнут состоит из толстого кожаного ремня, нарезанного в виде треугольника; в длину он имеет от трех до четырех локтей, ширина его один дюйм. Один конец - более широкий, другой уже и прикреплен к ручке, имеющей два фута в длину".

Один из преобразователей-правителей страны ограничил количество ударов кнута сто одним, но так как ни один из наказываемых такого числа не вынес, то это количество приходилось постепенно понижать. В своем сочинении, относящемся к 1852 году, барон Гартгаузен сообщает, что употребление кнута во время его пребывания было совершенно оставлено. Наказанный незаслуженно кнутом имел право получить из сумм суда по 200 рублей за каждый нанесенный ему удар. Чтобы наказание было еще более чувствительным, преступнику полагалось ложиться под кнут только в одной паре панталон.

Процедура экзекуции совершалась следующим образом. Приговоренного укладывали на деревянную скамью животом вниз, руки и ноги его аккуратно вытягивались и фиксировались к кольцам, прибитым в поперечные края скамейки. Голова до того сильно прижималась к дереву, что у жертвы не было никакой возможности кричать, что в значительной мере увеличивало болевое ощущение. Правильное и умелое применение кнута требовало продолжительного изучения, а также крепких нервов и мускулов. В палачи постоянно назначался один из преступников, приговоренный к тому же наказанию, которое он выполнял после своего помилования на других. После двенадцати лет службы его отпускали на волю и препровождали на родину, но во время несения обязанностей палача его содержали под строгим заключением и выпускали из камеры только тогда, когда необходимо было произвести экзекуцию над приговоренным к телесному наказанию преступником. В тюрьмах же опытные палачи подготавливали учеников и обучали своему ремеслу будущих истязателей. Упражнения производились ежедневно, для каковой цели применялась человеческая фигура из тряпок, набитая соломой или конским волосом. Ученики посвящались во все тайны экзекуторского искусства и получали от своего ментора указания по поводу того, каким образом возможно наносить то ужасно сильные, то вовсе слабые удары.

Применение той или иной степени строгости находилось в зависимости не только от квалификации совершенного жертвой преступления, но также - и, пожалуй, более всего - от величины подарка, получаемого палачом перед поркой в виде подкупа. Ученики обучались многочисленным комбинациям: как сечь по бедрам, как угощать разбойника, как наказывать за мелкие преступления, как вызвать немедленную смерть, заставить жертву вывернуть себе затылок, как сечь так, чтобы преступник умер на второй или на третий день после экзекуции, как для этого следует подводить плеть или кнут вокруг туловища и таким образом наносить серьезные повреждения грудной клетке или расположенным в животе важнейшим органам... Искусные палачи, в совершенстве изучившие свое ремесло, показывали удивительные кунштюки, умея захватить кнутом только кружок величиною с полтинник, не задевая при этом близлежащих частей. Иные из них одним размахом своего страшного инструмента превращали кирпичи буквально в пыль.

Госпожа Л. пережила наказание кнутом. История ее жизни встречается во многих описаниях. Она слыла одной из красивейших женщин при дворе правительницы и была уличена в том, что принимала будто бы участие в подготавливавшейся государственной измене, надеясь на защиту своего возлюбленного, занимавшего пост одного из иностранных посланников. Согласно первому приговору, Л. была присуждена к отрезанию языка с последующим колесованием, но правительница смягчила приговор, если это только можно назвать смягчением, и заменила его наказанием кнутом и ссылкой. Л. появилась на эшафоте в полнейшем неглиже, но это только увеличило ее неописуемую красоту. До последнего момента она была твердо убеждена в том, что кто-либо из многочисленных друзей, восхищавшихся ее красотой и остроумием, неожиданно явится к ней на помощь. Но ее умоляющий взгляд встречал повсюду либо совершенно равнодушные, либо любопытствующие лица. Когда палач дотронулся до ее одежды, она сделала попытку отстранить его. Напрасно! Через несколько мгновений вся спина несчастной опухла, из ран струились потоки крови. После наказания кнутом ей вырезали язык, и лишенная дара слова, она была отправлена в дальнюю ссылку, чтобы там до конца дней своих влачить самое жалкое существование. Несмотря на столь ужасные испытания, Л. пережила их и при

следующем правителе была возвращена из ссылки - редкий случай, чтобы женщина могла вынести такое наказание, во время приведения которого в исполнение обычно умирали мужчины, отличавшиеся и большей выносливостью, и более сильным строением организма.

Упомянутая нами уже выше писательница-англичанка в одном из своих очерков сообщает о студенте, подвергнутом наказанию кнутом за избиение своего профессора. Два раза этот юноша, отличавшийся недюжинным дарованием, но и крайней бедностью, писал с большой усидчивостью сочинение на премию и заслуживал последнюю, но ничего не получал, ибо один из профессоров ревновал его к женщине и не нашел более подходящего способа, чтобы чем-нибудь досадить своему сопернику. Студент сделал третью попытку, несмотря на то, что жил при ужасных условиях и по целым дням буквально голодал. Не обращая внимания на тяжелую жизненную обстановку, юноша усердно работал, так как вся его будущая карьера находилась в зависимости именно от получения премии. Все профессора признали его достойным награды, за исключением одного, голос которого, к сожалению, являлся решающим. Ни за что не соглашаясь с коллегами, черствый человек этот не остановился пред подлостью и набросил тень на репутацию студента.

В порыве отчаяния несчастный юноша, сын существовавшей без всяких средств к жизни вдовы, лишенный всяких надежд, набросился на своего мучителя и побил его. Студента предали суду, доложили о его поступке правителю, который лично распорядился наказать его кнутом. Согласно приказу, на экзекуции должны были присутствовать все профессора и студенты университета, и еще задолго до окончания трагедии многие из них впали в обморочное состояние. Вскоре после первых ударов приговоренный скончался, но тем не менее положенное количество плетей было нанесено его трупу.

В 1823 году к наказанию кнутом были присуждены семь татар, занимавшихся в описываемой стране грабежами и убийствами. Приговором суда наказание должно было быть приведено в исполнение именно в тех городах, где разбойники совершали преступления. Таким образом, их сначала били в одном городе, а затем в цепях доставляли для дальнейшей экзекуции в другой. Порка производилась на рыночных площадях в присутствии сотен любопытных зрителей. Преступников поочередно привязывали к позорному столбу с кольцом в верхней части его; в последнее продевалась голова и фиксировалась при этом так, что жертва лишена была возможности кричать. Затем руки и ноги также привязывались к столбу, причем пластырь, наклеенный на раны после предшествовавшей экзекуции, обязательно сдирался.

Приглашенный на место экзекуции татарский священник перечислял совершенные присужденными к наказанию кнутом преступления, а также прочитывал полностью состоявшийся над ними приговор. Такая лекция продолжалась приблизительно полчаса. Ремень кнута был очень толст, почти в руку взрослого человека. С таким инструментом после священника приближался к своей жертве палач, и раздавался свист первого удара. Затем палач отходил шагов на сорок назад и снова приближался к преступнику. Так продолжалось до тех пор, пока положенное количество ударов не было отсчитано полностью. При каждом ударе появлялись брызги крови, но, благодаря указанным выше мерам, ни единого крика или стога не раздавалось. Вслед за первым наступала очередь второго и т. д. Затем всех наказанных отвязывали от столба, обклеивали пластырем и укладывали на повозку, где каждый ожидал окончания наказания над своим товарищем.

Уже во втором городе один из них умер, никто же из остальных шести не дождал до последнего этапа.

Другой род наказания называется здесь бегом "сквозь строй", под ударами шпицрутенев. Чаще всего наказание это применяется в армии, хотя довольно продолжительное время под шпицрутенами стонали жители одной из провинций описываемой страны. После того, как приговор прочитывался перед собравшимся на плацу или казарменном дворе полком, палач привязывал руки преступника к стволу своего ружья; другой солдат шел впереди наказываемого и держал перед ним также ружье, но штык последнего был обращен на подсудимого, приблизительно на высоте живота его.

Барабанный бой возвещал начало экзекуции Преступник, голова которого была выбрита догола, начинал шествие среди двух рядов солдат, образовавших собою длинную шеренгу с каждой стороны. Каждый из этих солдат был вооружен длинным орешниковым прутом и должен был нанести им удар своему провинившемуся товарищу, когда последний поравняется с ним. Если наказываемый имел намерение ускорить шаги, чтобы таким образом сократить время экзекуции, он натыкался на обращенный к его телу штык; чтобы воспрепятствовать ему уклоняться в стороны, назначались два солдата.

Крайне редко кому-либо удавалось пройти вдоль всей линии выстроенных с розгами солдат; когда же несчастный впадал в обморочное состояние, его отправляли в лазарет с тем, чтобы после поправки подвергнуть полному количеству определенных судом ударов. Один из правителей установил наносить при наказании шпицрутенами двенадцать тысяч ударов, но если приговором не имелось в виду забить преступника до смерти, то назначалось только две тысячи ударов.

Сектанство в описываемой стране являет собою удивительную главу в истории религиозного фанатизма, и, таким образом, мы не должны удивляться тому обстоятельству, что именно здесь сильно процветает флагеллянтизм, пожалуй, в такой степени, какая в остальной Европе наблюдалась только в средневековый период. Здесь существует, например, секта, последователи которой носят название "мужей старой веры"; в определенное время мужчины и женщины сходятся в назначенном месте, обнажают тело до пояса и, стоя босиком на усыпанной мелким щебнем земле, хлещут друг друга до крови. Богослужение у этих Хлыстунов совершается в виде дикой пляски, сопровождаемой свирепым бичеванием. Посреди комнаты, играющей роль молельни, стоит сосуд с водой, в котором смачивают руки и из которого пьют воду. Затем начинается пляска и взаимное истязание, продолжающиеся до тех пор, пока люди не валятся без сил на пол, бьются в судорогах и произносят бессвязные речи, считающиеся, как пророческие слова. Ежегодно в Страстную Субботу у них установлен праздник в честь Божьей Матери, во время которого избранная на роль жертвы молодая девушка до того жестоко избивается сектантами, что на веки остается изуродованной.

Другая секта основывает свое вероучение на словесном комментировании девятнадцатой главы Матвея. Они убеждены, что весь мир переполнен одними грешниками и что все населяющие землю люди должны вымереть, ибо достойны за свое поведение только смерти. На брак поэтому сектанты смотрят как на смертный грех. Но пока люди еще не вымерли, так сказать, с корнем, они должны оставаться, по крайней мере, добродетельными, в полном отношении безупречными и не употребляющими спиртных напитков. Сектанты призваны давать живой пример всем братьям. У каждого из них имеется паспорт, подписанный самим Иисусом Христом, чем гарантируется свободный пропуск в рай; при жизни же они видят свое назначение в том, чтобы проповедовать ближним необходимость прекращения всего рода человеческого. А если они вообще существуют на свете, то только лишь для того, чтобы убеждать других в том, что жизнь сама по себе представляется грехом. И если бы у них не было этого священного призвания, то они давным-давно поголовно наложили бы на себя руки.

Поскольку описанная "догма" совмещает это, упомянутая секта причисляет себя к ортодоксальной церкви.

РОЗГА В РОССИИ

"Полвека отделяет нас, - говорит Жбанков {Д. Н. Жбанков. "Когда прекратятся телесные наказания в России". - Весь отдел "Розга в России" составлен доктором медицины А. З-им.}, - от того ужасного, мрачного времени, когда большинство русского населения - крестьяне - находилось в рабском состоянии, когда личность в России вовсе не уважалась, и телесные наказания и всякие насилия и надругательства были бесконечно распространены повсюду и над всеми: мудрено было прожить в России без битья". Рабство, угнетения и позорные наказания развращали всех, не проходили бесследно и для высших сословий, по всем гуляла властная рука, вооруженная розгой, кнутом, плетью, палкой, шпицрутенами.

Конюшни для крестьян, "сквозь строй" и дисциплинарные батальоны для военных, эшафот - плети, шпицрутены и кнут для преступников, бурса, корпуса и другие учебные заведения, не исключая и высших, для детей и юношей, третье отделение с розгами для вольнолюбивых чиновников и державная "дубинка" для вельмож; стыд и женская честь не признавались, и женщины - от крестьянок до знатных дам - также наказывались позорно и публично. Как щедро рассыпались позорные и ужасные по страданиям наказания, достаточно свидетельствуют несколько примеров.

В гимназиях Киевского округа в самом конце 50-х годов пороли ежегодно от четверти до половины всех учеников. В духовных учебных заведениях было еще хуже, и били артистически, с наслаждением, пороли "на воздухах", под колоколом, солеными розгами, давали по 300 и более ударов, наказанных за мерзость на рогоже уносили в больницу; часто наказывали десятого, полкласса, весь класс. Известный писатель Помяловский за время учения в семинарии был высечен целых четыреста раз, и потом он часто спрашивал: "пересечен я или еще не досечен?" Не этой ли распространенностью розог в духовных училищах нужно объяснить тот грустный факт, что наши духовные - эти представители религии Милосердия и Любви - всегда отстаивали телесные наказания. В начале 60-х годов за них горячо ратовал московский митрополит Филарет, и его защита позорных розог оказала большое влияние. Три года тому назад епископ Витебский Серафим также писал: "А кто же не знает, насколько такие события, как телесное наказание, расширяют и проясняют умственный кругозор потерпевшего, разом снимая с действительности ее фальшивые прикрасы и показывая размер способности пострадавшего к благодушному перенесению таких жестоких испытаний?" Ведь эти слова - явное надругательство над здоровым рассудком и лучшими чувствами людей, - но не для себя и не для своих хвалили эти проповедники позорные и мучительные кары, иначе их благодушные заменилось бы жаждой мести. Такое жестокое воспитание детей было прежде обычно и в самых высших сферах; так, Ламздорф, воспитатель императора Николая I, позволял себе бить его линейками, шомполами, хватал мальчика за воротник или за грудь и ударял его об стену так, что он почти лишался чувств, - и это делалось не тайно, а записывалось в дневники. Раз позор и страдания от битья не признавались в высших сословиях, то что же проделывалось с низшими и крепостными?

В самом конце 50-х годов сотни женщин ежегодно наказывались плетью и розгами, и многие из них публично на эшафоте. Солдатам и преступникам плети назначались сотнями, а шпицрутены тысячами, и это было гораздо ужаснее и мучительнее смертной казни; тело наказанных обращалось в рубленое мясо, и они обыкновенно умирали или во время наказания, или вскоре после него (свирепый палач мог убить одним-двумя ударами кнута или плети). И в то же время Россия гордилась перед иностранцами, что у нас нет смертной казни. Так, император Николай I, в виде акта милосердия, на рапорте о двух приговоренных к смертной казни написал: "виновных прогнать сквозь 1000 человек 12 раз (т. е. они должны были получить по 12 000 ударов шпицрутенами). Слава Богу, смертной казни у нас не бывало, и не мне ее вводить". Конечно, наказанные умерли. Наконец, с безответными крепостными не стеснялись, их били кто, как и сколько хотел; недаром поэт сказал, что по народным спинам "прошли леса дремучие". Били их помещики, полиция, бурмистры и всякие управляющие; не отставали и дамы, изводившие побоями население "девичьих", били по форме - на конюшне, били и походя; число ударов не считалось, но помещики могли назначать от 1000 до 5000 розог, что часто также бывало равносильно смерти. И как это повальное битье развращало всех избивающих и избиваемых! Барыня читала чувствительный роман или молилась в церкви, а на конюшне по ее приказанию нещадно драли "мужиков, баб и девок". Крестьяне и сами били друг друга и восхищались сильными ударами; старик-крестьянин с восторгом вспоминает о подвигах приказчика: "как хватит плеткой тетку Дарью через плечо, так титька пополам, - долго в больнице лечилась!". И ни тени злобы или возмущения в этом воспоминании. Что касается самого властелина крепостного времени-барина, то его отношение к насилию прекрасно выражено Некрасовым

в словах помещика Оболта-Оболдуева:

Кулак - моя полиция!
Удар искросыпительный,
Удар зубодробительный,
Удар - скуловорррот!..

Этот царивший некогда кулак дожил и до настоящего времени, позорное наследие перешло и к нам, и долго еще русскому обществу и народу придется бороться с последствиями рабства и былых насилий.

Наступили шестидесятые годы, во многом напоминающие настоящее время, и Россия вздохнула немного свободнее и оживилась; начался перестрой нашей жизни: рухнуло крепостное право, даны другие необходимые реформы, личность заявила свои права, и началась борьба с нашим позором - телесными наказаниями, но с гнусным наследием и его защитниками, развращенными всей прошлой жизнью, нелегко справиться, и до сих пор кулак и нагайка проявляют себя.

Вот вкратце дальнейшая история телесных наказаний.

Люди, ратовавшие за отмену крепостного права, подняли вопрос и об уничтожении телесных наказаний, как совершенно несовместимых с понятием свободного человека, и в конце 50-х годов образовался особый комитет по этому вопросу. Но развращенность общества и привычка даже лучших людей к этим позорным наказаниям сказались здесь: некоторые даже гуманные представители власти недостаточно горячо боролись за отмену этих наказаний, чем и воспользовались защитники истязаний во главе с митрополитом Филаретом. Главные доводы этих защитников были таковы: телесные наказания, как причиняющие боль, наиболее действительны для простолюдина, и отмена их может поколебать уважение к власти; кроме того, розги - наиболее дешевое наказание, и отмена их заставит построить много дорогих тюрем.

На указание горячего противника телесных наказаний Орлова, что "святители всех вероисповедания постоянно защищали личность существа, созданного по образу и подобию Божию", митрополит Филарет, несколько не стыдясь, ответил, что "по христианскому суждению, телесное наказание само по себе не бесчестно, а бесчестно только преступление". Где и когда было указано это Христом, Филарет не сообщил, - а впрочем, для чего только не злоупотребляли учением самой чистой любви Христа: ведь и войны, и смертную казнь подтверждают ссылками на учение Христа. В конце концов, защитники розог и плетей победили благодаря тому, что то время было еще полно ужасных привычек и духа насилия, царивших целые века в России, и вопрос о телесных наказаниях разрешился неудовлетворительной полумерой.

Законом 17 апреля 1863 года отменены все тягчайшие телесные наказания, но сохранены ужасные плети для каторжных и ссыльных, не исключая и женщин, и розги, от 5 до 300 ударов, для малолетних ремесленников, крестьян, бродяг, штрафованных солдат и заключенных в арестантские роты. Итак, область для применения телесных наказаний осталась очень обширная и качественно, и количественно: 300 розог и особенно 100 плетей не только мучительны, но и угрожают жизни, а с другой стороны - главная масса нашего населения крестьянство оставлено под вечной угрозой позорного наказания. И притом нужно особенно отметить, что с крестьян за одно преступление, часто совершенно пустое, сдиралось сразу две шкуры: и телесное наказание, и - как результат этого - лишение общественных прав, так как крестьянин, раз высеченный навсегда лишался права быть избранным в общественные должности.

В таком положении дело оставалось 40 лет, постепенно отменялись некоторые виды наказаний, увеличивалось число групп, освобождаемых по тем или другим причинам от сечения, создались изъятые и неизъятые от позора, но бывали и возвраты к старому, возможные при административном произволе. Целых 40 лет применялись телесные наказания, поддерживали грубость и зверство в населении и позорили не только наказанных, но и совершавших это наказание, и все русское общество, относившееся равнодушно к этому

варварскому пережитку рабства. И практиковались розги очень широко: так, нижних воинских чинов по суду было наказано в 1872 г. 6799 человек, не считая большого числа наказанных административно в дисциплинарных батальонах; телесные наказания в армии начали сильно падать после введения всеобщей воинской повинности, и в 1893 г. телесно наказанных солдат было только 348, не считая опять-таки высеченных в дисциплинарном порядке. Ссылно-поселенцы в Сибири наказывались усиленно; так, за 8 лет, в 1883-1890 гг., в Красноярском округе была высечена 1/8 всего взрослого мужского населения. Про каторжан нечего и говорить: их могут наказывать все каторжные власти по своему усмотрению, и пользуются они этим правом безгранично. Все писавшие про Сахалин и другие каторжные тюрьмы согласно говорят, что несчастных порют за все про все, и к ним вполне применима специально русская поговорка: "Перевернешься - бьют, недовернешься - бьют". И к ссыльным, и к каторжанам розги применяются в очень больших количествах, опасных для здоровья; мало того, они в особых случаях (побег) наказываются и плетьюми, которые в умелых руках палача лишают ягодыцы наказанного всех мягких частей или совсем убивают. Наконец, крестьяне по закону 1863 года могли быть наказываемы телесно только по приговору волостных судов и не более 20 ударов розог, И волостные судьи из бывших крепостных щедро приговаривали к розгам. В 80-х годах телесные наказания в одних губерниях уменьшились, а в других еще более возросли. В эти годы сильной реакции власть и охранительная печать находили, что деревня совершенно распустилась и отбилась от рук, не признает властей и старших, пьянствует и разоряется, плохо платит подати. Решено было создать для деревни сильную власть, и законом 12 июля 1889 года были учреждены земские начальники, долженствовавшие быть отцами для деревни и вернуть распущенных крестьян к патриархальным временам. Земским начальникам было дано право бесконтрольно утверждать или отменять приговоры волостных судов к телесному наказанию; а так как большинство начальников было из военных, привыкших к рукоприкладству, и так как они призваны были для возврата патриархальных времен, которые немислимы, по их понятию, без битья и порки, то они принялись усиленно за насаждение розог. Громадное большинство земских начальников не только утверждали все приговоры к розгам, но даже сами заставляли волостных судей приговаривать к телесному наказанию, и розги снова воскресли в таких волостях, где они не назначались судами уже много лет. По имеющимся сведениям из нескольких губерний, в каждой было приговорено к розгам в 1891 году от 1000 до 2000 человек, что на всю Россию составит около 100 000 опозоренных сечением и лишенных тех немногих гражданских прав, которыми так скудно одарено крестьянство. Вместе с тем усилились всякие и незаконные избиения, мордобойство и рукоприкладство; эти избиения обрушивались, главным образом, на низших - солдат и крестьян, но усилилась кулачная расправа и в более высших слоях общества, ибо всякие зверства, творящиеся где-либо в стране, не проходят бесследно и заражают всех остальных. Все это напугало и администрацию, и общество. Министерство внутренних дел увидало, что земские начальники превзошли все самые пылкие ожидания в насаждении сильной власти, и издало в 1891 году циркуляр к этим начальникам с предложением относиться с большой осторожностью к приговорам о телесных наказаниях, тем более что подобная операция производит развращающее впечатление на молодых людей. И несмотря на это откровенное признание развращающего влияния розог, администрация нашла возможным еще 14 лет сохранять эти позорные наказания и воспрещала всякие заявления и просьбы об отмене их. Вызванная земскими начальниками страшная вспышка телесных наказаний возбудила самые различные протесты со стороны самой избиваемой, безответной крестьянской массы. Душевные заболевания и самоубийства наказанных сейчас же после порки, а с другой стороны месть наказанных в виде оскорблений начальства, поджогов, убийств, и бурные протесты против розог целых селений ясно доказывали всем, что телесные наказания уже безвозвратно отжили свое время и что применение их является жестокой несправедливостью для наказуемых и позором для всей администрации и всего русского общества, мирящегося с этим злом и бессмысленным насилием над народом. Тридцать лет русское образованное

общество малодушно проходило мимо этого позорного явления и боялось быть заподозренным в неблагонадежности, так как розга считалась чуть ли не одним из столпов, на котором покоилось русское государство. И только теперь, в 90-х годах, когда грозные признаки появились в самой деревне, общественная совесть проснулась, протесты, просьбы и ходатайства об отмене телесных наказаний стали поступать отовсюду; заговорила сильнее и печать. Несколько генерал-губернаторов настаивали на уничтожении этих наказаний в их областях; более мелкие администраторы, и в том числе вершители приговоров о розгах, некоторые земские начальники фактически отменили розги в своих участках и высказывались против них в печати. Кстати, следует отметить здесь, что в 1893 году была пробита еще маленькая брешь в этой позорной крепости: вероятно, под влиянием одной ужасной драмы, бывшей в Сибири после телесного наказания одной "политической" женщины, были окончательно отменены телесные наказания для всех женщин без исключения.

Едва ли не самую видную роль в борьбе с сечением сыграло земство. Еще в 1872 году Херсонское, а в 80-х годах еще несколько земств возбуждали ходатайства об отмене телесных наказаний, но главная земская кампания против них происходила в 1894-1897 гг., когда почти все губернские и многие уездные земства непрерывно высказывались и ходатайствовали об отмене этого позора. Выступали на собраниях и заступники розог. Главные их доводы два: первый - дешевизна и быстрота наказания: "пришел, отсекается и ушел"; второй - нельзя насиловать волю и желание крестьян; раз они сами на волостных судах приговаривают к розгам, значит - они сами хотят "сечься". Это - обычная уловка грошых либералов: раз известная, хотя бы самая отвратительная и незаконная мера им выгодна и желательна, они усиленно вопят против вмешательства власти и отмены этой меры; в других же случаях, где им выгодно давление власти, например в найме рабочих, они так же усиленно вопят за вмешательство администрации. Против этого довода по существу должно указать, что телесные наказания в последние годы назначались волостными судами почти исключительно в тех участках, где этого хотели земские начальники. Что же касается дешевизны, удобства и скорости розог, то защитникам их можно ответить одним вопросом: почему они не ходатайствовали о введении этого прекрасного наказания для себя и для всех сословий без исключений? Это было бы и справедливо, и последовательно.

Земская борьба с розгами еще раз блистательно доказала всю непоследовательность, растерянность и неумелость нашей бюрократии от низших до высших учреждений и лиц. В одних земских собраниях вопрос этот сходил благополучно, председатели собраний допускали его до обсуждения, а губернаторы не опротестовывали ходатайств об отмене телесных наказаний; в других губерниях губернские предводители дворянства с пеной у рта лишали гласных их законного права говорить о насущной нужде населения - об отмене розог, как будто это было потрясение основ; наконец, в третьих - губернаторы видели в ходатайствах об отмене телесных наказаний политическое преступление и вмешательство земства в общегосударственные дела. Министры делали внушения предводителям дворянства за обсуждение этого вопроса, и, наконец, сам сенат выносил противоречивые решения: в одних случаях он признавал за земством право говорить об этом вопросе, а в других он отвергал это право. Вообще, история телесных наказаний дает богатый материал для освещения отношений бюрократии к насущным нуждам населения.

Некоторые, но немногие, губернские дворянские собрания также возбуждали ходатайства об отмене телесных наказаний. Позже в 1900-1901 гг. подняли этот вопрос и городские думы, которые нашли, что деревенский позор вредно отражается и на городском населении, и что необходимо уничтожить эти наказания, хотя бы в память сорокалетия отмены прародителя розог и побоев крепостного права.

Но это не все. В 90-х годах сознанием позора, вреда и несправедливости телесных наказаний были преисполнены все, и все спешили внести свою посильную долю в борьбу с этим злом. Лучшие органы печати постоянно отмечали необходимость отмены этого зла; из них особенно нужно отметить медицинскую газету "Врач", редактор которой, покойный

профессор В. Х. Манассеин, горячий противник всяких насилий и несправедливости, неустанно и энергично боролся против телесных наказаний и смертной казни. Откликнулся и Л. Н. Толстой в своей горячей статье "Стыдно". "Разве об этом можно просить... Про такие дела нельзя, почтительнейшие, просить. Дела, такие дела можно и должно только обличать. Обличать же такие дела должно потому, что дела эти, когда им придан вид законности, позорят всех нас, живущих в том государстве, в котором дела эти совершаются. Ведь если сечение крестьян - закон, то закон этот сделан и для меня, для обеспечения моего спокойствия и блага. А этого нельзя допустить". И дальше он говорит: "Надо, не переставая, кричать, вопить о том, что такое применение дикого, переставшего уже употребляться для детей наказания к одному лучшему сословию русских людей есть позор для всех тех, кто прямо или косвенно участвует в нем".

Что русское общество в последнее десятилетие создало наконец этот свой позор, доказывается общеизвестным фактом, что всевозможные специалисты, самые разнообразные съезды и общества заговорили о телесных наказаниях, писали доклады, заявляли ходатайства. Из обществ особенно работали в этом направлении юридические с правовой точки зрения и врачебные с медицинской; врачи рядом фактов и наблюдений доказывали весь вред телесных наказаний для душевного и физического здоровья наказуемых; сумасшествие, тяжелые физические заболевания и даже случаи самоубийства и смерти наблюдались после сечения. И это за какую-нибудь драку, пустое воровство и прочие незначительные проступки, за которые назначалось телесное наказание! Почти ни один съезд также не проходил мимо этого вопроса: пожарный, ремесленный, учительский, технический, горнозаводский, врачебные, совещания по сельскохозяйственной промышленности и прочие, - все занимались им и возбуждали соответственные ходатайства.

Особенное внимание на телесные наказания обратил Пироговский съезд врачей, который четыре раза настаивал на необходимости отмены этих наказаний. По поручению этого съезда, врачи Д. Н. Жбанков и В. И. Яковенко собрали большой материал по этому вопросу и издали его особой книгой "Телесные наказания в России в настоящее время". Сообщаем из этой книги интересные статистические данные, полученные из официальных источников - 20 губернских присутствий. Оказывается, что, несмотря на энергичную борьбу общества и общественных учреждений, несмотря даже на вышеупомянутое признание самим министерством телесных наказаний развращающими, эти наказания свирепствовали в России.

В 1896 году в 20 земских губерниях было приговорено к телесным наказаниям 6780 человек, из них около половины действительно подверглись этому поруганию. Стало быть, во всей России приговоренных было не меньше 20000 и наказанных не меньше 10000 человек, и эти несчастные, кроме того, были обесславлены и лишены своих гражданских прав на всю жизнь! И это позорище было так недавно, всего 8 лет тому назад! Но, во всяком случае, общественное движение против телесных наказаний, хоть и не сразу, сказалось сильно на сокращении их; имеющиеся у нас данные по нескольким губерниям за 1893 и 1900 годы показывают, что число телесных наказаний в них сократилось в 2-4 и даже более раз. Однако рассчитывать на произвольное прекращение было нельзя, нужно было бы ждать еще многие десятки лет, пока вывелись бы все любители сильных ощущений на чужой счет, все защитники розог, все проповедники насилий для безответного народа! Напомним епископа Серафима, защищавшего телесные наказания в 1902 году. В этом же году было ужасное административное сечение крестьян во время аграрных волнений в Полтавской и особенно в Харьковской губерниях.

И все-таки телесным наказаниям подходил конец. Общественная борьба оказала свое влияние, и правительству пришлось уступить, но, как и всегда оно делает это, не сразу, а постепенно и с большим запозданием против требований жизни. Сначала закон 2 июня 1903 года отменил тягчайшие виды телесных наказаний для ссыльных, ссыльнокаторжных и ссыльно-поселенцев, а именно бритые головы и наказание лозами, плетью и приковывание к тележке. Уничтожив страшные плети, закон сохранил для каторжан и ссыльных телесные

наказания в очень мучительной форме: ручные и ножные оковы на долгое время, от одного до двух лет, и розги до 100 ударов. Наконец, через год совершилось еще более великое и радостное событие: манифестом 11 августа 1904 года отменены телесные наказания для корабельных служителей, малолетних ремесленников, штрафованных солдат и моряков, инородцев и для всех крестьян. К сожалению, манифест остановился и на этот раз на полдороге, и сохранилось телесное наказание для различных заключенных и преступников-бродяг, каторжных и ссыльно-поселенцев (ст. 952 и 443), и для них оно может назначаться в огромных размерах-до 100 ударов розгами, размерах, дающих большие мучения и часто опасных для здоровья и даже для жизни: сильный и озлобленный палач 100 ударами может засечь до смерти даже здорового человека, не говоря уже о различных больных.

Приветствуя этот важный законодательный акт, мы высказали, что он является хотя и крупной, но только полумерой, и что пока в нашем законодательстве совершенно не вычеркнуто самое слово телесное наказание, до тех пор не может быть и речи о полном его прекращении. Настоящие условия русской жизни и неравноправное или, вернее, бесправное положение крестьян мешают полному искоренению всяких законных и незаконных насилий и побоев; только при полном равенстве всех перед законом разовьется сознание своих прав и обязанностей, уважение к личности каждого гражданина, и не может быть надругательства и насилий над телом и честью сограждан. Наши опасения оправдались очень скоро; не успели еще высохнуть чернила манифеста, как из разных мест стали получаться вести о продолжающихся телесных наказаниях и избиениях.

А какое обширное поле для применения всяких незаконных телесных наказаний и избиений создала администрация на почве освободительного движения! О многих из этих историй умалчивается, но и сообщенных фактов вполне достаточно для освещения мрачной бездны насилий и господства розог и нагайки... И что особенно характерно: подобные телесные наказания создали "равноправие" - бьют всех без разбора сословий, состояний, возраста и пола, бьют сельчан и горожан. Приведем несколько характерных фактов и начнем с деревни. На Кавказе уездный начальник с эскадроном драгун произвел экзекуцию над крестьянами селений Удмарма и Хамши, завладевшими землями помещика; после 5-дневной (!) экзекуции крестьяне согласились "добровольно" возратить землю и возместить помещику убытки свыше тысячи рублей. В районе Аштарак около Эривани, вследствие последних беспорядков, по представлению уездного начальника назначена экзекуция; будет экзекуция и в других деревнях. То же творилось и в центре, массовая порка производилась при аграрных беспорядках в феврале 1905 года в Курской, Ярославской и Черниговской губерниях, и эти противозаконные насилия производились не только для усмирения, но и при производстве следствия, для получения сознания (настоящий древний застенок, где пытали несознающихся в своей вине). На суде о крестьянах с. Романова Дмитриевского уезда определенно установлено, что секли в школе и на площади около церкви, в присутствии земского начальника и исправника, причем последний собственноручно бил нагайкой, а земский, восседая на коне, на указания крестьян, что теперь сечь нельзя, читал какую-то бумагу, что розги отменены "для хороших людей", и что поскольку романовцы нарушили закон, то и с ними будут поступать против правила. Многие после допроса выходили в крови, секли даже старосту; когда приехал следователь, то при нем не секли, а били кулаками и досками. Под влиянием угроз и сечения сознавались даже невинные. При таких исправниках и земских начальниках, считающих свои усмотрения выше манифестов, еще долго телесное наказание будет царить на Руси, и кулак искросыпительный будет делать свое грязное и несправое дело. А раз производятся массовые избиения, о кулачной расправе с отдельными крестьянами нечего и говорить. Два примера. В Новороссийске преданы суду помощник атамана и два казака за истязание крестьянина, который умер от побоев. Земский начальник Кашинского уезда предан суду за такое сильное избиение крестьянина, что последний повесился, но был спасен. Этот факт является еще одним прекрасным подтверждением того, что крестьяне ушли дальше земских начальников в сознании

позорности кулачной расправы.

Еще более поучительны города и городское население, которым приходится теперь расплачиваться за то, что они так долго безучастно относились к деревенскому позору; повторяем, зло, творимое в одной части населения, никогда не проходит бесследно и для всех остальных. Теперь телесное наказание насаждается повсюду в городах даже более часто и более усиленно, чем в деревнях. Начались эти ужасные события - избиения нагайками, палками, пашками, кулаками и прочее в конце прошлого 1904 года; всем памятна массовые надругательства и избиения учащейся молодежи и публики в Петербурге и Москве, земцев в Тамбове, молодежи в Пскове и Казани и учителей в Нижнем. Настоящий 1905-й год - 1-й год ужасной кровавой эпидемии войны, всевозможных насилий, казней, убийств и самоубийств - снова воскресил телесное наказание по всей России, во многих городах и местечках центра и окраин и для обоих полов, всех возрастов, сословий, состояний и национальностей.

Осуществилось ужасное равноправие на Руси! Производились эти экзекуции и избиения во все месяцы и во всякие дни, но обыкновенно они приурочивались к большим праздникам и знаменательным дням - Пасхе, 19 февраля, 1 мая, очевидно, с целью умерить праздничное настроение и радостные чувства населения. Обе столицы, большие города: Одесса, Варшава, Кишинев, Саратов, Харьков, Киев, Ярославль, Томск, Казань, Нижний, Рига, Екатеринослав, Тифлис, Баку, Ростов, Курск, Минск, Тула, Самара и другие, а также и более незначительные губернские и уездные города Ревель, Кострома, Кременчуг, Владикавказ, Сухуми, Тверь, Павловск, Таганрог, Орша, Гомель, Чернигов, Смоленск, Вязьма, Балашов и множество других были свидетелями более или менее ужасных нагаечных и кулачных расправ на улицах, в участках, общественных зданиях и даже частных домах.

Героями этих историй и исполнителями являются уже не полуграмотные волостные судьи, а представители высшей администрации и все чины полиции, казаки, военные патрули, добровольцы-запасные и черносотенцы. Состав действующих в избиениях черносотенцев очень разнообразный - от саратовского учителя Арбайского, натравливающего казаков на гимназистов и дающего им денег на новые нагайки, до работающих из-за водки и денег и даже до остатков бывшего молодечества, жаждущих сильных ощущений, им все равно, "где бить, кого бить".

Воспитанное под дамкловым мечом телесных наказаний простонародие не только поставляет большой контингент для "черной сотни", но, что еще ужаснее, поддаваясь общей заразе человеконенавистничества, начинает устраивать самостоятельные кулачные расправы над пришлыми рабочими и ужасный самосуд над врагами, хулиганами и публичными домами. Выращиваемые с особым старанием целыми веками семена телесных наказаний, кулачной расправы и грубой силы не могут быть вырваны сразу, и много еще трудов придется положить на искоренение этого наследия рабства. Вот несколько примеров из городских избиений: во Владикавказе и Сухуми осетины и матросы напали и избили мирно гуляющих за городом и играющих в мяч горожан; в Одессе и Харькове подверглись избиению публика и врачи, выходящие мирно после научного заседания; в Пскове били и гнали по воде по берегу реки гулявшую за городом учащуюся молодежь; в Павловске избивали и разгоняли обычную изящную концертную публику, в Тамбове били невинных земцев, выходящих из собрания и проч. Но особого внимания заслуживают Курск, Тифлис и Балашов. В Курске в феврале полиция устроила побоище учащейся молодежи - малолетних детей. Полицеймейстер скомандовал: "Резервы вперед! Бей!", пристав бросился с криками: "Бей направо и налево!", и началось избиение нагайками, кулаками, пашками; таскали за волосы, били головой о мостовую, топтали ногами, лошадьми; многие избиты, до полусмерти. Заступавшихся взрослых прогнали и били. Участвовавшая "черная сотня" потом похвалялась: "Вот бы и завтра так славно поработать: и водкой угостили, и по рублю заплатили!", а помощник пристава благодарил толпу: "Спасибо, братцы, толчок (т. е. толкучка) выручил". В Балашове были избиты толпой в присутствии губернатора собравшиеся в гостинице на совещание земские врачи, некоторые избиты до полусмерти.

Мало того, когда казаки вели на вокзал задержанных врачей, то они избивали нагайками как этих врачей, так и местного предводителя дворянства Н. Н. Львова.

В своем официальном сообщении губернатор удостоверяет, что эти несколько ударов нагайками не имели серьезных последствий. Наконец, не избегло насилий и духовенство. В Тифлисе собравшееся на разрешенный съезд грузинское духовенство было избито казаками; били нагайками на улице и в семинарии, гоняли из спальни, всячески ругали и издевались. Грузинскому духовенству пришлось безвинно пострадать за призывы некоторых русских епископов и священников, которые зовут народ к кулачной расправе и пугачевщине.

А сколько творится теперь избиений и телесных наказаний над отдельными лицами, их нельзя и учесть. В Орше драгуны били нагайками лиц, мирно проходящих по улице; в Кишиневе губернатор предал суду околоточного за избиение арестованного; в Павлограде тюремный надзиратель избил девушку, принесшую в тюрьму белье жениху; в Екатеринославле в участке били студента нагайками, палками, досками, кастетами, ногами, пока у него не пошла кровь горлом; в этом же участке девушка не могла встать после побоев; в Житомире прокурор привлек к суду членов педагогического персонала духовного училища за истязание детей и прочее, и прочее.

Эта краткая ужасная история телесных наказаний в России приводит к такому заключению, что телесные наказания, законные и незаконные, всевозможные избиения и изуверства могут прекратиться у нас только при следующих условиях: 1) участие народа в управлении страной и прекращение произвола и самовластия администрации; 2) полное равноправие всех русских граждан, без различия пола, национальности и вероисповедания; 3) коренные социально-экономические реформы; 4) правильно устроенная школа, доступная для всего населения. Только при этих условиях личность будет уважаться и сделается неприкосновенной во всех отношениях, только при этих условиях всякий будет считать для себя позором сделать какое-либо насилие над другим, только при этих условиях мы перевоспитаемся и избавимся от наследия прошлого общего рабства: в одних - духа крепостника с кулаком зубодробительным, в других - духа крепостного с согбенной выей.

Вот как в своем произведении "Очерки Бурсы" Помяловский описывает наказание розгами воспитанника Семенова товарищами, подозревавшими его в доносах к начальству, и наказание розгами, по приказанию инспектора, воспитанника Тавли за то, что он сек Семенова.

"... Но обе игры неожиданно прекратились... Раздался пронзительный, умоляющий вопль, который, однако, слышался не оттуда, где игралась "мала куча", и не оттуда, где "жали масло".

- Братцы, что это? братцы, оставьте!., караул!.. Товарищи не сразу узнали, чей это голос... Кому-то зажали рот... вот... повалили на пол... слышно только мычанье... Что там такое творится? Прошло минуты три мертвой тишины... потом ясно обозначился свист розог в воздухе и удары их по телу человека. Очевидно, кого-то секут. Сначала была мертвая тишина в классе, а потом едва слышный шопот...

- Десять... Двадцать... Тридцать... Идет счет ударов.

- Сорок, пятьдесят...

- А-я-яй! - вырвался крик...

Теперь все узнали голос Семенова и поняли, в чем дело...

- Ты, сволочь, кусаться! - это был голос Тавли.

- Аи, братцы, простите!., не буду!.. ей-Богу, не буду!.. Ему опять зажали рот...

- Так и следует, - шептались в товариществе...

- Не фискаль вперед! Уже семьдесят...

Боже мой, наконец-то кончили!

Семенов рыдал сначала, не говоря ни слова. В классе было тихо, потому что всячески совершилось дело из ряду вон... Облегчившись несколько слезами, но все-таки не переставая рыдать, Семенов, потеряв всякий страх от обиды и позора, кричал на весь класс:

- Подлецы вы такие... Чтоб вам всем... - И при этом он прибавил непечатную брань.

- Полайся!

- Назло же расскажу все инспектору, про всех... Неизвестно от кого он получил затрещину и опять зарыдал на весь класс благим воем. Некоторые захохотали, но многим было жутко... отчего? потому что при подобных случаях товарищество возбуждалось сильно, отыскивало в потемках своих нелюбимцев и крепко било их.

Между тем рыдал Семенов. Невыразимая злость и обида душили его; он в клочья разорвал чью-то попавшуюся под руку книгу, кусал свои пальцы, драл себя за волосы и не находил слов, какими бы следовало изругаться на чем свет стоит. Измученный, избитый, иссеченный, несколько раз в продолжение вечера оскорбленный и обиженный, он теперь совершенно одурел от горя. Жалко и страшно слушать, как он шептал:

- Сбегу... сбегу... зарежусь... жить нельзя...

Надобно отдать честь товарищам: большая часть, особенно первокурсные, в эту минуту сочувствовали горю Семенова. У некоторых были даже слезы на глазах - благо темно, не заметят. Второкурсные храбрились, но и на них напала тоска, смешанная со страхом. Все понимали, что такое дело даром не пройдет и что великого сечения должна ожидать бурса. Тихо было в классе: лишь Семенов рыдал... Что-то злое было в его рыданиях... но вот они вдруг прекратились и настала мертвая тишина.

- Что с ним? - спрашивали ученики.

- Не случилось ли беды?

- Да жив ли он??

- Братцы, - закричал Гороблагодатский, освидетельствовав парту, на которой сидел Семенов: - он пошел жаловаться!

- Опять фискаль! - раздалось несколько голосов. Расположение товарищей мгновенно переменилось; посыпалась на Семенова злая брань. Смотрите, не выдавать, ребята!

- Э, не репу сеять! - слышались ответные голоса.

- А ты как же, Тавля?

- Я скажу, что хотел заступиться за него, и, пока отдергивал от его рта чью-то руку, он и укусил мою.

- Молодец, Тавля!

Однако Тавля дрожал, как осиновый лист.

- А что цензор будет говорить? - он должен донести, а то ему придется отвечать.

- А скажу, что меня не было в классе - вот и все!

В это время раздался звонок, возвестивший час занятий. Отворилась дверь, и в комнату внесли лампу о трех рожках. От столбов полосами легли тени по классу и осветились неуклюжие здоровенные парты, голые и ржавые стены, грязные окна - осветились угрюмым и неприветливым светом.

Второкурсные собрались на первых партах и вели совещания о текущих событиях. Начались занятия; но странно: несмотря на прежесточайшие розги учителей, по крайней мере, человек сорок и не думали взяться за книжку. Иные надеялись получить в нотате хорошую отметку, подкупив аудитора взяткой; иные думали беспечно: "Авось либо и так сойдет!", а человек пятнадцать, на задних партах, в Камчатке, ничего не боялись, зная, что учителя не тронут их: учителя давно махнули на них рукой, испытав на деле, что никакое сечение не заставит их учиться; эти счастливицы готовились к исключению и знать ничего не хотели. Ленъ была развита в высшей степени, а отсутствие всякой деятельности во время занятных часов заставило ученика выработать тот элемент училищной жизни, который известен под именем школьничества, элемент, общий всякому воспитательному заведению, но который здесь, как и все в бурсе, является в оригинальных формах.

Сидящие на Камчатке пользовались некоторыми привилегиями; на их шалости цензор, наблюдающий тишину и порядок, смотрел сквозь пальцы, лишь бы не шумели камчадалы. Пользуясь такими льготами, камчадалы развлекались, как умели. Гришкец толкает Васенду и шепчет: "следующему", Васенда толкает Карася, Карась - Шестиухую Чабрю, передавая то же слово; этот передает дальнейшему, толчок переходит на другую парту, потом на третью и

так перебирает всех учеников. Вон Комедо, объевшись, спит, а Хорь, нажевав бумаги и сделав комок, который называется жевком, пустил его в лицо спящего товарища. Комедо проснулся и пишет к Хорю записку: "После занятия я тебе спину сломаю, потому что не приставай, если к тебе не пристаю", и опять засыпает. Записок много пересылается по комнате; в одной можно читать: "Дай ножичка или карандаша", в другой: "Ей, Рабыня! (прозвище ученика) я уже с тобой на матках в чехарду"; в третьей: "Пришли, дружище, табачку понюшку, после, ей-Богу, отдам"; а вот Хитонов получил безыменную ругательную записку: "Ты, Хитонов, рыжий, а рыжий-красный-человек опасный; рыжий-пламенный сожг дом каменный". Ответы и требуемые вещи идут по той же почте. Дети развлекаются по мере возможности."...>.

Но вечер кончился очень занимательно. Минут за тридцать до звонка явился в класс Семенов. Бледный и дрожащий от волнения, вошел он в комнату и, потупясь, ни на кого не глядя, отправился на свое место. Занятая оживилась: все смотрели на него. Семенов чувствовал, что на него обращены сотни любопытных и злобных глаз, холодно было у него на душе, и замер он в каком-то окаменелом состоянии. Он ждал чего-то. Минуты через четыре снова отворилась дверь; среди холодного пара, ворвавшегося с улицы в комнату, показались четыре солдатские фигуры - служители при училище: один из них был Захаренко, другой Кропченко - на них была обязанность сечь учеников; двое других, Цепка и Еловый, обыкновенно держали учеников за ноги и за голову во время сечения. Мертвая тишина настала в классе... Тавля побледнел и тяжело дышал. Скоро явился инспектор, огромного роста и мрачного вида. Все встали. Он, ни слова не говоря, прошелся по классу, по временам останавливаясь у парт, и ученик, около которого он останавливался, дрожал и трепетал всем телом... Наконец, инспектор остановился около Тавли. Тавля готов был провалиться сквозь землю.

- К порогу! - сказал ему инспектор после некоторого молчания.

- Я... - хотел было оправдаться Тавля.

- К порогу! - крикнул инспектор.

- Я заступался за него... он не понял...

Инспектор был сильнее всякого бурсака. Он схватил Тавлю за волосы и дал ему трепку; потом наклонил его за волосы лбом к парте, а другой рукой, кулаком, ударил ему в спину, так что гул раздался от здорового удара по крепкой спине, потом, откинув Тавлю назад, инспектор закричал:

- К порогу!

Тавля после этого не смел рта разинуть. Он отправился к порогу, разделся медленно, лег на грязный пол голым брюхом; на плечи и ноги его сели Цепка и Еловый...

- Хорошенько его! - сказал инспектор.

Захаренко и Кропченко взмахнули с двух сторон лозами; лозы впились в тело Тавли, и он, дико крича, стал оправдываться, говоря, что он хотел заступиться за Семенова, а тот не понял, в чем дело, и укусил ему руку. Инспектор не обращал внимания на его вопли. Долго секли Тавлю и жестоко. Инспектор с сосредоточенной злобой ходил по классу, ни слова не говоря, а это был дурной признак: когда он кричал и ругался, тогда криком и руганью истощался гнев... Ученики шепотом считали число ударов и насчитали уже восемьдесят. Тавля все кричал "не виноват!", божился Господом-Богом, клялся отцом и матерью под лозами. Гороблагодатский злобно смотрел то на инспектора, то на Семенова; Семенов не понимал сам себя: и тени наслаждения мстью не было в его сердце, он почти трясся всем телом от предчувствия чего-то страшного, необъяснимою. Бог знает, на что бы он согласился, чтобы только не секли Тавлю в эту минуту. Тавля вынес уже более ста ударов, голос его от крика начал хрипеть, но все он продолжал кричать: "Не виноват, ей-Богу, не виноват... напрасно!" Но он должен был вынести полтора года.

- Довольно, - сказал инспектор и прошелся по комнате.

Все ожидали, что будет далее.

- Цензор! - сказал инспектор.

- Здесь, - отзвался цензор.
- Кто еще сек Семенова?
- Я не знаю... меня.,.
- Что? - крикнул грозно инспектор.
- Меня не было в классе...

- А, тебя не было, скот этакой, в классе?.. Завтра буду сечь десятого, а начну с тебя... И тебя отпорю, - сказал он Гороблагодатскому, - и тебя, сказал он Хорю. Потом инспектор указал еще на несколько лиц. Гороблагодатский грубовато ответил:

- Я не виноват ни в чем...
- Ты всегда виноват, подлец ты этакой, и каждую минуту тебя драть следует...
- Я не виноват ни в чем...
- Ты грубить еще вздумал, скотина? - закричал инспектор с яростью.

Гороблагодатский замолчал, но все-таки, стиснув зубы, взглянул с ненавистью на инспектора.

Выругав весь класс, инспектор отправился домой. На товарищество напал панический страх. В училище бывали случаи, что не только секли десятого, но секли поголовно весь класс. Никто не мог сказать наверное, будут его завтра сечь или нет. Лица вытянулись; некоторые были бледны; двое городских тихонько от товарищей плакали: что, если по счету придется в списке инспектора десятым?.. Только Гороблагодатский проворчал: "не репу сеять!" и остервенился в душе своей, и с наслаждением смотрел на Тавлю, который не мог ни стать, ни сесть после экзекуции".

Наказание солдата розгами один писатель описывает так: "Вместе с батальоном был выведен на плац и Грицько Блоха. Он стоял за второй шеренгой на левом фланге 8-ой роты. Руки его бессильно висели по обеим сторонам туловища, голова далеко ушла в плечи, глаза жалко смотрели исподлобья; полусогнутые плечи с упавшей грудью довершали жалкую, бедную фигуру Грицька. При объезде батальона командиром Грицько старался принять бравый вид и "зверем" смотрел на начальство, но у него из этого ничего не Вышло. Он тоже было начал отвечать на приветствие командира, но из его горла вылетели первые два-три звука, а потом горловые связки отказались повиноваться.

Когда батальон, по команде своего командира, образовал квадрат, то Грицько очутился в середине его.

- От каждой роты по человеку, - громко скомандовал батальонный командир. Четыре заранее выбранные солдата вышли вперед и подошли к Грицько. Грицько еще ниже опустил голову на грудь и, изредка вздыхая, нервно вздрагивал.

- Розги готовы? - прокричал кому-то командир. Грицько вздрогнул, осмотрелся и застыл в позе человека, ожидающего удара.

- Точно так, ваше высокоблагородие! - ответил кто-то, громко отчеканивая каждое слово.

- Выноси же, чего ждешь! Экие остолопы, - продолжал не то кричать, не то командовать командир.

Какой-то солдат далеко не солдатским шагом тащил на плечах довольно толстый пук прутьев.

- Как идешь? Тверже ногу... раз, два... тверже ногу... Как держишь подбородок... выдерживай такт. Солдат старался принять к сведению и руководству весь этот набор приказаний, но нога отказывалась повиноваться, подбородок не убирался назад и, чем ближе подходил солдат к тому месту, где находился Грицько, тем больше выходил из себя батальонный командир.

Четыре солдата, стоявшие вблизи Гринько, тоже держали себя не так, как это подобает их солдатскому званию. Солдаты бросали взгляды по сторонам, искоса посматривали на Грицько и часто "поддавали" ступни ног.

- Как стоишь? - вдруг набросился командир, увидя жалкую, беспомощную фигуру Грицько, который при приближении солдата, несущего розги, еще более съежился.

- Смирно! - заорал батальонный, подлетел к самому его уху.

- У, баба! Шкодить умеешь, а как дошел до дела - испугался. Эх ты, паршивая сволочь. Выше голову! Смотри "зверем", смотри молодцом! Так! кричал командир над самым ухом Грицько, держа перед его лицом здоровый кулак. Опытный глаз старого вояки давно подметил, что вызванные солдаты и особенно Грицько теряют обычную стойкость и выдержанность; его и это выводило из себя.

Грицько старался превратиться в "молодца". Он поднял голову, убрал подбородок, выпрямил грудь, подобрал живот, расправил руки, но все это ему очень плохо удавалось. "Что-то" давило его и "что-то" превращало его в бабу, и он никак не мог совладать с собой.

- Да как ты смотришь? Смотри веселей, - продолжал орать батальонный командир.

Постарался, было, Грицько посмотреть "веселей", вскинул на своего командира глаза, но они, кроме горя и страдания, ничего не выражали. Это окончательно вывело командира из себя, и на голову Грицько посыпался ряд ударов здоровенных кулаков.

После того, как Грицько, по мнению командира, стал "веселый", он обратился к батальону:

- Смирно! Батальон, на пле-чо!

Батальон дружно, отчетливо исполнил команду и продолжал стоять, держа "на плечо".

Началось чтение приказа и постановление суда относительно наказания Грицько Блохи. По окончании чтения приказа батальон взял "к ноге".

- Ну, ложись, чего стоишь? - обратился командир к Грицько.

Грицько, еле переводя дыхание, сбросил шинель и остался в одном нижнем белье. Шинель была разостлана во всю ширину, и Грицько стал спускать подштанники... Руки у него дрожали, и пальцы никак не повиновались. Кое-как справившись с этим делом, Грицько задрал рубаху, обнажил тело, перекрестился и довольно решительно опустил на шинель. Лицо его перекошилось, худые обнаженные ноги дрожали, точно его сильно била лихорадка. Батальон оставался неподвижным.

Что волновало людей этого батальона, я не знаю. Чувства, одушевлявшие их как людей, скрыты были за солдатским мундиром, и их лица оставались бесстрастными, точно каменные. Дисциплина сковала у них способность отзываться на такие впечатления.

Обнаженное тело Грицько лежало на шинели, все туловище продолжало нервно вздрагивать. Ожидание было мучительно.

- Садись на ноги, а ты на плечи, - приказал командир двум солдатам, раньше вызванным из батальона. Солдаты уселись, придавив тяжестью своих тел ноги и грудь Грицько, Грицько вцепился зубами в руки и... замер.

- Начинай, а ты считай! - отдал командир приказание двум солдатам, оставшимся стоять.

Один из солдат взял розги в руки и бессмысленно смотрел куда-то вперед, а другой переминался с ноги на ногу и, видимо, не знал, что ему делать. Оба они были бледны, а по серьезным лицам можно было судить, что они в эту минуту переживают нечто очень сложное.

- Ну!..

- Раз! - как-то неестественно громко вскрикнул солдат, на обязанности которого лежало считать.

Розга взвилась вверх, застыла на одну секунду в пространстве и, сильно рассекая воздух, изгибаясь в руках солдата, точно змея, опустилась на тело Грицько и... впилась. Тело Грицько вздрогнуло, концы ног, оставшиеся свободными, сделали конвульсивное движение, зубы, впившиеся в руку, оторвались от посиневшей кожи, голова неестественно быстро поднялась вверх и тотчас опустилась к земле с перекошенным от боли лицом. Раздался болезненный стон. На теле остался красно-багровый след.

- Два! - тонким фальцетом как-то в бок продолжал считать солдат.

- Выждидай команду! - строго прокричал старый командир, завидя, что солдат, секущий Грицько, незадолго до команды "два" приподнял розгу вверх.

Розга снова поднялась вверх и снова опустилась. Грицько не выдержал, из груди его вырвался наболевший стон, перешедший в крик.

- О, мама! - на шож ты породила меня на Божий свит! Мамо! Мамо!

- Молчать, баба! - с презрением кричал командир. - Меняй розгу после каждого удара, да смотри, не закрывай глаз... мерзавец! - обратился командир к тому, кто сек. Солдат переменял розгу и, глубоко дыша, расставив ноги, с испугом смотрел на два красно-багровые следа.

Напряженные, внимательные лица двух солдат, сидевших на туловище Грицько, с устремленными в одну точку глазами, говорили о том, с каким ужасом и отвращением они следили за тем, что делал каждый удар, и болезненно ждали следующего...

- Три!..

И опять то же, но с некоторой разницей. При первых двух ударах рука, опускавшая розгу, быстро отделяла ее от тела, теперь она этого не сделала. Лицо солдата, производящего удары, сделалось теперь более бесстрастным. Розга впилась в тело, показалась кровь. Грицько охватила теперь нечеловеческая боль, и он во всю силу своих легких заорал:

- Оксано! Оксано!.. Мамо, мамо! О, мамочко моя!..

- Четыре!.. Пять!..

Розга делала свое дело. Кровь лилась ручьями, покрыв собою сине-багровые следы. Грицько после нескольких ударов перестал звать к матери, этой утешительнице и страдальнице всяких скорбей своих детей. Крик "мамо!", "мамо!" перешел теперь в хрип.

Да! в этот ужасный момент ни одна мать не выстояла бы. Она бросилась бы, как львица, к своему детищу и старалась бы защитить своим старым телом тело своего сына и, быть может, тронула бы сердца этих людей.

Солдаты, производившие экзекуцию, "свято" исполняли свой долг. Им приказали сечь человека, своего же брата-солдата, они секли. Никому из них не могла бы прийти в голову мысль не исполнить приказание своего начальства. Другим приказано было стоять "смирно" во время этой казни и любоваться зрелищем, и они стояли "смирно". Никому: ни солдатам, ни офицерам, не могла прийти в голову мысль, насколько была позорна и бесчестна роль бесстрастных и пассивных зрителей этого злостного и позорного мучения. Никому из них не приходила в голову мысль, что им, быть может, когда-нибудь придется, вместе с опозоренным и обесчещенным ими же Грицько, защищать и проливать кровь за "царя и отечество" от какого-нибудь врага!..

Один солдат продолжал считать, другой сечь, два других сидеть на теле Грицько. Грицько!.. Ему было больно, нечеловечески больно. Он, в конце концов, перестал кричать. Он не в силах был даже криком ослабить впечатление, а только хрипел и корчился, извиваясь под ударами розог.

- Сто!.. - прокричал в последний раз солдат и облегченно вздохнул...

Розга в последний раз взвилась в воздухе и тяжело опустилась на тело Грицько! Рука солдата, от непривычного движения, одеревянела, и ему пришлось делать усилие, чтобы поднимать ее каждый раз. В последний раз розга после удара вылетела из его руки, и солдат сконфуженно смотрел вокруг.

- Ну, вставай! - скомандовал командир.

Грицько с трудом поднялся. Ему было больно, стыдно. Еле застегнув штаны, накинув на себя шинель, бледный, с страдающим лицом стоял Грицько. Что он думал, да думал ли он вообще что-нибудь в этот момент?!

- Ну, ступай в казарму, да будь молодцом у меня. Смотри!.. - пригрозил командир.

Грицько хотел, было, повернуться по всем правилам выучки, но у него вышло это вяло, неуклюже...

- Как ворочаешься! - не удержался и в этот раз командир, заметив неловкость поворота.

- Раз!.. Два!.., тверже ногу! - кричал ему старый вояка.

Грицько шел, точно пьяный, и два солдата, бывшие при нем в качестве конвоя, старались его поддерживать, но делали это так, чтобы этого не заметил командир..."

Батальон, по команде своего командира, разошелся в казармы; туда направился и Грицько Блоха, где и затерялся в серой солдатской массе.

Сделался ли Грицько "молодцом" или он не пережил такого поругания, а наложил на себя руки, или как-нибудь свихнулся? - этот вопрос никого не мог интересовать!..

Вот как другой писатель описывает наказание солдата палками.

"Мы ночевали у 95-летнего солдата, он служил при Александре I и Николае.

- Что, дедушка, умереть хочешь?

- Умереть? Еще как хочу! Прежде боялся, а теперь об одном Бога прошу: только бы покаяться, причаститься привел бы Бог. А то грехов много.

- Какие же грехи?

- Как какие? Ведь я когда служил? При Николае! Тогда разве такая служба была, как нынче? Тогда что было? У! Вспоминать, так ужас берет. Я еще Александра застал. Того Александра хвалили солдаты, говорили - милостивый был.

Я вспомнил последние времена царствования Александра, когда из 100 человек 20 забивали насмерть.

- А мне довелось при Николае служить, - сказал старик и тотчас же оживился и начал рассказывать:

- Тогда что было? Тогда на 50 розог и порток не снимали, 150, 200, 300... насмерть запарывали!

Говорил он и с отвращением, и с ужасом, и не без гордости о прежнем молодечестве. А уж палками - недели не проходило, чтобы не забивали насмерть человека или двух из полка. Нынче уже и не знают, что такое палка, а тогда это словечко со рта не сходило. "Палки, палки!"

- Так вот, как вспомнишь про то время, - продолжал старик, - да век-то отжил, помирать надо, - как вспомнишь, так и жутко станет.

Много грехов на душу принято. Дело подначальное было. Тебе всыпят 150 палок за солдата (старик был унтер-офицером и фельдфебелем, а теперь кандидатом), а ты ему 200. У тебя не заживет от того, а ты его мучаешь - вот и грех.

Унтер-офицеры до смерти убивали солдат молодых. Прикладом или кулаком свиснет в какое место нужное, - в грудь или в голову, - он помрет. И никогда взыску не было. Помрет от убоя, а начальство пишет: "Властью Божию помре". И крышка! А тогда разве понимал это? Только о себе думаешь. А теперь, вот, ворочаешься на печке, ночь не спится, все думается, все представляется; хорошо, как успеешь причаститься по закону христианскому, да простится тебе, а то ужас берет. Как вспомнишь все, что сам терпел, да что от тебя терпели, так и аду не надо: хуже ада всякого...

Я живо представил себе то, что должно вспоминаться в его старческом одиночестве, этому умирающему человеку, и мне вчуже стало жутко. Я вспомнил про те ужасы, кроме палок, в которых он должен был принимать участие. Про загоняние насмерть сквозь строй, про расстреливание, про убийство и грабежи городов и деревень на войне (он участвовал в польской войне), и я стал расспрашивать его про то. Я спросил его про гоняние сквозь строй.

Он рассказал подробно про это ужасное дело. Как ведут человека, привязанного к ружьям, между поставленными улицей солдатами со шпирцутенскими палками, как все бьют, а позади солдат ходят офицеры и покрикивают: "Бей больней!" "Бей больней!" - прокричал старик начальническим голосом, очевидно не без удовольствия вспоминая и передавая этот молодечески начальнический тон.

Он рассказал все подробности без всякого раскаяния, как бы он рассказывал о том, как бьют быков и свежую говядину. Он рассказывал о том, как водят несчастного взад и вперед между рядами, как сначала видны кровавые рубцы, как они перекрещиваются, как понемногу рубцы сливаются, выступает и брызжет кровь, как летит клочьями окровавленное мясо, как оголяются кости, как сначала еще кричит несчастный, потом только охает глухо с каждым шагом и с каждым ударом, как потом затихает, и как доктор, для этого приставленный, подходит, ощупывает пульс, оглядывает и решает: можно ли еще бить

человека, не убив до смерти, или надо подождать и отложить до другого раза, когда заживет, чтобы можно было начать мучение сначала и добить то количество ударов, которое какие-то звери решили, что надо ему дать. Доктор употребляет свое знание на то, чтобы человек не умер прежде, чем не вынесет всех мучений, которые может вынести его тело.

Как его, когда он не может больше ходить, кладут на шинель ничком и с кровавой подушкой во всю спину несут в госпиталь вылечивать, с тем, чтобы, когда он вылечится, добавить ему ту тысячу или две палок, которые он недополучил и не вынес сразу. Рассказывал, как они просят смерти, и им не дают ее сразу, а вылечивают и бьют другой, иногда третий раз. И он живет и мечется в госпитале, ожидая новых мучений, которые доведут его до смерти. И его ведут второй или третий раз и тогда уже добивают до смерти. И все это за то, что человек или бежит из полка, или имеет мужество, смелость или самоотвержение жаловаться за своих товарищей на то, что их дурно кормят и начальство крадет их паек.

Он рассказывал все это, и, когда я старался вызвать его раскаяние при этих воспоминаниях, он сначала удивился, а потом испугался.

- Нет, - говорит, - это что ж, это - по суду! В этом я разве причинен? Это по закону.

То же спокойствие и отсутствие раскаяния было у него и по отношению к военным ужасам, в которых он участвовал и которых много видел и в Турции, и в Польше.

Он рассказывал об убитых детях, о смерти голодом и холодом пленных, об убийстве штыком молодого мальчика-поляка, прижавшегося к дереву. И когда я спросил его, не мучает ли его совесть за эти поступки, он уже совсем не понял меня. Это - на войне, по закону, за царя и отечество. Это - дела не только не дурные, но такие, которые он считает доблестными, добродетельными, искупающими его грехи. Мучают его только личные дела, когда он, будучи начальником, бил и наказывал людей. Эти дела мучают его совесть; но для очищения себя от них у него есть спасение: это причастие, которое он надеется успеть принять перед смертью, и о чем он просил племянницу. Племянница обещает, понимая важность этого, и он спокоен.

То, что он разорял, губил не повинных ничем детей и женщин, убивал людей пулею и штыком, * то, что сам засекал, стоя в строю, насмерть людей и таскал их в госпиталь и опять назад на мучение, - это все не мучает его: это все как будто не его дела. Это все делал как будто не он, а кто-то другой.

Что было бы с этим стариком, если бы он понял то, что так ясно должно бы было быть ему, стоящему на пороге смерти, что между ним, его совестью и Богом, как теперь, накануне смерти, нет и не может быть никакого посредника, так и не было и не могло быть и в ту минуту, когда его заставляли мучить и убивать людей? Что бы с ним было, если бы он понял теперь, что нет ничего искупающего то зло, которое он сделал людям, когда он мог не делать его? Если бы он понял, что есть один вечный закон, который он всегда знал и не мог не знать, закон, требующий любви и жалости к людям? Страшно подумать о том, что представлялось бы ему в бессонные ночи на печке, и каково было бы его отчаяние, если бы он понял то, что, когда он имел силу делать добро и зло людям, он делал одно зло? Что, когда он понял, в чем зло и в чем добро, он уже ничего не может делать, как только бесполезно мучиться и каяться? Мучения его были бы ужасны!

- Так зачем же и желать мучить его? Зачем мучить совесть умирающего старика? Лучше успокоить ее! Зачем раздражать народ, вспоминать то, что уже прошло!

Прошло? Что прошло? Разве может пройти то, чего мы не только не начинали искоренять и лечить, но то, что боимся назвать по имени? Разве может пройти жестокая болезнь только от того, что мы говорим, что она прошла? Она не проходит и не пройдет никогда и не может пройти, пока мы не признаем себя больными. Для того, чтобы излечить болезнь, надо прежде признать ее. А этого-то мы и не делаем. Не только не делаем, но все усилия наши употребляем на то, чтобы не видеть, не называть ее.

А болезнь не проходит, а только видоизменяется, въедается глубже в плоть, в кровь, в кости. Болезнь в том, что люди, рожденные добрыми, кроткими, люди, освещенные христианской истиной, люди со вложенными в их сердце любовью, жалостью к людям,

совершают - люди над людьми - ужасающие жестокости, сами не зная, зачем и для чего. Наши русские люди, кроткие, добрые, проникнутые духом учения Христа, люди, кающиеся в душе о том, что словом оскорбляли людей, что не поделились последним с нищим и не пожалели заключенных, - эти люди проводят лучшую пору жизни в убийстве и мучительстве своих братьев, и не только не каются в этих делах, но считают эти дела или доблестью или, по крайней мере, необходимостью, такую же неизбежную, как пища или дыхание. Разве это не ужасная болезнь? И разве не лежит на обязанности каждого делать все, что он может, для исцеления ее, и первое-главное - указать на нее, признать, назвать ее ее именем.

Старый солдат провел всю свою жизнь в мучительстве и убийстве других людей. Мы говорим: зачем поминать? Солдат не считает себя виновным, и те страшные дела - палка, сквозь строй и другие - прошли уже; зачем поминать старое: теперь уже этого нет больше!

Как зачем вспоминать? Если у меня была лихая болезнь или опасная, трудно излечимая, и я избавился от нее, я всегда с радостью буду поминать. Я не буду поминать только тогда, когда я болею и все тяжело болею, и еще хуже, и мне хочется обмануть себя. Только тогда я не буду поминать. И мы не поминаем только оттого, что мы знаем, что мы больны все так же. ч

Зачем огорчать старика и раздражать народ?! Палки и сквозь строй-все это уже давно прошло. Прошло? Изменило форму, но не прошло.

Во всякое прошедшее время было то, что мы вспоминаем не только с ужасом, но и с негодованием. Мы читаем описания праведней, сжиганий за ереси, пыток, военных поселений, палок и гонаний сквозь строй, и не столько ужасаемся перед жестокостью людей, но не можем себе представить даже душевного состояния тех людей, которые это делали. Что было в душе человека, который вставал с постели, умывшись, одевшись в боярскую одежду, помолившись Богу, шел в застенок выворачивать суставы и бить кнутом стариков, женщин и проводил за этим занятием свои обычные пять часов, как теперешний чиновник в сенате; ворочался в семью и спокойно садился за обед, а потом читал священное писание? Что было в душе тех полковых и ротных командиров (я знал одного такого), который накануне с красавицей танцевал мазурку на бале и уезжал раньше, чтобы на завтра рано утром распорядиться прогонянием насмерть сквозь строй бежавшего солдата-татарина, засекал этого человека и возвращался обедать в семью? Ведь все это было и при Петре, и при Екатерине, и при Александре, и при Николае. Не было времени, в которое бы не было тех страшных дел, которые мы, читая их, не можем понять. Не можем понять того, как могли люди не видеть тех ужасов, которые они делали, не видеть, если уж не зверской бесчеловечности тех ужасов, то бессмысленности их. Во все времена это было. Неужели наше время такое особенно счастливое, что у нас нет таких ужасов, нет таких поступков, которые будут казаться столь же непонятными нашим потомкам? Такие же дела, такие же ужасы есть, мы только не видим их, как не видели ужаса своих ужасов наши предки. Нам ясна теперь не только жестокость, но и бессмысленность сжигания еретиков и пыток судейских для узнавания истины. Ребенок видит бессмысленность этого. Но люди того времени не видели этого. Умные, ученые люди утверждали, что пытки необходимое условие жизни людей, что это тяжело, но без этого нельзя. То же с палками, с рабством. И прошло время, и нам трудно представить себе то состояние людей, при котором возможно было такое грубое заблуждение. Но это было во все времена, поэтому должно быть и в наше время, и мы должны быть также ослеплены на счет наших ужасов.

Где наши пытки, наше рабство, наши палки? Нам кажется, что их нет, что это было прежде, но теперь прошло. Нам кажется это оттого, что не хотим понять старого и старательно закрываем на него глаза.

Но если мы взглянем в прошедшее, нам откроется и наше настоящее положение и причины его.

Если мы не будем говорить: зачем поминать, а посмотрим внимательно на то, что делалось прежде, то мы поймем и увидим то, что делается теперь.

Если нам ясно, что нелепо и жестоко рубить головы на плахе и узнавать истину от

людей посредством выворачивания их костей, то так же ясно станет и то, что так же, если еще не более, нелепо и жестоко вешать людей или сажать их в одиночное заключение, равное или худшее смерти.

Если мы только перестанем закрывать глаза на прошедшее и говорить: зачем поминать старое? - нам ясно станет, что в наше время есть точно такие же ужасы, только в новых формах.

Мы говорим: все это прошло; прошло, и теперь уже нет пыток, нет рабства, нет забиваний насмерть палками и др. - Но ведь это только так кажется! Триста тысяч человек в острогах и арестантских ротах сидят запертые в тесных вонючих помещениях и умирают медленной телесной и нравственной смертью. Жены и дети их брошены без пропитания, а этих людей держат в вертепах разврата, острогах и арестантских ротах!

Не нужно иметь особой проницательности, чтобы видеть, что в наше время полно теми же ужасами, теми же пытками, которые для следующих поколений будут так же удивительны по своей жестокости и нелепости. Болезнь все та же, и болезнь не тех, которые пользуются этими ужасами. Пускай бы они пользовались в 100 и в 1000 раз больше. Пускай устраивали бы башни, театры, балы, обирали бы народ, только бы они делали это сами, только бы они не развращали народ, не обманывали его, заставляя его участвовать в этом, как старого солдата". С

ГРУСТНАЯ ИСТОРИЯ МОНАШЕНОК В М.

В конце шестнадцатого столетия большая ветвь греческой церкви отделилась от ортодоксальной или государственной и перешла под именем "Соединенной греческой церкви" в лоно римско-католической веры. И так как правительству необходимо было во что бы то ни стало поскорее устранить возникший раскол, то был пущен в ход обычный механизм преследований, угнетений и прочего.

Против католиков были обнародованы различные узаконения, которые в конце концов и достигли желаемой цели. В 1839 году все униаты, как один человек, подписали отмену прежнего решения и возвратились к ортодоксальной церкви. Среди прочих, подписавших упомянутую только что отмену, находился епископ С., который, чтобы доказать на деле свой религиозный пыл, взялся за обращение монашенок города М. Сначала епископ этот пустил в ход проповеди, но когда увидел, что последние решительно никакого впечатления не производят, он с отрядом солдат подошел к монастырю и предложил монахиням либо перейти в новую веру, либо последовать в дальнюю ссылку. Монахини избрали последнее. Вскоре их повели через город; Жители следовали за ними и горькими слезами оплакивали судьбу несчастных женщин, которые успели во время пребывания своего в монастыре оказать множество услуг и благодеяний. За городом монахинь сковали попарно цепями, и, закованные по рукам и ногам в кандалы, ярые фанатички брели семь дней пешком до города В, где в качестве прислужниц были заточены в монастырь черных монахинь, представляющих собою в огромном большинстве случаев солдатских вдов. Там вновь прибывшие встретили и других монахинь-католичек, точно так же предназначенных для выполнения всех черных работ. После первых двух месяцев пребывания была устроена первая экзекуция монахинь города М., причем со стороны упомянутого выше епископа С. последовало распоряжение, в силу которого упорные женщины должны были подвергаться порке два раза в неделю и получать каждый раз по пятидесяти ударов. Наказание производилось в помещении, напоминающем собою сарай, в присутствии дьяконов, священников, детей, монашенок и всех обитателей монастыря вообще. Нередко со спин жертв свешивались полосы кожи и мяса, а после экзекуции пол монастыря увлажнялся кровью несчастных женщин. Но они не жаловались и не плакали, а только усердно молились в глубине души. Дело происходило зимой, а так как никакого топлива им не полагалось, то бедняги буквально коченели, а раны их - следствие четырех экзекуций - подвергались серьезному воспалительному процессу. После одной из порок, отправляясь на обычные работы, одна из монашенок лишилась чувств и без сознания повалилась на пол. Ее били до тех пор, пока она не пришла в себя; но при первой же попытке свезти мусор на тачке

несчастная снова упала и испустила дух. Другую монашенку из этой же партии живьем сожгли в печи, третью настоятельница монастыря поленом избивала до смерти за то, что она соскоблила со скамьи пятно ножом, что составляло проступок против орденских правил. Четвертая умерла под плетью, на пятую обрушилась "случайно" груда дров, за которой стояла одна из черных монахинь. Против тех, которые все-таки оставались преданными своей вере, применялись вновь изобретенные пытки. Одна из них заключалась в следующем. Монашенку заставляли приносить из реки воду; причем приказывали, чтобы медный сосуд, предназначенный для этой цели, она всю дорогу несла в совершенно вытянутой руке.

Река была далеко от монастыря, и очень часто несчастные женщины не были в состоянии нести кувшин так, как было приказано. Стоило только чуть согнуть руку, как следовавшие позади черные монашенки хлестали провинившуюся плетью, выливали из кувшина воду на голову своей жертвы и заставляли снова отправляться на реку за новой порцией.

После двухлетнего пребывания при столь тяжелых условиях в В. их неожиданно перевезли в город П., где их ожидало еще больше работы и мучений. При постройке дворца для епископа С. их заставляли исполнять самые тяжелые мужские работы; говорить нечего о том, что обращение с несчастными было ниже всякой критики, и этому, больше чем чему-либо другому, многие из них были обязаны тем, что вскоре после пребывания в П. отправились в тот мир, где нет ни печали, ни вздыханий.

Однажды утром на стенах монастыря была усмотрена надпись:

"Здесь не монастырь,
А каторга и галеры".

Решено было, что надпись эта сделана монахинями из М., которых подвергли такой жестокой порке, что две из них скончались во время экзекуции.

Такое жалкое существование несчастные влачили несколько лет кряду, и в 1845 году только четыре из всех "преступниц" в состоянии были волочить ноги. Из остальных некоторые ослепли, некоторые были изуродованы, большинство же умерло. Упомянутые только что четыре монашенки были приговорены к отправке в дальнюю ссылку на север, но, воспользовавшись тем, что во время какого-то праздника сторожа напившись до бесчувствия, - убежали. В 1845 году они перебрались за границу и под присягой рассказали о страданиях и муках, перенесенных всеми монахинями города М. со времени преследования их со стороны епископа С.

ФЛАГЕЛЛЯЦИЯ В АФРИКЕ

Наказание плетью и розгами распространено почти на всем протяжении Африки. О применении этих инструментов в древнем Египте мы уже упоминали выше, но и теперешние египтяне твердо убеждены в непреложности восточной пословицы: "Палка явилась с неба, как благословение Господа Бога", на основании чего правители страны щедрой рукой рассыпают среди своих верноподданных удары направо и налево. Правильное поступление податей в Африке положительно немислимо без того, чтобы в широких размерах не применять бастонады, и всякий египтянин только стыдится, если на теле у него не имеется следов перенесенной экзекуции: он с своей стороны сделал, значит, все возможное, чтобы дольше водить за нос сборщиков податей, и только силой ударов вытянуть с него следуемые деньги...

В 1828 году в Каире одного копта доставили к уполномоченному султана с обвинением в уклонении от уплаты податей. В свое оправдание несчастный ссылался на отсутствие каких бы то ни было средств, причем жалкие отрепья, висевшие на его исхудалом теле, красноречиво говорили в пользу неисправного плательщика. Тем не менее его тут же повалили на землю и угостили солидной бастонадой. Душераздирающие крики несколько не помогли, и палка продолжала то подниматься, то снова опускаться на тело бедняги. Под конец боль стала до того невыносимой, что избиваемый обещал уплатить подать. Только после этого палач был остановлен, и копта в сопровождении солдата отправили домой. Но жена встретила его далеко не ласково. "Дурачина ты, простофиля! - закричала она на мужа. -

Чуть только спросили у тебя деньги, - ты уже и рад стараться! Извольте, мол; всего-то получил, наверное, каких-нибудь пять-шесть ударов! Стыдись, тряпка! В будущем году тебя заставят платить налогу вдвое больше". "Дорогая моя! - ответил измученный муж, - верь мне, что я терпел столько, сколько мог. Посмотри только, в каком состоянии нахожусь я! Правда, деньги я вот уплатил, но много труда стоило им добиться этого, ибо мне досталось, по крайней мере, сто ударов".

Жена после этого успокоилась, а выраженные ею сострадание и похвала, а также и сознание доказанного мужества и выносливости заставили забыть о боли и, быть может, о потере уплаченных денег.

Впрочем, в Африке наказуются бастонадой не только плательщики, но и сами сборщики податей, а также и шейхи деревень, являющиеся ответственными за добросовестное выполнение общественных работ. И эти зачастую извиваются под ударами дубинки.

Применяемые при телесных наказаниях плети изготавливаются в Африке из полос кожи носорога и в руках опытного палача являются страшным оружием.

Молодые египтяне еще в школьный период знакомятся со всеми "прелестями" бастонады. Один из путешественников в разговоре со школьным учителем в Каире заметил ему, что часто и много слышал о бастонаде, но ни разу ему не пришлось присутствовать при экзекуции. "Сейчас можете лицезреть эту картину", - сказал учитель, схватил первого попавшегося взрослого ученика и избил его с чисто восточным умением. "Какое преступление совершил этот мальчик?" - спросил путешественник. "Никакого преступления он не совершал, но ведь вы выразили желание видеть, как у нас наказывают!"

Особенно усердно применяется розга в южных частях Африки; здесь секут туземцев, секут пришлый элемент, секут в домах, секут по суду. Всякое представление об идеальной красоте зиждется здесь на чрезмерной тучности, а для достижения последней принцессы крови воспитываются исключительно на молоке. Шпеке рассказывает, что ему пришлось видеть дочь короля с привязанным ко рту сосудом с молоком, в то время как отец принуждал ее пить молоко с помощью розги. Далее автор этот говорит, что все распоряжения короля должны рассматриваться как благодеяния и подобающим образом приниматься к исполнению, будь то денежные взыскания или же телесные наказания.

Наказания в Мускате и Занзибаре иначе, как варварскими, назвать нельзя. Вору либо рубят руку, либо по шею зарывают в песок на берегу так, чтобы волны постоянно могли хлестать его. Арабы обращаются со своей прислугой чрезвычайно строго и тяжело наказывают за каждый проступок. Чтобы понудить слугу проворней исполнить поручение, господин его плюет на землю и говорит: "Если здесь будет сухо прежде, чем ты возвратишься, я велю выпороть тебя". В южной Африке у кафров и бетшванов существует праздник, заключающийся в бичевании, напоминающем собою избиение спартанских юношей пред алтарем Дианы. Доктор Ливингстон присутствовал на таком празднестве и рассказывает о нем следующее.

Уже с раннего утра все мальчики, имеющие принять участие в торжественной церемонии, выстраиваются в ряд; все они раздеты догола и только в руках держат нечто наподобие сандалий. Против них размещаются все мужчины данного города, точно так же в адамовом виде, вооруженные длинными тонкими прутьями из гибкого дерева, известного под именем тогейоа. Мужчины начинают отплясывать танец Коха, задавая при этом мальчикам вопросы: "Будете ли вы почитать своих начальников? Будете ли вы добросовестно сторожить стада свои?" И в то время, как мальчики отвечают на эти вопросы утвердительно, мужчины набрасываются на них, и каждый выискивает себе жертву, которой и наносит удар прутком. Мальчики защищают свою голову руками, и удары обыкновенно приходятся на спину. Нередко кровоточащие раны достигают восемнадцати дюймов в длину, и рубцы их остаются на всю жизнь. Это "избиение младенцев" называется закалыванием мальчиков, способствующим хорошему физическому воспитанию будущих воинов. И как только кому-нибудь из них удается убить носорога, его считают уже мужчиной и разрешают

вступать в брак.

Если сын какого-либо начальника племени достигнет четырнадцатилетнего возраста, то все остальные мальчики такого же возраста назначаются товарищами родовитого юноши, причем за ними учреждается особый надзор. В отдаленном уголку леса для них строят особые хижины, в которых мальчики и помещаются. Время от времени их навещают умудренные опытом старики, обучают их танцам и посвящают во все тайны африканской политики и управления страной. Каждый из юношей должен выучить какую-либо речь и уметь произносить ее плавно и бегло. Подобное воспитание проводится с соблюдением беспрекословной строгости, и розга при этом играет далеко не последнюю роль. Еще много лет спустя на спинах товарищей принца крови можно заметить красноречивые следы минувших истязаний. Когда сын правителя достигает совершеннолетия, ему передается верховное командование всеми войсками племени. Между юношами существует самая тесная связь, и все они обращаются к сыну повелителя на "ты", считая его и друг друга товарищами.

В западной Африке с розгой также приходится считаться везде и повсюду; она приобрела здесь права гражданства как среди туземцев, так и между пришлым элементом. Первые миссионеры, появившиеся в Конго, были католические патеры, и они-то и привезли с собой систему покаяния в грехах путем истязаний и самобичеваний. По странной случайности, туземцы отнеслись к этому способу чрезвычайно радушно и ревностно. В законах жителей, населяющих западную часть Африки, плеть также пользуется солидным весом. За грабежи или порчу полей с давних пор виновный принуждался к основательной порке. Уличив жену в неверности, муж пользовался правом прогнать неверную, но сначала хорошенько "проучить" ее палкой. Это право распространялось также и по отношению к соблазнителью. Если жены ссорились между собой, то муж пользовался решающим голосом и нередко подкреплял свои заключения хорошей порцией розог. Если со стороны жены поступает жалоба на то, что муж наказал ее безвинно и отдал почему-то предпочтение другим женам, то дело доходит обыкновенно до суда. Но так как судьи в огромном большинстве случаев сами люди женатые, то чаще всего жалобница признается сама виновной, а претензия ее - необоснованной; в случае же неудовольствия обвинительницы по поводу состоявшегося решения, дело быстро улаживается с помощью волшебной палки мумбо-юмбо...

Хотя в западной Африке детей вообще редко наказывают розгой, тем не менее им приходится частенько переносить более тяжелые наказания. Обычный прием при этом - втирание в глаза перца, и многие из непослушных знают всю "прелесть" такого наказания. Операция происходит при душераздирающих криках и воплях трепещущих в руках своих палачей жертв. Остается только удивляться, каким образом сохраняется у них зрительная способность.

В Сиерра-Лионе, расположенной в западной части Африки, для отпущенных на волю рабов учреждена колония, в которой плеть и телесные наказания вообще занимают очень почетное место. А так как там существует твердое убеждение, что "черные" без колотушек не работают, то нетрудно себе представить, насколько часты и грандиозны экзекуции в Сиерра-Леоне. Несчастных заставляют носить на своей голове тяжелые кирпичи, строительный лес, железные полосы и прочий материал, употребляющийся при постройке бараков. Такую непомерную тяжесть приходится таскать с берега моря на вершину горы, что составляет расстояние в полторы английские мили. Работать заставляют негров с раннего утра до позднего вечера, и стоит только кому-либо из нескольких надсмотрщиков заметить, что тот или иной негр делает свое дело не так прилежно, как требуется установленными варварскими правилами, как немедленно же раздастся повторный свист бича. И даже один миссионер увлекся как-то до того, что до смерти засек провинившегося в чем-то мальчика, причем еще в 1827 году за всякое нарушение законов официально полагалось телесное наказание. Приговоренных к экзекуции привязывали к позорному столбу или к тачке и били либо плетью, либо "кошкой" о десяти хвостах, а если эти "свободные граждане Африки" не

успевали исполнить многочисленных обязанностей своих или же попадались в воровстве, то их попарно привязывали друг к другу спинами и заставляли в таком положении работать под надзором самых свирепых надсмотрщиков.

В своем сочинении "Двадцать лет жизни у одного из африканских работорговцев" капитан Кано описывает гарем одного из таких промышленников в Рио Понго Армонд. По его словам, жены пользуются старостью и беспечностью своих повелителей-мужей и вволю стараются доставлять себе удовольствие вне стен гарема. Случается так, что две или три из них обзаводятся одним любовником, вследствие чего возникают споры, оканчивающиеся очень часто настоящей войной, во время которой, впрочем, соперницы действуют так, что редко наносят друг другу серьезные повреждения. Мужчины также вмешиваются в обострившиеся не в меру конфликты и посылают друг другу форменные вызовы. В назначенное время дуэлянты появляются на поле чести, причем каждого из них сопровождает наиболее близкий друг, который либо оплакивает поражение своего приятеля, либо торжествует вместе с ним победу. Противники вооружаются плетью из воловьего хвоста, острые тройные ремни которой могут наносить невероятные по силе удары. Затем оба раздеваются догола и вынимают жребий; несчастный, которому приходится быть первым в роли пассивного, занимает определенное положение и готовится к восприятию заранее обусловленного количества ударов. Затем наступает очередь второго, и он также подвергается экзекуции, причем свидетели решают, кто из них во время порки вел себя мужественнее и был в состоянии выдержать "лучшие" удары с большим хладнокровием. Израненные спины остаются лучшим доказательством героизма и храбрости.

ФЛАГЕЛЛЯЦИЯ В АМЕРИКЕ

В нашем распоряжении имеется очень мало сведений о нравах коренных жителей Америки, и положительно невозможно сказать, применяются ли у них по суду телесные наказания. Мы можем только констатировать тот удивительный факт, что среди индейцев существуют самые возвышенные и идеальные мысли, о которых только может мечтать человечество. Пророчество, моление, монастырское уединение, исповедь у специально назначенного для этой цели исповедника, бессмертие души и надежда на будущее блаженство - при этом вера в волшебство и в целесообразность живой жертвы, которая приносится идолам их, - глубочайшие мысли и безотрадное суеверие-все это совмещалось у населяющих Новый Свет народов. Покаяние посредством телесного умерщвления плоти получило широкие права гражданства в Мексике, а также отчасти и в Южной Америке. У мексиканцев неожиданно появился бог, называемый Кетцалькоатль (в буквальном переводе - зеленая змея), белобородый мужчина с высоким лбом, в чужестранной одежде. Он явился законодателем самого строгого умерщвления плоти во искупление грехов; он первый начал бичевать себя колючими ветками кактуса и агавы, но в то же время запрещал подчинившимся его влиянию людям человеческое жертвоприношение. Во время пребывания его в Анагуаке здесь царило слепое повиновение, но законодатель покинул Анагуаку и отправился в пустыню Холула и управлял там народом, проявляя при этом необычайную мудрость; через некоторое время он переправился далеко отсюда, и больше о нем никто никогда ничего не слышал.

Таким образом, для нас остаются Соединенные Штаты, и здесь именно мы имеем в виду проследить развитие телесных наказаний.

Первые колонисты северных штатов принесли с собой непоколебимую веру в непогрешимость розги, а также в значительной степени и религиозную нетерпимость, вследствие которой, собственно говоря, они и покинули свою родину. Они явились основателями позорного столба, который существует и по настоящее время, сохранив за собой данное ему сначала назначение. Квакеры считаются первыми американцами, испытавшими на себе всю "прелесть" телесных наказаний; как и в Старом Свете, экзекуции сыпались на них в изобилии и производились иногда у позорного столба, иногда же применялась позорная тачка. Проповедники и радетели телесного умерщвления плоти

подвергались сильному гонению; не щадили и принадлежащих к этой секте женщин и девушек и отдавали их в руки палача, который немилосердно плетью и веревками избивал своих клиентов. Достаточно было выразить хотя бы в самой слабой степени сострадание приговоренному к телесному наказанию, чтобы самому тут же лечь под розги и быть безжалостно избитым тем же экзекутором. Кто давал у себя приют какому-нибудь квакеру, тот подвергался наказанию плетью; кто защищал квакеров или принимал от них на хранение принадлежащие им вещи, того также секли немилосердно.

В 1657 году против квакеров был опубликован следующий закон: "Кто из жителей Бостона так или иначе устроит, чтобы квакер поселился в городе, подвергнется штрафу в сто фунтов стерлингов и до уплаты этих денег заключается в тюрьму под стражу. Кто принимает у себя в доме и угощает человека, зная, что последний - квакер, платит за каждый проведенный у него гостем час штрафных сорок шиллингов и, пока не внесет этих денег, арестовывается в тюрьме. Ко всем тем, кто поучает квакеров и проповедует среди них, применяются те же законы, какие введены для лиц, приезжающих из-за границы, а именно: за первое нарушение закона, если преступник мужчина, отрезается ухо, и наказанный заключается в тюрьму до тех пор, пока не изыщет средств для того, чтобы быть отправленным из пределов колонии; уличенные во второй раз в том же преступлении подвергаются отрезанию второго уха и тюремному заключению на тех же основаниях, что и в первый раз. Если виновной окажется женщина, то она подвергается сильному наказанию розгами и всему тому, чему провинившийся в первый раз мужчина. Рецидивисты, попавшиеся в третий раз, будь то мужчина или женщина, караются просверлением языка с помощью раскаленного железа и последующим заключением в тюрьму с применением тяжелых принудительных работ до тех пор, пока на их собственный счет не явится возможность выслать их за границу".

И до сих пор в Америке применяются позорный столб и наказание розгами, применяются часто и в сильной мере, причем точка зрения ортодоксальных партий как нельзя более ярко и характерно выражена в приводимых ниже словах губернатора Плимута, который выразился так: "По моему глубокому убеждению, квакеры - это такой народ, который необходимо было бы вовсе стереть с лица земли. Ни к ним, ни к женам и детям их нельзя иметь сожаления, а тем более оказывать им милость".

В штате Делавар имеется три позорных столба: один в Довере, один в Джорджстауне и один в Нью-Кастле, причем американцы считают их лучшим карательным методом для наказания за несерьезные преступления. Одна из выдающихся в этих штатах газет в следующих выражениях расхваливает исправительное влияние, оказываемое применением наказания у позорного столба. "Если не позволит нам время и в газете не окажется достаточно места, мы будем пропускать бесполезные расхваливания целесообразного и неопределимого исправительного метода, иначе говоря - наказания у позорного столба. Успехи последнего слишком красноречиво говорят сами за себя, причем отсутствие в судебных камерах подсудимых, известных под именем "старых знакомцев", т. е. рецидивистов, идет рука об руку с ежегодным уменьшением количества совершаемых у нас преступлений вообще. Таким образом, позорная площадь и позорный столб не нуждаются в рекламе, ибо результаты прекрасного влияния их на преступников и преступниц - налицо".

Позорный столб в Нью-Кастле состоит из платформы, поднятой над землей футов на шесть; в четырех футах над ней прикреплена гвоздями доска, в которой проделано три отверстия: одно для головы и два для рук наказуемого. Доска эта устроена таким образом, что верхняя часть ее может быть, по желанию, снята, а снимают ее перед тем, как фиксируют в отверстиях голову и верхние конечности преступника, после чего ее опускают снова на место. При этом у тучных людей образуется столь значительное давление одной части на другую, что нередко возникает опасность удушения во время экзекуции. Посреди платформы устроены блоки, посредством которых подлежащие наказанию попадают наверх. Порка производится с помощью девятихвостовой "кошки" и в большинстве случаев не очень жестоко, ибо члены магистратуры стесняются, очевидно, своей ролью при наказаниях и

никогда палача не поощряют. Впрочем, на долю наказываемых не всегда выпадает подобное счастье, и местная газета сообщает, например, об одной совершенной по суду экзекуции, во время которой величие закона слишком сильно торжествовало на спинах преступников. После того как приговоренных привели на позорную площадь, начался обряд раскаяния в грехах и преступлениях. К самой экзекуции было приступлено ровно в 1 час дня. В первую голову к столбу подвели нескольких подростков-негритят, приблизительно лет пятнадцати, обвинявшихся в воровстве. Они были приговорены к 20-30 ударам, и, хотя последние заносились палачом самым добросовестным образом, юноши не издали ни единого стога, и только заметно было, с каким мужеством удерживались они от внешнего проявления болевого ощущения. Далее были наказаны несколько взрослых негров за кражу ржи, и полученные каждым из них сорок ударов особого впечатления на них, очевидно, не произвели. Затем настала очередь ирландца, который, находясь в пансионате, попался в присвоении не принадлежащих ему вещей; пока под плетью белая кожа его принимала красную окраску, несчастный кричал самым ужасным образом, надрывая душу всех присутствующих при экзекуции. Последним подошел к позорному столбу немец, уличенный также в воровстве; этот заливался горячими слезами еще до начала экзекуции, объясняя их больше всего выпавшим на его долю позором. Во время же наказания он вел себя безупречно и не издал ни одного жалобного звука.

Следующий случай, имевший место несколько лет тому назад, красноречиво говорит о том, что розга продолжает играть некоторую роль также и в американских школах.

В одной из общественных школ Кембриджа, в штате Массачусетс, молодую девушку-ученицу обвинили в ужасном преступлении: во время урока она шепотом подсказала попавшей в затруднительное положение товарке. Учительница тут же приговорила ее к наказанию розгами. Девушка сопротивлялась так сильно, что пришлось позвать на помощь смотрителя училища и двух младших учителей. Трое мужчин эти набросились на девушку и смяли ее; двое крепко держали ее руками, а смотритель вооружился кожаным ремнем и в присутствии всех учителей и учащихся школы отсчитал преступнице сорок ударов. О случае было доведено до сведения властей, смотрителя отдали под суд, но присяжные оправдали его. Комитет общественных училищ собрался на особое заседание, но в конце концов было решено поставить на происшедшей истории крест, так как телесное наказание является частью школьной дисциплины. Произошли выборы нового комитета, члены которого единогласно подписали постановление "вывести телесные наказания из обихода всех школ, находящихся в Кембридже".

ЭКЗЕКУЦИЯ РАБОВ

Лишь только история телесных наказаний коснется рабов и торговли ими, как открываются самые мрачные картины. Особенно возмутительные вещи творятся с рабами в Америке, где господствует специальная точка зрения, в силу которой держать рабов в повиновении возможно только чрезвычайной суровостью, и где рабовладельцам даровано законное право применять к своим невольникам телесные наказания. В 1740 году обнародовано было в Америке законоположение, имевшее в виду защитить интересы рабов; в нем, между прочим, говорится следующее: "В том случае, если кто-нибудь отрежет невольнику язык, выколлет ему глаза, жестоким образом обварит его кипятком, будет жечь ему тело или лишит какого-нибудь органа, либо наложит на раба тяжелое наказание, за исключением экзекуции плетью или розгами, или будет бить его кнутом, предназначенным для лошади, или дубиной, либо закует его в цепи, - тот подвергается денежному взысканию в сто фунтов стерлингов".

В своде гражданских законов Луизианы мы находим следующее место: "Раб должен вполне и беспрекословно подчиняться воле своего господина. Последнему разрешается наказывать первого, но не применять при этом особых жестокостей; вообще возбраняется причинять невольнику такие повреждения, которые сопряжены с опасностью для жизни, инвалидностью и потерей работоспособности".

Несмотря на подобные ограничения, засекания рабов до смерти являются далеко не

редкими фактами. Так, из ежедневной прессы известно, что в 1850 году, например, помещик Симон Сутер был приговорен к пятилетнему заключению в тюрьме именно за то, что после жестокого наказания один да его невольников отправился к праотцам. Экзекуция над этим несчастным негром началась с того, что он был привязан к дереву и получил солидное количество палочных ударов. Когда руки господина устали работать палкой, продолжение истязания было поручено негру и негритянке, также рабам этого не в меру жестокого американца. Затем пошли другие пытки: избитого прижигали железом, смачивали водой и посыпали красным перцем. Далее его привязали веревками к колоде и снова били палкой и каблуками. Истязания продолжались до тех пор, пока несчастный не отдал душу Богу. Привлеченный к суду и приговоренный к тюремному заключению, Сутер остался приговором недоволен и перенес дело в высшую инстанцию, которая, утвердив первоначальное решение суда, пояснила апеллятору, что ему, собственно говоря, полагалось как убийце быть приговоренным к смертной казни.

На полицию в Бостоне была возложена обязанность забирать в кутузку всех "цветных", встреченных на улице в неурочное время, или в так называемые "послеполицейские часы". Наутро таких заключенных выпускали на свободу, но предварительно отсчитывали им библейские тридцать девять ударов. Низшие полицейские чины за исполнение подобных обязанностей экзекуторов получали особый гонорар. Точно так же в полицейских управлениях производились порки тех невольников, которые являлись сюда для этой цели по приказанию своих господ с особыми препроводительными записками, в которых излагалась воля господина,

В виде доказательства необходимости применения к невольникам телесных наказаний Обенштедт рассказывает следующий анекдот. Некая дама из Нью-Йорка проводила зиму на юге и наняла для услуг невольницу; в одно прекрасное утро, когда госпожа поручила ей какую-то работу, та вздумала уклониться от выполнения. Сколько ни уговаривала ее барыня, она все кричала: "Нет, нет! Я не исполню вашего приказа! Не желаю! Принуждать вы не смеете меня! Я не боюсь даже того, что вы прикажете высечь меня!" Дама оказалась мягкосердечной, не высекла упрямыцы и не послала ее для этой цели в полицию.

В Виргинии вместо плети прибегают при телесных наказаниях к кожаному ремню и к особой палке; этим имеется в виду не обезобразить спины невольника рубцами и таким образом не обесценить его. Плеть из воловьего хвоста, бывшая прежде сильно в ходу, признана была под конец негодной, ибо она до того сильно исполосовывала кожу и вырывала мясо клочьями, что рыночная цена рабов сильно понижалась, коль скоро где-либо на теле их замечались следы прогулок этого варварского инструмента. Упомянутая выше палка, явившаяся на смену воловьего хвоста, представляет собою длинную тонкую деревянную линейку, снабженную массой маленьких отверстий; американцы говорят, что по своей идее она, в смысле успешности, ничем не отличается от кожаного ремня. Такой линейкой можно избить человека буквально до смерти, и тем не менее на коже решительно никаких следов истязаний заметно не будет.

Зачисление негров в ряды союзников, принимавших участие во время американской войны в сражениях с неприятелями, послужило печальной иллюстрацией тех тяжелых телесных наказаний, каким в тот период подвергались черные невольники. Один из полковых врачей расположенного в Мичигане отряда говорит, что из шестисот черных новобранцев, которым он произвел телесный осмотр, два процента имели на своем теле следы перенесенных ими тяжелых телесных наказаний. "У многих имелись настолько значительные рубцы от бывших рваных ран, что в отверстие углублений свободно можно было вложить два пальца", говорит этот врач. В одном случае он констатировал тысячу рубцов, каждый из которых имел в длину от шести до восьми дюймов. Другой офицер повествует, что из пятнадцати рекрутов решительно у всех оказались следы ударов плетью и что многих новобранцев пришлось признать для военной службы негодными, вследствие тех недостатков, которые явились следствием либо повторных телесных наказаний, либо укусов собаками, либо ножерых ран, выстрелов и контузий тяжелыми предметами, вроде дубинок,

производивших переломы и раздробление костей.

В большинстве случаев экзекуции рабов производились следующим образом.

Невольника клали ничком, руки и ноги его привязывали к специально для этой цели предназначенным железным кольцам, и, придав ему таким образом наиболее "удобное" положение, мучители начинали порку, производя ее с таким усердием, что мышцы обнажались от покрывающей их кожи. Еще более жестокой пыткой было закапывание несчастных в яму, в которой они оставались от трех до четырех недель, если только смерть раньше не избавляла их от нечеловеческих мучений.

Если желательно было усилить наказание, то практиковался следующий способ: в образовавшиеся от ударов плетью раны насыпался перец либо в раны наливался растопленный воск или сургуч, который удалялся оттуда опять-таки с помощью плети. Один из рабовладельцев имел обыкновение в виде наказания черных надрезать им своим охотничьим ножом пятки, другой самодур вложил негра в пресс, употребляющийся на бумагопрядильных фабриках, и так сжал несчастного, что тот вскоре отдал Богу душу. Как объяснил позднее этот изверг, он имел в виду лишь напугать негра, но в раже завел дело слишком далеко... Один из проповедников, заглянув случайно в сарай своей соседки, увидел там подвешенную к балке за руки женщину; последняя была наполовину обнажена, по спине ее струилась кровь, во рту торчал кляп. Оказалось, что такому наказанию подверг невольницу помещик только временно: он прервал экзекуцию, отправился позавтракать, провел несколько времени среди своей семьи и затем снова возвратился в сарай для продолжения истязания подвешенной невольницы. Мало того, желая научить своих трех сыновей-подростков обращению с неграми, он позволил им поупражняться над бедной жейщиной, и в результате несчастная представляла собой ком израненного и изрубленного мяса и производила крайне удручающее впечатление.

Особенно много страдали занятые на плантациях "цветные" женщины и девушки от любви и ревности. Надсмотрщики пользовались над рабочими обоих полов почти неограниченной властью, и та девушка, которая так или иначе уклонялась от нежностей, подводилась обыкновенно надсмотрщиком под какой-либо проступок и безжалостно избивалась, нередко даже до полусмерти. Что касается ревности, то на этой почве несчастные невольницы нередко претерпевали адские муки. Само собой разумеется, гордые американки ни за что не хотели мириться с мыслью, что "подлые твари" обращают на себя внимание их мужей. Обыкновенно попавшую под подозрение или уличенную девушку отсылали в официальное "заведение для экзекуции", где боль несчастных в значительной мере увеличивалась доставшимся на их долю, благодаря публичности порки, позором. Очень часто при наказаниях присутствовали сами разгневанные барыни, не гнушавшиеся подходящими словами и примерами подбадривать палачей к применению наибольшей строгости.

Положение невольников в Вест-Индии точно так же заставляет сожалеть о судьбе этих несчастных. Надсмотрщики с точностью выполняют все инструкции своих господ, составленные с жестокостью и изощренностью. Наряду с экзекуциями при помощи плети и розог здесь существуют и другие пытки, как-то: клеймение раскаленным железом, отрезание ушей, вырывание ноздрей, сожжение живьем и т. д. Иногда рабов секут, обмазывают медом, заковывают в цепи и подвешивают под палящими лучами жгучего солнца... Несчастные, вследствие укусов насекомых и хищных птиц, страдают до тех пор, пока смерть не прекращает ужасных мучений. Один из миссионеров, стараясь обратить какого-то негра в христианство, нарисовал ему все ужасы ада, ожидающие тех, кто не принадлежит к церкви. "Нет, отец, неправда! - возразил невольник. Подобные наказания созданы не для нас, негров, они - для белых, которые беспощадно мучают своих черных братьев". И когда в Вест-Индии произошел известный бунт невольников, негры сильно отомстили своим палачам за все их жестокости.

Не лучше, чем в Вест-Индии, обстояло дело и в других европейских колониях. Испанцы в Южной Америке обходились со своими невольниками относительно недурно, но

зато французы, португальцы и голландцы обращались с неграми в высшей степени жестоко. Повсюду для европейских дам и креолок плеть, розга и бамбуковая палка играли роль прекрасного средства для приятного препровождения времени. Если же невольницы хотя бы слегка задевали за струны ревности своих повелительниц, то дело принимало крайне тяжелый оборот: либо несчастную забивали до смерти, либо госпожа переставала истязать ее тогда, когда руки ее от усталости отказывались более работать плетью. Некоторые любительницы усаживали провинившихся негрятенок в удобное для себя положение и щипали их в одно из наиболее чувствительных мест до тех пор, пока жертва не впадала в обморочное состояние.

Последняя массовая экзекуция, коснувшаяся негров, произошла в 1865 году вследствие невольничьего восстания на Ямайке. Говорят, что первые полученные об этом сведения были преувеличены, но все же путем расспросов специально командированной на Ямайку комиссии удалось констатировать тот факт, что в упомянутый период женщин и мужчин жесточайшим образом секли только за то, что они имели несчастье принадлежать к черной расе. В течение трех недель вся местность была объявлена находящейся на военном положении, а за это время то здесь, то там без всякого суда и следствия, не выслушивая объяснений и возражений, власти производили какую-то бешеную вакханалию; обоюбого пола и разного возраста негры безжалостно избивались, расстреливались, вешались и прочее. В своем донесении лейтенант Адкок говорит следующее: "Утром приказал высечь четверых и повесить шестерых из взбунтовавшихся негров, в обеденное время, имея при себе тридцать человек команды произвел рекогносцировку. Возвратился в 4 часа дня с пленными. Девять человек приказал высечь, шесть негрятянских хижин сжечь дотла. Относительно группы захваченных в плен-человек 30-60-созвал военный суд. Некоторых из них еще до разбора дела распорядился высечь. Один из подсудимых, что-то вроде священника или учителя, был приговорен к пятидесяти ударам, другому всыпали сто, остальных восемь частью повесили, частью расстреляли".

В Моран-Бее временный генерал-губернатор устроил подлинный ад. Основным правилом у него было: "Сначала избить, а затем только разобрать дело по существу". Один несчастный негр скрежетал во время экзекуции зубами и в наказание за это был... повешен. Некоторых избивали сначала девятихвостовой "кошкой", а затем заставляли пробежать сквозь строй (наказание шпицрутенами). Солдаты отпрашивались у офицеров как будто в отпуск, на самом же деле устраивали на несчастных негров настоящие охоты, точно это были не люди, а дикие звери.

Закончим эту главу отчетом о казни, постигшей двух рабовладельцев.

8 мая 1811 года А. В. Лодж, член государственного совета в Тортоле, был приговорен судом под председательством Спенсера Персиваля к смертной казни за то, что он до того сильно избил плетью принадлежавшего ему негра, что тот во время экзекуции испустил дух. Такое жестокое наказание было назначено за кражу одного мангустана {Местный фрукт.}. Считаю нелишним заметить, однако, что подобное обхождение с черным должно быть названо пустяком в сравнении с теми жестокостями, которые позволял себе этот джентльмен по отношению к своим невольникам. Пожалуй, казнь этого господина должна считаться единственным фактом такого рода, происшедшим когда-либо в Вест-Индии. В данном случае преступник действительно заслужил доставшуюся на его долю участь. Во всех остальных примерах привлечения рабовладельцев к суду в огромном большинстве случаев фигурируют оправдательные приговоры, несмотря на то, что сплошь и рядом их уличали весьма веские свидетельские показания.

Подобный же случай имел место в Южной Африке. Мистер Гебгард, сын одного из миссионеров-проповедников, был привлечен к суду. Дело разбиралось в Капштадте 21 февраля 1822 года. Согласно обвинительному акту, Гебгарду вменялась в вину убийство невольника во время наказания его розгами. Судьи вынесли смертный приговор, который был приведен в исполнение 15 ноября того же года. На казни присутствовало невероятное количество публики.

ФЛАГЕЛЛЯЦИЯ ВО ФРАНЦИИ

Во французском уложении о наказаниях розга занимает относительно незначительное место. В прежние времена и небольшие сравнительно преступления карались смертью, изуродованием или изгнанием. Зато в домашнем кругу, а также и в школе телесные наказания пользовались большим почетом. Таким образом, розга и плеть, заботившиеся о воспитании детей, особенно наиболее непослушных из них, постоянно бывали заняты своим делом. В исправительных заведениях, в домах для умалишенных, в тюремных больницах женщин и девушек били часто, били беспощадно. В своих мемуарах госпожа де Жанлис передает потомству, что ее мать до страсти любила применять розгу, и "когда, - говорит писательница, - я замечала, что розга свищет менее хлестко, нежели обычно, и опускается на тело не с прежней силой, я сейчас же думала тревожно о том, здорова ли мама".

Душевнобольные в специальных заведениях очень часто подвергались тяжким экзекуциям; у Вольтера на эту тему имеется талантливый рассказ. В 1723 году из Китая во Францию возвратился патер Фуке, иезуит. В Поднебесной империи священник этот провел двадцать пять лет и все время слыл там одним из деятельнейших миссионеров. В конце концов он разошелся во мнениях с другими иезуитами-миссионерами и возымел намерение принести на них жалобу его святейшеству, самому папе. В качестве свидетеля патер Фуке привез с собой одного китайца, которого хотел секретным образом провести с собой в Рим. Предварительно же он остановился в Париже. Здесь иезуиты узнали о планах и намерениях Фуке, причем последний был об этом также осведомлен. Не долго думая, он отправился на курьерских в Рим, и досточтимым отцам иезуитам достался в руки один только китаец. Этот несчастный ни слова не понимал по-французски. Добродушные отцы распорядились изготовлением ордера на арест, сославшись на то, что имеют необходимость привести в дом заключения душевнобольного. Полицейский чиновник не замедлил явиться со стражником, чтобы, во исполнение приказа, забрать сумасшедшего в дом для умалишенных. В указанном месте он встретил человека, который совершенно иначе кланялся, чем французы, говорил непонятные слова ревучим голосом и корчил чрезвычайно удивленные рожи. Выразив "сумасшедшему" сожаление, полицейский приказал связать ему руки и в таком виде доставил в Шарантон, где несчастного два раза в день "угощали" солидными порциями розог. Удивлению китайца, само собой разумеется, не было пределов: он решительно ничего не понимал и находил поведение французов в высшей степени удивительным, чтобы не сказать более. Три года прожил несчастный на хлебе и воде среди безнадежно умалишенных и охранявших их сторожей, думая все время, что французы подразделяются на два сорта людей: одна половина из них танцует, в то время как другая хлещет пляшущих розгами и плетью.

В своих сочинениях Вольтер часто упоминает о розге, и именно в тех местах, где хочет высмеять отцов-иезуитов. И Фенелон в известной труде, посвященной воспитанию, высказывает свое мнение относительно телесных наказаний вообще. О том, какого мнения придерживался по данному вопросу Руссо, мы будем говорить далее.

В мемуарах прославившейся госпожи Буриньон, которая особенно много страдала от видений религиозного характера, очень часто упоминается о наказаниях розгами, и лишь только находившиеся в ее исправительном заведении дети уклонялись от наказания, их считали заколдованными или одержимыми бесом, причем в результате их окружали особой заботливостью и состраданием.

Били во Франции совсем маленьких детей, и, по уверению гувернанток и бонн, телесные наказания развивали мышцы и укрепляли кожу подрастающего поколения. Сами

С гувернантки тоже не забывались, и к ним родители вверенных их попечению детей нередко обращались с многозначительной фразой: "Берегитесь, сударыня, или же нам придется отправиться с вами в Нидерланды {Игра слов "Нидерланды" в дословном переводе означает: "Нижние области".}", - что говорило красноречиво об угрожающей экзекуции.

Во всех французских школах при монастырях розга, в применении к молодым девушкам, подолгу без употребления не залеживалась, что, разумеется, объясняется

флагеллянтизмом, игравшим среди монашенок довольно выдающуюся роль. Святые сестры с энтузиазмом и восхищением наказывали точно так же своих учениц, как это проделывали святые отцы по отношению к своим кающимся детям.

В школах для мальчиков также недостатка в ударах не было, причем "школа добрых отцов святого Лазаря" безусловно должна была получить в этом отношении пальму первенства. Мало того, что эти "добрые отцы" щедрой рукой награждали своих учеников розгами, - они подвергали экзекуции и тех, кого им поручали наказывать, и тех, с которыми вообще они дел никаких не имели. Никогда не было отказа в исполнении просьбы, изложенной хотя бы в письме следующего содержания: "Господин М. М., свидетельствуя свое уважение патеру Х., покорнейше просит угостить подателя сего двадцатью ударами". Само собой разумеется, что при письме прилагалось также и соответствующее вознаграждение за хлопоты и труды. А так как упомянутая только что школа помещалась в центре столицы, то в конце концов в этой семинарии образовалось настоящее коммерческое предприятие для приведения в исполнение телесных наказаний. Родители посылали сюда неучтивых и выбившихся из повиновения сыновей, опекуны - своих непослушных опекаемых, учителя - наименее успевавших учеников, и т. д. И раз только к письму или словесной просьбе прилагались деньги - сделка была окончена, и наказание приводилось в исполнение без рассмотрения вызвавшего его преступления. Сколько ударов указывалось, столько и отсчитывалось. К тому же у святых отцов имелся постоянно такой обильный запас различных экзекуционных инструментов и сильной прислуги, которая умела обращаться с последними, что никому из "заказчиков" нечего было бояться отказа. Не обходилось здесь и без комических приключений и совпадений. Молодые люди, которым поручалось передать письмо в монастырь Св. Лазаря, не зная о содержании его, в свою очередь перепоручали это дело другим, и в результате несчастные жертвы случайности в награду за свое добродушие и услужливость переживали под розгами довольно неприятные минуты и ощущения.

Для покинутых любовниц святые отцы нередко играли роль мстителей и блестяще выполняли дело наказания легкомысленно относившихся к любви и верности возлюбленных.

У Беранже имеется песенка, относящаяся к иезуитам и к наказаниям ими учеников:

"Вы откуда, чернецы?"

"Из-под земли, вот откуда!"

И каждый стих заканчивается:

"И так мы бьем, мы все бьем

Красивых мальчиков красивые части тела".

То, что общественное мнение касательно телесных наказаний изменилось с тех пор, когда "добрые отцы" Святого Лазаря упражнялись в телесных наказаниях, ясно вытекает из случая, опубликованного в 1832 году. Аббат Луизон, председатель одного из воспитательных заведений в Болонье, был предан суду за то, что подверг наказанию плетью десятилетнего мальчика Алексея. Президент судебной палаты, где рассматривалось дело, пожелал узнать, каким именно образом была сделана послужившая для экзекуции Алексея плеть. На этот вопрос подсудимый ответил, что плетка состояла из семи тонких веревок с узелками на конце каждой из них. Когда же президент заявил аббату Луизону, что, согласно показаниям школьных товарищей потерпевшего, каждая веревка по толщине своей напоминала вставку для пера, а каждый узел был величиной с добрую вишню, - подсудимый возразил, что свидетели стояли в значительном отдалении от Алексея, ясно видеть не могли, были сильно испуганы, и от страха предметы показались им значительно больше натуральной величины. Прокурор выразил желание поглядеть на плетку, но аббат уклонился от исполнения желания его, вследствие чего после десятиминутного совещания был вынесен следующий приговор: так как подсудимый телесно наказал мальчика, не имея на это никакого права, он приговаривается к штрафу в сто франков, к двадцатидневному тюремному заключению и уплате судебных издержек.

Последней женщиной, наказанной плетью по суду во Франции, была графиня де ла Мотт, принимавшая участие в краже пресловутого ожерелья, в свое время заставившего о

себе много говорить. История этого ожерелья относится ко временам Марии Антуанетты и настолько всем известна, что мы не находим нужным повторять ее здесь. Графиню приговорили привязать за шею к позорной тачке и в обнаженном виде подвергнуть наказанию плетью. Затем постановлено было выжечь на обоих плечах ее по букве В (воровка) и после всего этого подвергнуть пожизненному заключению в тюрьме Сальпетриер. После произнесения приговора графиня разразилась целым потоком брани и оскорбительных выражений по адресу королевы и парламента, а во время совершения операции клеймения сопротивление ее было настолько велико, что палачу еле-еле удалось справиться с ней и исполнить свое дело.

Беззаконное наказание плетью и розгами женщины имели место в Париже и в позднейшие времена. В ужасный период Французской революции, когда мясники, хулиганы, бродяжки и всякий уличный сброд вообще взяли в свои руки власть над страной, а также позднее, когда владычество перешло на сторону так называвшейся "золотой молодежи", розга, разумеется, отдыху не имела. Во время первого периода наблюдалось желание группы известных парижанок собрать выгнанных из монастырей монашенок, чтобы затем подвергнуть их позорной экзекуции. Наиболее известным случаем этого рода является дело девицы легкого, но революционного поведения Тариан де Мерикур, высеченной публично и притом самым жестоким образом шайкой женщин. Со стыда и ярости несчастная лишилась рассудка и прожила еще двадцать лет в доме для умалишенных в Шарантоне. Если ей удавалось избежать бдительного надзора сторожих, она срывала с себя одежды и пыталась наносить себе столь же позорное наказание, которое выпало на ее долю со стороны озверевшей толпы.

Когда наступил период реакции, ужасы со стороны "золотой молодежи" были нисколько, кажется, не меньше. Партия эта, состоявшая из знатных развратников, чистопробной интеллигенции, модных дам и профессоров теологии, дошла до того, что с помощью картечи разрывала людей на части, закалывала безоружных пленных и арестованных и подвергала телесному наказанию молодых девушек. Женщин привязывали обыкновенно к "дереву свободы", раздевали догола и секли плетью или розгами. Одну молодую барышню, почти подростка, пятнадцати лет, самым издевательским образом наказали на улице розгами только за то, что она поцеловала труп своего отца. Антитеррористы Парижа окружали по вечерам помещения, в которых происходили собрания якобинцев, и всячески издевались над последними. Так, они бросали в окна камни и нападали на членов клуба, когда они выходили после заседания на улицу. Особенно излюбленной мишенью для мести служили при этом женщины, которых они называли "фуриями гильотины". Где бы ни показались эти особы, их сейчас же избивали плетью, причем крики жертв террора еще более возбуждали злобу и ужас якобинцев.

ФЛАГЕЛЛЯЦИЯ ВО ФРАНЦИИ (Продолжение)

Французская литература последнего столетия особенно богата рассказами и фактами из области телесных наказаний, вызвавших большое сочувствие среди представительниц прекрасного пола. В большинстве случаев женщины сами так "или иначе принимали здесь участие, о чем свидетельствуют приводимые ниже примеры. Так, в Италии, равно как и во Франции, властвовал обычай, в силу которого дамы избивали своих знакомых в постели в день "Избиения младенцев". В этот день дамы имели право мстить за все оскорбления, нанесенные им друзьями в течение целого года. Они заранее условливались ходить группами и, нагрузившись различными орудиями наказания, с раннего утра отправлялись на охоту. И горе было тому, несчастному, кто не сумел как следует запереться в своем доме! Женщины нападали на него и оставляли свою жертву только после того, как основательно наминали ей бока. Помимо этого, праздник превращался еще в день избиения реальных младенцев. Согласно обычаю, рано утром начиналась порка детей, коей имелось в виду "запечатлеть в памяти подрастающего поколения имевшие место при Ироде избиения".

Щедрой рукой досталось наказание на долю некоего хирурга по приказу своей пациентки, французской принцессы. Врач этот был избит немилосердно. Принцесса, позднее

супруга Генриха IV, имела большую склонность к политическим интригам. Во время гражданской войны Лиги она сделала попытку обложить город Ажан податью в свою пользу. Попытка эта не удалась, и принцесса вынуждена была спасаться бегством. При вполне понятной спешке невозможно было озаботиться приобретением дамского седла, и беглянке пришлось много миль проскакать, сидя на лошади за спиной правившего всадника. Преодолевая массу опасностей, им удалось, наконец, счастливо добраться в Узун (Овернь), но утомление, вызванное долгим путешествием и неудобным положением на седле, не прошло для принцессы бесследно: у нее развилась сильнейшая лихорадка, разбитость и ломота. Приглашенный хирург быстро справился с взятой на себя задачей; несмотря на высокое знание своего дела, врач этот отличался крупным недостатком: он не умел держать язык за зубами. Повсюду слышались шутки хирурга относительно лечения и курьезов с ее высочеством. Принцесса узнала о распространяемых на ее счет слухах и положила конец выведшим ее из себя инсинуациям путем назначенной врачу экзекуции. И все это по праву сильного!

Из архивов французского окружного суда извлекаем преинтереснейший случай, относящийся к акту мести знатной дамы во времена царствования Людовика XIV. Маркиза дю Тренель и госпожа де Лианкур проживали вблизи Шомона; каждая из дам из кожи лезла вон, чтобы перещеголять свою соперницу и выставить другую перед обществом в невыгодном для нее свете. Война велась во всех смыслах обесточенная, и в конце концов маркиза пришла в отчаяние и решилась на крайние меры. В сопровождении штата своей прислуги она подкараулила госпожу де Лианкур, приказала вытащить несчастную женщину из ее экипажа и... высекла розгами. Госпожа де Лианкур обратилась с жалобой в суд, который вынес приговор, гласивший: Маркиза дю Тренель должна попросить у потерпевшей на коленях прощения, обязуется уплатить двадцать тысяч рублей штрафа за бесчестье и подвергается ссылке в места, расположенные вне пределов суда, постановившего настоящий приговор. Довольно высокая плата за удовольствие угостить свою соперницу порцией "березовой каши"! Несчастные слуги поплатились еще хуже: несмотря на то, что они являлись только исполнителями приказаний своей госпожи, их отправили на галеры.

В другом случае двух дам знатного происхождения уголовный суд приговорил к тяжелому наказанию за то, что они, восплавав завистью к красоте дочери мелкого арендатора и заподозрив в ее лице опасную для себя конкурентку, приказали высечь ни в чем невинную девушку розгами. О графине Дюбарри также рассказывается, что за какое-то нанесенное ей оскорбление она прибегла к наказанию обидчицы розгами. Ей показалось, что маркиза фон Розен подтрунивает над ней; когда же она рассказала о своем горе королю, то Людовик, находясь в хорошем расположении духа, успокоил ее тем, что сказал: "Ведь маркиза еще дитя; самым подходящим наказанием может послужить для нее розга". Этот ответ короля дал графине Дюбарри повод вообразить, что ей даруется право отомстить маркизе именно розгой. Воспользовавшись первым визитом маркизы, Дюбарри, не долго думая, основательнейшим образом выполнила акт мести. Маркиза фон Розен принесла жалобу королю, но Дюбарри в свое оправдание сослалась на то, что, наказывая телесно маркизу, она точно следовала инструкции, полученной ею от его величества. Интересно далее утверждение многих придворных, которые уверяли, что Людовик во время экзекуции находился в укромном местечке и с удовольствием наблюдал за процедурой порки маркизы.

Придворный шут герцога Феррарского, Гонелла, приехал во Флоренцию, чтобы здесь сыграть свою свадьбу. Возвратившись после свадебного путешествия, он позволил себе по адресу своей госпожи неуместную шутку, которая обошлась ему слишком недешево. Уверив герцогиню, что молодая жена его страдает глухотой, он убедил затем последнюю в том, что герцогиня глуха и ничего ровно не слышит. Во время представления супруги шута ко двору между обеими дамами, одной, знатной, и другой, низкого происхождения, произошел чрезвычайно комичный разговор, ибо каждая из них, будучи уверена в том, что ее собеседница одержима глухотой, говорила обычные при дворе и представлении комплименты, буквально надрывая при этом глотку. Окружавшее обеих женщин общество

еле-еле удержалось от хохота и с необычайными усилиями старалось придать своим физиономиям серьезное выражение. Когда герцогиня узнала сущую правду, она не подала вида неудовольствия, но в глубине души решила отомстить шуту.

Как-то утром она приказала позвать шута к себе; когда последний вошел в комнату, дверь за ним была заперта на ключ, причем его окружила целая банда женщин, вооруженных прутьями, иного обещавшими уже при одном поверхностном взгляде на них. "Ну-с, каналья! Сейчас тебя будут наказывать! Я научу тебя, как шутить с такими дамами, которые по своему общественному положению стоят неизмеримо выше твоей жены!" - сказала герцогиня. Шут упал на колени, сожалел о своем поступке, слезно просил прощения и умолял до наказания выслушать еще одну просьбу. Получив разрешение и не вставая с колен, придворный шут сказал: "Высокоуважаемая госпожа, и вы, почтенные дамы! Имею честь попросить только об одном: пусть первый удар нанесет мне та из вас, которая когда-либо и каким бы то ни было образом совершила поступок против чести". Само собой разумеется, что герцогиня не пожелала начать лично экзекуцию и приказала сделать это кому-либо из пожилых дам, но эти последние решительно отказались выполнить приказание. Молодые девушки, невзирая на строгий этикет, расхохотались, прутья полетели в угол, и Гонелла был спасен.

Точно такой же хитростью избежался от опасности французский поэт Клопинель: за сочиненные им сатирические и неприличные стихи, посвященные прекрасному полу, фрейлины двора Карла Красивого порешили наказать невоздержного на злые шутки поэта розгами, но находчивость спасла его так же, как и Гонеллу.

У Брантома описан случай, в котором некоторая принцесса фигурирует в качестве судьи над иезуитом, достойно ею наказанным. Дело в том, что Филипп II Испанский вздумал вступить во второй брак со своей племянницей, дочерью Максимилиана II и вдовой Карла IX, короля французского, Принцесса отвергла предложение короля Филиппа II, после чего последний вместе со своей сестрой, матерью принцессы, обратился за содействием к одному из отцов иезуитов, славившемуся своей ученостью, образованностью и эрудицией. Но иезуит этот тщетно пустил в ход всю силу своего красноречия: принцесса оставалась непреклонной. Когда повторные попытки иезуита слишком надоели принцессе, и когда тот, несмотря на предостережения ее высочества, продолжал убеждать ее согласиться на предложение Филиппа, - принцесса приказала высечь его плетью, и высечь притом самым жестоким образом.

В одном издававшемся в Германии иллюстрированном журнале был напечатан рассказ, главным действующим лицом которого является некая парижанка. Эксцентричная особа эта держала при себе монашенку, исполнявшую роль не только духовника, но и палача, ибо два раза в неделю аккуратнейшим манером наказывала розгами свою госпожу, разумеется, с полного согласия последней. Дама принадлежала к высшей парижской аристократии, и потому разоблачения о подобной жизни ее произвели огромное впечатление во всех слоях населения Парижа и далеко за пределами его. Кто мог бы подумать, что наутро по возвращении со светского бала, красавица босиком и в одной сорочке пробиралась по длинному, вымощенному кирпичом коридору в домашнюю часовенку свою, где поджидали уже вооруженные пучками розог святые сестры... Раздавалось приказание улечься на холодных ступенях алтаря, и начиналась далеко не бутафорская экзекуция... Обратный путь в свои роскошные хоромы парижанка, по приказанию монахинь, должна была проделать ползком на коленях.

В заключение настоящей главы приводим описание одного французского "Клуба розог", почерпнутое нами из старого французского романа. Клуб этот был основан незадолго до владычества террора, причем дамы, состоявшие членами этого веселого кружка, с очаровательной элегантностью угощали друг друга ударами розог. Экзекуции предшествовал обыкновенно допрос особым комитетом, и если последний находил свою сестру виновной в каком-либо проступке, то приговор немедленно приводился в исполнение: подсудимую раздевали и наказывали определенным количеством ударов березовыми

прутьями.

Если отнестись к упомянутому выше роману, и в частности к упоминанию о столь оригинальном клубе с доверием, то состоявшие членами клуба дамы самого высшего общества без всяких церемоний наказывались розгами от рук своих товарок по убеждению. Аристократки эти изображаются в романе учредителями новых веяний, они, по словам автора, задавали в обществе тон, изобретали моды, некоторые из которых имели большое сходство с костюмом нашей прародительницы Евы.

РОЗГА В ГЕРМАНИИ И ГОЛЛАНДИИ

Рассмотрев телесные наказания во Франции, мы переходим к прочим государствам континента: Голландии, Германии, Австрии и Польше, в каждом из которых телесные наказания носили свой собственный отпечаток, имели свои особенности и обычаи. Как в Германии, так в Австрии, Голландии и Польше существовали позорные плацы или площади, воздвигались позорные столбы, процветали тюрьмы и другие исправительного характера учреждения. Не менее часто прибегали к розге в этих государствах и в домашней обстановке, причем плетка не была в загоне также и среди представителей педагогического и юридического мира.

В различных городах Германии позорный столб водружался на рыночных и базарных площадях; преступников обыкновенно раздевали, причем экзекуцию производил специально для этой цели содрожавшийся палач. Орудием наказания служили березовые розги, число ударов доходило иногда до семидесяти. Среди зрителей преобладающий элемент составляли представительницы прекрасного пола всех возрастов, которые взирали на процедуру наказания с нескрываемым удовольствием. Розга в домашнем применении была так хорошо известна им, что они не ощущали ни малейших укоров совести, когда наблюдали за взмахами ее в публичном месте.

В Австрии, Голландии и Германии родители нисколько не церемонились даже с вполне взрослыми детьми своими и частенько наказывали их розгами дома либо отправляли на известный срок в специальные исправительные заведения. Особенно могучим лекарством считалась розга от влюбчивости в период полового созревания и, разумеется, чаще всего тогда, когда предмет любви так или иначе приходился родителям не по нраву.

Сын одного из именитых купцов столицы Голландии, Амстердама, безумно влюбился в дочь бургомистра. По целым неделям он буквально не прикасался к пище, не пил, не спал и временами походил на человека, лучшим местом пребывания которого может явиться сумасшедший дом. Озабоченный состоянием сына, отец юноши приглашал знаменитейших врачей города, но все предписания последних никакого влияния на здоровье молодого человека не оказывали. В один непрекрасный для юноши день отец его нашел случайно письмо, адресованное сыном даме своего сердца. Все стало купцу ясно, диагноз немедленно определился, а вместе с ним изменился и способ лечения больного. Врачей в дом более не приглашали... Юношу отправили в исправительное заведение, где несколько добрых порций "березовой каши" совершенно избавили молодого больного от не менее "молодой мечты любви"...

Воспитанники учебных заведений находились с розгой в самых близких, хотя и далеко не дружественных отношениях, причем на недостаток в количестве ударов никто из них пожаловаться не мог. Чаще всего били по рукам, хотя доставалось и другим участкам молодого тела. До конца прошлого столетия в Гронингене существовал обычай, в силу которого пред каникулами ученики должны были прыгать через обруч, в то время как учитель награждал их ударом розги по тому месту, откуда у всех людей обыкновенно растут ноги. Иногда учитель с расставленными ногами становился у ворот школы и проделывал ту же самую церемонию, т. е. награждал проскальзывавших через "тоннель" учеников ударами розги.

Что касается древних германских законов, то по отношению к телесным наказаниям их можно было смело назвать щедрыми. Тюрьмы и исправительные заведения щеголяли целым арсеналом орудий такого сорта, как плети, палки и березовые прутья. В смысле

постановления приговора о телесном наказании судьи и члены магистратуры пользовались вполне неограниченной властью. В исправительных тюрьмах, главный контингент обитателей которых составляли несчастные женщины, очень часто томились лица совершенно невинные, попадавшие сюда либо по капризу знатных мира сего, либо из особых соображений бессердечных родственников. Экзекуции над женщинами полагалось производить женщинам, причем разрешалось снимать только верхнее платье. На самом же деле в огромном большинстве случаев наказывал тюремный сторож, предварительно совершенно обнажая свою жертву.

Телесному наказанию в Германии сплошь и рядом подвергались не имевшие оседлости бродяги и те приезжие, которые по недостатку материальных средств были лишены возможности отправиться на родину. Усердные экзекуции назначались также виновным в преступлении против шестой доведи. Иллюстрацией этого служат старинные вышивки, на которых увековечены сценки наказания женщинами стоящих перед ними на коленях рыцарей. В песнях нибелунгов из древнегерманского эпоса поется, как божественный супруг, рыцарь Зигфрид, наказывал телесно свою супругу Кримжильду за то, что она выдала тайну, которую он ей под секретом рассказал. Далее, княгиня Гудрун была привязана к железной кровати и избита ветвями терновника по приказанию озлобленной королевы за то, что осмелилась отказаться выйти замуж за отвратительного внешнею королевича.

Как мы уже упоминали выше, иезуиты благославляли применение розги, в особенности как средство для наказания молодых девушек. Здесь уместно упомянуть о Святой Кресценции, которая безгранично верила в могущество розги. Испытав плодотворное влияние розги на себе, она советовала всем широкое применение ее. Как-то раз к ней за Советом обратилась одна из ее двоюродных сестер, семнадцатилетняя красавица-дочка которой была влюблена в красавца-соседа. Святая Кресценция попросила прислать молодую девушку к себе, а уж средство у нее имеется. "Великолепное средство", - сказала она. Лишь только Мариела - так звали юную красавицу - вошла в дом своей святой родственницы, как последняя предстала перед ней с огромной розгой в руках. Через несколько минут гостья украсилась синяками и кровоподтеками. Помимо этого, матери влюбленной девушки преподана была инструкция повторного и более частого применения предпринятого Кресценцией лечения вплоть до достижения Мариелой девятнадцатилетнего возраста. Несчастной девушке ничего другого, кроме повиновения решению святой родственницы, не оставалось, и, когда мать ее не имела времени или сил лично заняться "лечением", "больную" отправляли для систематических экзекуций к родственницам...

В школах при церквях и монастырях били щедро и часто. Известные аугсбургские монашки, известные под именем "Монашек в сапогах", вследствие того, что зимою должны были надевать на ноги маленькие сапоги, содержали школу для мальчиков, в которой обучались ученики в возрасте от восьми до десяти лет. Если кто-либо из них должен был быть наказан, то его заставляли влезать головой в отверстие печи таким образом, что нижняя часть туловища вместе с нижними конечностями оставалась снаружи. Затем наказуемого раздевали и основательным образом обрабатывали розгой.

В немецких гимназиях исполнение телесных наказаний поручалось так называемому "синему человеку", но в школах, находившихся в руках самих иезуитов или их последователей, экзекуция производилась непосредственно "господином учителем". В огромном большинстве случаев подобные школы учреждались для совместного обучения мальчиков и девочек, и последних так же часто секли, как и первых. В свое оправдание иезуиты обыкновенно говорили, что розга представляет собою "необходимую, существенную составную часть целого". И если считать только что приведенное положение исходной точкой иезуитских понятий, то частое злоупотребление розгой ничего удивительного собой представить не может. Случаи с патером Мареллем в Баварии и одним аббатом из Гента произвели большой переполох и долго считались сенсационными. Аббат этот был одержим форменной страстью к раздаче ударов направо и налево. Очень часто он бил учеников вверенной ему школы собственноручно, а если, вследствие какой-нибудь

причины, присутствовать в том помещении, где происходила экзекуция, не мог, то уж во всяком случае заглядывал в окошко. Святые отцы безумно радовались случаю пустить розгу в ход и, мало того, любили при этом отпускать специальные шуточки. Ударить один раз розгой по руке обозначалось выражением "положительная степень". Порка по седалищным частям называлась на их условном языке "сравнительной степенью", форменная же экзекуция, произведенная по всем правилам иезуитского искусства, нашла название "превосходной степени".

Любовное отношение к порке, развитое и вскормленное иезуитами, мало-помалу явилось достоянием семьи, и очень часто экзекуция в превосходной степени доставалась детям не только в школе, но и дома. До этого периода телесное наказание во многих германских государствах, особенно в гессенских владениях, рассматривалось как политическое преступление. Неожиданно в высший государственный совет Пруссии было внесено предложение об обязательном введении телесного наказания, но оно отвергнуто большинством голосов.

Некий субъект, содержащийся недавно в одной из тюрем Германии, описал после своего освобождения различные роды и виды новых методов, введенных в деле телесного наказания. Многие из них по своей натуре представляются настолько жестокими, что не слишком зверское применение плети является по сравнению с этими новыми методами буквально благодеянием. Малейшие уклонения от существующего в тюрьме режима карались публичным выговором. Присутствие всех тюремных служащих или же лишением известных свобод и преимуществ, изредка допускающихся а домах заключения. Далее следовал карцер, сокращенная пища, доходившая до хлеба и воды, лишение постели, кандалы и - как крайняя мера - специальный стул. Стул этот представлял собою нечто вроде деревянного кресла; преступник усаживался на него, причем шея, грудь, живот, верхние и нижние конечности стягивались особым кожаным ремнем. Благодаря давлению последнего, происходила задержка в кровообращении, что влекло за собой чрезвычайно неприятные ощущения. Случалось, что провинившихся заставляли сидеть на таком стуле шесть часов кряду, пока изо рта, носа и ушей их не показывалась кровь. Крики и стоны несчастных невозможно было в таких случаях выносить.

Хотя Польша и не существует уже больше как отдельное государство, тем не менее поляки сохранили особый отпечаток, ярко характеризующий как их национальность, так и особую манеру этого народа жить. Воспитание детей и содержание прислуги не обходится без телесного наказания, которое занимает при этом удивительно видное место. В те времена, когда все крестьяне были крепостными, жестокие порки являлись чем-то понятным, само собой разумеющимся, и много трудов стоило "барам" отучиться от веками присвоенного им преимущества. Когда был обнародован царский указ о даровании свободы и крепостные, почуяв свое право, уклонялись от производства работ, польские помещики все-таки прибегли к экзекуциям. Один из шляхтичей выразился так: "С нашими рабами уже просто и выдержать нельзя, они от рук отбились с тех пор, как вообразили себя свободными людьми. Прежде чем уехать из дому, я приказал хорошенько высечь десятокдругой мужчин и женщин: пусть они на своей шкуре почувствуют, что я еще их господин и повелитель. Недавно я, вообразите себе, застал повара на кухне в обществе других дворовых, и он объяснял им их новые права! Само собой разумеется, я приказал хорошенько наказать этого каналью плетью!"

Богатые поляки содержали огромный штат дворни и поддерживали известную субординацию исключительно при содействии плети, розог и других подходящих инструментов. Каждое отступление от заведенного порядка, каждое не пришедшее по вкусу блюдо наказывалось жестокими порками. В определенный день и час накануне Пасхи хозяйки-польки имели обыкновение наказывать весь штат прислуги. Всех дворовых собирали в одно помещение, сюда являлась барыня с плетью в руках и, не делая никакой разницы между полом, возрастом и положением, била по очереди всех своих верноподданных. Что касается девушек, то и они не избегали экзекуций, с той только

разницей, что их наказывали не прилюдно, а каждую в той комнате, в которой она жила.

НАКАЗАНИЯ В ВОЙСКАХ

Долгое время среди наказаний в войсках телесные занимали первое место. Древние римляне послужили примером для других наций, что мы ясно видим из сочинений Ливия, Полибия и Тацита, Большинство европейских народов производило в позднейшие времена наказания в войсках с помощью палки, причем неоспоримым является тот факт, что в период Тридцатилетней войны величайшие полководцы представляли собой также и самых завзятых палачей.

Первыми, кто отказался от телесного наказания в войсках, явились французы, сохранив в армии только тюремное заключение и смертную казнь. В своде военных постановлений у французов имеется не менее сорока пяти преступлений, караемых смертной казнью; двадцать шесть проступков влекут за собой тюремное заключение от пяти до двадцати лет, с прибавлением или без оногo так называемого *le roulet*, т. е. пушечного ядра, прикрепляемого к ноге или туловищу с помощью особой цепочки. Десять преступлений караются принудительными работами или галерами, но не свыше трех лет содержания или заключением в специальных работных домах.

Приводимые ниже примеры ясно показывают, как высоко оцениваются во французских войсках наказания: за дезертирство полагается три года и упомянутое выше ядро. Преступник должен тащить за собой на цепи ядро в восемь фунтов весом и работать, зимой восемь часов, а летом - десять часов в день. В нерабочее же время он содержится в одиночном заключении в отведенной для него камере, повторное дезертирство полагается десять лет "с ядром", же побег совершен с поста, то к означенному сроку прибавляется еще два года. Если лицо военного звания я инициатором бунта, то ядро - двойного веса. За непослушание в мирное время виновные наказуются шестимесячным тюремным заключением. За угрозы начальнику - год тюрьмы с закованием в цепи; если же преступление это было совершено при наличности оружия в руках, срок заключения удваивается. Десятью годами закования в цепи или смертной казнью карается нанесение начальнику оскорбления действием; за промотание казенной аммуниции - два года на цепь, за продажу или залог оружие - пятилетнее содержание на цепи.

Вот только некоторые наказания, введенные во французской армии.

Пруссии существует два типа, или разряда, солдат, йювобранец вступает в первый разряд, причем ни офицер, ни унтер-офицер не могут ни бить, ни оскорблять его бранными словами. Если же по приговору военного суда нижний чин переводится во второй разряд, то его уже можно и бить, и вообще применять к нему различные строгости, в зависимости от совершенного им преступления или проступка. На войне удары наносятся плоской частью клинка палаша, если экзекуция предпринимается по приговору суда, то производит ее обыкновенно унтер-офицер с помощью особых небольших палок либо в караульном помещении, либо в палатках и непременно в присутствии всех сослуживцев наказуемого. Приведение наказания в исполнение в частном помещении без свидетелей строжайше запрещается.

Каждый командующий офицер имеет право наложить на подведомственного ему нижнего чина, переведенного во второй разряд, телесное наказание по своему усмотрению, но количество ударов все-таки ограничивается сорока. Преступника обыкновенно не раздевают совершенно, а оставляют в нижней рубашке и тиковой куртке. Если переведенный в разряд штрафованный ведет себя хорошо, то он может быть с соответствующими почестями снова переведен в первый разряд; во время церемонии восстановления его в потерянных правах, над ним развевается полковое знамя, и при всех товарищах ему возвращаются все внешние отличия в форме.

В прусских кадетских корпусах телесное наказание строжайше запрещено законом; каждое оскорбление действием почитается здесь оскорблением чести. Лет тридцать-сорок тому назад потсдамских кадетов в возрасте от одиннадцати до четырнадцати лет наказывали еще изредка розгами. Один из генералов, пытавшийся наказать воспитанника кадетского

корпуса в Берлине, в котором содержатся мальчики от четырнадцатилетнего до восемнадцатилетнего возраста, встретил решительное сопротивление. Кадет убежал в спальную комнату, вооружившись предварительно своей шашкой. Когда дверь в дортуар была выломана, отчаянный юноша ранил первого подвернувшегося лейтенанта в руку, причем и самому генералу достался меткий удар по голове, повредивший кожные покровы. Другой кадет, которого собирались наказать, вырвался из рук палачей, выбросился через окно на улицу и тут же на мостовой скончался от сильных ушибов и сотрясения мозга.

В Австрии, как и в России, также практиковались телесные наказания в войсках, со шпицрутенами и палкой во главе. При назначении наказания количество ударов находится здесь в зависимости от состояния здоровья преступника, но выше пятисот никогда не доходит. При наказаниях шпицрутенами выстраивается сто человек солдат, причем наказуемый в самых крайних случаях пробегает сквозь этот строй шесть раз.

Телесное наказание, равно как и шпицрутены, могут быть назначены только простому солдату; при экзекуции наказуемый обычного своего платья не снимает. Бьют в Австрии не концом палки, а продольной частью ее, причем сама палка должна быть не толще ружейного ствола и хорошо обстругана.

У богемцев, венгерцев и валахов телесное наказание практикуется очень часто.

В Венгрии каждый офицер может по своему произволу назначать любому из солдат телесное наказание. Стоит только показаться с расстегнутой пуговицей, поздно явиться на службу или вывести недостаточно хорошо убранную лошадь, как офицер тут же заставляет солдата улечься и отдает приказание выпороть провинившегося. Только что произведенный офицер и тот может за малейшую оплошность наградить нижнего чина "березовой кашей". Рассказывают, что некий начальник пожурил подведомственного ему молодого гусарского лейтенанта за то, что во вверенной ему части замечается отсутствие надлежащей дисциплины. Лейтенант извинился и попросил разрешения применять телесные наказания в более обширных размерах, чем это обыкновенно практикуется. "Через месяц я восстановлю полный порядок", сказал он. Разрешение было дано, и лейтенант сдержал данное генералу обещание. Но за все это время у него не было ни одной покойной минуты, ни один день не проходил без экзекуций, и все-таки в конце концов в команде начала царить образцовая дисциплина.

В бельгийской армии, со времени воцарения короля Леопольда, применение палки совершенно в войсках оставлено.

В Португалии провинившихся солдат наказывают саблей. Капрал набрасывается на виновного и плоской поверхностью клинка бьет его по спине. В данном случае требуется только осторожность, но и известная опытность, ибо подобный удар так сильно отзывается на всем организме, что нередко следствием его является чахотка или подобные заболевания; сначала может показаться, что наказанный остался невредимым, но рано или поздно, особенно при неумелом ударе, более или менее опасные явления все-таки сказываются.

Свод военных постановлений североамериканских Соединенных Штатов вовсе исключает телесные наказания; тем не менее нечто подобное имеется и там, а именно "ядро и цепи", представляющиеся чрезвычайно болезненными. В военное время то здесь, то там прибегают также и к палочным ударам.

В течение долгого времени после 1689 года в английской армии телесное наказание являлось одним из главных за всякие военные преступления и проступки. Военные суды сначала пользовались правом назначать наказания в любом размере, и нередко солдат запарывали до смерти. В конце последнего столетия очень часто постановлялись приговоры, в силу которых виновные присуждались к пятистам и даже восьмистам ударам.

В своем сочинении "Заметки о военных законах" сэр Чарльз Нейпир писал в 1837 году, что за сорок лет до появления его книги в свет ему приходилось присутствовать на таких экзекуциях, где преступники-солдаты получали очень часто от шестисот до тысячи ударов и исключительно по приговору полкового суда, причем нередко солдат выписывали из госпиталя для того, чтобы дать им недополученное ими сполна количество ударов, невзирая

на то, что раны от первой порции не успели как следует залечиться. У офицеров и унтер-офицеров были постоянно в руках тростниковые палки, которыми они угощали солдат направо и налево за малейшую со стороны последних неосмотрительность, очень часто поставленную в вину совершенно напрасно. В 1792 году сержант Грант был присужден к двум тысячам ударов за то, что допустил переход двух гвардейских барабанщиков на службу в Ост-Индийское общество. Да, в блаженной памяти времена никаких границ при назначении телесных наказаний, как мы видим, не существовало, и военный суд мог засесть и засекал солдата до смерти!

В 1811 году в парламенте возникло первое движение против применения в войсках телесного наказания, по крайней мере, в мирное время. Сэр Фрэнсис Бердетт предложил вниманию Палаты Общин случай, в котором один солдат, член городской милиции в Ливерпуле, был приговорен к двумстам ударам за то, что вместе с товарищами пожаловался на плохую выпечку хлеба и затем написал по этому поводу язвительные стихи. Наказание было после понижено на полтораста ударов, т. е. всего назначено было пятьдесят. На запрос последовал ответ, что приговор состоялся не за сочиненные солдатом стихи, а за то, что обвиняемый явился подстрекателем опасной шайки пьяниц, сославшихся на плохой хлеб только чтобы поднять бунт. Даже сам осужденный находил назначенное ему наказание весьма скромным. На этом и закончилась первая попытка, но в следующем году сэр Фрэнсис возобновил свое ходатайство, причем самым энергичным образом настаивал на уничтожении в армии телесных наказаний. Хотя его предложения и были отвергнуты, они тем не менее имели чрезвычайно благотворное влияние, и герцог Йоркский внес предложение об ограничении чрезмерных злоупотреблений с применением "кошки". За исключением тяжких преступлений, количество ударов, назначаемых компетенцией полкового суда, не должно было превышать трехсот, и одно это обстоятельство необходимо было считать большим шагом вперед.

В 1851 году один солдат был приговорен в Динапоре к тысячи девятистам ударам (1900!) плетью, причем сэра Эдварда Пачета упрекали в слабых характеристиках, ибо он уменьшил наказание до 750 ударов. В 1829 году военные суды имели право назначать не более трехсот ударов, в 1832 году и с этого числа была сбавлена целая сотня. В 1847 году количество понизилось до пятидесяти, а в 1859 году преступления в войсках были подразделены на различные категории, причем самые тяжкие из них карались телесным наказанием, и то только в тех случаях, когда в лице преступника правосудие имело дело с рецидивистом.

В 1876 году парламенту было доказано, что телесные наказания 1) являются бесчеловечными; 2) обесценивают человеческую личность, 3) не имеют никакого исправительного явления; 4) препятствуют правильному вступлению в войска новобранцев. Основания эти взяли верх над старыми предрассудками, и телесные наказания в мирное время в английской армии окончательно уничтожены.

ВОЕННЫЕ НАКАЗАНИЯ. ЭКЗЕКУЦИЯ ЗОМЕРВИЛЛЯ

Инструментом для выполнения телесных наказаний являлась в британской армии кошка с девяти хвостами. В "Военном Словаре" Джемса этот инструмент рисуется "плетью девятью веревочными концами, снабженными узлами, которой наказывались солдаты и матросы, - иногда кошка была только с пяти концами". Предание приписывает это изобретение Вильгельму III, ибо до его прибытия в Англию применявшаяся в войсках плеть состояла только из трех концов. Военная "кошка" представляла собою оружие, имевшее приблизительно восемнадцать дюймов в длину, с десятью такой же длины концами, каждый из которых был снабжен пятью или шестью узлами, которые были до того вытянуты и запрессованы, что концы их производили впечатление роговой поверхности.

В "Автобиографии рабочего" Зомервилль поделился с читателями теми сведениями, которые он приобрел в области применения плети в то время, когда был простым армейским рядовым. В 1832 году он был судим военным судом за недостойное солдата поведение в день 28 мая, когда он без соизволения сошел с лошади, состоя учеником кавалерийской школы, и

не захотел, несмотря на приказание, снова забраться на седло". Мы считаем излишним касаться здесь справедливости вынесенного Зомервиллю вердикта: несколько времени тому назад вопрос этот явился предметом чрезвычайно интересных обсуждений.

Военный суд признал подсудимого виновным и приговорил к "двумстам ударам, причем время и место приведения приговора в исполнение вполне зависит от усмотрения командующего его частью офицера". Наказание состоялось в день произнесения приговора, после обеда. Полк построился в четыре колонны и занял дворовые стены кавалерийской школы. Для офицеров была отведена особая площадка. Тут присутствовали полковой врач, госпитальный сержант и два лазаретных служителя-санитара. У находившегося здесь же сержанта был в руке зеленый мешок (в нем хранилась пресловутая "кошка"), и, кроме того, по "кошке" в руке удержали кузнец Симпсон и полковой барабанщик. Рукоятки плетей были сделаны либо из дерева, либо из китового уса; они имели в длину два фута. Концы веревок были так же длинны, как в обыкновенных плетках, но по толщине они были в три раза, по крайней мере, ужаснее первых. На каждом конце имелось по шести твердых узлов. Тут же находились заранее приготовленные скамья и стул; на них стояло ведро воды, лежали несколько полотенец, предназначенных для наложения на спину преступника, и чашка, из которой обыкновенно наказываемому дают испить водички, если он впадает в бессознательное или обморочное состояние. К одной из стен была приставлена лестница, и с нее спускались несколько крепких веревок с узлами. Когда Зомервилля ввели во двор, один из офицеров прочитал приговор и затем сказал ему: "Сейчас вас будут наказывать. Раздевайтесь!" Зомервилль не заставил повторить приказание и разделся до брюк включительно, после чего был привязан руками и ногами к упомянутой выше лестнице таким образом, что грудь его и лицо были прижаты к ней, а сам он лишен был возможности пошевелиться. Стоявший за Зомервиллем с карандашом и бумагой в руках сержант, обязанность которого должна была, между прочим, заключаться в ведении счета ударов, скомандовал: "Симпсон, исполняйте вашу обязанность!" "Обязанность" началась... "Кошка" два раза закружилась над головой и отвесила удар, затем веревки ее были быстро проведены палачом через пальцы своей левой руки (для удаления приставших к концам кожи, мяса и крови), снова инструмент засвистал над головой, опустился на несчастного т. д.

Далее рассказчик говорит: "Симпсон после приказания вооружился кошкой, хотя я сам этого, разумеется, не видел; помню только, что вскоре ощутил оглушающее чувство боли между лопатками, пониже затылка; боль эта пронизала все тело до кончиков пальцев на руках и ногах включительно; по сердцу же она резанула меня словно ножом. Сержант-майор закричал "раз!", а я подумал, что Симпсон сделает очень хорошо, если теперь ударит не по тому же самому месту. Второй удар пришелся несколько глубже, и я сейчас же решил, что первый в сравнении с этим должен считаться нежным и приятным... Третий удар пришелся по правому плечу, четвертый - по левому. Плечи же мои оказались настолько же чувствительными, как и все тело, и мышцы мои дрожали с головы до ног. Время между одним ударом и другим проходило для меня в смертельном страхе, и все-таки оказывалось, что каждый удар наступал слишком быстро. Пятый пришелся снова по спине; это был ужасный удар, и когда сержант воскликнул "пять!", то я мысленно стал считать и сказал себе, что мною пережита лишь сороковая часть общего количества, доставшегося на мою долю. После двадцать пятого удара сержант закричал: "Стой!". Симпсон отошел в сторону, его место занял молодой барабанщик. Он нанес мне несколько ужасных ударов по ребрам; вдруг раздалось чье-то приказание: "Выше, выше!". Боль в легких ощущалась еще сильнее, нежели прежде была она на спине; мне все казалось, что вот-вот они вовсе лопнут. Я поймал себя на том, что с губ моих срываются звуки страдания; чтобы не выказывать стонами малодушия, я зажал язык между зубами и сделал это с такой энергичностью, что почти прокусил его. Кровь с языка, губ и еще откуда-то из внутреннего органа, разорванного, очевидно, под влиянием нечеловеческих мучений, едва не задушила меня. Лицо мое совершенно посинело. Всего пока я получил пятьдесят ударов, самочувствие было таково, будто всю жизнь я провел в муках и терзаниях, причем то время, когда жизнь была для меня

праздником, представлялась мне сном давно прошедшего времени...

Снова Симпсон принялся за обработку моего тела. По всем вероятностям, ему показалось, что он - мой друг и приятель, ибо удары стали гораздо слабее и менее остры: они походили на тяжелый груз, опускающийся на мою кожу. Сержант снова произнес: "Симпсон, исполняйте свою обязанность", после чего удары пошли посильнее, но, как мне показалось, и потише. Трудно передать, как тяжело протекло то время, пока сержант просчитывал в третий раз двадцать пять! Затем явился снова барабанщик, и, когда этот довел количество ударов до сотни, распорядившийся экзекуцией офицер крикнул: "Стой! Довольно! Он еще молодой солдат!"

Преступника освободили от веревок, наложили на его спину мокрые полотенца и отвели в лазарет. Там стали прикладывать мокрые холодные примочки, но от них заметного улучшения не наступало: по целым дням Зомервилль не был в состоянии сдвинуться с места, и при перекладывании примочек служители принуждены были поднимать несчастного.

При восшествии на престол Англии первого короля Георга один из солдат, попавшийся на улице с дубовой тросточкой в руках 25 мая, был предан суду как государственный преступник. Дело в том, что ношение тросточек считалось для солдат эмблемой приверженности Стюартам и ненависти к Ганноверскому дому. И даже такие солдаты, которые уличались в ношении не палок, а только дубовых листьев, засекались почти до смерти. Правда, не только военные, но и штатские наказывались за то, что День реставрации праздновали таким именно образом, и нередко мирные граждане то подвергались телесному наказанию, то заключались в тюрьмы, то присуждались к уплате чувствительных денежных штрафов.

ТЕЛЕСНЫЕ НАКАЗАНИЯ ВО ФЛОТЕ

Английский флот существует уже добрых тысячу лет, десять столетий гордо развевается его флаг, несмотря на войны и штурмы, и весь этот период начальство секло матросов, и секло самым щедрым образом! И если девятихвостовая "кошка" не могла пожаловаться на бездействие на суше, то уж на море она могла смело считаться составной частью, элементом жизни моряка. В армии существует один только закон, применяемый полками, да еще особые наказания в различных корпусах. Что касается флота, то здесь считаются действительными все законоположения, изданные с 1749 года и предназначенные для самых тяжких преступлений, и, кроме того, обычные наказания, цель которых заключается в приведении в повиновение беспокойного и противоречивого духа матросов, набранных во всех странах принудительным образом и сошедшихся для служения под английским флагом. Помимо этого, в разное время издавались приказы, приказания и дополнения, относящиеся к исправлению прежних законов в смысле смягчения наказаний и особенно смертных приговоров, не составлявших во флотской среде Англии большой редкости.

В конце прошлого столетия система телесных наказаний у моряков была куда более развита, нежели в сухопутных войсках; капитан судна, по своей власти, являлся и судьей, и присяжным заседателем. Ни один король не мог так свободно распоряжаться спинами своих верноподданных, как капитан самого незначительного военного суденышка над находившимися у него на борту матросами. Одного только желания капитана достаточно было для того, чтобы содрать кожу со своего матроса, и при этом ни одна душа - за исключением, разве, судового врача, - и дерзнуть не могла обратить его внимание на совершаемое беззаконие. Мэрриэт рассказывает о капитане маленькой канонерки, который приказал всыпать своему матросу пять дюжин ударов за то, что тот плюнул на палубу. Такие факты встречались сплошь и рядом, и их вовсе не следует относить к фантазии авторов или историков. Боцманы не разлучались обыкновенно с бамбуковыми палками, у младших офицеров постоянно находились в руках линьки, которыми они "подбадривали" людей при работе. Не брезговали также концами толстых веревок, и нередко можно было видеть, как молодой безусый гардемарин наказывал старого и опытного, но не имеющего чина моряка. Подобные факты считались вполне обычным явлением, о возмущении и речи, кажется, тогда

быть не могло.

Тридцать три года тому назад во флотилии Лорда Винцента по воскресеньям происходило приведение наказаний в исполнение. "Оживлению" при этом, казалось, и конца не было: по звонку колокольчика, в одном месте секли розгами, в другом дрались на рапирах, там делали выговор, здесь вешали...

Точно так же, как преступников на суше водили по городу и наказывали плетью привязанными к тачке, так и матросов наказывали по "флотилии", с той только разницей, что наказание последних было несравненно тяжелее. Если, например, моряк был приговорен к тремстам ударам "по флотилии", к команде которой он принадлежал, и эта флотилия состояла, скажем, из тридцати судов, то на каждом из последних приговоренному отсчитывалось по десяти ударов. Для приведения такого приговора в исполнение бралась длинная шаланда с укрепленной на ней платформой. В шаланду усаживали преступника и с ним вместе помещались офицер, боцман, его помощники и орудия наказания.

По особому сигналу все суда флотилии снаряжают шлюпки, в которых помещаются принаряженные матросы, в полной форме офицеры и вахтенные под ружьем. Шлюпки собираются вокруг упомянутой выше шаланды, и все люди входят на платформу, чтобы быть свидетелями экзекуции своего товарища по мундиру. Сначала прочитывался приговор, и после того, как обвиненный получит установленное "количество ударов, его освобождают от веревок и накладывают на спину и плечи одеяло. Прибывшие для присутствия при порке ялики привязываются к шаланде с платформой, причем вся процессия направляется к другому ближайшему судну флотилии, которое, в свою очередь, снаряжает экспедицию для торжественного лицезрения продолжения наказания преступника. Таким образом приговоренный направляется от судна к судну, пока назначенное приговором количество ударов не будет сполна нанесено ему. Необходимо заметить при этом, что в данном случае для матросов играет роль не количество ударов, а, разумеется, позорный для человеческого достоинства и мучительный по характеру способ наказания. Ибо не успеет во время передвижения шаланды унять боль и остановиться кровотечение, как безжалостная "кошка" снова впивается в тело несчастного и вызывает близкое к обмороку чувство боли. К концу наказания болевое ощущение становится уже просто невыносимым, и в результате перенесший его человек превращается на всю жизнь в жалкого инвалида.

Один удар "кошкой" во флоте равняется, по словам военных, нескольким в армии, и говорят, что двенадцать ударов "на воде" хуже переносятся, нежели сто на суше. Обстоятельство это находится в зависимости, главным образом, от того материала, из которого моряки готовят свою страшную "кошку", хотя и указанный выше способ приведения наказания в исполнение тоже играет здесь далеко не второстепенную роль. Мокрая "кошка" делается из веревок толщиной в палец; каждая из веревок имеет пять футов в длину, из которых три фута представляют собою обыкновенной конструкции веревку, другие же два фута сплетены и связаны тщательным образом в солидные узлы.

В армии палач (чаще всего барабанщик) стоит во время экзекуций на одном месте, поднимает "кошку" над своей головой и затем из всей силы опускает ее на спину наказуемого; во флоте же выполняющий обязанности экзекутора боцман отходит на два шага от преступника, взмахивает "кошкой", делает шаг вперед по направлению к своей жертве, нагибается, чтобы развить более сильный удар, и после того с размаху ожигает обнаженное тело преступника. Мэрриэт упоминает об одном боцмане, который наказывал левой рукой, до того изощрившейся в манипуляциях с "кошкой", что при каждом ударе узлы веревок вырывали кусочки мяса. Когда наступала очередь его заместителя и он бил уже правой рукой, то, естественно, обжигалась другая сторона спины несчастного матроса, вследствие чего вообще невыносимые страдания превращались в двойную пытку.

Правда, теперь миновали уже дни былых пороков, производившихся без зазрения совести, и в настоящее время, согласно английским законам, ни один матрос не может быть наказан телесно иначе, чем по суду, в состав которого входят капитан и - два лейтенанта. Распоряжением высшего адмиралтейского совета строжайше воспрещается поспешное

приведение приговора в исполнение, а также ограничивается количество присуждаемых ударов. Таким образом, положение матроса значительно улучшилось; кроме того, капитанам судов вменено в обязанность доносить о всех случаях телесных наказаний, каковые сведения попадают и в газеты. А последние, как известно, не церемонятся: того и гляди, - рассуждает капитан, - попадешь бойкому борзописцу на зубок, начнет он тебя цыганить на все лады, прослывешь в обществе человеком-зверем! В результате - значение "кошки" с течением времени дискредитируется все больше и больше. Так, в 1854 году к телесным наказаниям прибегали исключительно в случаях неповиновения начальству и других тяжких проступках, да и то "кошка" могла применяться только к рецидивистам. В 1858 году относительно наказания воспитанников морских корпусов были обнародованы новые законоположения. Юношей этих вообще не разрешалось подвергать телесному наказанию с помощью таких мучительных орудий, как "кошка", плеть и прочее. Самое серьезное, дозволенное для наказания орудие, это - обычная школьная розга ("березовая каша"), причем число ударов ни под каким видом не должно было превышать двадцати четырех. Офицерам, кроме того, вменялось в обязанность прибегать к телесному наказанию только после того, как уговоры и другие виды карательных мер оставались безрезультатными. Короче, говорилось в приказе, - в лице розги желательно видеть более всего устрашающее средство.

В 1880 году заседавший в североамериканских Соединенных Штатах конгресс пришел к заключению о необходимости полного изъятия телесных наказаний во флоте, но, необходимо признаться, результаты этой меры оказались далеко не теми, какие мечтали получить противники телесных наказаний, защищавшие матросские спины на упомянутом выше конгрессе.

О ДОМАШНЕМ СЕЧЕНИИ ЗА ГРАНИЦЕЙ

Если мы согласимся с тем толкованием, которое приводят раввины о падении рода человеческого, то нам придется не спорить и против того, что удары как наказание ведут свое начало еще со времен рая на земле. Раввины говорят, что когда Адам сказал: "Женщина дала мне плод с дерева, и я съел его", - то этим самым он хотел выразить: она дала мне почувствовать! Иначе говоря: она так энергично била его, что он "ел", принуждаемый к этому! И, как мы знаем, довольно нередко встречаются такие жены, которые присваивают себе право поднимать на своих мужей руку!

Один из судей короля, лорд Мансон, изменил свои политические взгляды; чтобы выказать ему высшее презрение свое, жена этого господина привязала супруга-хамелеона к ножкам кровати и с помощью своих прислужниц до тех пор била его, пока он не дал торжественного обещания исправиться. И за столь целительное наказание леди Мансон удостоилась получить от высшего судейского учреждения выражение искренней признательности и благодарности.

С другой стороны, большинство законодателей относилось слишком легкомысленно к тем мужьям, которые вводили телесное наказание в род домашнего обихода. Довольно часто подымался вопрос: имеет ли муж вообще право бить свою жену, и ответ всегда сводился к тому, что все находится в зависимости, главным образом, от поведения жены. Принято полагать, что жена создана для того, чтобы быть помощницей своему мужу, ангелом-утешителем его; вести она должна себя обязательно хорошо, порядочно и честно; она обязана всецело подчиняться авторитету своего супруга и считаться, так сказать, верноподданной его, своего владыки. Но если она представляет собою совершенно противоположный тип, когда уж наступает очередь за розгой, причем с такой особой необходимо обращаться так, как советует поэт:

Раз она не исправляется, бей ее по голове,
Не позволяй втирать себе очки!
Бери все, что ни попадется под руку:
Плеть, кочергу или тросточку,
Не брезгай также и бутылкой;
Не стесняйся, швырни ее об пол!

Развей свои мышцы, закали сердце,
Точно железо, медь, сталь или камень.

С успехом можно следовать также совету одного из римских оракулов. К некоего мужа была чрезвычайно капризная и своенравная жена. Он отправился к оракулу и спросил его: что делать с тем платьем, в котором завелось много моли? "Выколоти его хорошенько", - ответил оракул. "Да кроме того, продолжал вопрошающий, - у меня есть жена, а у нее имеется масса капризов. Что мне сделать с ней?" "Выколоти и ее", - ответил оракул.

У арабов существует предание, по которому Иов однажды угрожал своей жене тяжелым телесным наказанием. В предании этом говорится приблизительно следующее: когда Иов находился в ужасном положении и был в чрезвычайно угнетенном состоянии духа, причем язвы на его теле источали такое зловонье, что ни один человек не мог приблизиться к нему, - его жена самым добросовестным и усердным образом ухаживала за ним и кормила своего несчастного мужа трудами рук своих. В один прекрасный день перед нею предстал дьявол, напомнил ей о былых днях ее благосостояния и обещал вернуть ей все ее прежние богатства и блага, если только она упадет пред ним на колени и попросит его, дьявола, об этом. Искусить Еву ему когда-то удалось почти без труда, но жена Иова не так быстро поддавалась лстивым и медоточивым речам дьявола. Она отправилась к своему мужу, рассказала ему обо всей этой истории и попросила посоветовать, как ей именно в данном случае поступить. Иов пришел в такое бешенство, что поклялся по выздоровлении отсчитать ей сто ударов. В заключение он воскликнул: "Поистине, сатана наказал меня болячками и напастьями". Тогда Господь Бог послал архангела Гавриила, который взял Иова под руку и помог ему стать на ноги. У ног Иова начал струиться источник, воду которого он пил и в котором сам выкупался и освежился. Болезнь исчезла, к Иову вернулись и прежние богатства его, и его дети. А чтобы он мог сдерживать свою клятву, заключавшуюся в обещании телесно наказать свою жену, ему было приказано нанести ей один удар пальмовой веткой, на которой находилось ровно сто листьев.

Выше мы приводили уже несколько мест из Священного Писания, в которых так или иначе упоминается розга; считаем нелишним коснуться еще некоторых выдержек из книг Соломона и Иисуса Сираха, которые, как известно, очень часто напоминали в своих трудах о розге и ее роли в детстве и юности.

"Кто не противится наказаниям, тот вырастет умным, тот же, который норовит остаться безнаказанным, будет дураком".

"Умный сын ничего не имеет против того, когда его наказывает отец, глупец же не повинуется и всячески избегает порки".

"Кто избегает наказания, тот познакомится с бедностью и позором; кто охотно подвергается наказанию, тот будет возвеличен".

"Глупость внедряется в сердце мальчика, но розга выгоняет ее оттуда подальше".

"Не упускай случая наказать мальчика".

"Если у тебя имеются дети, то воспитывай их и сгибай их спину с самого раннего возраста".

"Кто любит свое дитя, тот держит его под розгой, и только при этом условии он дождетса от своего чада утешения и радостей. Кто же, наоборот, относится к своему дитяти мягкосердечно, тот болеет его ранами и пугается всякий раз, когда ребенок заплачет. Избалованное дитя становится таким же своенравным, как дикая лошадь. Не давай детям воли с раннего возраста, не извиняй их глупости. Гни дитяти своему шею, пока оно молодо, трепли ему спину, пока оно мало, и тогда оно не станет упрямым и неповинующимся тебе".

Магометанам было повелено телесно наказывать своих жен тогда, когда последние проявляют признаки неповиновения власти мужа, но законодатель нашел нужным прибавить при этом, что бить следует с опаской, жестокости не проявлять и не вызывать ударами каких-либо опасных явлений. По всем вероятностям, пророк Магомет одобрил такую систему на основании личного опыта, и в результате мы находим в Коране следующие слова: "Но тех жен, которых нужно опасаться вследствие их противоречивого характера, которые бранятся,

тех отводите в отдельное помещение и там наказывайте".

Во Франции и других государствах континента розга считалась самым подходящим инструментом для наказания строптивых, а также блудливых жен, и в относящихся ко временам седой старины стихотворениях и новеллах встречаются весьма назидательные примеры и указания на "телесное воздействие", применявшееся мужьями по отношению к своим женам.

В одном из городов Германии не так давно проживал врач-немец, который при каждом удобном случае угощал свою супругу "березовой кашей". Он был в высшей степени ревнив и дотога часто прибегал к розге, что несчастная женщина, по совету своих друзей, в конце концов вынуждена была начать дело о разводе, которого и добилась.

Отец Фридриха Великого положительно славился теми строгими телесными наказаниями, которыми щедро наделял всех живших с ним под одной кровлей. Молодому Фридриху очень часто доставались палочные удары. Вот что писал принц своей матери в декабре 1729 года. "Я нахожусь в большом отчаянии. То, чего я так сильно опасался, наконец осуществилось. Король забыл совершенно, что я - его сын. Сегодня утром, как обыкновенно, я явился в его комнату. Лишь только отец увидел меня, он схватил меня за шею и самым жестоким образом избил своей тростниковой палкой. Напрасно я употреблял нечеловеческие усилия к самозащите. Он был взбешен донельзя, как говорят, вышел совершенно из себя. В конце концов он, очевидно, устал работать тростью и, только благодаря этому, выпустил меня. Повторяю, я нахожусь в ужасном положении и готов на все. Честь не позволяет дольше выносить подобное обращение со мной и я вижу, что - будь что будет, а этому необходимо пожить конец!"

Принц выказал особое внимание одной барышне из Потсдама, Дорисе Риттер, а король, заметив в этом что-то неладное, приказал палачу высечь несчастную девушку и заключил ее на три года в смиренный дом, где "арестантку" заставляли весь день выколачивать пеньку. Впрочем, в позднейшие годы образ мыслей Фридриха коренным образом изменился, особенно в отношении строгости его отца: нередко он хвалил эту строгость, равно как и ту простую до крайности систему воспитания, на которой он рос в доме своего отца.

В целях воспитания дамы Нового Света, как об этом свидетельствуют факты, никогда не брезгали телесными наказаниями. Когда испанский генерал Квезада приехал в Новую Гранаду и явился с визитом к вождю племени, то последний находился в ярости и испытывал сильные боли; и то, и другое явилось следствием телесного наказания, приведенного над ним в исполнение девятью его женами. Причина такого отношения жен оказалась следующая: супруг их накануне провел вечер в обществе нескольких испанцев, причем вся компания занималась обильным жертвоприношением Бахусу. Когда он вернулся, нежные супруги уложили его в постель, дали ему хорошенько выспаться и отрезвиться, а утром разбудили... основательной поркой, произведенной самым беспощадным образом.

У мормонов мужья частенько-таки поколачивают своих жен, причем, все сведения о жизни этого "народа" в интересующем нас направлении можно черпать из периодической печати; более точных и достоверных источников в нашем распоряжении не имеется.

ВЫДЕРЖКИ ИЗ ДНЕВНИКА АРИСТОКРАТКИ

Ниже мы помещаем выдержки из дневника леди Франциски Пэноер из Буллингемского замка в Херфордшире.

"15 декабря 1759 года. Милорд возвратился из Лондона вполне благополучно; пробыл он в путешествии три дня, ехал на курьерских. Когда мы были молоды, не было еще таких "курьерских", т. е. скорой пассажирской почты, но, по всем вероятностям, дети наши сумеют гораздо скорее сообщаться со всем светом и преодолевать самые значительные расстояния, нежели их предки. Недавно милорд рассказывал мне, например, что скоро появится в обращении особая карета, которая путь от Лондона в Бат отмахает в два дня.

Милорд осмотрел в Лондоне все, что так или иначе заслуживало быть осмотренным. Побывал он и в Ranelagh, где обыкновенно гуляет масса знакомого народу, развлекаясь

разговорами и играющим тут оркестром музыки. Был он и в театре и любовался игрой мистера Гаррика в "Макбете". Мистер Гаррик человек небольшого роста, но это не мешает ему быть чрезвычайно остроумным и приятным джентльменом. Милорд побывал в фойе и удостоился там чести быть представленным миссис Причард, которая произвела на него впечатление обаятельной красавицы и в высшей степени любезной женщины. Он приобрел ее портрет в роли леди Макбет: артистка изображена на карточке в красной атласной накидке, надетой поверх белого платья с длинным шлейфом. Ее парик отличался длинными локонами; башмачки ее на высоких каблуках снабжены бриллиантовыми пряжками. Я спросила у милорда, такая ли теперь мода, но он не мог ответить на мой вопрос: ему известны лишь сведения о мужском туалете, и, воспользовавшись своим пребыванием в Лондоне, он сшил себе великолепный гардероб настоящего денди.

Для меня и для дочерей он привез в числе своих вещей пакет с материями, но тем не менее ему не известно, какова теперь мода на дамские вещи. Миссис Бодингемс, новая француженка-гувернантка, была в прошлое воскресенье в церкви в новомодной белой шляпе из мочала; шляпа эта - совершенно плоская, украшена она исключительно маленькими розового цвета розами. Рюши на ней выделялись своей необычайной величиной, и я услышала случайно, как наша докторша сказала, что это - по последней моде. По моему мнению, все это чрезвычайно парадно, но я не потерплю, чтобы мои дочери в чем-либо подражали этой особе, которая ни слова не говорит по-английски и ничего другого не знает, как только вычурно одеваться в господские платья и в то же время на различные манеры бить своих воспитанниц. В конце концов, она замаскированная католичка! Пожалуй, даже якобинка! Кто может знать истинную правду! Да избавит нас небо от всяких напастей.

Примечание. Я намерена попросить милейшего доктора Аубрея прочитать проповедь, посвященную тщеславию и чванству особ, находящихся на положении служащих и подчиненных.

1 января 1766 года. Новый год я начала с того, что произвела ревизию в помещениях для прислуги: все ли у них в порядке. Новую горничную я нахожу далеко не достаточно почтительной. Я поговорила с ней довольно серьезно на эту тему и сказала ей, что, если она не приобретет необходимых в обращении манер, я ее высеку. "Побейте меня, миледи, - возразила она, - с тех пор, как я оставила школу, меня еще не бил никто"! Тут я подумала, что, очевидно, в доме леди Комбермер, где она до меня служила, была прескверная школа для горничных. За завтраком я выругала Марию за то, что она вела с домашним учителем слишком интимный разговор. Правда, он прекрасный молодой человек, но ему необходимо указать настоящее место его.

Примечание. Не забыть бы взять у милорда черный бархатный костюм: нужно посмотреть, не удастся ли портному исправить его. Костюм выглядит, необходимо признаться, довольно печально.

После завтрака я заинтересовалась уроком танцмейстера, обучающего барышень новым реверансам и поклонам. По-моему, выходит довольно элегантно и почтительно. Затем я усадила девушек в выпрямитель ног и плеч и вышла из дому.

Обошла деревню и навестила моих бедных. Жена Проберта обращается со своими детьми слишком своенравно, позволяет им ходить без шапок и без плотной опоры для позвоночника. За то я изрядно выбранила ее и сказала, что пришлю ей для ребятишек более целесообразное платье. Была у Годжесов пренеприятнейшая семейка. Мать больна, дочь не хочет назвать имя отца своего ребенка. Разумеется, я без обиняков сказала ей все, что о ней думаю. Казалось, она взволновалась; велела ей взять себе от меня старое полотно. Сильно опасаюсь того, что наполовину вина лежит на нас.

Примечание, Необходимо написать по этому поводу Георгу: своей матери он скажет всю правду.

Если бы госпожа Годжес, когда ее дочь была девочкой, наказывала ее розгой, как это практиковала я со своими дочерьми и как должна поступать каждая благородная мать, - то теперь ей нечего было бы стыдиться.

За обедом у нас был доктор Аубрей; он хвалил кушанье и делал мне комплименты по поводу моего нового красного платья. День нового года провели хорошо, с удовольствием. Дети отличались в школе послушанием и отвечали на все вопросы очень бойко и правильно. Двоих девочек велела завтра наказывать розгами: во время молитвы они вели себя неблагопристойно. А так как учительница у нас новая, то при экзекуции буду присутствовать лично.

2 января. Как было мною решено, отправилась в школу и по дороге встретила доктора Аубрея. Ученицы оказались все в сборе, учительница выглядела несколько испуганно. Прекрасная молодая девушка, но мне кажется, что она слишком красива для такой должности. Доктор Аубрей вошел в школу вместе со мной, причем уверял меня, что неоднократно присутствовал при телесных наказаниях в женских училищах. Ему, говорит, нравится наблюдать, как "краснеют девочки". "Это результат благопристойной скромности", - сказал он.

Две девочки, которым предстояло понести наказание, были уже подготовлены к нему учительницей. Они упали на колени и просили простить их. Меня очень радует, что они с учтивостью перенесли экзекуцию, которую произвела я сама, имея при этом в виду научить неопытную еще учительницу правильному применению розги. По окончании порки я зашла в ее комнату, но не обрадовалась тому, что увидела там. Банка с вареньем, бутылка апельсиновой воды, новое ситцевое платье, слишком, кстати сказать, элегантно, и первая часть "Клариссы Гарлоу", засунутая под сиденье стула. Повела я с ней по этому поводу серьезный разговор и пыталась дать ей понять, что чтение романов представляется при занимаемом ею положении далеко не подходящим занятием.

Дома застала леди Катервуд с сыном. В высшей степени симпатичный молодой человек, и мне кажется, что он довольно недвусмысленно посматривал на мою старшую дочь. Рассказала миледи, как и где провела время; по ее мнению, без щедрой раздачи березовой каши ничего поделывать нельзя. В ее школе все идет очень хорошо, она затрачивает на нее много времени и денег. Сын леди Катервуд вел все время оживленную беседу с Марией и водил ее показывать ливрею и новую карету, в которой он с матерью приехал. Милорд говорит, что на нашей ужасной дороге с глинистым грунтом карета долго не продержится. Молодой человек очень много говорил с дочерьми о развлечениях и удовольствиях Лондона, пожалуй, даже больше, чем следовало бы, рассказывал о театрах и тому подобных увеселительных местах. Такому знатному юноше можно в конце концов простить кое-что. Они привезли нам приглашение на бал, который должен состояться в день совершеннолетия мистера Горація.

30 января. Милорд был сегодня утром крайне груб. Я оставалась в постели дольше обыкновенного, так как испытывала сильную головную боль. Он выразился, что солнце никогда не должно озарять старую женщину с ночным чепцом на голове. Я могла бы возразить ему, что старик без парика, с красной ермолкой вместо волос на голове выглядит также не очень-то презентабельно. Но по опыту я знаю, как важно держать язык за зубами, когда милорд находится в минорном настроении духа. Как бы то ни было, приходится согласиться с тем, что его слова дышат правдой: дама, голова которой обернута в тряпки, с лицом, покрытым помадами и притираниями для поддержания тейнта, действительно производит неважное впечатление...

Позднее явилась мадам Годжес и сообщила, что ее дочь родила мальчика и чувствует себя крайне ослабевшей. Просила чего-нибудь подкрепляющего. Я распорядилась дать ей все необходимое, но в очень строгом тоне заявила ей, что напрасно она получше не воспитала своей дочурки. Сильно напугало меня известие о младшем сыне: горничная говорила в людской, что отцом новорожденного является наш сын Георг.

31 января. Много думала о том, что услышала вчера от Гарри; сразу не могла решиться, что бы такое предпринять. Поступлю так, как поступала моя добрая матушка: либо отправлю домой горничную, либо задам ей порку. Быть может, все это и правда, но нельзя же допустить, чтобы в людской говорили о слабостях моего сына и о грешной чванливости

крестьянской девушки. Мне будет очень жаль расстаться с ней: судьба ее в доме родителей довольно жалкая. Заставила ее придти ко мне и самой сделать выбор: либо порка, либо немедленное изгнание из деревни. Она избрала самое благоразумное: сделайте, мол, со мной все, что вам заблагорассудится. Я велела ей придти завтра в мою комнату в 12 часов дня. Она сказала, между прочим, что молодая Годжес сама жаловалась на Георга, когда, узнав о постигшем ее горе, пришла в ужас от стыда, испуга и позора. Вся эта история делает меня буквально несчастной, никак не могу отважиться поговорить по этому поводу с милордом: он и так сильно зол на Георга за его расточительность.

2 февраля. Случилось нечто ужасное. Эти строки я пишу у постели Гарри, который получил серьезный урок за свое любопытство. Вчера, в назначенное мною время, горничная явилась ко мне в комнату. Я приказала ей взять из шкафа с розгами моей свекрови одну розгу и принести ее мне. Затем я велела ей стать на колени и просить у меня прощения за свою болтливость. Со слезами на глазах она исполнила мое приказание. Она должна исправиться, и поэтому я задала ей солидную порку. Девушка эта обладает красивыми, округлыми формами; в общем, она очаровательна, и уже очень давно, не исключая и моих собственных дочерей, которые вообще-то худы, как щепки, - в моих руках не было такого восхитительного тела. С самого раннего детства ее никто больше не бил, и поэтому она под розгой здорово кричала. Еще прежде, нежели я покончила с экзекуцией, мне послышался под окном сдержанный смех; тут же вбежала Шарлотта и сказала: "Это голос Гарри"! Я не успела еще сделать ей выговор за ее глупое замечание и непрошенное появление, как снаружи раздался треск разбитых стекол и шум от падения тела на землю. Мы бросились к окну и увидели, что на земле, весь в крови, лежит мой Гарри. Без оглядки помчались мы вниз, и я совершенно позабыла о горничной и ее наказании. Дорогой мой мальчик сказал, что он догадывался о том, что должно происходить в моей комнате; он подставил к окну садовую лестницу и хотел по ней забраться кверху. Вследствие неровности почвы лестница сорвалась у него под ногами, и Гарри полетел вниз головой, ударившись об оранжерею, которую милорд недавно приказал устроить для редких цветов своих. Милорд, когда узнал о происшествии, пришел в ярость: ему было безгранично жаль своей оранжереи, о мальчике же он и не подумал; мало того, он заметил ему, что, собственно говоря, "негодяя следовало бы хорошенько проучить березкой". К счастью, кости остались целы, тем не менее руки у моего любимца здорово изрезаны осколками стекол.

17 февраля. Слова милорда оказались не шуткой или простой угрозой: сегодня утром он привел вчерашнее обещание в исполнение и угостил Гарри хорошей порцией березовой каши. Предварительно он распорядился пригласить в качестве зрительниц дочерей, но Шарлотта колебалась исполнить его приказание, вследствие чего милорд сильно озлобился и посулил наказать также и ее. Гарри вел себя очень хорошо, на коленях просил прощения. Милорд был в высшей степени суров, и каждый удар острым уколom отражался в моем сердце, но я не осмелилась вмешиваться, я молчала.

10 марта. В доме Катервудов состоялся бал, и мне кажется, что появление моих дочерей произвело большую сенсацию. Новые украшения для прически, о которых позаботился мой брат, прибыли как раз вовремя; благодаря своей новизне, они возбудили всеобщее любопытство. Волосы Шарлотты были зачесаны спереди в виде большой подушки, сзади же из них была устроена пряжка, на которую были посажены бабочки. Прическа Марии была несколько ниже; спереди было устроено нечто вроде гнезда с птенчиками, над которыми кружилась птичка-мать. На мне было платье из парчи, унаследованное от моей матушки, причем кружевную отделку его носила еще моя бабушка, когда ей пришлось стоять подле королевы Анны во время коронавания последней. Девушки были в платьях из розовой и голубой тафты; каблуки на их сапогах были дотога высоки и так посажены, что ходить им, бедняжкам, было очень трудно. Танцмейстер и учитель музыки из Герефорда ежедневно являлись к нам и обучали их новым танцам и игре на арфе. В Катервуде Мария танцевала менуэт с молодым наследником, и все по этому поводу приносили мне свои поздравления. Шарлотта спела песню, которую мистер Поп написал специально для арфы, и

пение ее всем понравилось. Дорогая девочка моя обладает чудесным голоском. Милорд говорил, что на балу все было очень "хамбург", каковое слово мы слышим впервые. Звучит оно, правда, неважно, но так как его ввел мудрый Эгестерфильд, то поневоле оно должно быть комильфо.

6 июня. В Америку снаряжается экспедиция, начальство над которой принимает генерал Джеймс Цольф. Человек он маленького роста, слабенький, но, очевидно, "большой" генерал. Мария находится в большой грусти, ибо молодой Катервуд назначен его адъютантом и через четыре дня отправляется в Лондон. Милорд смеется по поводу ее красных от слез глаз и побледневшего лица; тем не менее он будет радоваться больше всех, ибо, хотя Катервуды происходят и не из столь знатного рода, как мы, все же они обладают громадным состоянием, а деньги нам нужны дозарезу!

8 июня. Мои надежды не обманули меня: почтеннейший Гораций Катервуд явился к нам и по всем правилам просил руки нашей дочери. Приехал он вместе со своей матерью, прислав предварительно с верховым адресованный Марии букет цветов при записке, которую она прежде всего дала мне и просила разрешения прочитать ее. Я заметила, что милое дитя мое было в высшей степени взволновано, хотя и делало усилия, чтобы сдерживаться. Когда же ее возлюбленный вошел с матерью в комнату, она приняла его с тем достоинством, которое подобает нам, Пеноэрам. Молодой человек в прекрасных выражениях говорил о своей любви и о будущем, упомянув при этом, что немедленно же после окончания войны должна состояться его свадьба с Марией. Милорд положительно счастлив и поддразнивает Шарлотту, говоря, что младшая сестра выйдет раньше нее замуж. Она так небрежно относится к этому поддразниванию, что я решительно не понимаю ее.

9 июня. Побывала в Катервуде, чтобы попрощаться с нашим будущим зятем. Мария вела себя вполне достойно и произвела на милорда и его супругу прекрасное впечатление. Милорд подарил ей бриллиантовое кольцо, а миледи красивые, старинные жемчуга; от жениха она получила два веера: чудный турецкий и не менее дорогой китайский. Мне мой будущий зять также сделал великолепный подарок: маленького негритенка, обученного обязанностям пажа. Теперь это - последнее слово моды в Лондоне; леди Катервуд привезла с собой двоих; они подают ей шоколад и постоянно стоят за ее стулом. Мне кажется, что мальчишки сделались ей в тягость, и она сочла более удобным разлучить их. Мой новый паж был прежде на службе у леди Ярмут и ознакомлен со всеми тонкостями светской жизни.

2 августа. Проснулась вследствие донесшегося до меня неудержимого хохота. Оказалось, что в библиотеке были милорд, Гарри и Цезарь, который копировал им леди Ярмут. Я сама с трудом удержалась от смеха, когда увидела, как негритенок корчил свое лицо в тысячи складок и делал рукой такое движение, точно угрожал королю кулаком. Этот чертенок уверяет, будто леди Ярмут наградила короля пощечинами; он бесподобно подражал королю, который после оплеух тер свое лицо руками и делал попытки успокоить милостивыми словами не в меру расхорившуюся фаворитку. Нет, я не позволю ему больше делать подобные представления! Неужели можно допускать, чтобы наш возлюбленный монарх подвергался насмешкам и критике, и где же? Под нашей крышей! Я немедленно распорядилась, негритенка привели в мою комнату, и горничная усерднейшим образом наградила его под моим личным наблюдением порядочной порцией березовой каши. Будет теперь знать! Никогда до сих пор мне не приходилось видеть, как наказывают черных. На его коже почти ничего не видно, но зато крики мальчишки ясно говорили о том, что горничная исполнила мое приказание вполне добросовестно. Наверное, здорово болела у нее рука после экзекуции над негритенком!

20 сентября. У нас случилось большое несчастье! Вот уже в течение многих дней я не была в состоянии взяться за перо: один нервный припадок следовал за другим! Наша дочь Шарлотта сбежала с учителем! Милорд вне себя: ведь Шарлотта была его любимицей. Он клянется, что с этих пор ничто не разжалобит его: пусть она умирает с голоду, - он ни гроша не даст ей. Они находятся в Бате; несчастная девочка написала мне и просила о прощении. По моему - мнению, Цезарь способствовал их побегу. Я его допрашивала и несколько раз

сильно била, стараясь добиться признания, но мальчишка нем, как рыба. Боже мой, что скажет леди Катервуд? Бедная Мария! Чем кончится вся эта история?

15 октября. Леди Катервуд в Бате и прислала мне оттуда чрезвычайно милое и любезное письмо. Она видела Шарлотту и имела с ней очень серьезный разговор. Шарлотта сказала ей, что оба они намерены работать и ни в какой помощи не нуждаются. Такое мужество с их стороны в высшей степени обрадовало и продолжает радовать меня. Леди Катервуд добавляет в своем письме, что случившаяся история на ее сына никакого влияния не окажет, что несколько успокоило милорда.

27 октября. Не успели еще успокоиться после известия о смерти генерала Вольфа, как всех поразил факт кончины его величества короля английского. Скончался он 25 октября. Сегодня мы были в Герефорде, где был совершен обряд объявления о восшествии на престол нового короля. На улицах была густая толпа гуляющих; мы также вышли из экипажа и с Цезарем в арьергарде прошли пешком по городу. Милорд в великолепном настроении духа; ему все кажется, что с восшествием на престол Англии нового короля он может надеяться быть причисленным к придворному званию.

24 декабря. Еще один год на исходе! Канун нового года я встречаю в роли одной из счастливейших женщин. Я снова увидела дорогое для меня дитя, причем отец, как мне кажется, несколько смягчился. Быть может, в данном случае имеет большое значение состоявшееся в действительности назначение его ко двору, благодаря которому ему придется жить больше в Лондоне, нежели в Буллингеме. Нет сомнения, конечно, в том, что его в высшей степени раздражает то обстоятельство, что его дочь будет называться просто миссис Гибсон вместо того, чтобы выйти замуж за какого-нибудь лорда и получить соответствующее звание и положение. Но...(молодой супруг нашей дочери с таким терпением и сдержанностью выслушал все обрушившиеся на его голову с нашей стороны упреки, он так трогательно повинился в происшедшем, что дольше мы не могли оставаться жестокими. Во время нашего отсутствия молодые будут жить в Буллингеме, а с течением времени нам, без сомнения, удастся подыскать для нашего зятя что-либо подходящее и создать ему подобающее положение. Из Америки получаю утешительные известия. Гораций Катервуд был тяжело ранен, но поправился и в начале будущего года возвращается домой. Вскоре после его приезда состоится свадьба. Я думаю и даже уверена в том, что это хороший признак: в то время, как я пишу настоящие строки, со всех колоколен старинных церквей раздастся веселый перезвон рождественских колоколов. Да, это наверное добрый признак!"

ВОСПИТАНИЕ В АНГЛИЙСКОЙ ШКОЛЕ ДЛЯ БЕДНЫХ СТО ЛЕТ ТОМУ НАЗАД

Нижеследующее изложение является точным, нисколько от истины не уклоняющимся отчетом о наказаниях, производившихся сто лет тому назад в Англии в одной из частных школ для бедных. Действительное название города и фамилия благородной семьи, содержавшей эту школу, заменены другими именами: таково было желание дамы, сообщившей нам приводимую жиге историю.

"Школа для бедных в Ост-Боркгеме являлась собственностью господ Ройстон. Леди эти снабжали школу необходимым, руководили решительно всем, держали под своим непосредственным наблюдением педагогический персонал и всеми силами старались способствовать поддержанию всех тех законов, которые были заложены в основу нашего воспитания. Чтобы судить об их ретивости, необходимо заметить, что они собственноручно и охотно, а леди Мария в особенности, помогали приводить в исполнение наказания. Одна только леди Мариори не имела привычки лично наказывать нас, хотя ей доставляло удовольствие присутствовать при экзекуциях, производимым ее прислугой. Я неоднократно сама видела, как эта госпожа хладнокровно следила за процедурой наказания, от выполнения которой несчастная прислуга уставала положительно до изнеможения. Шутка ли! Высечь столько голосящих и стонущих детей-мальчиков и девочек! Я должна прибавить при этом, что леди имели обыкновение наказывать оба пола совместно, что доставляло им, очевидно, особое удовольствие. Школа помещалась от замка леди на расстоянии одной мили; господское здание представляло собою одно из великолепнейших строений графства, и из

окон училища мы, ученицы и ученики, могли видеть грандиозные фронтоны, стены которых были украшены фамильными гербами этого именитого рода. Два раза в год нас водили в замок, где мы представлялись нашим господам. Там нас принимали в большой зале и угощали вином и сладкими пирожками; миледи вели с нами дружеские беседы и рассказывали постоянно некоторым из нас о тех должностях, которые приготовлены для оканчивающих школу. Нас определяли на места горничных, субреток и т. д., причем тело наше и до сих пор ноет еще от прелестей этой жизни.

В обществе миледи мы чувствовали себя отвратительно - они нагоняли на нас чувство страха: ведь они часто приказывали бить нас, и как раз тогда, когда я впервые явилась в училище, они присутствовали во время общей экзекуции. Тогда наказанию были подвергнуты сразу все сорок учащихся. Порка, выполненная прислугой наших господ, была тогда задана жесточайшая.

Наш палач в юбке носил имя Жоаны; она часто высмеивала меня за то, что я плакала под розгой, и как-то раз сказала, что это все цветочки, ягодки впереди, и я почувствую их, если судьбою мне суждено занять место у миледи Мариори - вот настоящий сатана; несмотря на ее кроткое и нежное выражение лица, это зверь, а не человек. "Погоди, - сказала она, - поживешь подольше, узнаешь побольше"!

Признаться, перспектива была не из заманчивых, но все леди пороли тогда (это было в 1763 году) своих прислужниц, хотя я уверена, что в те времена горничные были куда лучше, нежели теперь. Наша школа помещалась на изолированной полянке и занимала удивительно красивое положение; вокруг нее были расположены длинные сады. Миледи заботились о сорока сиротах своих крепостных, одевали нас, кормили и заботились о том, чтобы со временем все воспитанники и воспитанницы могли, как говорится, выйти в люди. Мы носили особую форму, которая выглядела очень скверно, но - что делать? - форма была избрана самими миледи. Рубашки шились из грубой холстины, которая до невозможности раздражала кожу, и в носке такое белье было положительно невыносимо. Сверху нас наряжали в серые фланелевые кофты и желтые юбки, кушаки синего цвета, юбки шились до колен и снабжались оборкой, которая, как и обшлага на рукавах, была огненно-красного цвета. Свою выдумку миледи мотивировали тем, что хотели придать своим воспитанницам такой отличительный признак, который сразу выделял бы их из среды всех прочих крестьянок. Нас заставляли также носить корсеты, но изготовлены были последние из кожи, отличались необычайной длиной и плотностью и в довершение всего затягивались безжалостным образом: миледи строго наблюдали за тем, чтобы мы ходили так, словно проглотили аршин.

Дополнительным прибором служили белые косынки-пелеринки, которые плотно охватывали плечи и пристегивались булавками; благодаря этому, по словам миледи, "получались красивые фигуры". В качестве головного убора нам выдавались маленькие ситцевые шапочки с твердым донышком и с заложенными в складочку бортиками; наша барыня строго следила за этими шапчонками, причем некоторые из гладильщиц нередко подвергались наказанию розгами, если миледи замечала у кого-нибудь из нас на голове недостаточно элегантно выглядевший экземпляр подобной "шляпы". Иногда наказание варьировалось: плохо выглаженные шапчонки и платки прикалывались к платью провинившейся прачки, которая должна была в таком виде несколько часов кряду простоять на стуле в столовой, где ее видели не только собравшиеся сюда мальчики, но и все находившиеся или проходившие по двору. Такое наказание считалось более тяжелым и позорным, нежели сама розга.

Воспитывали же нас и образовывали так хорошо, что во всех домах мы были самыми желанными прислугами - нас брали нарасхват. И летом, и зимой полагалось вставать в нашей школе в шесть часов утра; на умывание и туалет более получаса тратить не разрешалось. Затем мы съедали по куску хлеба, выслушивали утреннюю молитву и отправлялись в класс. Затем наступало время завтрака, после которого занятия возобновлялись до одиннадцати часов, потом снова кусок хлеба и четверть часа отдыха. После перемены - занятия в классе

до двенадцати часов, потом обед и отдых до двух дня. Затем до пяти часов снова классы, в шесть часов ужин, вечерняя молитва и в восемь - по постелям.

Особенным событием дня был так называемый "час наказания", приходившийся на промежуток времени от четырех до пяти часов после обеда. К этому времени обязательно появлялись наши миледи и приводили с собой обыкновенно гостей, которым показывали свое детище, т. е. нашу школу. Изредка - и это бывало тогда, когда вместе с ними были мужчины - дамы были в хорошем расположении духа, на лицах у них сияли улыбки; зато временами они были не в меру раздражительны и вымещали на нас ту злобу свою, которая накопилась у них в течение дня дома. Обе миледи научились одеваться у своих кузин на французский манер, и нередко мы видели их в таких платьях, которые напоминали нам костюмы фей. Мы положительно разевали рты, глядя на эти удивительные перья и цветы, на изумительные бриллианты и другие безделушки, на душистые веера и прочее. Всему этому мы безгранично поражались.

Все записанные в штрафной журнал мальчики и девочки вызывались на середину класса, миледи сами определяли размер наказания, а леди Мария и ее двоюродная сестра из Парижа, мадемуазель Бургуан, с достоинством и терпением, достойными лучшей участи, выбирали розги. Леди Мариори приводила с собой свою горничную, которая должна была, как я уже говорила, приводить наказание в исполнение. И сколько раз на ее долю доставались выговоры и ругательства, если дамы замечали, что она стоит не на высоте своего призвания! Как сейчас помнится мне одна сценка: леди Мариори подбежала к своей горничной и наградила ее несколькими сильными ударами розги в нашем присутствии за то, что она вела себя при экзекуции "недостаточно элегантно". Мадемуазель Бургуан с особым удовольствием занималась бы лично экзекуцией она только недавно была выпущена из французского пансиона, но обе другие дамы не хотели предоставить ей подобное преимущество, и француженке приходилось ограничиваться только ролью менторши. Она то и дело предлагала различные новшества, относившиеся именно к способу выполнения экзекуций, и мы вовсе не были благодарны ей за них... Она именно ввела у нас вместо розог тонкие прутики из китового уса, которые, правда, не производили такого ужасного впечатления, как старомодная розга, но вызывали гораздо больше боли и оставляли неимоверно большие и упорные рубцы. Барышня эта отличалась неопишуемой элегантностью; к нам она появлялась в умопомрачительных туалетах, в бархатных платьях, в шелковых нижних юбках и в атласных башмачках на высоких каблуках. Прическу она носила настолько высокую, что голова ее выглядела настоящей елкой.

Миледи наказывали не только нас, девочек, но и мальчиков, а уж леди Мария и молодая француженка никогда без этого из школы не уходили. Что же касается леди Мариори, - то она брезгала этим занятием, ибо, по ее словам, "ей было тоскливо смотреть на наказываемых мальчиков".

Мадемуазель Бургуан ввела в нашей школе много новых порядков и обычаев. До ее прибытия в замок миледи нас наказывали короткими, быстрыми ударами, без всякой систематичности и методы. Она научила французскому способу: продолжительным, равномерным, острым ударам со счетом; количество их с приездом этой миловидной особы также в значительной мере повысилось. До самой процедуры порки мы, по ее системе, должны были стать на колени и произнести следующую фразу: "Не пожелают ли миледи наказать меня столькими-то ударами того наказания, которое они мне назначили". При этом мы не смели не только хныкать, но даже заикнуться о недовольстве. Приезжая барышня была скорей всего не француженкой: по ее поступкам ей следовало называться настоящим татаринном. Никогда в жизни мне не доводилось видеть второго такого человека, который так охотно и с такой любовью относился бы к розге.

После наказания розга привязывалась крепко-накрепко к нашим спинам, и в таком виде мы обязаны были расхаживать весь день на людях. Теперь, когда не принято больше телесно наказывать детей, странно даже рассказывать о таких печальных фактах недавнего прошлого, но в дни моей юности существовала, к сожалению, именно такая система

воспитания.

Всякая миледи наказывала своих прислужниц и пажей розгой, милорды били камердинеров и конюхов просто палкой. Никому и в голову не приходило наказывать детей как-нибудь иначе, и даже взрослые дочери награждались своими матерями розгой, не смея при этом выражать свой протест: ведь в те времена воля матери была законом, чтобы не сказать более. Не думаю, чтобы такая система повредила нам. Порой мне кажется, хотя, быть может, это воображение старухи, что при теперешнем так называемом свободном воспитании нельзя встретить лучших женщин и матерей, нежели в те дни, когда матери управляли детьми, главным образом, с помощью розги"!

ШКОЛЬНЫЕ НАКАЗАНИЯ

Царь Соломон сказал: "Кто пренебрегает розгой, тот враг своему сыну, тот же, кто любит своего сына, время от времени наказывает его", и этот афоризм постоянно оставался неоспоримым. Учителя постоянно считали розгу какой-то панацеей и не могли себе представить воспитания без этого инструмента.

Первый педагог, прибегавший к телесным наказаниям, был, как показали нам наши исследования, Голий. Он именно наказывал Гомера, вследствие чего получил от своих современников прозвище *Homermastix*. За свою плодотворную деятельность джентльмен этот дождался небольших почестей: по приказанию короля Птолемея он был распят на кресте. Гораций называет своего учителя, также большого приверженца "березовой каши", "бьющим Орбилиусом".

Квинтилиан крайне недружелюбно относился к применению розги среди школьников, говоря, что такая мера наказания и чрезвычайно жестока, и унижает человеческое достоинство, а Плутарх в своем труде "Сочинение по вопросам воспитания" пишет: "Я придерживаюсь того мнения, что юношество необходимо понуждать к занятию науками и свободными искусствами путем наставлений и разумных бесед, отнюдь же не ударами и уколами, Такого рода побудительная мера может считаться подходящей для рабов, а не свободных; на последних она может произвести только одно впечатление: равнодушие и неохоту к занятиям да, пожалуй, еще озлобление вследствие перенесенных болей и страданий".

Один из древних философов, Суперанус, начавший учиться грамоте только тогда, когда достиг тридцатилетнего возраста, был так непоколебимо убежден в необходимости применения при воспитании юношества телесных наказаний, что "не боялся ни розог, ни самых сложных задач, лишь бы только научиться тому, чему учитель учил своих учеников. В публичных банях его нередко заставляли за нанесением себе самых тяжелых телесных наказаний". Как мы уже упомянули выше, с Лойолой в пожилых годах обходились точно таким же образом, как и с этим философом.

"Розги и палки, - пишет один из ученых педагогов, - являются теми мечами школы, которые Господь Бог после грехопадения дал в руки учителям, чтобы ими наказывать безбожников. Они являются также скипетрами школы, пред которыми юношество должно склонить свою голову".

И у языческих народов, которые никогда не слышали о царе Соломоне, розга в роли воспитательного средства занимает довольно высокое положение. Перуанцы очень усердно секут своих детей, а коренные бразильцы потчуют своих малышей бастонадой. Карайбы прибегают к розге. Систематически же, методически вернее, розга употребляется в европейских школах. В германских школах усердное применение ее наблюдалось в течение довольно солидного промежутка времени. Палач, т. е. лицо, производившее экзекуцию, носил прозвище "синего человека", причем в Германии секли не только воспитанников младших классов, но и взрослых учеников, даже юношей восемнадцатилетнего возраста. Некоторые профессора предпочитали выполнять экзекуцию собственноручно, в большинстве же случаев порка поручалась упомянутому выше "синему человеку", лицо которого во время наказания было покрыто маской, а на плечах была накинута мантия из синей материи, под которой и был спрятан инструмент для порки. Наказание приводилось в

исполнение в коридоре, расположенном перед классными комнатами, и непременно в присутствии всего преподавательского персонала, причем при окончании гимназии немногим счастливицам удавалось похвастать тем, что они избежали знакомства с "синим человеком"...

Некий шваб-учитель рассказывает, что во время своей педагогической деятельности, продолжавшейся двадцать один год, он назначил в одной из больших школ 911500 палочных ударов, 121 000 ударов плетью, 209000 раз назначал заключение в карцер, 136000 ударов линейкой, нанес 10200 оплеух и оставил учеников на занятия "после обеда" 32700 раз. Кроме того, необходимо присчитать сюда еще следующий перечень: 700 учеников стояли у него на коленях на горохе, 6000 душ выстаивали коленями на острой палке, 5000 учеников должны украсить свою голову дурацким колпаком и 1700 человек должны были держать розги.

Воспитание школьников во Франции производилось по такой же методе. Равизиус Текстор, ректор парижского университета, об обращении с мальчиками пишет следующее: "Если учеников замечали в лености или во лжи, если они пытались освободиться или уклониться от прямых обязанностей своих, если они выражали неудовольствие на тяжесть школьного режима или вообще жаловались на свое положение - их жестоко наказывали телесно. Розга и плети не переставали быть в ходу до тех пор, пока гордая душа не смирялась, пока она не становилась мягкой, как масло, и податливой, как горох. А если кто-либо из учеников старался смягчить сердце учителя слезливыми словами, то такой глас оставался гласом вопиющего в пустыне".

В Англии учеников секли розгами во все времена и периоды. В средние века частенько ученики прибегали к заступничеству святых и умоляли изображения их о смягчении сердца не в меру свирепых и расходившихся учителей. Один ученик, пытаясь избежать рассвирепевшего учителя, ухватился за могильный памятник Святого Адриана, но, не взирая на святость места, был схвачен своим ментором и тут же жестоко наказан им. Первый и второй удары прошли безнаказанно, при третьем же Святой Адриан напустил паралич на руку учителя и простил последнего лишь после того, как он попросил извинения у наказанного им ученика. Другая легенда повествует о том, как один ученик взмолился об избежании наказания у гроба святого, но учитель заявил ему, что выпорот его даже тогда, когда сам Спаситель будет просить за него! При этих словах на гроб святого спустился красивый белый голубь, который так склонил свою голову и так замахал крылышками, словно выражал какую-то просьбу... Гнев учителя моментально исчез.

Почти с уверенностью можно сказать, что в прежние времена мальчиков наказывали не за плохое поведение, леность, невнимательность или неповиновение; нет, их драли на основании укоренившегося убеждения, что учеников необходимо пороть. Эразм свидетельствует, что именно благодаря этому тезису он подвергался телесным наказаниям. Он был любимцем своего учителя, который, благодаря успехам и способностям мальчика, предвещал ему блестящую будущность, но все-таки бил его для того, чтобы увидеть, как отнесется Эразм к чувству боли, как перенесет порку. Результаты такого воспитания были очень плачевны: розга портила ученика совершенно; здоровье портилось, настроение духа становилось самым подавленным, занятия были неважны и подчас становились бесповоротно противными.

Розга при воспитании считалась настолько необходимым атрибутом, что к принцам, кожу которых нельзя было раздражать, прикомандировывали специальных "товарищей для наказания", и на них-то, несчастных, самым безжалостным образом вымещались наказания за проступки их сверстников царской крови.

О таком "товарище для наказаний" рассказывает Лесаж в своем труде "Жизнь Жиль Блаза". В своей автобиографии дон Рафаэль говорит, что в двенадцатилетнем возрасте состоял в товарищах у молодого маркиза Легарье; последний сильно отстал в своем развитии и вообще придавал образованию очень мало значения. Одному из учителей пришлось на ум сделать дону Рафаэлю ответственным за грехи своего "повелителя", и он так усердно выпорол товарища маркиза, что Рафаэль был вынужден сбежать, ни с кем решительно не

попрощавшись.

Яков IV, король Шотландии, и Карл I, король Англии, имели в детстве подобных "товарищей для наказания", но позднейшим принцам в этом отношении уже не повезло. Когда воспитатель спросил Георга III, как ему следует обращаться с молодыми принцами, король, не задумываясь, ответил: "Если они заслужат, прикажите выдрать их. Поступайте так, как вы привыкли поступать в Вестминстере". Жаль, что не все "товарищи для наказаний" могли относиться к экзекуциям так шутливо и с таким удовольствием, как один школьник, по фамилии Смит; этот юноша не только оставался весел сам, но и заставлял смеяться других. "Опять Смит!" вызывал обыкновенно учитель; вздох и Смит стоял готовым к восприятию наказания. Он принимал такую позу, словно хотел стать на колени, затем выпрямлялся и с самой смешной гримасой говорил: "Позвольте мне, господин учитель, подложить под колени носовой платок. Эти брюки стоят моему отцу двадцать пять шиллингов, и он строго-настрого приказал мне следить за тем, чтобы они не испачкались". Затем он снова становился на колени и в то время, когда учитель свирепствовал и "сдирал с него шкуру", самым невозмутимым образом говорил: "Пожалуйста, будьте так любезны, бейте понежнее, да повыше, пожалуйста, повыше!" Мало того, во все времена экзекуции он корчил такие рожи, словно вот-вот умрет, когда же учитель прекращал избивание, он весело вскакивал, отвешивал поклон и произносил: "Благодарю вас, господин учитель!"

Как именно заботились в Утоксетере о розге в шестнадцатом столетии и каково должно было быть настроение у наказываемого, можно видеть в "Приказах" основателя школы. Приказы эти состояли из семнадцати параграфов, причем два из них, относившиеся к розге, гласили буквально следующее:

"Я хочу, чтобы все мои ученики любили своих учителей и почитали их, наказание же за свои проступки принимали от них смиренно.

Я хочу, чтобы все мои ученики при поступлении ко мне жертвовали по два фенига в пользу бедного товарища, который по назначению учителя заботится как о чистоте школы, так и о розгах".

Доктор Бусбей из вестминстерской школы, вследствие своего зверского обращения с учениками, вошел буквально в поговорку, стал нарицательным именем. Розга в его руках называлась решетом, которое отсеивало зерна учености от отрубей. Об этом педагоге рассказывают очень веселенькие истории.

Во время отсутствия доктора Бусбея один из учеников нашел в его кабинете несколько слив и принялся за истребление их. Но прежде, чем отправить первую сливу в рот, шалун во всеуслышание заявил: "Довожу до всеобщего сведения, что по поводу моего рта и этой сливы совершается брачное оглашение. Кто из присутствующих имеет законное основание или знает препятствие, вследствие которого рот и слива не могут соединиться брачными узами, пусть сейчас же скажет и затем замолчит". Доктор Бусбей слышал эту импровизацию и решил расправиться с мальчиком по-своему, но отложил наказание на следующий день. Утром он приказал всем мальчикам собраться, взять в руки хорошо знакомый им инструмент и сказал: "Довожу до всеобщего сведения, что по поводу этой розги и зада этого мальчика совершается брачное оглашение. Кто из присутствующих имеет законное основание или знает препятствие, вследствие которого розга и зад не могут соединиться брачными узами, пусть сейчас же скажет и затем замолчит". На это сам провинившийся закричал: "Я имею против оглашения". "На каком основании?" - спросил учитель. "Потому что оба не любят друг друга!" - ответил находчивый шалунишка. Доктору понравилось возражение, и мальчик таким путем спасся от жесточайшей порки.

Многие из заместителей доктора Бусбея унаследовали вместе с его должностью и привычку к строгим наказаниям, и времена доктора Винцента были ничуть не лучше, пожалуй еще хуже, чем "грозное владычество Бусбея". Он не удовлетворялся обыкновенно практиковавшимися наказаниями и сплошь и рядом прибегал к оплеухам и безжалостно щипал несчастных воспитанников. Против такого режима восстал Солеман, грамогласно заявивший, что педагог, имеющий право в определенных местах окрашивать кожу своих

учеников в красный цвет, не должен пользоваться и вторым правом: щипать пальцами до образования синяков и кровоподтеков. Во времена владычества Винцента ученики начали издавать журнал, окрестив его именем "Флагеллянт"; само собой разумеется, что содержание статей далеко не пришлось по вкусу самодуру Винценту, и он в своем гневном доходе до того, что решил возбудить против издателей уголовное преследование. В это время появилась статья Сутгея, который не только еще больше высмеивал Винцента, но и называл себя зачинщиком и виновником упомянутого выше издания, так что обидевшийся педагог должен был оставить мысль о судебном преследовании оскорбителей-учеников.

Бывшая в употреблении в вестминстерской школе розга состояла не из березовых прутьев, как это обычно наблюдается, а из четырех веток яблони, прикрепленных к деревянной ручке. Из числа учеников младшего класса избирались двое, носившие название розговых дел мастеров; в их-то обязанности и входила постоянная поставка в школу розог. Изобретение этого инструмента приписывается доктору Бекеру, состоявшему заведывающим вестминстерской школой в период времени с 1454 по 1458 год. Им же были созданы точные правила, коими необходимо было руководствоваться при приведении экзекуции в исполнение.

Провинившегося школьника заставляли стать на колени перед специальной скамьей с подставкой; затем его раздевали, и учитель приступал к порке, нанося либо четыре, либо шесть ударов. В первом случае экзекуция называлась "шваброй", при шести ударах ей присваивалось название "библейская порка" или "библейские удары". В 1570 году вестминстерскую школу посетила английская королева и обратилась к одному из молодых учеников со следующим вопросом: "Знаком ли ты уже с пресловутой винтоновской розгой"? Не долго думая, находчивый мальчик ответил ее величеству словами Вергилия: "Infidum, regina, jures renovare dolorem".

Раз мы касаемся вопроса о флагеллянтстве в школах, нельзя не упомянуть также о докторе Парре. Субъект этот был глубоко убежден в неоспоримости влияния "березовой каши" и считал ее обязательным атрибутом воспитания и обучения вверенного ему юношества. Поставщиком розог был у этого педагога некий джентльмен, присужденный к смертной казни через повешение. Во время казни веревка оборвалась, и преступник был сначала приведен к жизни, а затем помилован. От этого-то любезного субъекта получал доктор Парр розги и, как утверждают его ученики, принимал их с обязательной улыбкой удовольствия и благодарности.

О Ван-Дейке рассказывают, что свои большие дарования он выказал еще в раннем детстве, нарисовав на заду у одного из своих одноклассников чрезвычайно схожий с оригиналом портрет своего учителя. Как-то раз этот учитель пожелал наказать розгами ученика, послужившего Ван-Дейку полотном. Каково же было его изумление, когда на "казенной части" мальчишки он увидел свое изображение! Изумление сменилось чистосердечным хохотом, и оригинально разукрашенный мальчик был освобожден от наказания.

В Итоне розга также с давних времен считается в большом почете. Мы говорим "считается" потому, что при приеме школы новым заведующим "капитан" этого учебного заведения от имени всех соучеников преподнес ему элегантную розгу из березовых прутьев, связанных между собой голубой лентой бантиком. Обыкновенная розга состояла в Итоне из трех длинных березовых веток, причем четвертая часть их протяжения была обернута бечевками. При взимании платы за нравоучение к обычной цифре добавлялось еще полгинеи за розгу, независимо от того, применялась ли она по отношению к данному ученику или нет. Понятие о чести учеников Итонской школы ничего предосудительного в наказании розгами не усматривало; наоборот, на неподвергшихся телесному наказанию учеников все смотрели косо, и потому, во избежание нареканий товарищей, каждый старался проштрафиться "с заранее обдуманной намерением". Несколько лет тому назад наказанию розгами должен был подвергнуться молодой человек восемнадцатилетнего возраста, пойманный в курении папироски. По наущению своего отца, юноша уклонился от экзекуции и был исключен

вследствие этого из заведения.

В прежние времена днем наказания в Итоне была пятница, имеющая худую репутацию дня злых предзнаменований.

Самым знаменитым флагеллянтом слыл в анналах Итонской школы доктор Кэте, владычество его началось в 1809 году и длилось целых двадцать пять лет. О его четвертьвековой деятельности в сфере страсти к телесным наказаниям рассказывают массу потешных историй.

Как-то раз в школе должен был состояться торжественный акт конфирмации, и каждому из учителей было предъявлено требование о доставлении списка учеников его класса соответствующего возраста. Должно же было случиться так, что один из учителей составил упомянутый только что список как раз на том листе бумаги, на котором записываются обыкновенно ученики, подлежащие за предосудительное, по понятиям школы, поведение телесному наказанию. Доктор Кэте получил этот список, приказал сейчас же позвать к нему всех поименованных в списке учеников и, не обращая внимания на их протесты и разъяснения, поочередно выпорол всех самым основательным образом.

При оставлении школы один из учеников сказал доктору Кэте: "Прощайте, доктор Кэте!", на что последний возразил: "Как видно, ты хорошо знаешь меня, но вот я никак не могу припомнить твое лицо!" - "Зато вы прекрасно знакомы с другой частью моего тела, господин доктор!" - ответил дерзкий мальчик.

Еще двадцать пять лет тому назад в школе под названием "Госпиталь Иисуса Христа" телесные наказания были в большом ходу и производились с необычайной строгостью. Надзиратели пользовались правом пороть школьников розгами и, само собой разумеется, пользовались этим правом всюду и особенно не церемонились с учениками младших классов. Вот что рассказывает об этом Чарлз Ламб.

"Нередко меня стаскивали с постели, чтобы задать хорошую порцию березовой каши. Случалось и так, что несколько ночей кряду меня заставляли проводить без сорочки - и это в зимнее время; в таком костюме я должен был ожидать, пока кому-либо из надзирателей благоугодно будет наконец обработать мое тело кожаным ремнем. Всех таких, которым доставалось особенно много, было нас одиннадцать человек, одиннадцать товарищей по несчастью. И если в дортуаре после того, как все воспитанники улеглись по постелям, раздавался чей-либо разговор (мы, одиннадцать, страха ради иудейска никогда не осмеливались беседовать в ночное время), наказывали непременно почему-то нас, а не действительно виновных в нарушении тишины в недозволенное время.

Так называвшиеся "юнги короля", т. е. мальчики, которые избирали себе морскую карьеру и с этой целью поступали в училище мореплавания или мореходные классы Виллиама Уэльса, обречены были на чрезвычайно тяжелую жизнь. Так, например, чтобы приучить будущих моряков к обычным во время плавания страданиям и невзгодам, Уэльс держал их буквально в ежовых рукавицах. В школе царил вполне спартанский режим, наказания распределялись направо и налево и выполнялись с ужасной жестокостью. Переносить их начальство заставляло безропотно и терпеливо; молодые люди закаливались, причем воспитанники старших классов получали право безжалостно распоряжаться с маленькими учениками, которые боялись своих старших товарищей, как огня, и дрожали пред ними, как пред лютыми зверьми. Репутация школы разнеслась далеко за пределы ее, и все мальчишки, принадлежавшие к окрестному населению, относились к питомцам Виллиама с большим уважением, а некоторые даже с трепетом. За побег из школы полагались различные наказания. За первое дезертирство виновный подвергался заковыванию в кандалы. Попавшийся во второй раз заключался в одиночную "камеру", которая по своей величине равнялась ровнехонько росту преступника, и то в лежачем положении. Заключенному полагался сенник и шерстяное одеяло; светом он пользовался от свечки, стоявшей с наружной стороны оконного отверстия. Виделся он только со сторожем, приносившим ему кушанье, да с палачом, который два раза в неделю выводил его на прогулку и каждый раз производил над ним прописанную начальством экзекуцию. Третий

побег считался обыкновенно последним, ибо произведенное в третий раз дезертирство влекло за собой торжественное изгнание из заведения. С преступника срывали присвоенную этим кадетом форму, облачали его в особую, "покаянную" рубашку, и вводили в актовый зал, куда собирались также все учащиеся, учителя и служащие мореходных классов. Там виновного медленно водили вокруг залы и в то же время секли розгами; затем его отдавали на руки родным или друзьям, если таковые оказывались налицо. В противном случае преступник сдавался в полицию через городского, постоянно дежурившего у ворот заведения.

В "доброе старое время" телесные наказания производились не только в низших и средних учебных заведениях, но и во многих университетах. У некоторых профессоров и деканов порка считалась излюбленным занятием и чрезвычайно приятным препровождением времени. Доктор Поттер, например, читавший лекции в Тринити Колледж, наказал телесно студента, взрослого мужчину, носившего на перевязи шпагу... В своих "Воспоминаниях о Мильтоне" доктор Джонсон говорит: "Мне совестно все это рассказывать, но - что делать? ведь это истинная правда: Мильтон считался одним из последних, так называемых "отъявленных" студентов нашего университета. У него хватало даже смирения и покорности, чтобы подвергнуться публичному телесному наказанию".

Нельзя умолчать и о том, что, по преданию, известному и по сию пору в Оксфорде, доктор Джонсон сам, будучи студентом, подвергался телесным наказаниям. Впрочем, как мы сказали выше, все это относится к области преданий, а за факт выдавать последнее мы не можем. Не известно также, были ли Мильтон и доктор Джонсон последними студентами, которых начальство решалось угощать "березовой кашей", если вообще правда то, что их наказывали телесно.

Слишком усердное применение розги в школах в то время заставляло мальчиков пускаться на всевозможные хитрости, чтобы "изъять" учителей из школы, т. е. устроить так, чтобы они не могли несколько дней являться на занятия. Особенно часто этот прием практиковался перед Рождеством в деревнях и местечках, и если мальчишкам удавалось удалить учителя на три дня из сферы его деятельности, то игра их считалась выигранной, и побежденный педагог обязан был подписаться под соглашением, касавшимся продолжительности каникул, часов, предназначенных для развлечений, и некоторых пунктов, относившихся к наказаниям. Но если попытка учеников заканчивалась неудачей, то они обязаны были подчиняться беспрекословно всем распоряжениям торжествующего победу учителя и, кроме того, получали невероятное количество розог, которые должны были сносить безропотно и терпеливо.

В отношении самих телесных наказаний вообще, применяющихся в школах Англии в настоящее время, а также некоторых частных их, мы встречаем интересные данные в отчете одной из школьных экзаменационных комиссий.

Из числа пансионатов (закрывшие учебные заведения) приблизительно в шестнадцати-двадцати двух начальство прибегает еще к телесным наказаниям, вообще же розга или палка употребляются чрезвычайно редко и уж во всяком случае низший педагогический персонал не имеет права по своему усмотрению назначать порку. Телесно наказываются только провинившиеся во лжи, замеченные в неблагопристойном поведении, прибегающие к борьбе и выдающиеся своей дерзостью и нахальством. В других случаях, требующих наказания провинившегося, практикуются принудительные работы, денежные штрафы или что самое страшное для учеников - лишение карманных денег.

Во всех школах, содержимых за счет общественной благотворительности, розга и палка процветают вовсю и гуляют по спинам учащихся буквально ежедневно.

Мнения педагогов, выраженные в напечатанных отчетах и касающиеся влияния телесных наказаний на наказуемых, различны. Некоторые говорят: "Розга и палка являются для мальчиков истинным благом", в то время как другие утверждают, что "телесные наказания и ненужны, и обещивают наказанного". Третьи, наконец, уверены в том, что "значение школы сильно поколебалось и совершенно погибает вследствие того, что палка

изъята из числа воспитательных приемов".

В общем кажется, что и учителя и ученики предпочитают хотя и острое, так сказать, но быстрое телесное наказание заключению в карцер и принудительным работам. Родители придерживаются категорически обратного мнения, и многие частные училища и школы строго выполняют их желание, изгнав розгу раз и навсегда из числа воспитательных приемов. Изредка, правда, наблюдались такие факты, когда розга с триумфом водворялась на то самое место, откуда была изгнана; это случалось тогда, когда система дружеских увещаний не приводила решительно ни к каким положительным результатам.

Один француз-писатель замечает, что в английских школах "существует такой род наказания, которому мы отнюдь позавидовать не можем. Это телесное наказание, практикующееся у нас, французов, исключительно в детских". Далее он говорит: "Употребление розги является одним из древних английских обычаев, наследуемых из поколения в поколение. Иностранцы не могут и представить себе той суровости и упорства, с какими английские учителя придерживаются этого старого обычая, обещающего наказуемого ученика. Нам пришлось прочитать в сочинениях доктора Арнольда одухотворенные дифирамбы, посвященные, телесным наказаниям, но они несколько не убедили нас в целесообразности или только терпимости розги. Нужно только изумляться тому, с каким рвением английский учитель стаскивает штанишки с ученика, в то время как непорочность и пуританство его языка запрещают ему даже громко называть эту часть туалета"!

В Шотландии тяжелые наказания применяются в школах с таким же точно усердием, как и в Англии; разница замечается лишь в том, что инструментом у шотландцев является пресловутый "ремень", приготовленный из довольно длинного куска кожи и разделенный в окончании своим на маленькие полоски.

Один из преподавателей высшей школы в Эдинбурге, по фамилии Николь, имел обыкновение наказывать сразу по полдюжине своих учеников. Провинившиеся расставлялись в одну шеренгу; когда все было готово, Николь посылал к своему коллеге, мистеру Крукшанку, посольство, которое, явившись к месту назначения, докладывало: "Привет от мистера Николь; он приглашает вас пожаловать прослушать его оркестр". Вслед за прибытием почетного гостя, начиналась изумительная по быстроте и жестокая по основательности порка: мистер Николь прохаживался взад и вперед мимо выстроившейся шеренги и извлекал из своих жертв всевозможные звуки и тоны.

В сельских школах вместо ремней и розог учеников наказывали в прежнее время кожей угря. В расположенных вокруг Эдинбурга деревнях такие инструменты были в употреблении еще лет сорок тому назад; при этом, рассказывают, что крестьянки одного села самым жестоким образом выпороли кожей угря некоего горожанина, осмелившегося явиться к ним в деревню с целью жениться. Такое наказание было вызвано древним обычаем, в силу которого на дочках рыбаков могут жениться исключительно рыбаки.

Еще очень недавно законодательная палата была занята пересмотром законоположения о домашних и школьных телесных наказаниях. Маркиз Тунсенд внес в палату лордов биль, относящийся к проявлению больших забот о детях, прислуге и учениках. Благодаря его предложению, был обнародован указ, в силу которого каждый учитель или воспитатель, имеющий дело с учениками ниже шестнадцатилетнего возраста, пользовался при телесном наказании исключительно березовой розгой, причем сами телесные наказания не должны назначаться за проступки, относящиеся к невнимательности или отсутствию прилежания за работой. Всем хозяевам, содержащим прислугу, запрещается бить последнюю; то же самое относится и к ремесленникам, обучающим детей тому или иному мастерству. Последнее предложение маркиза нужно считать совершенно излишним, так как обстоятельство это и без того было предусмотрено законом. Биль породил массу оживленных прений, и в конце концов проект маркиза был отвергнут подавляющим большинством голосов. При этом палата лордов установила, что самый надежный инструмент, применяющийся шотландской школьной дисциплиной, именно "ремень", в случае принятия предложения маркиза

Тузендского оказался бы на положении незаконного, а так как шотландские мальчики розог никогда не получают, то для них не было бы никаких телесных наказаний, и учитель, и дядя, и тетка лишены были бы возможности наказать упрямого и избалованного мальчишку...

В различных местах настоящего сочинения читатель имел уже случай узнать, что прекрасная половина человеческого рода, при этом представительницы решительно всех возрастов, вынуждена была смиренно подставлять спину под розги.

В прошлом столетии в так называемых пансионах для молодых девиц употребление розог было введено в повседневный обиход, и еще в 1830 году барышни в полном смысле слова зачастую приговаривались своим учебным начальством к довольно солидным экзекуциям.

Чтобы быть последовательными и возможно точными в смысле хронологическом, помещаем ниже "отчет", касающийся воспитания в пансионах и относящийся к концу прошлого столетия. Отчет этот заимствован нами из одного письма, написанного двенадцать лет тому назад. О красноречивости и доказательности его пусть судит сам читатель.

"Моя милая маленькая внучка! Собственно говоря, я не должна была бы называть тебя больше "маленькой", ибо, как мне кажется, в настоящее время двенадцатилетние девочки и те держатся вполне взрослыми дамами! Вслед за этим письмом ты получишь от меня все те прекрасные вещицы, которые я тебе обещала прислать тогда, когда ты поступишь и переедешь в пансион. Ах, моя душечка, в мое время пансионы были вовсе не то, что теперь!

Теперь я хочу написать тебе все то, что ты и твои сестры так хотели услышать от меня. Я хочу именно нарисовать тебе картину состояния пансионов или воспитательных домов в дни моей юности. Письмо это, знай, написано не мною лично. Нет, нет, нет, - я уже не в состоянии! Его написала по моей просьбе Марта, моя прислуга. И хотя мне уже за восемьдесят, тем не менее, благодаря Богу, память нисколько мне не изменила, я помню все чрезвычайно отчетливо. В моем распоряжении, кроме того, имеется масса писем, относящихся к пережитым мною временам, и эти письма многое, многое напоминают мне...

Да, душечка, с тех пор, как я явилась в пансион, прошло уже не более и не менее, как семьдесят два года! Запомни, милая семьдесят два года! В ту пору мне было ровно двенадцать лет. Мы знали тогда только одну школу, которая помещалась в доме регента в Бате; таким образом, чтобы попасть в этот город, нам понадобилась целая неделя (мы задержались несколько в Лондоне). По настоящим временам экипировать отправляющуюся в учебное заведение девушку решительно ничего не составляет, но тогда дело обстояло совершенно иначе. Моя матушка вытащила из-под спуда все, что было в доме, и с усердием, достойным лучшей участи, выискивала из старого хлама все, что так или иначе могло быть пущено в дело. У матери моей был такой гардероб, что вся округа не могла без зависти говорить о нем, и благодаря этому приданое мое вышло на славу: ведь я считалась благородной девочкой! Всего мне было дано шесть платьев; пожалуй, современные девицы найдут такое количество ничтожным, но тогда - о, тогда оно казалось громадным. Дали мне и белое ситцевое платье с красными крапинками, сшитое по самой последней моде, с короткой талией, которая должна была не доходить до плечей только на два дюйма (более длинных носить тогда не полагалось). Юбки все были довольно тесны и с одной стороны несколько подобраны.

Само собой разумеется, что я получила и много нижних юбок, отделанных чрезвычайно красиво и почти похожих на те, которые ты взяла теперь с собой в школу. При выходе на улицу в то время надевали длинный широкий шавль и перчатки, причем последние были настолько длинны, что закрывали всю руку. В мои времена женщины особенно изощряли свой вкус на перчатках. У меня было их несколько пар, были белые, были и цветные, все были вышиты и украшены накладными узорами из дорогих и красивых кружев. Такие перчатки стоили обыкновенно довольно дорого. Волосы имели тогда обыкновение завивать горячими щипцами в локоны; шляпы носили маленькие и надевали их на макушку головы; украшений на них было бесконечное количество. Я уверена, что теперешние барышни нашли бы их чрезвычайно некрасивыми, но, по моему здравому

рассуждению, наши шляпы вовсе не были так безобразны или неудобны, не более, во всяком случае, нежели те вещи, которые под именем шляп носятся на голове в настоящее время.

Впрочем, родная, мода капризна, как ты, вероятно, знаешь; мода всегда была тиранкой и всегда таковой, я убеждена, останется. Ведь, не много вовсе времени прошло с тех пор, когда дамы заставляли устраивать себе из волос двухфутовые прически, надевая вдобавок сверху целые кареты, пароходы и зверей в виде украшений. У моей матери, например, была четырехместная карета, сделанная из дутого стекла, и эту шляпу она надевала только в случаях исключительной важности. И, представь себе, милая моя, она говаривала, бывало, что, к сожалению, моды в ее время стали удивительно просты! Моя лучшая шляпа выглядела не наряднее, чем поставленное кверху дном ведро для углей... Она была украшена тремя розового цвета бантами и маленькими розетками на верхушке. В мое время в моде были еще фижмы, и меня снабдили одним таким парадным платьем, ибо, говорили, "та школа, куда я еду, считается весьма элегантною". Парадное платье это было сшито из белой парчи, сплошь усеянное накладными бутонами роз и украшенное оборками из красных и зеленых лент. Талия была вырезана очень глубоко, короткие рукава были обложены широкими кружевами. Ах, те "фижмы" были тогда ни на йоту не хуже этих ужасных кринолинов, которые носятся и до сих пор, несмотря на то, что король Георг IV особым декретом приказал изъять их из употребления. Получила я еще в приданое чулки различных цветов и несколько пар сапог, каждая из которых по своему цвету соответствовала цвету платья. Моя бедная матушка чувствовала себя положительно несчастной вследствие того, что мода на ботинки с высокими каблуками более не существовала; она лично носила их до самой смерти и говаривала, что ничего более удобного и целесообразного быть не может. Но каблуки эти были тогда не в моде, и я носила только низкие, как теперь на бальных туфельках.

Да, получила я еще и веера! Да, веера. Теперь молоденькой девушке достаточно иметь один веер, мы же постоянно ходили с веерами, словно японки, и мне дали один для улицы, один для употребления по утрам, один для вечера и один для экстраординарных случаев. Снабдили меня еще и целой массой безделушек ювелирного искусства, но все они выглядели точно так же, как и теперь на выставках в магазинах: ведь мода на большие серьги и кричащие украшения вообще возвратилась снова. Кроме того, я должна была взять с собой множество полотенец и простынь, ножик, вилку, ложку и, наконец, кольцо для салфетки с моим именем.

Для нашего путешествия из Гресхамбурья в Лондон - всего двадцать четыре мили, как тебе известно, - нам понадобилось в курьерской карете мистера Бурнеста целый день. Дело в том, что мы должны были сделать крюк из-за скверной дороги. Лишь на следующий день мы прибыли в Лондон и вечером отправились в театр Друри Лейн. Ставили две пьесы: "Тайный брак" и "Разоблаченная дева". Обе эти пьесы были тогда в большой моде.

Из Лондона мы отправились дальше в карете моего дяди прямо в Бат; для этого мы употребили только два дня, что по тогдашним временам считалось очень быстрым переездом. На второй день, вечером мы остановились у дома регента. Обе мисс Померей, которым принадлежал пансион, представляли собою двух шикарных дам; они пользовались прекрасной репутацией, ибо научали своих учениц прекрасным манерам, уменью жить и держаться в обществе. Немедленно же был осмотрен весь приведенный мною гардероб, причем все было одобрено, забраковали только корсет, который оказался настолько свободным, что его перешнуровали, и в конце концов я еле-еле могла дышать в нем; но мисс Померей, видя мои страдания, заметила, что девицы не должны распускать свою грудь так, как молочницы. Она никогда так не поступала, и мы, ее ученицы, должны держаться так же стройно и прямо, как она. Каждое утро при входе в классную комнату мы должны были делать нашим учительницам новомодные реверансы, которым мы научились от нашего танцмейстера. Затем наши ноги устанавливались на полку, выпрямитель привязывался к плечам и в талию втыкалась большая штопальная игла острием кверху; рассчитано было так, чтобы мы неминуемо укололись, если бы осмелились хотя слегка опустить голову. А кто укалывался, той грозило наказание, и - ах! - много розог досталось мне и за это и за другие

подобного же характера "преступления!". В то время частые и обильные порки в школах уже прекращались, но лично мисс Померен преклонялись перед влиянием розог и раздавали их направо и налево довольно щедрой рукою. Если кто-либо из нас провинилась в чем-нибудь (а ты, дорогая, изумилась бы, если бы узнала, что в те годы называлось преступлением!) и была приговорена к телесному наказанию, то она должна была подойти к кафедре учительницы и после глубокого поклона просить разрешения отправиться за розгой. Разрешение давалось, и проштрафившаяся удалялась и сейчас же возвращалась в класс, но уже без перчаток; в руках ее была подушка, на которой лежала розга. Затем она становилась пред учительницей на колени и преподносила ей розгу, которая тут же несколько раз прогуливалась по обнаженным плечам и шее преступницы. У нас было два сорта розог: один из березовых прутьев и другой из китового уса, обернутого в изрядной толщины бечевку. Обе наносили очень чувствительные удары, но особенно трепетали мы перед розгой второго сорта, которая звалась "зверем". Концы ее напоминали собою полоски девятихвостовой "кошки" и глубоко врезывались в наше тело. "Зверь" предназначался за самые серьезные преступления, именно: за отсутствие почтительности по отношению к обеим начальницам. Их учебное заведение было на особенно хорошем счету; нормой учащихся было тридцать человек, и все мы, девочки, были из лучших английских семей. В те времена, о которых я говорю, никто не удивлялся, если девицы оставались в школе до восемнадцати-девятнадцатилетнего возраста, вплоть до тех пор, одним словом, когда для них родителями подыскивалась подходящая "партия", либо замужество старшей сестры освобождало ей место в семье и возможность выездов в свет. Но возраст наш был не при чем: ни одна из учениц мисс Померей не могла избежать наказания розгами, если оно было ей назначено одной из госпож наших учительниц. Короче, в доме регента розга не бездействовала ни одного дня, и самые ярые поклонники ее не могли быть недовольны господствовавшей в нашем пансионе системой воспитания и "воздействия".

У нас были две или три степени серьезных наказаний. Первая степень приводилась в исполнение в комнате мисс Померей только в ее личном и ее горничной присутствии. Вторая степень состояла в публичных приготовлениях к наказанию в присутствии всей школы, заканчивавшихся почти всегда прощением провинившейся; третья степень это - приведение наказания в исполнение "публичным порядком". По первому разу, когда мне пришлось выдержать порку в комнате мисс Померей, я припоминаю всю картину экзекуции, словно последняя совершилась вчера... Подумай, внучка, такая старуха, как я теперь, и такое сильное впечатление, не ступшеывающееся через несколько десятков лет! Я получила торжественное приказание принести розгу в комнату госпожи нашей начальницы, известную под именем "кабинета заведующей". Когда я явилась сюда с "инструментом" в руках, здесь были обе мисс Померей. Я стала на колени, старшая из мисс взяла из моих рук розгу и - как мне показалось - довольно нежно, с любовью, если можно так выразиться, провела ею между своих пальцев, как бы погладила ее. Затем она позвонила и приказала вошедшей горничной приготовить меня. Горничная повиновалась и привычным движением через голову сняла с меня платье и захватила мои слабые руки в свои грубые и сильные лапы. Я страшно испугалась: ведь никогда до сих пор в жизни меня никто не бил! И эти приготовления, и сама экзекуция так сильно подействовали на меня, что со мной сделался сильнейший истерический припадок. Ах, впоследствии я ко всему прекрасно привыкла! Мне не составляло ничего особенного ни видеть розгу в употреблении на других, ни самой находиться под ее "ласками". Видела я неоднократно, как в присутствии всей школы секли наполовину обнаженных взрослых девиц, как говорят, невест, и секли за что? За малейшее невольное уклонение от параграфов установленного в нашей школе режима. При всех публичных экзекуциях полагалось надевать на наказуемую особое платье, похожее несколько на ночной капот, и вот в этом именно наряде виновную перед поркой водили перед рядами выстроившихся для присутствования при наказании товарок. Затем ее заставляли лечь на скамью, руки придерживались, а ноги вставлялись в особое приспособление, плотно обхватывающее их. Помню, как таким именно образом наказали

одну девицу, которая назавтра покидала нашу школу для того, чтобы сейчас же выйти замуж. Назовем ее, допустим, мисс Дарвин. У нее была масса врожденных недостатков, и, представь себе, она даже воровала. Она была одержима тем, что теперь подводится под понятие о kleptomании, но у нас никаких имен для проступков не существовало: украла, значило в мое время - только украла, и делу конец! Как, почему, зачем такие вопросы в дни моей молодости не существовали, они никому на ум не приходили.

Как-то раз после обеда мисс Померей сказала: "Сударыни, сегодня я попрошу вас быть готовыми на полчаса раньше; поторопитесь одеться и будьте в классе не в пять, как всегда, а в половине пятого".

Мы с недоумением смотрели друг на друга, а мисс Дарвин покраснела, но ничего не сказала. Мы разошлись по своим комнатам. Скоро мы узнали, в чем дело, ибо девушка, причесывавшая меня, исполняла также обязанности поставщицы розог и в этот именно день связала несколько пучков на новый образец, специально для сегодняшнего торжественного случая. В назначенное время мы собрались в класс, и мисс Померей заняла обычное свое место. Мисс Дарвин приказано было стать посередине комнаты, после чего госпожа наша начальница посвятила нас в совершенное девицей преступление, равно как и сообщила о назначенном ей наказании. Мисс Дарвин слыла положительно красавицей; и рост, и фигура ее говорили о вполне развившейся девушке, и эта барышня все время стояла перед нами так спокойно, словно наказание розгами было чем-то самым собой разумеющимся. Она была очень нарядно одета, в зеленом парчовом платье, в белой шелковой нижней юбке; масса драгоценных безделушек украшали ее лиф. Мисс Померей позвонила и приказала явившейся горничной: "Приготовь ее!". Прислуга сделала реверанс и приступила к разоблачению нашей подруги. Когда все было готово, на нее надели специальное "штрафное" платье, о котором я упоминала выше; затем мисс Дарвин, стоя на коленях, передала госпоже нашей начальнице розгу. После этого две учительницы подвели ее к кафедре, к которой и привязали за руки и за ноги. Розга в руке мисс Померей взвилась и с таким ожесточением опустилась на нежное тело молодой девушки, что сейчас же на молочно-белом фоне образовались красные полосы. Под конец наказания у несчастной мисс Дарвин дрожали все суставы, лицо ее пылало и глаза метали искры. Став снова на колени, она приняла из рук мисс Померей розги и передала ее учительницам. Только после этой церемонии ей позволили удалиться в свою комнату, чтобы там переодеться. Прислуга несла за ней корзину с ее платьем.

К удивительному наказанию прибегали у нас в пансионе для того, чтобы смирить непокорных воспитанниц, "сбить с них гордость", как говорили наши педагоги. Каждая ученица, замеченная в несоблюдении одного из правил, относившихся к чистоте и опрятности - а правил этих была такая масса, что немудрено было переступить одно из них! - должна была снять свое платье и одеться в платье какой-нибудь воспитанницы сиротского дома. Это был наряд так называемых "красных девиц"; он состоял из огненно-красного шерстяного платья и белого передника. В общем, это было форменное безобразие, да и удобством этот костюм похвастать не мог. В таком виде нужно было брать урок танцев и гимнастики у мужчин-учителей; помимо этого, во время уроков "красная девица" должна была стоять в классе на высоком стуле, чтобы все могли ясно видеть ее во весь рост. Мне кажется, что подобные наказания теперь больше не практикуются, дорогая Катенька, и с тобой отнюдь не будут обходиться с такой строгостью там, куда ты теперь отправляешься. Что бы ты сказала, например, если твой красивый, маленький ротик заклеивали бы пластырем за то, что ты сказала несколько лишних слов? Такому наказанию подвергали мисс Померей тех воспитанниц, которые говорили в недозволенное время. Да, детка, вырезали две широкие полосы липкого пластыря и накрест прикрепляли его через губы; в таком положении нас заставляли оставаться несколько часов кряду. Пластырь брался такой солидной ширины, что однажды чуть не задохлась одна из наказанных таким способом учениц; с тех пор... ты думаешь, родная, прекратили такое варварское наказание? - нет, но брали менее солидные полосы пластыря. Если кто-либо из нас пачкал свою книгу, то виновной привязывали руки на спину! Да, жизнь наша была тяжела, но ведь мы несли свой

крест для того, чтобы из нас могли выйти в полном смысле слова молодые приличные барышни! И если твои учительницы покажутся тебе строгими, вспомни, детка, о том, что я написала тебе, и благодари Бога за все! Учиться тебе придется, вероятно, много: наше воспитание было очень ограничено, с нынешними требованиями его и сравнить нельзя. Если мы хорошо танцевали, бегло говорили по-французски, играли ловко в спинетт и правильно читали и писали, то наше образование считалось законченным. Вот я, например, с таким запасом знаний прожила всю свою жизнь, а ведь меня нельзя назвать скверной женой или матерью только потому, что я не знала полдюжины языков и не могла поддерживать серьезные разговоры с учеными людьми о высоких материях. Я написала тебе длинное письмо, моя маленькая Катенька; быть может, оно последнее, которое ты получаешь от своей бабушки: восемьдесят три года - не шутка, родная! Если мне не придется увидеть тебя на ближайшие каникулы, не забывай все-таки меня, вспоминай изредка о твоей горячо любившей тебя старой бабушке, которая иногда рассказывала тебе о своих школьных годах. Тебя бить не будут, моя милая, это уже не в моде. Марта ропщет: она говорит, что я заставила ее много писать! Приходится сказать прощай! Прощай, моя дорогая!

Твоя любящая тебя бабушка."

КОРРЕСПОНДЕНЦИИ О НАКАЗАНИИ РОЗГАМИ В ЖУРНАЛЕ "FAMILY HERALD"

Как это можно было видеть из предшествовавших глав, розга играла с давних пор в домашнем быту довольно выдающуюся роль. Еще сто лет тому назад она была в полном ходу во всех слоях населения. Так, Гогг, творец Эттрики, повествует об одном шотландском лорде, который не только наказывал свою дочь телесно, но и выгнал ее из дому за то, что она влюбилась в портного. Несколько лет тому назад некий арендатор в Вильтсе приказал своей дочери раз и навсегда отказаться от планов совместной жизни со своим возлюбленным. Несмотря на такое приказание, ему удалось уличить свою дочь в неповиновении, и, не долго думая, он принялся колотить ее кнутом. Дело кончилось тем, что девушка вырвалась из рук освирепевшего отца, убежала в свою комнату и там лишила себя жизни.

При воспитании детей розга считалась у родителей неизбежным средством, и не только по отношению к малышам и подросткам, но и в зрелые годы. Современные дети могут только вздохнуть с облегчением и называть себя в сравнении со своими предками счастливыми. Они не могут иметь достаточно ясного представления о тех временах, когда розга была в употреблении почти целый день. Факт остается фактом, и мы с точностью историков утверждаем, что еще шестьдесят лет назад, не говоря уже о прошлом веке, дети в возрасте от двух до семнадцати лет большую часть своего дня проводили в известной всем позе на коленях матери или гувернантки. "Кто избегает применять розгу, тот портит ребенка" - гласила старая поговорка, и если бы под влиянием частых порок дети исправлялись, то мальчики и девочки прошлого столетия должны были бы быть сущими ангелами: в чем бы другом, а уж в ударах и колотушках они недостатка не терпели. Выше мы говорили, что "березовой кашей" угощали не только малолетних, но и зрелых юношей и девиц, и во многих семьях матери не колебались потчевать розгой своих восемнадцати- и девятнадцатилетних дочерей, стоявших накануне замужества. Что скажут на это современные барышни?

Пример подобного домашнего воспитания можно видеть в опубликованных письмах Пастон, относящихся к середине пятнадцатого столетия. В этом письме некая дама советует своему двоюродному брату поскорее избрать для его дочери подходящего мужа, ибо девушка находится как раз в соответствующем возрасте. "Ведь никогда, - пишет она далее, - дитя твое не имело столько забот и печали, сколько теперь; она не должна разговаривать ни с одним мужчиной, кто бы он ни был; она не смеет говорить ни с одним из слуг, находящихся в доме ее матери, а с самой Пасхи она регулярно по два раза в неделю подвергается порке; иногда ее секут даже два раза в день и бьют по чем попало. Так, в данный момент у нее три или четыре большие раны на голове".

Эта самая Агнесе Пастон предложила воспитателю ее сына высечь последнего и методически сечь его до тех пор, пока мальчик не исправится. "Мальчику" этому было тогда

уже пятнадцать лет. В одном из сочинений Фанбурга кто-то спросил вдову Аманду, почему она выходит вторично замуж, когда не любит своего нареченного. Аманда ответила: "Если я откажусь, моя маменька будет бить меня"! Другая, когда ей сообщили о прибытии жениха, сказала: "Делать нечего, нужно затянуть корсет, иначе меня так больно высекут, что кровь будет струиться по моему телу".

Доктор Джонсон не упускает ни одного подходящего случая, чтобы не использовать его для восхваления розги и чудного действия ее не только в школе, но и в домашнем быту. Бузвелль рассказывает о нем, что, когда доктор Джонсон увидел нескольких барышень, отличавшихся своим безукоризненно любезным обхождением, и когда ему было сказано, что такому качеству они обязаны исключительно строгим наказаниям, практиковавшимся матерью девушек, - он воскликнул, пародируя слова Шекспира: "О, розга! Я чту тебя за это!"

А ведь Джонсон в этой области слыл авторитетом, ибо если дома его и нечасто угощали "березовой кашей", то, по его собственному признанию, он особенно объедался ею в школе. Когда однажды кто-то сказал ему комплименты за отличное знание им латинского языка, он возразил: "Помилуйте, мой учитель честно наказывал меня розгой, в противном же случае я ровно ничему не научился бы, ибо ничего не делал бы".

В отношении принципа "жена да боится мужа своего" считаем необходимым упомянуть, что во время всего англосакского периода в Англии муж имел право по собственному разумению "учить" жену свою розгой, плетью или другим избранным им инструментом. Гражданское право разрешало каждому супругу за одно преступление *flagellis et tustibus acriter verberare uxorem*, в других случаях только *modicam castigationem adhibere*. "Но, - говорит Блекстон в своих комментариях, - у нас в Англии под благородным правлением короля Карла II подобные права мужа находились под общим сомнением, и в настоящее время жена найдет себе защиту против обижающего ее мужа у участкового мирового судьи. И только в низших слоях населения, вообще склонных к рутинерству и избегающих всяких новшеств, можно встретиться еще и теперь с применением упомянутого выше преимущества супруга на деле".

Ученые никак не могут сговориться по вопросу о том, что именно следует понимать под выражением "мягкое наказание" и каким именно инструментом оно производится. Один из параграфов общих законоположений Уэльса гласит: "Три удара метловищем куда угодно, за исключением головы". В другом параграфе говорится, что палка, которой наносятся удары, должна быть такой же длины, как рука наказывающего, толщина же ее должна равняться толщине его большого пальца. Некий супруг имел обыкновение уверять свою жену в том, что если бы он хотел бить ее палкой известной крепости, то должен был бы со спокойной совестью прибегнуть к пруту или к руке. Некоторые мужья, не желавшие обнаруживать особенной строгости, ограничивались орешниковой веткой толщиной в мизинец. На одном из церковных стульев в Стратфорте изображен резьбой на дереве мужчина, который угощает свою жену несколько большим прutom, нежели рекомендованный, причем положение женщины настолько же оригинально, насколько и неудобно.

Следующие выдержки заимствованы из дневника Пеписа.

12 мая 1667 года. Сегодня моя жена уличила прислугу в том, что она тайно вышла из дому, и наказала ее телесно, после чего девушка заявила, что оставаться у нас на службе более не желает. Я лично допросил ее и при этом услышал столько лжи, что ее уход может меня только порадовать. Пусть убирается завтра же.

10 июня 1667 года. Был в Гринвиче, где застал массу народа. Оказалось, что должна была состояться "кавалькада" {В Беркшире существовал древний обычай, в силу которого у окон избитого своей женой мужа соседи устраивали особый парад с музыкой, состоявшей из рожков, котлов, горшков и тому подобных далеко не музыкальных, но производящих адский шум "инструментов". Быть может, "кавалькада", о которой говорит Пепис, и есть именно это наказание.} по адресу констебля города, который дошел до того, что допустил свою жену наказывать себя.

Ссылаясь на "Протестантский Меркурий", Малькольм сообщает оригинальный случай, относящийся к концу семнадцатого столетия. Жена одного переносчика тяжестей в окрестностях Дана с такой силой и с таким усердием дубасила своего мужа, что бедняга, ища спасения в бегстве, выпрыгнул в окно на улицу. Возмущенные подобным скандалом, соседи избитого мужа устроили "кавалькаду", т. е. дефилирование пешком с барабанным боем и знаменосцем, на древке которого, вместо знамени или флага, была" прикреплена... сорочка. Барабанщик выбивал марш под названием "Остолопы, петухи безмозглые, марш вперед!", причем около семидесяти разносчиков угля, извозчиков и переносчиков тяжестей замыкали процессию, украшенные огромными, прикрепленными к голове рогами. Любопытные зрители были в восторге от этой "кавалькады на своих двоих" и награждали мстителей за поруганное достоинство мужчины щедрыми подачками.

Во времена "семейных наказаний" не забывали также прислугу и ремесленных учеников. Некоторые, зараженные пуританством писатели, касающиеся в своих трудах отношений господ к своей прислуге и служащим вообще, наделяют барина и барыню обязанностью также и наказывать своих подчиненных, причем один из них выражается так: "Я слышал от умудренных опытом людей, что совершившему преступление доставляет огромное удовольствие, если мужчину наказывает мужчина, а женский пол - женщина. Ибо не подобает мужчине дойти до того, чтобы его била женщина, а девушки в то же "время сильно портятся, если получают удары от руки мужчины".

Что касается телесных наказаний находящихся в выучке учеников, то по этому поводу существует интересная история о шотландском ученике сапожника, но за достоверность ее мы не ручаемся. Город Линлитгоф в Шотландии славится своей сапожной и башмачной мануфактурой, и в прежние времена множество мальчиков в качестве учеников находили себе там занятия. Часть из них были сироты и воспитывались со стороны своих хозяек на совершенно ортодоксальный манер. Женщины Линлитгофа вообще, очевидно, прекрасно владели и управлялись пресловутым ремнем, причем об одной не в меру дородной особе рассказывают, что в течение десяти минут она приводила к повиновению и наказывала полдюжины учеников ее мужа. И другие женщины также великолепно обращались с орудиями телесных наказаний, и в конце концов постоянно избитые мальчишки начали все возрастающим ропотом заявлять вполне справедливые протесты против жестокого с ними обращения хозяек, заявляя, что им уже невмоготу так часто укладываться на колени жен своих мастеров. Дело кончилось тем, что мальчишки по взаимному уговору решили отомстить. Избран был день, когда месть должна была восторжествовать. Заговорщики узнали, что четверо мастеров, их начальников, собрались по какому-то экстраординарному случаю поехать в Эдинбург. Эти четверо как раз оказались теми, чьи жены наиболее часто и сурово наказывали учеников. Судьба явно благоприятствовала юным мстителям! В определенное время мальчишки набросились на ничего не подозревавших женщин, схватили каждую из них в ее собственном доме и, надлежащим образом приготовив к наказанию, что есть силы нанесли оптом и в розницу по нескольку ударов тем же самым ремнем, который так часто прогуливался по их "казенному месту". Хотя каждая из избитых женщин и клялась жестоко наказывать своих обидчиков, но когда обнаружилось, что она не одна пострадала, решено было скрыть о происшедшем скандале, и только долгое время спустя хозяева узнали, каким именно образом был использован учениками день их отсутствия из Линжптофа.

Временами ученикам ремесленников доставалось особенно сильно, и в Лондоне, например, одна женщина - Брунриг, была даже приговорена к смертной казни через повешение за слишком жестокое обращение со своими учениками.

Двух учениц она до смерти избивала

И их тела в печку посадила

говорит об этой Брунриг "Антиякобинец", но на самом деле происшествие обстояло иначе. Во времена Георга III госпожа Брунриг занимала место надзирательницы в работном доме святого Дунстана. Главной ее обязанностью был надзор за прачками, но помимо этого она принимала к себе на квартиру требующих за собой ухода больных женщин. С виду она

старалась казаться чрезвычайно благочестивой, аккуратнейшим образом ходила в церковь и производила на своих соседей впечатление достойной уважения, религиозной, работающей и обходительной женщины. Ей на попечение община сдала трех сироток-девочек, чтобы научить их искусству быть хорошими горничными. Девочек звали Мария Митчел, Мария Джонс и Мария Эллифорд. Такие "общественные" девочки не всегда превращаются в хороших прислуг, и госпожа Брунриг начала воспитывать их самым основательным образом, применяя при этом свою собственную систему. Пособием при воспитании служили преимущественно пинки и колотушки, била она девочек неограниченно, раздавая неисчислимое количество ударов, куда и как попало. Она била девочек, как пьяный зеленщик бьет своего осла. Частенько она укладывала Марию Джонс на два кухонных табурета и била ее до тех пор, пока рука уставала держать палку. Затем она обливала тело несчастной холодной водой и всовывала голову ее в ведро с водою. Вскоре девочка была сплошь покрыта ранами и пузырями на голове, спине и на плечах. В одно прекрасное утро ей удалось сбежать обратно в воспитательный дом, где ее, разумеется, приняли и стали лечить. Начальство этого учреждения написало госпоже Брунриг и угрожало пожаловаться властям на скверное обращение с девочкой, но на это послание никакого ответа не последовало. Мария Брунриг обратилась к воспитанию остальных двух девочек.

Мария Митчел также пыталась убежать от своей благотельницы, но сын госпожи Брунриг поймал ее и привел в дом матери. Мари Эллифорд, третья ученица, почти всегда ходила полуобнаженной; били ее попеременно то палкой, то ручкой от метлы, то кнутом для лошади. Спала она в погребке, где хранился уголь; ее постелью служил пучок соломы, питалась она исключительно хлебом и водою. Если госпожа Брунриг замечала, что девочки где-либо изодрали свое платье, - она связывала их вместе и заставляла несколько дней проводить в таком виде нагишом. Когда мать уставала, ей на помощь являлся сын и самолично распорядился наказаниями несчастных сироток. В один день Марию Эллифорд раздевали пять раз, пять раз привязывали к скамье и пять раз били кнутом; другая девочка должна была присутствовать при всех экзекуциях. В конце концов соседи констатировали факт истязания и донесли властям о своих наблюдениях. Госпожу Брунриг и ее сына арестовали. Марию Эллифорд перевезли в больницу, где через несколько дней она скончалась. Но госпоже Брунриг удалось вместе с сыном убежать из тюрьмы и благополучно скрываться в течение нескольких недель. Полиция все-таки нашла на их след, и прелестная маменька с не менее прелестным сыном снова были водворены в тюрьму.

Как только народ узнал об ее аресте, поднялось страшное волнение: об этом звере начали рассказывать самые невероятные истории. Говорили, что из ее дома бесследно исчезли четырнадцать девочек-сироток, - что она, как акушерка, отправляла на тот свет детей при рождении их и что трупы малышей выбрасывались ею на съедение свиньям. Семейка Брунриг (муж ее также был привлечен к делу) предстала пред судом присяжных в Олд-Бейле. Отца и сына приговорили к шестимесячному тюремному заключению, но госпоже Брунриг досталось более тяжелое наказание: ее приговорили к смертной казни через повешение. Приговор был приведен в исполнение в Тайберне. Сопровождавшая приговоренную толпа всю дорогу от тюрьмы до позорной площади негодуя неистовствовала и предавала шедшую на казнь женщину вечному проклятию.

Владелец фабрики соломенных плетей в одной из деревень Бедфордшейра, имевший обыкновение частенько наказывать работавших у него молодых девушек, был, к его несказанному удивлению, приговорен к шестимесячному тюремному заключению за то, что в один прекрасный день "неблагопристойным образом" наказал юную работницу розгами. Недавно мы узнали историю одной сиротки, достигнувшей звания графини благодаря тому, что хозяйка, жена сапожника, часто награждала ее "березовой кашей". Девочку эту послали к одной знатной даме для примерки заказанных бальных ботинок, но забитая ученица оказалась несколько неловкой, и сидевшая с вытянутой ногой аристократка вышла из себя. Она послала своего сына к сапожнику с письмом и грозила перестать заказывать у него обувь. Хозяйка тут же набросилась на несчастную ученицу и на глазах принесшего письмо

сына аристократа принялась истязать ее. На изумленного юношу вид несчастной девушки произвел такое впечатление, что он принял на себя заботы о ее дальнейшем воспитании и впоследствии женился на ней. После смерти своего отца молодой человек вместе с богатствами унаследовал и титул, и бывшая ученица сапожника сделалась, таким образом, графиней!

Все эти девочки, ученицы парикмахерш, портних, корсетниц и тому подобных профессий, постоянно подвергались телесным наказаниям, и не раз за время их учения розга и другие инструменты прогуливались по их обнаженному телу. Одна из парикмахерш Пель-Мелля, считавшаяся артисткой в своем искусстве, также попала под суд за свое строгое и суровое обращение с ученицами. Употреблению розги она научилась в Париже, где в качестве камеристки служила в одной из знатных фамилий Франции.

Мы должны еще упомянуть здесь об одном особенном, отличительном английском обычае. В прошедшем столетии почти повсеместно было в Великобритании принято в день совершения над каким-либо преступником смертной казни сечь в семье детей розгами, а так как - казни в то время совершались довольно-таки часто, то рикошетом страдали и бедные ребятишки. Об этом обычае рассказала нам одна пожилая дама, присовокупив, что в начале нынешнего столетия ее саму частенько потчевали "березовой кашей", имея при этом в виду рельефнее запечатлеть в ее памяти ужасный образ казненного на виселице преступника. Переходя к более позднейшим временам, мы наталкиваемся сразу на статью, помещенную в "Лондонской газете" 11 октября 1856 года. Заметка эта относится к телесным наказаниям в супружеской жизни и гласит следующее: "Магистру Вайтгавена пришлось недавно рассмотреть массу аналогичных дел, касающихся телесных наказаний, совершаемых в супружеском быту. Большинство случаев имело место в среде возникшей там христианской секты, учение которой проводит, между прочим, мысль о том, что обычай телесных наказаний идет рука об руку с христианским вероучением.

Его преподобие Георг Берд переселился в Вайтгавен и вскорости основал здесь общину. Через несколько недель по возникновении ее разнесся слух, что, по мнению преподобного отца, Священное Писание вполне разрешает телесное наказание, производимое мужем над своей женою. Приблизительно месяца через полтора в магистратуру поступила жалоба на Джемса Скотта, члена общины Георга Берда. Жалоба эта была подана его женою, и в ней излагалось, что обвинительница была обнажена и избита своим мужем за то, что не хотела вместе с ним отправиться на то богослужение, которое в последнее время он стал посещать. Спрошенная членами магистратуры, мисс Скотт заявила, что у нее нет ни малейшего желания домогаться наказания мужа; пусть только даст серьезное обещание, что впредь никогда худо с ней обращаться не будет. Вызванный на суд, мистер Скотт не пожелал подчиниться желанию своей супруги и воскликнул: "Неужели я не должен повиноваться закону Божьему, а должен признавать законы человеческие?" Так как обвиняемый упорствовал в своем нежелании оставить мысль о наказании жены, то судьи приговорили его к месячному тюремному заключению с назначением на самые тяжкие принудительные работы. По поводу этого случая и по поводу стойкости и преданности своему убеждению мистера Скотта Георг Берд произнес целую серию проповедей. Он утверждал, что на обязанности каждого мужчины лежит держать в своих руках бразды домашнего правления, и что поэтому, а также на основании божественного закона, он имеет право приводить свою жену к повиновению путем телесного наказания тогда, когда она этого заслуживает".

РОЗГА В БУДУАРЕ

О применении розги среди молодых женщин в одном из излюбленных и популярнейших журналов "Family Herald" имеется настоящий и неисчерпаемый колодезь новостей. Как это всякому известно, журнал этот пользуется особенной любовью, благодаря помещаемым в нем сообщениям многочисленных корреспондентов. Особенно много говорят последние о телесных наказаниях, применяемых к девочкам и девушкам как в школах, так и в домашнем быту. Впрочем, "Family Herald" представляется не единственным

периодическим журналом, посвящающим свои страницы "березовой каше". "Queen", один из моднейших журналов столицы Англии, лет пять тому назад также открыл столбцы своих страниц для обмена мыслей по поводу разбираемых "Family Herald" вопросов. Сначала сообщения различных сотрудников касались исключительно разбора подходящих наказаний для маленьких детей и решения вопроса о целесообразности применения розги при воспитании детей дошкольного возраста. Но с течением времени гостеприимный редактор отводил все больше и больше места письмам и сообщениям, касавшимся телесного наказания более взрослых детей. Мы полагаем, что нашим читателям будет небезынтересно познакомиться с двумя из этих писем в редакцию.

"Только что прочитал в превосходном журнале вашем сообщения корреспондентов на весьма важную тему о телесных наказаниях детей. А так как я в этом отношении сделал несколько, по моему убеждению, ценных наблюдений, то смею надеяться, что вы, любезный господин редактор, разрешите мне поделиться ими на страницах уважаемого издания вашего. Когда три года тому назад Господь призвал к себе мою супругу, мне пришлось лично заняться воспитанием наших детей: двух девочек и четырех мальчиков. Мальчиков я отправил в пансион, а для девочек пригласил гувернантку. Нужно заметить, что дочурки мои до самого последнего времени воспитывались покойной женой чрезвычайно заботливо и не знали о том, что на свете существуют для детей телесные наказания. В дальнейшем я заметил, что со смерти матери девочки делали весьма слабые успехи в науках, и, кроме того, поведение их оставляло желать лучшего: они начали грубить и обнаруживали очень мало девических наклонностей. Все это меня огорчало, и, по представлению воспитательницы, я в конце концов дал свое согласие на то, чтобы в доме завести розгу. Розга была приобретена такого образца, на какой указала гувернантка: кусок мягкой гибкой кожи, в окончании расщепленный на тонкие полоски, хотя и причинявшие сильную боль, но не производившие никаких повреждений кожи и не вызывавшие скверных последствий для организма. В первый раз розга была пущена в ход после того, как у меня пропали деньги, и когда после перекрестного допроса я убедился в том, что кражу совершили только мои девочки. Я распорядился, чтобы гувернантка наказала обеих дочек солидным количеством ударов. Временем для приведения моего приговора в исполнение был назначен вечер, местом будуар воспитательницы. После вечерней молитвы обе девочки получили основательную порку пониже голой спины. Их привязали к дивану, чтобы они не могли сопротивляться. После экзекуции каждая из наказанных поцеловала розгу и поблагодарила гувернантку за "науку". Только тогда им разрешено было одеться.

Со времени этого наказания поведение девочек коренным образом видоизменилось; кроме того, мы стали замечать, что они занимаются чрезвычайно усердно и в преподаваемых им предметах делают изумительные успехи. Вот уж девять месяцев прошло со времени экзекуции, и ни одной из них не пришлось призывать в будуар для наказания, хотя временами, но очень редко, приходилось все-таки заставлять розгу прогуливаться по рукам девочек; подобные наказания налагались за отсутствие должного при приготовлении уроков прилежания.

С не менее положительным результатом применял я мою розгу и к своим сыновьям, причем не могу умолчать о том, что я нахожу этот инструмент более целесообразным, нежели розгу березовую, которая при слишком усердном обращении с ней наносит и коже, и всему организму значительные повреждения. Ничего подобного с кожаной розгой наблюдаться не может, хотя в то же время испытываемая наказуемым боль гораздо чувствительнее, нежели при березовых прутьях. А чувство боли и есть, по моему мнению, главная цель всякого телесного наказания: "О нем никогда позабыть не должно!"

Один из преподавателей большого училища для девочек также с восторгом отзывается о прекрасном действии этого инструмента. Приводим дословно сообщение его "способа употребления". "Ремень приготовлен из мягкой кожи; оканчивается он массой маленьких тонких полосок. При применении этого инструмента на руке молодой девушки получают изумительные результаты. Само собой разумеется, что боль при наказании вызывается очень

сильная, но зато скоропреходящая, а так как кожа при этом нисколько не повреждается, да и сам способ выполнения наказания не может быть назван неблагопристойным, то приходится согласиться с тем, что этот инструмент должен быть предпочтен березовым прутьям, связанным в розгу. Во всяком случае, вызываемое в данном случае болезненное ощущение совершенно достаточно для того, чтобы понудить молодых девушек добросовестно относиться к приготовлению задаваемых им уроков".

В заключение приводим письмо одного господина, которое некоторым образом затрагивает новые взгляды на телесные наказания: "По моему мнению, публичное наказание взрослых девушек должно быть воспрещено законом. Наказание ребенка в возрасте шести - восьми лет - одно дело, а то, что описывает ваш корреспондент, - другое дело. Еще несколько месяцев тому назад я с нерешительностью относился к подобным корреспонденциям, но опыт последних недель заставил меня составить непоколебимое мнение.

Я холостяк. Несколько лет тому назад умерла у меня сестра, возложив на меня перед смертью заботы о ее дочери. Теперь моей племяннице всего восемнадцать лет. Это - прекрасная девушка, скромная, благовоспитанная, какие редко встречаются. Она живо интересуется всеми науками и для пополнения своих знаний выразила желание посещать одно из значительных учебных заведений; покоряясь ее влечению, я переговорил обо всем необходимом с начальницей этого училища.

Когда я в одну из суббот возвратился из Лондона, приехав домой незадолго перед обедом, меня встретила моя старая экономка, служившая у меня много лет, с чрезвычайно опечаленным выражением лица. Из расспросов я узнал, что "молодая барышня пришла домой в большом волнении и сейчас же заперлась в своей комнате". Как оказалось впоследствии, дело было в следующем.

В это утро была назначена лекция об английской поэзии; лектор отнесся к ней чрезвычайно поверхностно и выражение "Мы, смертные миллионы, живем одиноко" приписал перу Теннисона. Так как я сам часто занимаюсь литературой и отношусь к ней с большой любовью, то моя племянница, при совместной со мной жизни, более начитана, нежели другие девушки ее возраста. Она позволила себе остановить преподавателя, сказав ему, что автором приведенных выше слов является не Теннисон, а Матье Арнольд.

Одна из присутствовавших на уроке гувернанток серьезным тоном запретила ей прерывать учителя и поправлять его и поставила ей в журнале крестик. У начальницы было обыкновение всех отмеченных крестом учениц подвергать телесному наказанию, и моя племянница сама была несколько раз свидетельницей производимых над малолетними ученицами экзекуций, не подозревая, разумеется, что подобная мера может быть предпринята не по отношению к детям.

К безграничному удивлению моей племянницы, после уроков ее пригласили в учительскую и к еще большему изумлению объявили, что за непочтительное отношение к учителю ей предстоит подвергнуться наказанию. Ни просьбы, ни протесты ни к чему не привели; несчастная барышня должна была уступить силе и получила от руки своей начальницы двенадцать сильных ударов розгой.

Я сам по происхождению - ирландец, и вам нетрудно представить себе мое негодование по поводу столь унижительного обращения со взрослой девушкой, которая не сегодня-завтра должна была выйти замуж. Я принял быстрое решение, одобренное несколькими дамами, которым я о нем сообщил. С трудом уговорил я племянницу как ни в чем не бывало снова начать посещение училища, и вскоре после описанного выше происшествия я передал начальнице приглашение пожаловать к нам на завтрак. Это было в начале января. Вместе с приглашением я уведомил ее, что, кстати, уплачу ей следуемое за учение племянницы. Она явилась; по моему распоряжению, ее провели в нашу домашнюю библиотечную комнату; там ее поджидали уже три замужние женщины, жены моих друзей, о которых я упомянул выше и которые отнеслись с одобрением к моему плану. Я пригласил ее сесть и высказал мое мнение на счет ее обращения с ученицами. Далее, я сказал ей, что сначала у меня явилась

мысль возбудить против нее судебное преследование, но затем я порешил наказать ее в присутствии находящихся здесь дам так же точно, как она наказала мою племянницу. Само собой разумеется, разыгралась ужасно бурная сцена, но угрозы судебным процессом заставили почтенную матрону согласиться с моим решением. Немедленно же я оседлал коня и отправился в Итон, где приобрел обычную здесь розгу. Ко всему сказанному должен еще добавить, что начальница получила двадцать дюжих ударов, которые она, как рослая и крепкая особа, должна была перенести вполне свободно. Племянница не захотела присутствовать при экзекуции, но зато после порки я заставил наказанную попросить у оскорбленной ею барышни извинение".

ИНСТРУМЕНТЫ И ПРИСПОСОБЛЕНИЯ ДЛЯ СЕЧЕНИЯ

Весьма важный вопрос о том, какой именно инструмент является самым подходящим и наиболее целесообразным для телесных наказаний, в течение долгого времени являлся спорным и возбуждал массу прений. Из неисчислимого количества различных инструментов, применявшихся в различные столетия для телесных наказаний, многие являлись, без сомнения, результатом зрелого обсуждения, в то время как другие появлялись на свет при случайных обстоятельствах, по потребности минуты. Раздражительные учителя, не находившие в пылу гнева обычного инструмента для наказания, обращались к чему попало, пуская в ход шляпы, полотенца, линейки и другие предметы, способные наносить удары. Из среды святых Доминик Лорикатус пользовался при самоистязаниях венником. Другой Доминик, основатель ордена доминиканских монахов, избрал инструментом наказания железные вериги. Гульберт пользовался кожаным ремнем с узлами, некоторые обращались к крапиве, чертополоху и волчецу. В "Золотой Легенде" сообщается об одном святом, который, не имея никаких определенных положений для выполнения процедуры умерщвления плоти, тем не менее занимался ею и пользовался попеременно то кочергой, то угольными щипцами, то другими подходящими ручными инструментами. Святая Бригетта употребляла для телесных наказаний и самобичевания связку своих ключей; другая святая, славившаяся своей особенной преданностью идее умерщвления плоти, прибегала с этой целью к солидному пучку пружин. Санчо Пансо - как это известно каждому, читавшему знаменитого Дон Кихота Ламанчского, - оставался верен своему наивному характеру, граничившему с придурковатостью, и совершал процесс покаяния с помощью своих собственных рук.

Как сообщает Обри, в 1678 году среди знатных фамилий Англии существовал обычай показываться всюду с большим веером в руках; рукоятка такого веера имела в длину добрых пол-аршина, а сам он служил своим обладателям не только для защиты от солнца и охлаждения, но и в роли инструмента, которым они наказывали взрослых дочерей своих, замеченных в мелких неблагопристойных поступках, особенно же в упорстве и непослушании. Сэр Томас Мор имел обыкновение наказывать взрослых дочерей своих розгой, приготовленной из пучка павлиньих перьев. Некоторые рыбацки наказывали попавшихся воришек высушенной кожей угря; об одной хозяйке рассказывают, что в минуты раздражения она колотила свою кухарку костью от бараньего окорока. Туфли сплошь и рядом служат инструментом для наказания.

Римляне, достигшие в искусстве телесных наказаний высших степеней совершенства, в зависимости от вида преступления применяли соответствующий инструмент. Гораций и Ювенал описывают три из них, именно: *scutica*, *ferula*, *flagellum*. *Scutica* представлял собою ремень из кожи или пергамента, *ferula* готовилась из прута или из палки. Оба этих инструмента были в ходу в римских школах, причем с некоторыми только незначительными видоизменениями сохранились до самых позднейших времен. *Flagellum* - это род плети из кожаного ремня или сплетенных веревок, прикрепленных к деревянной ручке и чаще всего снабженных узлами либо маленькими кусочками железа или свинца, что, конечно, увеличивало силу наносимых подобным инструментом ударов. Установить точную форму античной ферулы затруднительно: неизвестно, была ли она похожа на розгу, прут или ремень; что же касается позднейшей формы, то о ней имеется повсюду вполне достаточное

количество сведений. По средневековой резьбе на дубовых предметах, встречающихся в церквях, монастырях и соборах, фигура учителя с поднятой розгой в руке изображается постоянно обращенной к "заднему месту". Ферула позднейшего периода представляла собою замысловатый инструмент, применявшийся исключительно для ударов по руке. Изготавливался он из дерева, походил несколько на колотушку и был снабжен посередине своей широкой части небольшим отверстием, вследствие чего при каждом ударе на коже руки наказуемого вскакивал пузырь. Последнее обстоятельство в значительной мере увеличивало силу наказания. Применявшаяся лет сорок тому назад в английских школах ферула имела вид вырезанной из дерева ракетки, и до сих пор еще на школьных печатях изображается учитель, держащий в руке страшную ракетку. Несколько времени тому назад в Амстердаме была устроена выставка школьных предметов и принадлежностей, относящихся как к древним, так и к позднейшим временам. Среди экспонатов находилась также ферула и изображение какой-то птички. Такую птичку обыкновенно подбрасывали ученику, совершившему противозаконный поступок; с ней он должен был явиться к учителю и протянуть ему руку ладонью вверх для восприятия заслуженных ударов. На картине Жерара Дау изображен один из кембриджских учителей с подобным именно инструментом в руке. "Удары, наносимые этой деревянной ферулой, были настолько опасны и чувствительны, что быстро после наказания заинтересованное место покрывалось ранами и ссадинами; другой же подходящий к феруле инструмент отличался, правда, тем же действием в смысле болевого ощущения, но не оставлял после себя, по крайней мере, столь серьезных следов. Мы говорим о широком кожаном ремне, имевшем приблизительно десять дюймов в длину и от четырех до пяти дюймов в ширину; один конец его был закруглен, другой связан и укреплен на деревянной ручке. Кожа отличалась своей толщиной; она была обработана дублением, что придавало ей известную плотность, не лишая в то же время свойственной ей гибкости. Применялся этот инструмент для наказания по ладонной поверхности руки и вызывал острое, колющее и щиплющее ощущение.

Шотландская ферула представляла собою простой кожаный ремень, один конец которого изрезывался на тонкие полоски, закалявшиеся на огне; этот инструмент применялся главным образом для нанесения ударов по руке. Уже Ювенал, говоря о римских школьниках, упоминает, что они "отдергивали свои руки от ферулы"; ученики же позднейших времен также стараются защитить их, для чего натягивают рукава куртки через пальцы. Так называемая *wirga* а представляла собою обыкновенный садовый прут; этот своеобразный инструмент пользовался одно время большим уважением у римлян и должен, по нашему мнению, считаться родоначальником розги, царствовавшей так долго во всех школах, кажется, всего мира. Мудрейший царь Соломон говорит: "Розга предназначена для спины непонятливых", и в другом месте: "Кнут для лошади, кирпич для осла, розга для спины дурака". Согласно с этим советом, наказания розгами применялись обычно на обнаженную заднюю часть провинившегося. Чтобы облегчить задачу "эксекютора", преступника клали на скамью или колоду, либо на спину одного из старших учеников (последний способ носил название "посадить на лошадь") и в таком положении приводили наказание в исполнение. Впрочем, последняя процедура относится к давно прошедшим временам, о чем свидетельствует картина из Помпеи, хранящаяся в одном из музеев Неаполя. Картина эта изображает малого, который сидит на спине своего соученика и "воспринимает" удары от руки "господина учителя". На печати одной из школ в Англии, относящейся к периоду царствования короля Эдуарда VI, выгравировано изображение ученика, наказываемого розгой; под рисунком подпись: "Кто пренебрегает розгой, тот ненавидит своего сына".

В общественных школах состоял обыкновенно на службе особый человек, на обязанности которого лежало выполнение телесных наказаний; такой обычай, как оказывается, существовал с самых древних времен. Уже Джон в своем сочинении "Обычаи и нравы древних греков" упоминает, что у спартанцев "смотрителей сопровождали по школам настоящие палачи". В общественных школах особенно охотно привлекали служащих на кухне к выполнению телесных наказаний.

Исключенные из сословия лица, т. е. лишенные всех прав состояния и умершие, восстанавливались в своем человеческом достоинстве церковью, что сопровождалось соответствующей церемонией, заключающейся в эксекуции их могил.

Если принималось решение, в силу которого умерший должен был быть возвращен общине праведных христиан, то труп его обыкновенно вырывался из могилы, а сама могила подвергалась эксекуции, во время которой священник произносил следующие слова. "По своему сану освобождаю тебя из числа отвергнутых людьми и церковью и причисляю тебя снова в число верующих". Подобное явление скрывает в себе, очевидно, тот же смысл, что и сечение изображений святых. Многие из легенд о житии святых сообщают о том, что евреи и язычники с тем же доверием относились к изображению святых, как и христиане; как и последние, они просили у святых заступничества и чудодейственной помощи. Особенное внимание оказывалось Святому Николаю. В одной из легенд говорится, что какой-то иноверец приобрел себе икону Святого Николая после того, как узнал о творимых им чудесах. Когда он выходил из дому, то имел обыкновение обращаться со следующими словами: "Николай! Вот все мое добро и достояние. Я оставляю его под твоим присмотром, и если ты не будешь внимательно следить за сохранностью вверенного тебе имущества, то по возвращении я накажу тебя розгой". В один прекрасный день в дом этого иноверца забрались грабители и, пользуясь отсутствием хозяина, забрали с собой все его имущество и оставили только одно изображение Святого Николая. Когда иноверец возвратился домой и увидел полную картину разграбления, он воскликнул: "Я повесил твой портрет в своем доме для того, Николай, чтобы ты охранял меня от разбойников. Почему же ты так небрежно отнесся к своим обязанностям? Теперь ты должен понести заслуженное тобою наказание! Я отомщу тебе, я буду бить и пытать тебя за все те убытки, которые я понес вследствие недобросовестного твоего отношения к своим обязанностям!" Затем он взял изображение святого и стал бить по картине розгами и плетью до тех пор, пока сам не устал. Но свершилось великое чудо! Святой явился разбойникам в том самом месте, где они припрятали награбленное имущество иноверца, показал им свои раны и покрытое кровью и ссадинами тело и сказал им: "Почему меня так жестоко избили, и за что я должен был перенести из-за вас столько мучений? Посмотрите на мое тело: оно все изорвано. Взгляните, как кровь струится из ран моих! Пойдите к иноверцу и отдайте все то, что вы забрали у него, в противном случае гнев всемогущего Бога будет настолько велик, что ваше преступление раскроется, и вы все будете повешены!" Грабители спросили: "Кто ты такой, что так разговариваешь с нами?" Он ответил: "Я - Николай, слуга Господа Бога, которого так жестоко избил иноверец за то, что вы похитили у него все имущество". Разбойники до того испугались, что отправились в дом обкраденного ими иноверца и, когда увидели, как он поступил с изображением святого, возвратили все, что взяли. С этих самых пор грабители начали вести благочестивый образ жизни, а иноверец принял святое крещение.

ЭКСЦЕНТРИЧНЫЙ И ДРУГОЙ ФЛАГЕЛЛЯНТИЗМ

История розги и флагеллянтизма была бы не законченной, если бы мы не привели нескольких примеров о лицах обоего пола, которые приказывали бить себя или били себя сами, чтобы таким путем доставить себе удовольствие и вызвать приятное и возбуждающее чувство. Среди элементов, из которых слагается у флагеллянтов обуревающая их страсть, главную роль, очевидно, играет, как об этом говорится в одном из древних сочинений, "чувство удовлетворения при виде ощущаемых другим болей, происходящее из скверного принципа, который, наряду с хорошими качествами, встречается в каждом человеческом сердце, а также близкое родство между жестокостью и похотью, которое находит приятным и забавным лицемерие тех часто смешных движений и конвульсий, которые обнаруживает наказываемый телесно человек". Если читатель отнесется вдобавок внимательно к помещенным ниже примерам, то нам лично не придется ничего прибавлять больше к сказанному.

Изумительный пример подобного рода флагеллянтизма предстает в истории Абельяра и Элоизы. Рульберт, дядя Элоизы, передал попечение о воспитании своей племянницы

Абеляру и разрешил ему наказывать ее по своему усмотрению, если она, вследствие лености или непослушания, заслужит поощрения розгами. В те времена учащаяся молодежь, без различия возраста и пола, подвергалась в учебных заведениях одинаковым наказаниям. Абеляр также не отстал от нравов окружающих и стал применять розгу в отношении своей прекрасной ученицы, которая, кстати сказать, относилась к экзекуциям с таким рвением и охотой, что Абеляр сам писал как-то: "Не гнев учителя, а любовь побуждала почаще приговаривать ее к наказаниям и приводить их в исполнение". Без сомнения, упорство и отсутствие должного прилежания со стороны ученицы заслуживали зачастую серьезных наказаний, но нам кажется, что в огромном большинстве случаев здесь доминировало чувство сладострастия, а вовсе не желание исправить провинившуюся воспитанницу или ученицу. По крайней мере, Абеляр с поэтическим огнем описывает те сладкие воспоминания, которые запечатлелись у него по поводу наказания Элоизы.

В те времена, когда считалось модным наказывать пажей и других подчиненных розгой, пристрастие к этому доходило зачастую до крайне обширных размеров, причем некоторые барыньки особенно отличались на этом попроще домашнего владычества. Если для наказания являлось серьезное основание и предпринимавшая его барыня отличалась умом, то она убеждена была, конечно, в хороших результатах телесного наказания, хотя в то же время нельзя не упомянуть в данном случае также и об анатомическом любопытстве, если можно так выразиться, равно как и о неопределенном внутреннем ощущении. Те же особы, которые не могли заслужить названия натур чистых, искали чаще всего в наказаниях мужской прислуги (да и женской) удовлетворения своей похоти.

В своей "Исповеди" Руссо совершенно ясно указывает на царящее в нем пристрастие к розге. Он говорит, что розга вместо того, чтобы вести его на путь исправления, порождала в нем желание почаще подвергаться телесным наказаниям. При этом его желание нельзя было назвать мимолетным, скоропреходящим, нет! оно сопровождало большую часть жизни этого великого человека. Восьмилетним ребенком Руссо вместе с другими мальчиками был отдан на воспитание к одной девице, по фамилии Ламберсье. Ей было тридцать лет от роду, и она была известна своими материнскими чувствами по отношению ко вверенным ее попечению питомцам. Но это не мешало ей временами применять к ним также материнские наказания. И Руссо подвергся общей участи: в один прекрасный день мадемуазель Ламберсье разложила его на своих коленях и высекла. Но, несмотря на испытанную им боль, а также и на стыд вследствие наказания, он, по его собственным словам, ощутил страстное желание снова подвергнуться порке и с этой целью выдумывал всякие подходящие и неподходящие предлоги. Мадемуазель Ламберсье, к его огорчению, была чуткой наблюдательницей и, когда заметила, что удары не достигают преследуемой его цели, никогда больше Руссо порке не подвергала. Его страсть к применению розги именно женской рукой была настолько велика, что он старался найти общество девочек и затевал с ними игру в "школу", заставляя тех из них, которые брали на себя роль учительницы, наказывать его розгами. Его фантазия была сильно занята тем умственным удовлетворением, которое обнаружилось у него при наказании госпожой Ламберсье розгами, и каждую молодую девушку он старался представить себе в роли учительницы. А так как он не имел возможности высказаться по поводу поражающей его страсти к телесным наказаниям, то он витал в области фантазий, представляя себя лежащим под розгами своей возлюбленной. Особенное блаженство испытывал он при представлении наказания себя рукою мадемуазель де Бульсон, которую он любил сумасбродно; но чувство стыдливости не позволяло молодому Руссо попросить девушку привести его страстное желание в исполнение. О своей извращенной и тем не менее всецело покорившей его страсти Руссо подробно распространялся в своей "Новой Элоизе", где он молит Святого Преукса о торжественном наказании за учиненные грехи и проступки.

Обильные домашние и школьные наказания порождали у молодежи того времени такое благоговение и доверие к розге, что впоследствии они вводили экзекуцию во все свои игры, развлечения и забавы. Очень часто возникали особые "общества наказаний", в которых фигурировали в роли членов молодые люди обоего пола. Еще несколько лет тому назад

подобный клуб в Германии закончил свое существование судебным процессом, и хотя вся эта история должна была остаться глубокой тайной, все-таки публика узнала, что в дело были замешаны несколько девушек в возрасте от четырнадцати до шестнадцати лет.

В связи с отношением мачехи и отчима к неродным детям, падчерицам и пасынкам, постоянно рисуется картина частых экзекуций. Сама мысль об отчине и мачехе является в некоторых странах нераздельной от представления обильных колотушек и форменных порок. Нередко женщина приводит в свое оправдание необходимость для детей материнских наказаний и тем доставляет себе удовольствие время от времени пороть своих падчериц и пасынков. Один молодой офицер, двадцати с чем-то лет от роду, не протестовал против наказания розгами, которое предпринималось периодически его мачехой; другой офицер, часто присутствовавший при экзекуциях своих маленьких сестер и братьев, приобрел, благодаря этому, вполне безумную страсть ко всяким телесным наказаниям. Он ходатайствовал пред тюремным начальством одного из домов заключения в Голландии о предоставлении ему должности "экзекутора", а когда это ему не удалось, он ограничивался тем, что являлся зрителем при наказаниях арестованных женщин.

Одна дама-немка имела привычку вставать рано утром и первым делом направлялась в помещение, занимаемое прислугой. Тот несчастный, кого она заставляла еще спящим, подвергался сильным ударам туфлей своей барыни, и дело никогда не обходилось без синяков и кровоподтеков.

Страсть бить других и быть избитым сказалась изумительным образом во время разбирательства судебного процесса над английским офицером, сэром Кутом. Наиболее интересные места из обвинительного акта могут послужить нашим благосклонным читателям прекрасной иллюстрацией истории флагеллянтства, и вследствие этого мы приводим некоторые выдержки. Пятнадцатилетний мальчик, Эдуард Дене, ученик математического отделения школы госпиталя Иисуса Христа, показал следующее: "В последнюю субботу пред Рождеством, между двумя и тремя часами дня, в школу явился обвиняемый. Он спросил нас, позволим ли мы ему побить нас, за что получим от него много денег. Тот же вопрос был, между прочим, обращен отдельно ко мне. Я согласился. Он назначил за шесть ударов плату в один шиллинг и шесть пенсов. Я закусил губы, и господин - начал бить меня. Затем он побил еще одного мальчика, после чего спросил, не желает ли еще кто-нибудь получить удары? Охотников больше не оказалось, и господин спросил, не желаем ли мы побить его? Так как он этого хотел, двое из нас принялись бить его, а я в это время держал его часы. Когда он приводил в порядок свои панталоны, в комнату вошла сторожиха и послала меня за надзирателем. Отыскать его мне не удалось. Пошли двое других мальчиков и привели двух педелей, которые повели господина к директору. Нас наказали розгой. Я видел обвиняемого два года тому назад, когда он с другими мальчиками шел по дороге к школе".

Другой свидетель показал следующее:

"Когда этот господин явился к нам, я сидел за своей работой. Обратившись ко мне, он сказал, что наша школа считается одной из лучших, в которой можно научиться красиво писать. Затем он попросил Вейбеля, чтобы тот показал ему свои тетрадки, и попутно спросил, часто ли мы получаем от нашего учителя удары. Далее он сказал, что даст деньги тому, кто согласится получить от него несколько ударов. В это время в комнату вошел Мерее, и мы все трое согласились на предложение господина. Затем розга перешла в мои руки, и я, по собственному желанию незнакомца, начал хлестать его. Тут вошла сторожиха и послала за педелями. Она заперла двери на ключ, и господин, таким образом, оказался арестованным. Он обратился к ней с вопросом, есть ли у нее дети, и просил выпустить его. Несколько раз он говорил: "Честное слово, я ничего худого не сделал". Он пытался дать ей деньги, но она возразила: "Примите вашу ужасную руку!". Затем явились педели. Этого господина я - никогда в жизни прежде не видел, но мне несколько раз передавали, что он бил мальчиков и давал им деньги. Называли его различными именами, кто-то как-то сказал мне, что его фамилия Кут".

Приговор военного суда был мотивирован так: "Хотя и существуют веские доказательства эксцентричного поведения, которое, быть может, граничит с душевным расстройством, но тем не менее обвиняемый в момент совершения упомянутых выше проступков настолько обладал своими умственными способностями, что мог дать себе ясный отчет в непотребном поведении своем и прекратить дальнейшее продолжение его". Вследствие чего суд приговорил сэра Кута к исключению из военной службы.

Заканчиваем эту главу следующим анекдотом.

Некий король лишился дорогого сокола, на золотом колокольчике которого была выгравирована французская лилия. Нашедшему сокола его величество обещал награду в двести франков. В один прекрасный день к воротам замка явился крестьянин с соколом в руке, но привратник не захотел впустить его в замок до тех пор, пока он не пообещал отдать ему половину полученного вознаграждения. В те дни короли были доступны всякому, и крестьянину скоро посчастливилось предстать пред его величеством. После того, как король насладился, лаская и милуя птицу, последовало распоряжение о выдаче обещанных двухсот франков. "Осмелюсь доложить вашему величеству, что я хотел бы получить другое вознаграждение". "Какое же?" - спросил изумленный король. "Пятьдесят ударов по голой спине, ваше величество". "Ты шутишь, конечно, мужичок?" "Вовсе нет, ваше величество, и другой награды я не приму". "Прекрасно, позовите палача и исполните волю этого человека", - распорядился король. Крестьянин обнажил свою спину и стал получать удары, которые были нанесены палачом слабо, согласно секретно выраженному желанию короля. Когда палач отсчитал двадцать пять штук, крестьянин закричал: "Постойте! У меня имеется компаньон, остаток должен получить он, а не я".

Затем крестьянин рассказал о поступке привратника и о совершенной между ними сделке. Немедленно король приказал привести негодяя и всыпать ему причитающееся на его долю количество ударов, но уже не так милостиво. Помимо сильной боли привратнику пришлось видеть, как счастливый и находчивый мужичок уходил из ворот замка со своими двухстами франками, уложенными в красивый холщовый кошель.

РАЗНОЕ

Среди анекдотов о флагеллянтстве в нашем распоряжении имеется один, относящийся к некоему джентльмену, жившему в Англии в эпоху короля Георга II. Этот господин страдал особенной страстью. Так, например, известно, что он снял в наймы в Лондоне дом и поселил в своей квартире красавицу-экономку. Один раз в неделю особа эта делала заранее необходимые приготовления, заключающиеся в найме двух поденщиц со всеми принадлежностями, потребными для уборки комнаты. Одна из наемщиц должна была играть роль экономки, другая - горничной. Джентльмен, явившись на квартиру, приступал к уборке комнат и держал себя при этом так, словно он был воспитанницей сиротского дома, поступившей в услужение к господам. Умышленно он разыгрывал свою роль чрезвычайно скверно, и за это обе наемщицы должны были колотить его так немилосердно, как это обыкновенно практикуется со стороны большинства английских хозяек, привыкших держать сироток в ежовых рукавицах.

Из следующего случая явствует, что однократное применение розог оказалось совершенно достаточным для того, чтобы заглушить прежнее страстное к ней стремление. Одна молодая и знатная дама вышла замуж также за молодого, очень богатого и интеллигентного господина; молодой супруг буквально обожал свою очаровательную супругу. Каждое ее желание исполнялось беспрекословно, она была неограниченной повелительницей дома, ее муж считался только самым преданным рабом. Несмотря на блаженство чудного медового месяца, молодая супруга сделалась вдруг мрачной, раздражительной и меланхоличной; само собой разумеется, что муж ее, заметив неладное, удвоил свое подобострастие, нежность и любезность; по целым часам стоял он пред нею на коленях и умолял объяснить ему причину происшедшей метаморфозы. Долго упорствовала красавица и наконец призналась, что ее обуревают сильное, непреодолимое и необъяснимое желание, но какое именно - она сказать не может. Ей лучше умереть, чем признаться в том,

что завладела всеми ее мыслями. Естественно, любопытство мужа разгорелось еще сильнее: много бы отдал он за то, чтобы узнать, в чем именно заключалось желание его возлюбленной и как удовлетворить его. Но немало дней прошло до тех пор, пока, смягченная неотступными просьбами мужа, молодая женщина призналась и пояснила свое желание. Ей, видите ли, во что бы то ни стало захотелось быть избитой, но не рукой или кулаком, а непременно розгой и с соблюдением при этом всех относящихся сюда церемоний, и не так себе, чтобы только высечь, а сильно, самым безжалостным образом. С ужасом смотрел молодой супруг на свою любимую жену и почти был убежден в том, что несчастная женщина лишилась рассудка. Несмотря на все его уговоры, случайная флагеллянтка упорно стояла на своем, и мужу ее ничего иного сделать, как он полагал, не оставалось, как уложить ее в постель. Сказано-сделано, с молодой женщиной обходились в доме, как с опасно больной. Тем временем испуганный молодой человек отправился к врачу, который успокоил его и в то же время поразил, ибо посоветовал немедленно подчиниться желанию "больной", для которой розга явится наилучшим целительным средством. Применять ее он приказал исключительно на туловище, где никакого вреда от экзекуции оказаться не может. Супруг подчинился доставшейся на его долю судьбе и решил испытать одобренное врачом средство. В один из ближайших дней, когда невозможное расположение духа жены перенеслось и на него, он схватил розгу и с такой яростью набросился на молодую женщину, что с того дня она никогда в жизни более о ней и вспоминать не хотела.

Несколько слов о том, что, собственно говоря, должно было относиться к главе "о телесных наказаниях". Прежде всего о сечении проституток. Обычай этот с давних времен существует во всех странах и в одинаковой мере распространен как среди язычников, так и среди христиан. Наблюдался он постоянно даже и среди вовсе нецивилизованных народов. Те варварские племена, которые смотрели на женщину как на предмет домашнего обихода, само собой разумеется, не имели понятия о том, что мы называем проституцией, и не налагали, следовательно, на принадлежавших нескольким мужчинам женщин никаких наказаний. В то же время другие народы, имевшие о морали очень смутное представление, довольно жестоко наказывали, тем не менее, замеченных в развратном поведении женщин. У древних римлян отдача рабынь на цели проституции каралась во времена Феодосия и Валентиниана розгами, изгнанием и прочими тяжелыми наказаниями. В дальнейшие времена вопрос этот регулировался исключительно общественным мнением.

Англосаксы нашего отечества гордились теми строгими законами, которые относились к нарушению брачных обязанностей, хотя нам неизвестны случаи, когда сечение применялось бы в качестве средства для охранения от проституции. За первую измену мужу виновная подвергалась наказанию со стороны своих товарок, которые целой толпой водили ее из деревни в деревню, подвергая по дороге жестокой порке розгами. Иной раз дело доходило до того, что с развратницы срывали одежды и в обнаженные плечи вкалывали острые ножи.

У языческих народов мораль вообще находится на такой низкой ступени, что проституирование не вызывает у них ни чувства стыда, ни наказания за развратное поведение.. Впрочем, бывают также и исключения. Так, например, у туземцев Новой Зеландии брачные измены наказываются очень жестоко. Одна девушка из племени Карарванга, уличенная в развратном поведении, была повешена за ноги и в таком положении жестоко высечена в присутствии всех жителей поселка.

Если мы коснемся так называемых получивилизованных народов, то в жизнеописаниях их встретимся с фактами, которые говорят за то, что сечение является у них излюбленной методой в применении к женскому полу. В Персии полигамия разрешена законом, причем гарем шаха отличается обилием содержащихся в нем женщин. За порядком наблюдают евнухи и с особой страстностью бьют провинившихся рабынь туфлями по губам, если они только подадут малейший повод к наказанию. Если девица отказывается от жениха, которого рекомендуют ей ее родители, то ее отводят в отцовский гарем и наказывают там телесно до тех пор, пока она не перестает сопротивляться воле родителей и дает свое согласие на брак с

нелюбимым ей человеком. В Китае и в соседних с ним странах бамбуковая палка находится по отношению к женщинам в постоянном употреблении.

И до сих пор в Швеции за отступление от брачных обязанностей полагается телесное наказание. Мужчина получает 120 ударов палкой, женщина - 90 ударов плетью. Наказания эти приводятся в исполнение в Стокгольме на одной из городских площадей. Грудь и живот у наказуемых женщин защищаются во время экзекуции особым родом панциря из меди. По древним германским законам, каждая проститутка из свободных (не крепостная) наказывалась в первый раз 300 ударами; рецидивисток лишали свободы, отдавали в полное распоряжение какому-нибудь нищему и изгоняли из всех городов государства. Родители, потворствующие развратным детям своим или смотрящие на их порок сквозь пальцы, также наказывались плетью или розгами. Если преступница оказывалась крепостной, то ее секли.

В том же случае, когда хозяин ее являлся соучастником совершенного ею проступка, ее отбирали от него и все-таки наказывали телесно. Проституток, разгуливавших в городах и селах по улицам, забирали в тюрьму. Во Франции еще до 1756 года существовал с давних пор обычай, в силу которого всех сводниц наказывали тем, что сажали на осла лицом назад, надевали на голову соломенную шляпу и прикрепляли на спину надпись "сводница". В таком виде виновную провозили по всем улицам города и затем подвергали жестокой экзекуции.

В силу одного эдикта Карла Великого, все мужчины, уличенные в том, что скрывают у себя проститутку, должны были принудительным образом относить развратных женщин на своих плечах на ту площадь, на которой происходила экзекуция преступных женщин. В случае нежелания повиноваться этому закону, виновные подвергались, в свою очередь, наказанию плетью.

Особенной строгостью отличались неаполитанские законы. Каждая женщина, занимавшаяся проституцией, как промыслом, подвергалась клеймению лба раскаленным железом, позорному сечению розгами и, вдобавок, изгнанию. По закону, изданному королем Альфонсом IX Кастильским, царствовавшим во второй половине двенадцатого столетия, все девушки, замеченные в неблаговидном поведении, подвергались публичному телесному наказанию и конфискации того платья, которое было на них в момент ареста. Уличенные в развратничестве мужчины наказывались в первый раз розгами, во второй выслались из города, а в третий отправлялись на галеры. Впоследствии эти законы стали еще более строгими, и провинившиеся в первый раз сразу ссылались на десять лет на галеры закованными в кандалы, а во второй раз наказывались двумястами ударов плетью и пожизненным пребыванием на галерах.

Одного смотрителя смиренного дома в Англии должны были рассчитать за то, что он слишком усердно и совершенно непозволительным образом наказывал телесно вверенных его надзору заключенных женского пола. В 1841 году о его жестокостях было доложено магистратуре города Рочестера в Кенте. В жалобе этой говорилось, что Джеймс Майлс, смотритель смиренного дома, наказывал детей, и особенно девочек в возрасте от 12 до 14 лет, слишком большими пучками розог. После нескольких заседаний, во время которых перед членами магистратуры продефилировали слишком красноречивые доказательства виновности Джеймса Майлса, решено было предать последнего суду присяжных заседателей. В письме одного из членов магистратуры имеется следующее место:

"В следствии по делу имеется один пункт, который решительным образом наводит на размышление о том, что вообще лицам мужского пола должно быть, воспрещено наказание не только взрослых женщин, но даже малолетних девочек".